

Тыну40k
Goblina

окопка.ру

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДМИТРИЙ GOBLIN ПУЧКОВ

ГЛЕБ БОБРОВ

**ЭПОХА
МЕРТВОРОЖДЕННЫХ**
АНТИУТОПИЯ, СТАВШАЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ

18+

Разведопрос

Глеб Бобров

**Эпоха мертворожденных.
Антиутопия, ставшая
реальностью. Предисловие
Дмитрий Goblin Пучков**

«Питер»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6

Бобров Г. Л.

Эпоха мертворожденных. Антиутопия, ставшая реальностью.
Предисловие Дмитрий Goblin Пучков / Г. Л. Бобров — «Питер»,
2020 — (Разведопрос)

ISBN 978-5-4461-1585-3

«Эпоха мертворожденных» Глеба Боброва – сбывшаяся антиутопия с ошеломляюще точным количеством попаданий в предугаданную реальность. Автор, что называется, зрил в корень, угадав «послемайданную» реальность до прямо-таки пугающих подробностей. Украина разваливается на несколько частей, в Донецке и Луганске начинается настоящая гражданская война, западный мир поддерживает Центрально-Украинскую Республику, Россия негласно помогает Донбассу, информационное пространство заполнено фейками. Между тем книга была написана за семь лет до событий и издана первый раз в 2008 году. Роман brutalный. Настоятельно рекомендую к прочтению. Дмитрий Goblin Пучков

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6

ISBN 978-5-4461-1585-3

© Бобров Г. Л., 2020
© Питер, 2020

Содержание

Антиутопия, ставшая реальностью	6
Глава I	7
Глава II	14
Глава III	48
Глава IV	73
Глава V	100
Глава VI	134
Глава VII	158
Глава VIII	177

Глеб Бобров, Дмитрий Goblin Пучков

Эпоха мертворожденных.

Антиутопия, ставшая реальностью.

Предисловие Дмитрий Goblin Пучков

© ООО Издательство «Питер», 2020

© Серия «РАЗВЕДОПРОС», 2020

© Глеб Бобров, Дмитрий Goblin Пучков, 2020

Антиутопия, ставшая реальностью

Часто пытливые граждане задают вопрос: «А что будет, если?..» Если придут к власти демократы-партократы-инопланетяне-геи-каракатицы и прочие зомби. В какой-то мере ответ на этот вопрос предлагают антиутопии – фантазии о негативном будущем. Тут уж каждый дает волю фантазии, и прогноз получается, как нетрудно догадаться, весьма пугающим. Задача писателей как раз и заключается в том, чтобы посредством мрачного прогноза напугать и предостеречь современников.

Действительность до фантастической антиутопии, как правило, «недотягивает». Однако бывают исключения. «Эпоха мертворожденных» Глеба Боброва – именно такая сбывшаяся антиутопия с ошеломляюще точным количеством попаданий в предугаданную реальность. Вы убедитесь в этом сами, прочитав роман.

Как оказалось, Бобров, что называется, зрил в корень. Действительность не только осуществилась как по писаному, но что уж совсем никогда не случается – мы с вами дожили до воплощения этой антиутопии и она стала реальностью на наших глазах.

Бобров угадал «послемайданную» реальность до прямо-таки пугающих подробностей. Между тем книга была написана за семь лет до событий и издана первый раз в 2008 году.

Роман начинается с того, что Украина разваливается на несколько частей: от нее уходит Крым, отделяется Донбасс, другие территории. И если в Крыму и на других территориях все обошлось без крови, то в Донецке и Луганске начинается настоящая гражданская война – с линией фронта, танковыми клиньями, минометными и артиллерийскими обстрелами, минными полями и окопами. Западный мир поддерживает Центрально-Украинскую Республику, Россия негласно помогает Донбассу военспецами и техникой. Информационное пространство заполнено фейками.

Некоторые совпадения просто поражают: например, в книге упоминается глава непризнанной Донбасской республики, который погибает в результате теракта.

Когда роман был опубликован, критические голоса раздавались и на, условно говоря, «нашей», и на «их» стороне. Никто не хотел верить в худшее.

Роман brutalный. Но стиль этот выбран писателем сознательно. Чтобы напугать обывателей и всяческих активистов – всех, участвующих в создании этого хаоса и раздора.

Реальность, описанная Бобровым и теперь уже воссозданная наяву, – это закономерное воплощение националистической «украинской мечты», в которой все москаляки развешаны каждый на своей гиляке, а «правильные украинцы» радостно скачут на площадях.

Что тут скажешь? «Несть пророка в отечестве своем».

Эта книга – предупреждение и для нас, поскольку Россия тоже не застрахована от похожего сценария. Да и война на Украине – в этом мало кто сомневается – на самом деле и есть битва за Россию, за русскую культуру, за русскую цивилизацию.

Настоятельно рекомендую к прочтению.

Дмитрий Goblin Пучков

Глава I Изварино

*Протезы придуманы для того, чтобы вы, двуногие, могли
смотреть нам в глаза.*

Павел Андреев

Ночью прошел дождь. Фронт тумана, заворачиваясь в рваные седые космы и покрывая траву новым слоем водяного бисера, весело стелился над самой землей. Резвое осеннее солнышко старалось на совесть, но утренняя ознобистая прохлада, подгоняемая порывистым крученым ветерком, все еще боролась с нарождающимся днем.

Центральная опора таможенного разделителя, превращенная ныне в импровизированный флагшток, пьяным органом гудела всеми своими трубами; отяжелевшие флаги, мокро хлопая бахромистыми краями, вновь схлестнулись врукопашную.

Зажатый с двух сторон жовто-блакитный стяг Центрально-Украинской Республики с непропорционально большими «вилами»¹, намалеванными от руки в верхнем правом углу, отбиваясь на два фронта, попеременно хлестал своих соседей. Жиденький нейлон, висевшая лохмотьями кустарная прострочка и стиснутое стратегическое положение не оставляли новичку никаких шансов на решительное сопротивление или хотя бы на достойную сдачу.

Бело-красное полотнище польского контингента Сил оперативного развертывания Евросоюза упрямо и монотонно било слева направо по своим соседям, временами пытаясь опутать и потушить собой портянку ЦУРа. Добротный сетчатый полиэстер давал ощутимое преимущество в скорости и резкости удара, а широкий, еще не сильно обтрепанный кант и большая по сравнению с ближайшим соседом длина позволяли рассчитывать если не на удачный захват, то как минимум на серьезный контроль ситуации.

Роскошный российский триколор долго не вязывался в разыгравшуюся баталию. Свисая на полметра ниже остальных своим тяжелым, за ночь и туманное утро налитым влагой шелком, он поначалу, надувая парусом многослойное тело, неодобрительно отталкивал расшалившихся соседей да иногда нехотя отпускал тяжелые оплеухи особо ретивым.

Когда же польский и цуровский двухцветники разошлись не на шутку и, ускорившись под порывами ветра, яростно забились, закручивая друг друга в жгуты, триколор тоже ожил. Медленно встав на крыло и развернувшись во всю ширь, он, выгнувшись дугой, поплыл, наращивая скорость, по воздуху и, разогнавшись словно кнут, с оглушительным треском припечатал оба флага к трубам, залип в этом положении, обернувшись вокруг флагштока и похоронив под собою обоих смутьянов.

Опора гулко вздрогнула, и в наступившей тишине мелькнули лишь брызги да прыснувшие вниз желто-голубые лоскуты.

* * *

Человек, стоя куривший у колючей проволоки, при всем желании не смог бы оценить весь драматизм развернувшейся битвы – из сектора специзолятора Изваринского фильтрационного лагеря территория таможни не просматривалась. Захватив площади бывшей санитарной зоны, разрастаясь, лагерь своими палаточными секторами и внутренним периметром специзолятора

¹ «Вилы» – презрительное наименование Трезубца – герба Украины. Термин вошел в употребление с началом Размежевания.

– всем брюхом – влез еще и на пепельно-дымчатую породу гаревого поля, оставшегося от некогда раскатанного бульдозерами шахтного террикона.

Да и рассматривать там особо по большому счету нечего. Единственное, что свидетельствовало об измененном статусе таможни, так это два бронетранспортера, стоящие друг напротив друга за шахматной змейкой бетонных блоков у разрушенного шлагбаума на въезде: БТР², упершийся в даль стволом КПВТ³, – с российской стороны да образцово вылизанная AMVешка⁴ польского контингента СОР ЕС⁵, месяца два как организовавшего свой пост со стороны подконтрольной мандату миротворцев территорий никем не признанной Восточной Малороссии.

Накинув на камуфляжную футболку потертый, но чистый солдатский бушлат, мужчина наслаждался утренней свежестью, сбивал пепел сигареты о колючку и исподволь следил за приближающимся нарядом. Шли за ним. Капитан с петлицами внутренних войск на полевой форме, четверо вооруженных солдат в линиялом х/б и один сержант-сверхсрочник – с красной повязкой на рукаве да оттянувшей ремень тяжелой кобурой. Выкинув сигарету, арестант надел бушлат в рукава, застегнул несколько пуговиц и спокойно подошел к входу в палатку, как раз напротив двери шлюза.

– Кирилл Аркадьевич Деркулов... – сверяясь глазами с припиленным на планшетку бланком, отдельно произнес капитан. Голос ровный и без эмоций, по тону совершенно нельзя понять – спрашивает он или утверждает. Тем паче что вопрос был чистой проформой – в специзоляторе, в отличие от самого лагеря, содержался единственный задержанный, которого вот уже почти неделю, два раза в день, как на работу, наряд доставлял в один из вагончиков бывшей таможни и таким же порядком сопровождал обратно.

– Так точно! – негромко, но уверенно ответил мужчина.

– Следуйте за нами. Руки за спину. Ни с кем не разговаривать. Выполнять распоряжения наряда безоговорочно... – В голосе офицера по-прежнему привычно отсутствовали какие-либо интонации, хотя глаза его выражали скорее симпатию, нежели безучастность.

Окончив регламентированный ритуал, наряд выстроился и, словно в цирке, двинулся по арке проволочного коридора сквозь лагерь. Впереди шел сержант и двое солдат. За ними Деркулов. Сзади его подпирали остальные бойцы. Замыкал процессию капитан с железными нервами.

Обитатели изваринской «фильки» давно вышли из палаток и с интересом наблюдали за привычным эскортом. Во всем этом присутствовал, естественно, какой-то элемент игры, борьбы с праздностью, но было еще и нечто иное.

Во всех секторах нашлись люди, вплотную подошедшие к проволоке ограждения своих зон. Все они выглядели ощутимо более заинтересованными происходящим, чем те, кто просто созерцал разбавляющий лагерную скуку спектакль. Даже их внешний вид и, что еще важнее, некая неосязаемая отметина – неуловимое во взгляде, повадках, вообще в том, как они себя держали, – заметно отличали их от большинства.

Тридцать метров от конвоя до внутренней колючки внезапно перекрыл растянутый рык:
– Равняйся! Смирно! Равнение – на комбата!

² БТР – сокращение от «бронетранспортер», общее наименование семейства колесных боевых машин, стоявших на вооружении СССР, а также постсоветских республик и стран бывшего Варшавского договора. Сленговые наименования – «бэтэр», «коробочка», «броня».

³ КПВТ – крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый, калибр 14,5 мм.

⁴ AMVешка (от аббревиатуры AMV) – модульный бронетранспортер, стоявший на вооружении некоторых стран блока НАТО, в том числе Польши.

⁵ СОР – Силы оперативного развертывания Евросоюза. Реально свои контингенты отправили только часть государств – вновь принятых членов ЕС Восточной Европы.

Народ подтянулся. Те, кто в головных уборах, – отдали честь. Остальные тоже как-то, но отреагировали – кто сигарету изо рта вынул да опустил, кто разговор прервал, кто просто голову повернул. Во всяком случае, все смотрели на идущих.

Деркулов глянул и, благодарно прикрыв на мгновение глаза, коротко кивнул.

Где-то в самом центре палаточного городка чистый сильный голос затянул:

*Ще не вмэрла эта сицко —
зрада, и подляна...*

Мелодия «Гимна Нэпокори»⁶ полностью совпадала с музыкой Гимна Украины и ее законной правопреемницы – Центрально-Украинской Республики, а вот вариантов глумливого парафраза существовало бесчисленное количество. Тот, что звучал сейчас, например, – откровенно изобилдовал непристойностями.

Начальник караула с не проявленным вовне удовольствием прослушал первый куплет и на припеве, потушив глаза, почти дружески попросил:

– Кирилл Аркадьевич! Уймите народ!

Сдержанно улыбнувшись под ноги, Деркулов оторвал руку из-за спины, растопырил ослабленную ладонь и, словно проведя по воображаемой крышке стола, погладил воздух.

Пока песня каскадами затухала, капитан имел возможность насладиться разухабистым содержанием второго куплета.

* * *

В вагончике тепло, светло и даже как-то уютно, невзирая на лаконичное убранство: Т-образный совдеповский стол под добротным желтым лаком, несколько деревянных стульев явно гарнитурного происхождения, приспособленный под чайный столик кургузый сейф, напоминавший Деркулову почему-то задницу бегемота, да масляный радиатор в углу. Все дело, скорее всего, было в столь узнаваемых кухонных обоях в мелкий сиренево-розовый цветочек и в откровенных до примитива занавесочках в такой же ситец-пеструшку. Даже отсвечивающий благородным титаном ноутбук на столе и присутствие двух полковников с грозными знаками военной прокуратуры не могли заглушить неистребимого бабского обустройства, оставшегося от прежних хозяев походного кабинета.

Вне всяких сомнений, только что закончился непростой разговор. Сравнительно молодой, демонстративно вышколенный и выскобленный до свинцового блеска статный полковник стоял у стола. Нажав пару клавиш, он коротким движением закрыл крышку компьютера, переложил пластиковую раскладушку с бумагами в сейф, закрыл его на ключ и, сняв с гвоздя фуражку, вышел на улицу. Зажатый в трубу взгляд, рапирой прошедший сквозь Деркулова, и отчетливый нервный румянец на скулах красноречиво свидетельствовали о сложной внутрикорпоративной жизни военной прокуратуры.

– Садись ближе, Кирилл Аркадьевич... – густым низким голосом сказал второй. – Чайку попьем, разговоры разговаривать будем. Глядишь, до чего путного и договоримся.

Деркулов, подвинув стул, сел напротив приоткрытого окна через столешницу от стула полковника. Тот же, встав, готовил чай – охотничьим перочинником откромсал от лимона две такие дольки, что лимон укоротился ровнехонько до половины, кинул по два пакета чая и по

⁶ «Гімн Непокори» (укр.) – Гимн неповиновения. Появился вскоре после начала вооруженного противостояния Восточной Конфедерации и Центрально-Украинской Республики. Впервые был анонимно опубликован в интернете. Авторство неизвестно.

десертной ложке сахара, залил оба стакана кипятком и, поставив их в алюминиевые, чуть ли не железнодорожные подстаканники, вернулся на свое место.

– Как у тебя с сигаретами? – спросил прокурор, подвигая пепельницу и закуривая сам.

– Спасибо, пока есть.

– Ну, на тогда, чтоб не «пока»... – через стол плавно переехал блок «Князя Владимира».

«Курево покрутелo вдвое!» – отметил про себя Деркулов и, переложив подарок на боковую столешницу, полез в бушлат за своей пачкой.

Полковник, внимательно изучая кончик лезвия не убранного сразу складника, исподволь поглядывал на своего подопечного. Деркулов, прихлебывая чай, старательно пялился в окно, за которым с интервалом в полминуты методично проплывал примкнутый штык-нож караульного.

По-хорошему, они походили на два платяных шкафа или несгораемых сейфа, поставленных через казенный стол друг напротив друга. Разных во всем, но одинаково громоздких, тяжелых, с плотно закрытыми дверцами и запертыми на секретные замки ящиками своего нутра. И обоим край как требовался доступ к содержимому другого. Ну, это если по сути. Внешне они, конечно же, различались весьма существенно.

Если Деркулов выглядел мужиком, которому под полтинник или около того, то полковнику Нагубнову можно было смело дать все крепкие шестьдесят. Но тут был совсем не тот возраст, когда начинаются мысли о тяге к земле, той, к которой пора привыкать, и о банальном геморрое. При почти метре девяносто да полутора центнера литого чугуном веса он совсем не казался тучным и пожилым. Напротив!

Деркулов, уступавший ему всего каких-то полголовы да пару пудов, интуитивно чувствовал присутствие рядом с собой реальной опасности. Не с точки зрения окончательного вердикта и дальнейших поворотов своей судьбы, а конкретной интуитивно чувствовал угрозы зверя, залегшего рядом. Как ощущение взгляда снайпера меж лопаток, как уверенное чувство заминированной тропы среди руин, как подгоняющее дыхание сидящего на хвосте спецназа. И именно поэтому Деркулов ему – не верил.

– Павел Андреевич! А ножичек-то у вас пендостанский⁷... – иронично прервал затянувшееся молчание Деркулов. – Непатриотично как-то получается.

– Да... – хитро улыбаясь во весь сияющий фарфором ряд, ответил он. – Говорили мне. Вот из-за него, наверное, все никак на повышение не иду. Все мои однокашники давно уж в лампах выпендриваются. Один я по просторам старой родины кукую. Да, знаешь, расставаться – жаль. Считаю двадцать лет как подарили – прирос ко мне.

Со смачным шелчком курносый клинок юркнул в латунно-деревянный гробик рукояти и, сразу потерявшись в широкой лапе, привычно утонул в кармане.

– У меня тоже один был – любитель этого дела. Этот бы оценил по-взрослому.

– Был, говоришь... Ну дык – о былом. У меня, Кирилл Аркадьевич, вот какое дело сегодня вырисовалось к тебе. Говорим мы с тобой почти неделю, а договориться толком не можем. Нет, нет! – отмахнулся он от удивленного взгляда и поднятых бровей... – То, что ты готов сотрудничать с Главной военной прокуратурой Российской Федерации и изложить все свои воинские подвиги, как ты сам говоришь, «в любой форме», вне всякого сомнения, хорошо. Но... Ты меня прости, Деркулов... – Он, немного изменив угол корпуса, тут же навис над столом. – Только я, хоть убей меня саперной лопаткой в лоб, не приму в толк, какого ляда тебе понадобилось заявлять о согласии на этапирование в Нюрнберг? На ненавистную тебе Европу захотелось взглянуть или лавры Милошевича глаза застили?

⁷ «Пендостан, Пендосия, пендосы» (*жарг.*) – презрительное наименование США и американцев, распространенное в среде русскоязычной «патриотически настроенной» части населения постсоветских республик.

– Павел Андреевич! Ну к чему этот разговор?! Свою позицию я и вам, и Анатолию Сергеевичу изложил раза по три. Добавить свыше – просто нечего. Мне что вам теперь отвечать: «Ничего говорить не буду, начальник»? Так, что ли? Или – как?

Нагубнов уже отвалился на свой стул. Что-то его реально беспокоило, но что именно – понять было невозможно. Явно, что источником раздражения служил вовсе не Деркулов.

– Ты не колотись. Показания, ясное дело, дашь – все, никуда не денешься... – Причем в последних словах явно сквозанула неприкрытая угроза. – Дело в другом... – За пару глотков добив свой стакан, полковник что-то досчитал в уме и, видимо приняв какое-то определенное решение, сказал: – Пришел официальный запрос. До завтрашнего утра ответ должен уйти отправителю. Детали этой казуистики тебе Анатолий расскажет. Вопрос тут простой: либо ты подписываешь свое согласие предстать перед трибуналом, либо – нет. Если подпишешь, то обратного хода... – Он хищно улыбнулся. – Я имею в виду – цивилизованного, сам понимаешь, – назад уже не будет. Не подпишешь – может, и порешаем чего... по-семейному.

– А смысл? Отпустите меня, что ли? – насмешливо спросил Деркулов.

– Да ну понятно! Куда ж тебя, сердешного, отпускать. Только ты не лыбься – я еще не закончил. Кроме трибунала, тебя жажнут заполучить еще пяток государств. Причем хотят, как тебе известно, весьма конкретно. Реально хотят... Повесить, наверное... Причем не факт, что за шею! И как оно пойдет на этапе – никому не известно. И ЦУР, и Польша, и чехи с прибалтами имеют все юридические основания судить тебя, не особо оглядываясь на гуманитарное право. И меж собой они договорятся быстрее, чем мы с тобой, – тут можешь не сомневаться.

– Ну и чего вы хотите? Не подписывать?

– Да вот – думаю... – Он уперся тяжелым взглядом в собеседника. – Это, прямо говоря, от тебя зависит. Насколько ты действительно готов... выступить в этот поход... – Он опять нарос над столом. – Говорю тебе, Деркулов, то, чего говорить не должен. Считаю – за подарок. Нам ты по большому счету даром не нужен. От тебя – только проблемы. Тем паче после твоей озвученной в СМИ добровольной сдачи. Ты пачкаешь все, что находится рядом с тобой. Ты – чума! Понимаешь?

– Да как-то, Пал Андреич, и не отрицаю... – Взгляд мужика ощутимо стал тяжелым.

– Так вот, я еще раз тебя прямо спрашиваю... – Полковник приблизился ближе. – Ты – готов?

– Да. Я от своего не отказываюсь. Пойду до конца.

– Угу! И посадишь на сраку Нюрнбергский трибунал...

– Крови попою как минимум.

– Если доедешь! – Полковник встал, развернулся к сейфу и включил чайник. Вероятно, он внутренне принял какое-то решение и сейчас лишь делал в голове последнюю доводку. – Международный уголовный трибунал по военным преступлениям, геноциду и преступлениям против человечности... – С расстановкой, как бы взвешивая, оценивая произносимые слова отдельно и на вес, и на вкус, Нагубнов дернул бровями. – Ты знаешь, Кирилл Аркадьевич, может не получиться – ни подраться, ни кровушки напиться. Ты думал о таком раскладе?

– У сербов получилось. Почему у нас не может?

– Дык Запад тоже учится. И что такое твое – «получилось»? Нет Гааги – есть Нюрнберг! Какая, в ляд, разница? Только во сто крат хуже звучит. Ты же теперь... – вдруг улыбнулся он, – еще и фашист, считай!

Налив по чаю и окончательно разделавшись с лимоном, он, усевшись на место, сказал:

– Ладно. Подписывай. У нас есть месяц, потом будем посмотреть, что с тобой дальше делать. Тянуть все равно больше нельзя. Мы же тем временем запишем все, сверим, проверим. Похождения твои, по-хорошему, на год работы потянули бы. – И, набрав телефонный номер, не меняя голоса, с шутивым наездом сказал в трубу: – Анатолий Сергеевич, дорогой! Ты где ходишь-то? Заждались тебя!

С формальностями покончили минут за пятнадцать. Еще час заняло ожидание и общение с прибывшими представителями фельдъегерской службы Миссии международных наблюдателей. Деркулов вновь поставил с десяток подписей и заполнил несколько формуляров.

Всю официальную часть, не проронив ни слова, Павел Андреевич, обстоятельно расселся, словно на скамье римского форума, внимательно наблюдал за происходящим.

Анатолий Сергеевич Разжогин, напротив, был деятелен, быстр и безупречен в организации служебных процессов. Как выяснилось, он еще неплохо владел английским. Во всяком случае переводчик ему не понадобился ни разу. Он же по окончании процедур оформления и сдачи документов курьерам сразу, лишь по одному кивку головы шефа, начал установку аппаратуры – штативов видеокамеры и света. При всей расторопности и четкости в нем проскальзывало что-то искусственное, механическое. Установив и подключив штекеры к компьютеру, он сел на свое место и замер перед микрофоном взведенным курком.

Вообще вся система их взаимоотношений Деркулову была решительно непонятна. На своем бурном пути ему, правда, не доводилось находиться под следствием, и с непосредственной работой правоохранителей он был знаком постольку, поскольку, но, обладая более чем богатым жизненным опытом, уж систему-то иерархии, и не только военной, знал досконально. Здесь же все как-то сдвинулось наперекосяк.

С одной стороны, Разжогин беспрекословно делал стойку на любой жест Павла Андреевича и тут же с филигранной точностью сию команду исполнял. Только что чаек не заваривал да за пивком не бегал – лакейской угодливости и намеком не просматривалось. В то же время он ни разу не обратился к старшему ни по званию, ни по фамилии или имени-отчеству, как это обычно принято в связке «начальник – подчиненный» в армии, да и где угодно.

Внешне разница ощущалась намного значительнее. Нагубнов смотрел на мир несуетно и внимательно, подолгу задерживая заинтересованный взгляд светлых серых глаз. Он вообще весь светился спокойствием и открытостью. И без того почти лишенный растительности, выбритый до отлива дембельской бляхи загорелый череп и такое же гладкое лицо – с прямыми, мощными и крупными чертами, русые негустые брови, наполовину разреженные седой, да несколько мелких белесых шрамов как бы свидетельствовали о хозяине: «Нам скрывать нечего». Даже руки, сильные и большие, он почти всегда держал на виду. Единственное, что казалось неестественным, так это босяцкое положение сигареты «в кулачок» да хват стакана с чаем – чуть ли не сверху, всей лапой, пропуская ручку ложки сквозь указательный и средний палец.

Анатолий Сергеевич, ровно вдвое тоныше в кости и младше по возрасту, ростом догонял начальника. Темные, почти черные волосы на пробор примерного тимуровца, вечная синь на щеках, аккуратные, математически точно обрубленные со всех сторон и от этого невыразительные усы, стремительность в темном взгляде и движениях хорошо смазанной машины – все эти отличия разделяли их, наверное, сильнее, нежели служебное положение в ведомстве.

Деркулов же со своей двухнедельной щетиной на правильном, немного тяжеловатом лице, с короткой, зачесанной назад, не скрывавшей обильной изморози на каштановом фоне стрижкой, с квадратным, заземленным телосложением внешне заметно отличался от обоих.

Но было нечто, успевшее за эти несколько дней протянуться между задержанным и пожилым полковником. Некая связь, обусловленная, возможно, более близким возрастом, а скорее всего, единой для обоих, навечно выжженной в глубине глаз незримой печатью «человека с прошлым».

– С чего начнем? – неторопливо раскладывая на столе десяток по-чертежному отточенных карандашей да хорошую пачку писчей бумаги, спросил полковник. – Ну, что молчишь, Деркулов, выбирай историю... У тебя их с избытком, поди.

– Да мне как-то все равно, с какого места начинать. Спрашивайте...

– Вот видишь, Анатолий Сергеевич, на тебя вся надежда – командуй.

Разжогин, словно и не замиравший ни на секунду, тут же включился в работу:

– Тема номер один, проходящая по всем запросам, – «Сутоганская бойня». Поскольку задержанный дал предварительное согласие на освещение любого события, участником или свидетелем которого являлся, то предлагаю начать именно с нее.

Ответом стало общее молчаливое подтверждение.

Анатолий Сергеевич минут за несколько управился с традиционным, неоднократно озвученным инструктажем дачи официальных показаний, не ленись, каждый раз полностью произнося священную мантру новообращенного в современные технологии адепта: «при материально-техническом обеспечении процесса дачи показаний с использованием средств акустической и визуальной фиксации следственной информации». После чего, ткнув куда-то в ноутбук, включил всю технику и, отдельно зачитав Деркулову «права и обязанности», окончательно разделался с вводной частью:

– Итак...

Глава II

Шахта «им. XIX партсъезда»

С самого детства, как и всякая «сова», я ненавижу, когда меня будят спозаранку. Тем паче вот так, по-собачьи, тряся за плечо. Да еще во время долгожданного провала в теплый, обволакивающий черный кисель без живых картинок, чужого надсадного кашля, придушенного шепота и обычной возни перед печкой. В придачу – вымучен да тело измочалено... И уж тем более невыносимо, когда это делают подчиненные!

Вырываться из сонного варева все равно пришлось. Да и в пошагово включавшемся сознании вовсю ворочалась чуйка, а это такая подруга – свое возьмет. Наверняка знал – подниматься придется надолго и всерьез, не поспать уж сегодня...

Меж двухсотлитровой стальной бочкой с раскрасневшимся жарким боком и стопой сложенных дверей в дерматине на корточках сидел взводный-один Юра Жихарев. Отсвечивающий в темноте светлым, сложенный вдвое лист бумаги в его руках да набитая «во все дыры» разгрузка⁸ угодливо свидетельствовали о непогрешимости интуиции, самовольно взявшей шефство над изнасилованным нескончаемой усталостью мозгом.

Слишком небрежно скинув ноги с импровизированного подиума, я быстро и неаккуратно сел. Скривившись и присвистнув от резкой боли, развернулся. Служивший одеялом кусок брезента сполз на пол и прямо под берцем высветил размашистую табличку в золоченых виньетках: «Генеральный директор ГП “Родаковоресурсы”».

– Видал, Юрец: Педаля постарался... Даже под жопу командиру – генеральскую дверь! А ты говоришь: «растяпа»...

Тень чуть шелохнулась на слабо мерцающем фоне.

– Если эта мандавошка через пять минут не поставит к воротам «ГАЗон», я к его бестолковке эту табличку шурупами прикручу!

Ну, благодушия от Жихаря ждать, – что кота грамоте учить. Тем паче по отношению к такому подарку, как Виталя Жук. Ну да и ладно, проснулся уже, включился, можно не морозиться.

– Давай...

Юра протянул листок и подсветил сверху.

Текст со всей очевидностью подтвердил – начинается!

На обратной стороне какой-то бухгалтерской шифрограммы времен Золотой Родаковской Эры корявым почерком было начертано три строки: «Митя! Звонила мама. Они уже в Воронеже. У них все хорошо. Выберись за два-три дня ко мне. Возьми две сумки, передам тебе продуктов».

– Радио?

– Да... «Славяносербск-FM».

– Сколько там?

Юра блеснул фонариком по руке:

– Двадцать один тридцать две.

Блядь! – нет, это просто подлость какая-то – только отрубился!

– Ты, Денатуратыч, Дэн, Антоша с Малютой и Бугаем, ну и еще пару хлопцев возьми, грузиться. КамАЗ и «шестьдесят шестой» – на выезд. Салимуллин за старшего. Его и Кобенька – ко мне. Пять минут на сборы, максимум...

⁸ Разгрузка (сленг.) – разгрузочный жилет, используемый для рационального и удобного размещения на теле военнослужащего различного рода вооружения, боеприпасов и снаряжения.

В послании все понятно и просто. Неясен только такой уровень секретности. Радиосвязь работает нормально. Мобильники – тоже. Нет же, передали команду через «Вести от близких» – местную ежедневку для беженцев. Тогда почему общий вызов «Митя» – это все подразделения и приданные группы комбрига Буслаева? Может, из-за «продуктов» – две машины с собой? Но тогда что за спешка – двадцать-тридцать минут? Ладно, разберемся...

По мрачному подвалу некогда швейного цеха, переступая в темноте через бойцов и оружие, вышел в гулкий коридор. У полуразрушенного лестничного проема в лицо дыхнуло промозглой сыростью. Не вдохновляет! К неистребимой вони пожарища, солжары с краской и сотни наповал убитых портянок привыкнуть можно, к барахтанью в ледяной грязи – нет. А покувыркаться не сегодня завтра придется как пить дать.

У бокового входа в то, что некогда было центральной управой базы, перед грузовиком стояло несколько человек. Навстречу выступил Жихарь.

– Все на месте. КамАЗ на АТП. По пути заберем.

Пока народ лез в кузов, поставил командирам групп задачу на время отсутствия. Узнав, что едем в штаб, Кобенька сразу заволновался:

– Аркадьич, так может, и я?

У мужика жена, взрослые дети, внуки – вся куча-мала домочадцев обреталась у родни где-то под Новым Осколом. Не было случая, чтобы он не воспользовался возможностью позвонить. Потом, наговорившись до матерного ора связистов, упорно гонял бойцов, мрачно приговаривая: «Тяжко в учении, проще в лечении». Сегодня им повезло, ему – нет.

– Степаныч! Не задирай, прошу тебя! Не сейчас... – Под шестьдесят дядьке, и отказывать неудобно, и сам мудаком себя чувствуешь.

– Броню – подогнать под бугор?

Еще один! Старая песнь Салимуллина... Понимаю, что прав, но как расскажешь, не обидев, что у меня приказ «на ухо»: даже ссать под себя. Ему же машины подай на боевое охранение и отряд рассредоточь. Видите ли, пятьдесят человек в одном подвале не годится. А то я, бля, не знаю! Вообще за «пиджака»⁹ держат...

– Салам, брат! Как мне тебе, не посылая, втолковать, что мы будем сидеть в этом подвале, вот так, как крысы, до тех пор, покуда нужно будет? А?

– Ладно, не заводись. Как лучше хотел...

– Да не заводжусь я... Жопа болит, сил нет.

– Здесь Илья за старшего, а первую группу и управление давай ко мне, на АТП?

– Василь Степаныч, уймись! Все будет как есть... Идите, в нарды погоняйте, водочки накатите и ждите меня с новогодними подарками. Лады?

Тут не выдержал Жихарь:

– Спасибо. Наелись уже. Поехали, время!

– Педя! Я человек добрый, ты знаешь. Еще раз толкнешь локтем, переебу!

Не воспринимая шуток ни в какой форме, Жук отодвинулся к самой двери и, развернувшись, стал втыкать передачи, словно вымуштрованный боксер: не отрывая локтя от печени. Редкое дурко, конечно, но водила – каких поискать. За что и терпели. Даже Жихарь спускал «Педалику» если не все, то многое.

Взводный доехал, стоя на подножке, до АТП и пересел в КамАЗ. Сзади в кузове, нахохлившись в воротники, тряслась остальная братия. Можно было бы, конечно, встать в крутую

⁹ «Пиджак» (сленг.) – насмешливое наименование в армейской среде офицеров, выпускников гражданских вузов с военной кафедрой.

позу и приехать всей толпой на «Патроле»¹⁰, но такие понты чреватые. Армейское начальство не меньше полевиков¹¹ джипы ценит, и они им, понятное дело, нужнее. Тут даже не обсуждается.

Ехать от родаковской базы до Сутогана минут пятнадцать – двадцать, да пяток еще меж остовами корпусов шахты «им. XIX партсъезда» добираться до подземелья штаба группировки. Успеваю...

Приняв на грудь при посадке пару глотков коньяка из Юриной фляги, я, устроившись полулежа, с удовольствием закурил. Недаром убежденные воинской мудростью старшие товарищи говорят, что «свежак» значительно лучше, чем «перегар». Денатуратыч, непререкаемый эксперт в этом вопросе, даже развернутую теорию выдвинул, включавшую в себя бесспорные доводы от «не так заметно на начальственном фоне» до утонченно-психологического этюда на тему «раз выпил – значит, любит отцов-командиров – как на праздник к ним идет».

Интересно, где Жихарь коньяк надыбал? И молчал же, гад. Впрочем, он все время молчит. Пусть молчит. Значит, надо ему – так. Пусть переварит все. И сколько бы Степаныч заботливой наседкой перья ни растопыривал, курятник охраняя, а будет как есть. Или притрусся, или сцепятся. Не хотелось бы, чтоб сошлись всерьез, тогда точно кто-то кого-то грохнет. Я даже знаю, кто и кого... Плохо. Хороший мужик Ильяс.

Вчера – за малым... И ведь не хотел расслаблять народ – ясно же, не шары гонять нас сюда кинули. Да только после недель болот и мокрых засад по приречным балкам квадрата Боровское – Нижнее – Трехизбенка – Новоахтырка надо быть последней сукой, чтобы не дать людям пар выпустить.

Ну да ладно, развести подальше, а там – кривая выведет. Мужики нормальные, а то, что у каждого свой рубец на сердце и пуля в голове, так никуда не денешься. Можно подумать, Саламу в кайф, что он тут за весь Крым перед каждым, кто за нож или ствол хватается, отдуваться должен. Нашли крайнего!

Да, по-честному мне вообще повезло с офицерами. Взять того же Кобеньяку. Няньчится со всеми, разводит. Без него тупо – вешайся. Чего я сам, как армеец, стою по сравнению с ним? Он подполковник! Артиллерист! И я – сержант с перерывом в четверть века. И сколько кому научил?! И незаметно как, авторитета не роняя. Про технику просто молчу. Не было бы Степаныча, ничего бы не было. Кто машины с земли поднял? Ладно, БТР, почитай, новый, а ума ему дать! Кто?! Возненавидевший все на свете рубила и волкодав Жихарь? Всю молодость, высунув язык, промотавшийся в «уголке»¹², но так и не дослужившийся до козырной должности по-прежнему старлей Салимуллин? Или бредящий суперфугасами изувеченный прапорщик Передерий?

Зато Денатуратыч из любого говна сделает заряд, а из трех мин, пары канистр и кучи хлама – непреодолимое инженерно-заградительное сооружение. Ну, если не нажрется, конечно. Ильяс поведет группу в любую жопу и, не моргнув косым глазом, выведет всех обратно, не бросив ни одного – хоть живого, хоть мертвого. Просто без нервов чувак. Про Жихаря – вообще молчу.

И вовремя-то как пацаны пришли в группу! Слава тебе, господи, что пришли! А сегодня без них ни в отряд бы не выросли, да и сама группа заслона наверняка слегла бы где-нибудь если не в Кременских лесах, то в Северодонецке – точно.

Вот уж где досталось, что называется, и в хвост, и в гриву. Как вспомнишь – так вздрогнешь...

¹⁰ Имеется в виду внедорожник семейства автомобилей Nissan Patrol.

¹¹ Полевики (сленг.) – полевые командиры отрядов и групп неармейских формирований, широко использовавшиеся в боевых действиях вооруженными силами всех республик Восточной Конфедерации.

¹² «Уголок» (жарг.) – уголовный розыск.

* * *

Труднее всего решиться. Когда же самому себе скажешь: «Все – больше не могу» и сделаешь первый шаг, тот самый, после которого возврата нет, – тебя сама Судьба за руку ведет. Все само выстроится так, как надо. Вот и со мной – так же.

Заявил, не затягивая, разругался в пух и прах со всеми и, добившись своего, ушел. Только благодаря уникальному стечению обстоятельств – военному перевороту и резкому взлету старого институтского друга от начальника управления пропаганды до члена Военсовета Республики – вместо «абы куда» попал, куда и должен был попасть, со старта принялся формировать собственную группу. И не просто так, а изначально приданную командиру отдельного «штурмового» полка.

Никто не понял и не принял такого поворота. Почему-то народу казалось, что война если не вот-вот, то по крайней мере очень скоро закончится. Но мне, в силу должностных обязанностей начальника службы контрпропаганды сидящему на всех информационных потоках, было понятно другое.

В середине лета ситуация на фронте дошла до той точки, когда наступать фашикам¹³ взрослому еще не с руки, а ждать дальше – больше некуда. Блестящий блицкриг ЦУРа при массовой поддержке всего контингента «младоевропейцев»¹⁴ закончился на подступах к Луганской области. Хотели грозно грянуть в литавры, а вместо этого – лишь протяжно пукнули. Решительной победы не получилось, зато вони – на весь мир. Сам поддавал, статьи тискал, знаю.

Со Слобожанщиной и Донбассом тоже не разобрались, но зато показали себя во всей красе. Точно по политинформационным лекалам моей пионерской молодости: «Звериный оскал воинствующего империализма». Это вам не замырэння¹⁵ Новороссии, где обошлось почти полюбовно, не считая вызвавших поначалу столько крика относительно бескровных полицейских операций да громких арестов с пальбой в воздух и массовой укладкой народа мордами в асфальт в Днепропетровске, Запорожье и Причерноморье.

И пока в Крыму все плотно и окончательно зависло в нерешаемом клинче, решили наши свідомі¹⁶ ребятушки, справедливо опасаясь открытого вмешательства России и Турции, разобратся с Конфедерацией. Да вот – облом вышел. На востоке их встретили уже не так, как в лояльных, почти правоверно окраинских¹⁷ образованиях. И хваленый поход за «Национальную Едність»¹⁸ окончился затяжными городскими боями, сожженными поселками, тысячами убитых и неисчислимыми беженцами.

¹³ «Фашики» (*жарг.*) – производное от «фашисты». Презрительное наименование войск Объединенных сил контингентов Сил оперативного развертывания и группировок Центрально-Украинской Республики.

¹⁴ «Младоевропейцы» – неофициальное название ряда стран, молодых членов ЕС, активно поддерживающих европейскую политику США. Лидером этого движения в период войны в Украине выступала претендующая на доминирующие позиции в Восточной Европе Польша. Кроме планомерной поддержки курса Америки на раскол и ослабление Евросоюза, она параллельно реализовывала собственный проект по созданию буферных зон между собой и РФ в виде протекторатных или дружественных государств: Республики Галиция и Центрально-Украинской Республики, а также зон «управляемого хаоса» – в республиках Донбасс и Восточная Малороссия.

¹⁵ «Замырэння» (*укр.*) – замирение. Официальное название первого этапа военных действий ЦУРа против военных и ополченских формирований Восточной Конфедерации.

¹⁶ «Свідомі, свідомість» (*укр.*) – сознательные, сознательность. «Сознательный украинец» – одно из базовых понятий украинской самоидентификации.

¹⁷ «Окраина, окраинцы и окры, окраинский» (*жарг.*) – Украина, украинцы, украинский язык. Презрительные наименования, вошедшие в обиход на территориях Конфедерации с началом боевых действий.

¹⁸ «Національна Едність» (*укр.*) – Национальное Единство. Один из основополагающих принципов официальной политики ЦУРа.

ЦУР и бронированные армады СОРа, несмотря на море суперсовременного оружия, абсолютное превосходство в технике, полное и безраздельное господство в воздухе, добились не многого: разрезали Слобожанщину по линии Красноград – Изюм да раскололи Республику Донбасс по линии Краматорск – Артемовск. Ну и еще из неприятного – оседлали связанную со всеми внутриобластными трассами магистраль Е40/М-04. Если они дойдут по ней до Дебальцево, то сядут и на вторую магистраль Е50/М-03, именуемую у нас в народе «Ростов – Воронеж». Из стратегических артерий останется у нас только Бахмутский шлях. Там ворота – Северодонецк, и прямой выход степью на Луганск.

И вот на выдохе операции оказались наши архистратиги перед дилеммой: расколоть Луганщину в ухнарь или, как образно выразился «Команданте» Буслаев, «изъебнуться»?

Разрезать правильно, то есть по центру, на север и юг, у них один раз в Донецкой не получилось. Подобный сценарий вполне мог повториться и при прохождении линии Алчевск – Луганск – Станица. Кроме того, прямое заявление России о начале крупномасштабной военной помощи вплоть до ввода собственных «сил оперативного развертывания» в случае продолжения геноцида русского населения непризнанных территорий немного охладило горячих брюссельских парней и их киевских шестерок.

И тогда, почесав чубы, решили наши наследники запорожских браткив – лыцарив¹⁹ кистеня и баула – попробовать иначе. Пробить конгломерат Рубежное – Лисичанск – Северодонецк и потом по малозаселенным, тяжелым для обороны степным просторам, через крошечный одноэтажный Ново-Айдар, триумфально дотопать до пограничного выступа у села Городище. Кроме того, у них под контролем бы оказалась прямая трасса на Луганск – Бахмутка, и попробуй ее удержать в чистом поле.

Если бы у них получилось, то Конфедерация была бы разрублена надвое. Более слабые сельские районы под СОРОВскими танками, ЦУРОВскими военными и милицейскими частями быстренько легли бы под признанное мировой общественностью «конституционное правительство» и покорно раздвинули бы ноги. Остальных передушили бы в городах – по очереди. Ну разве что мегаполисы Харьков и Донецк еще какое-то время продержались бы на подкожном жиру. Только долго ли?

Как последний вариант сопротивления у нас рассматривался вопрос отвода всех боеспособных частей на линию конгломерата промышленных городов: Красный Луч – Антрацит – Свердловск, да, возможно, вкупе удержали бы и Краснодон с сателлитами. Крепкий тыл донецких и близость с российской границей, возможно, и помогли бы закрепиться на этом рубеже. Да вот только до отчаянья плохо, когда рубеж – последний.

Пока с обеих сторон начали концентрацию войск, мою только собранную по крохам группу официально придали еще просто комполка и пока совсем не легендарному подполковнику Буслаеву. Задача была проста, как кол: шариться в треугольнике Северск – Кременная – Золотаревка и совместно с другими группами заслона засадными действиями остановить выход к подступам городов разведки, артиллерийских и авианаводчиков, а также прочих элитных частей противника.

Надо еще учесть, что в группе двадцать один человек с командиром, из тяжелого вооружения один старый РПГ-7²⁰, да на всех – ни одного пулемета, ни одной самой затрапезной снайперской винтовки и ни одного квалифицированного специалиста в ряде таких необходимых в подобных мероприятиях дисциплин, как минно-взрывное дело, техническая и радиоразведка. Да что там говорить, на девятнадцать автоматов – ни одного подствольника²¹. Двое вообще без оружия! Даже примитивные самопальные растяжки поставить не из чего: на всю толпу –

¹⁹ Лицар (укр.) – рыцарь.

²⁰ РПГ-7 – реактивный противотанковый гранатомет калибра 40 мм.

²¹ «Подствольник» (сленг.) – ГП-25, подствольный гранатомет калибра 40 мм.

пять гранат. Офицеров – настоящих, кадровых – тоже нет. Прибавив сюда площадь района – оквдраченных километров так под сто – да условия – реликтовые леса у поймы Северского Донца, – нетрудно догадаться об эффективности наших походов за вражеским спецназом.

При всем том что у меня мужики почти все отслужившие и чуть ли не треть – «братья афганцы», всех побед – два обстрела вражеских групп с неподтвержденными результатами. Примерно такое же положение было и у других отрядов. Успехи – соответствующие.

Чуть лучше дела обстояли в полку. Опираясь на данные, получаемые от группировки и собственной разведки, постов и блоков прикрытия района, успев отладить хоть какую-то систему взаимодействия с местными органами власти и поселковыми отрядами самообороны, Буслаев, давая возможность самостоятельным отрядам и группам организоваться и набраться опыта, использовал нас, как он сам говорил, «на подхвате».

Только вот задних пасти как-то не с руки. После второго выхода я добрался до кунга связистов полковой секретки и, воспользовавшись статусом бывшего аппаратчика правительства Республики, дозвонился до Стаса.

В тот же день ближе к вечеру в Приволье – расположение штаба – въехала целая кавалькада из надутого важностью джипа и двух грузовиков. Комполка, поняв, откуда ветер принес высокое начальство, несколько раз очень по-доброму на меня зыркнул, но так ничего и не сказал – у Станислава Эдуардовича, моего однокашника еще со студенческой скамьи, мозги были поставлены правильно, и он точно знал, как правильно кормить овец, не вызывая плотоядной зависти у волков.

Кравец быстренько перетер с командирами, что-то показал на машины и, кивнув своей охране, двинулся ко мне. Обнялись.

– Как ты? Назад когда попросишься?

– Да нет, Стас, спасибо. Ну его на хер, ваш террариум... – тему надо было срочно менять: мой фортель с уходом в боевые он, по старой дружбе, хоть и понял, но отнюдь не принял. А власти у него было всегда – выше крыши, а тем паче сейчас – после беспрецедентного переворота командарма Скудельникова.

Понятно, что он опасался за друга, но еще более ясно, что Стасу край как не хватало на посту руководителя службы контрпропаганды такого фрукта, как насквозь прожженный Деркулов. Но и меня подковерный маразм нашего горячо любимого правительства достал сверх всякой меры. Так что лучше перетягивание интеллектуальных канатов отложить на будущее.

– Ладно! Потом, брат, поговорим, а то меня Буслаев после твоего отбытия с говном сожрет. Чем порадуешь?

– Да так, привез тебе военного барахлишка всякого чуток. С Иванычем, понятно, поделился – тебе крохи остались; так что не съест, не бойся. И народу – конкретного, пару человек, тоже выпарапал, даже не спрашивай как.

Я заглянул через его плечо. У джипа члена Военного Совета Республики (вслух именуемого самими военными не иначе как «высер») стояло трое.

Какой-то затрапезный скособоченный дедок, присев, что-то писал в тетрадку. Рядом, с разбитой в баклажан мрачной рожей, стоял расхлыстанный, как будто его целой псарней травили, рослый парень лет за тридцать. И наконец, сразу за стариком бесформенным утесом высился третий – явно деревенское сурло размером аккурат с трактор, на прицепе которого его два десятилетия назад папка с мамкой зачали под пропахнувшим молоком и навозом распахнутым деревенским небом.

– Ты че, бля, прикалываешься?

– Ни капельки, дружище... – он улыбался во весь рот. Глаза откровенно говорили о том, что он действительно не шутит. – Ты мне за каждого из них потом коньяк поставишь и в ножки поклонись. Народ – конкретный, говорю тебе.

– Угу... И в чем «конкретика» этих клоунов?

– Вот тот, что с гротеском, – Иван Григорьевич. Фамилия – Передерий. Инструктор-подрывник. Дончанин. Гвардии старший прапорщик. И не отставник – с корабля на бал! Да еще и доброволец... – Подумав мгновение, Кравец добавил: – После лагеря, смотри не телепай мужика.

– Да он же старик!

– Кирьян, не тормози, о'кей?! Ему годков чуть больше нашего. Говорю тебе – в лагере изувечили. Ну, и еще... охолостили его там. Он уже после больнички пришел... – Выдержав паузу, Стас добавил: – Из России пришел. Сам.

– Ни фиги себе... Остальные?

– Бугай, не поверишь – фамилия такая, прибил к этим на губе. Сидел за какую-то хрень. Вроде дезертир. Думаю, бык здоровый, тебе пригодится... – Стас достал сигареты, угостил меня и, смачно затянувшись, продолжил: – Что до последнего, то тут тема отдельная. Хочешь, верь, хочешь, нет. Юрий Константинович Жихарев. Бывший командир разведвзвода или, кажись, даже роты, выпускник Рязанского десантного, ветеран Чечни, старший лейтенант запаса, кавалер правительственных наград, беженец-крымчанин, ну и доброволец, знамо дело!

– Эт как же его угораздило-то так: и в Чечню, и крымчанин?

– Вернулся, говорит, на историческую родину, как с армии ушел... – Стас подумал и продолжил: – Пацан подрасстрельный. Взят под мою личную ответственность. Не подойдет тебе – сам шлепнешь. Учитывай.

– Нормально! И за какие подвиги такая слава герою Кавказа?

– Не смешно. Что он там натворил и почему ушел из армии, я не знаю. И никто не знает. Сам – молчит. Под трибунал попал из-за Передерия.

– Это как?

– Ты же знаешь, какой сброд в батальонах формирования? Беженцы, добровольцы, дезертиры насильника²², шпана всякая неприкаянная. Вот несколько таких кавалеров параша решили прояснить вопрос о «пробитости»²³ Передерия и вообще, как именно его «опускали». Он, конечно, подорвался, дошло до рук, а тут, как назло, Жихарев. Мне комбат рассказывал. Говорит, тот взял со стола обычный кухонный нож и молча выпустил двоим кишки. Кореша за стволы. Этот – тоже. Еще один прибалтанный – с прострочкой в требухе. Народ тупо стал в окна выпрыгивать. Дальше – как обычно. Ты помнишь, как Скудельников на уголовщину смотрит...

– Да уж. Это вам не правительство вывести во дворик областной администрации и к стеночке поставить...

– Так, Кирьян, пошел в жопу!

– Ладно. Мне ваша команда нравится, ты знаешь.

– Берешь людей?!

– Беру, конечно! С такой-то презентацией... Что с оружием?

– Ишь какой! За оружие, брат, коньяком тебе не расплатиться – будешь девок искать и сауну.

– Да без проблем. Отзвонюсь Светке, узнаю, каких именно тебе подбирать.

– Му-дак!

– Да я знаю, Стас. Сорок с лишком с этим живу. Как она?

²² «Насильник» (*жарг.*) – насильственная мобилизация в воинские части ЦУРа, имевшая широкое применение, как и дезертирство призванных таким образом военнотружущих. Термин пошел с ЦУРовских тюрем, зон и лагерей, откуда и были сделаны первые массовые мобилизации.

²³ Вопрос о «пробитости» – то есть был ли он изнасилован в концентрационных лагерях. Изнасилования посредством деклассированных элементов широко применялись в лагерях в качестве давления на заключенных при тотальном попустительстве всех правозащитных организаций, стоявших исключительно на стороне признанного мировым сообществом ЦУРа.

– И не спрашивай... Задрала! С твоей, кстати, часто видится... Не Ростов, а деревня какая-то. В общем, в две струи мне мозг долбят. Заметь – извращенно! А я – за двоих отдуваюсь. Тебе, сучара, в ломы позвонить бабе? Да?!

– Все, на хрен, закрыли тему. С оружием как?

– Закрыли! – перекинул меня Кравец. – Сейчас закрою лавочку и поеду назад. Дрочись дальше с чем есть.

– Стас! Ну не парь, ладно! Что привез?

– Привез... Два ящика мин, взрывчатки и всякого такого. Передерий сам выбирал – достал конкретно. «Кончар», ПК, АГС, две СВД²⁴, десять подствольников и – для тебя, жаба, персонально – спарку «Шмеля»²⁵. Довеском – гранаты, патроны и прочее барахло. Начальнику тыла лично при случае в ножки поклонись. Можешь еще и отсосать, конечно. На будущее – не мешает!

Блядь, обиделся. Ну все... только к вечеру отойдет.

– Ладно, Стасище... прости, братишка. Тут всё – один к одному. Не дуйся. И спасибо тебе!

– Да куда там, на тебя обидишься... Поехал я – время. Да! Алене что передать? – Кравец стоял, выжидающе смотря мне в глаза. Две бабы реально могут достать кого угодно, даже навороченного члена правительства воюющей против всего мира непризнанной республики.

– Скажешь – нормально все. Малой я звонил в Воронеж. И ей – отзвонюсь. Пусть не колотится...

Обнялись на прощанье. Мой высокопоставленный друг сам уселся за руль, на заднее сиденье полезли бойцы. Дема, начальник охраны, незаметно приподнял бровь, кося глазами на шефа. Я, скорчив сочувствующую морду, молча развел руками, мол, хозяин – барин. Поговорили, однако. Он ловко упал на передний диван, франтовато уронил меж ног АКМ²⁶ и без слов, прощаясь, в знак приветствия растопырил пятерню.

Наше оружие и припасы народ уже выгрузил. Над раскладкой стоял Дзюба и, матюгаясь, отгонял особо любопытных.

Пора было принимать пополнение. Подошел...

– Моя фамилия Деркулов. Я – командир отдельной группы заслона, в которую вас привезли. Сначала – разговариваем, потом – принимаем решения. Итак... Ты – Бугай? Правильно?

– Ага...

– Не «ага», а «так точно». Как звать-то?

– Мыкола.

– И откуда ты такой – гарный хлопэц?

– З Мыколаивкы. Волновахського району.

– Донецкая?

– Ага...

– Понял... Служить будешь или сразу – в бега?

– Ни... Буду.

– А чего дезертировал?

– Та... били.

²⁴ «Кончар», ПК, АГС, СВД – ТК СВ «Кончар» – тактическая крупнокалиберная снайперская винтовка калибра 12,7 мм; ПК/ПКМ – пулемет Калашникова (модернизированный) калибра 7,62 мм; АГС-17 «Пламя» – автоматический станковый гранатомет калибра 30 мм; СВД – снайперская винтовка Драгунова калибра 7,62 мм.

²⁵ РПО «Шмель» – реактивный пехотный огнемет. Состоит из выюка с двумя одноразовыми контейнерами с выстрелами. Боеприпас термобарический («объемно-детонирующий», или, безграмотно, «вакуумный»). По мощности примерно сопоставим с осколочно-фугасным снарядом калибра 122 мм.

²⁶ АКМ/АКМС – автомат Калашникова модернизированный (специальный) калибра 7,62 мм. Наряду с АК-74 калибра 5,45 мм являлся основным стрелковым оружием войск Конфедерации и ЦУРа.

– Понятно. – Развернулся к своим: – Дзюба! Олежа, прими пацана. И покорми – сразу...
Вы. Передерий. Иван Григорьевич. Правильно?

– Так точно!

– Иван Григорьевич. Все просто. Здесь никого не ебет ваше прошлое и почему вас сюда перевели. Отвечаю! У нас – только добровольцы. Отморозков нет и не будет. Подрывник нам необходим, вы даже не представляете себе как. Жить будете соответственно. Если решите остаться – буду рад.

– Да ничего. Все нормально. Я – с радостью! – Он немного суетился, было видно, что не ожидал такого приема и явно был польщен. Дядька действительно был чуть скособочен на правый бок и правда казался дедом, хотя, как я успел посмотреть в бумагах, ему было пятьдесят три года.

– Дзюба! Принимай командира нашей отдельной инженерно-саперной группы.

Народ радостно охнул. Передерий пошел знакомиться. Оставался последний... Парень стоял спокойно и расслабленно. Смотрел немного исподлобья. Ростом чуток повыше меня. Крепкий, мосластый, видно, что очень сильный и, наверное, резкий. Лицо разбито в сливу, постарались от души – но, кажется, ничего серьезного.

– Жихарев. Юрий Константинович? – Он лишь кивнул. Ясно – к дискуссиям не расположен.

– Буду краток... Мне нужен такой офицер, как вы. Кровь из носу – нужен! Что произошло – знаю, вас – понимаю. Ни убеждать, ни удерживать не имею ни времени, ни желания. Если захотите уйти – дам автомат и сухпай на дорогу. Если примете решение остаться – поставлю заместителем командира группы и нагружу сверх всякой меры – мне деваться некуда. Выбор за вами...

Ему потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить услышанное.

– Тот, что нас привез, сказал, что вы и ваши люди – из «афганцев». Правда?

– Да. Почти треть личного состава...

Жихарев как-то почти незаметно напрягся.

– Очень жаль, что я не встретился с вашим отрядом с самого начала.

Нет хуже пытки, чем заставить боевого офицера просить или благодарить. Слушать тоже невыносимо. Солдату патетика и мелодрама категорически противопоказаны. Надо ломать тему.

– Да мы, собственно, только и начинаем... Что вы решите, Юрий Константинович?

– Со мной можно на «ты».

– Со мной – тоже...

– Да! Без вопросов... Какие будут распоряжения, командир?

– Поесть. Переодеться. Зайти к врачам – Олежа покажет. Час-полтора поспать. Приду от комполка – поговорим.

– Есть!

За два дня, что я выторговал у Буслаева, произошло многое.

В первую же ночь исчез Передерий. Как выяснилось, пока Жихарь с Дзубой принимали оружие, народ успел накатить с дедом «за встречу». Юра, недолго думая, всем вставил по первое число и дал отбой. Но Иван Григорьевич не уgomонился. Ночью ушел на поиски чего бы «добавить». Естественно, нашел – этого добра в селе хоть до смерти залейся. Утром его нашли уже синего. С той поры к нему намертво приклеилась погремуха «Денатуратыч». В дальнейшем подобных казусов старались не допускать.

Жихарь начал пристрелку оружия и подготовку личного состава. Поделили бойцов быстро. Чистых гражданских у меня, считай, не было, так что с базой дела обстояли нормально. Вопросы всплыли только со специализацией и тактикой.

На АГС поставили Олега Дзюбу. Он же, бывший старшина пограничник, из наших, азиатов, возглавил «пулеметно-гранатометную» группу. Снайперов, вернее, тех, кого ими назначили, вывели отдельно, и они ушли ко мне – в группу управления с идеей, что я их буду при-давать отделениям по оперативной необходимости.

Деду в пару придали Бугая. Как выяснилось на занятиях, рюкзак в восемьдесят килограммов мин, взрывчатки, катушек и прочего саперного добра оказался тому не только впору, но и по силам. При всей простоте и даже какой-то бытовой хитрости (я думаю, что и сто килограммов за плечами – ему не особо в тягость) парнишка был предельно исполнителен. Ну и плюс, конечно, за ним – идейно-политическое воспитание Передерия. Мой новый зам сразу очень доходчиво, на пальцах, объяснил Мыколе, что он с ним сделает, ежели «Грыгорыч опять нажрется». Кажется, понял.

Передерий к середине дня очухался и выглядел достаточно бодро. По такому случаю он вместо общей подготовки лично для меня прочел двухчасовую лекцию на тему: «Мины как альфа и омега партизанской войны». Мужик без дураков, душой влюблен в свое дело и знает его, судя по всему, досконально. Вечером для разрядки от дневной беготни развернутый вариант этого «краткого курса» прочитали личному составу – под карандаш да с последующим зачетом у стремительно восстанавливающего свой статус Денатуратыча.

Единственной проблемой оказались снайперы. На крупнокалиберку вообще поставили Кузнецова. Антоша – один из самых молодых бойцов группы – из всех войн на своем веку участвовал только в компьютерных битвах. Но зато бывший сетевой администратор похода и влет разбирался с любыми техническими заморочками, да и стрелял до удивления неплохо. Все равно эту пушку держать лучше поближе ко мне, вот пусть и ходит в командирской группе.

На СВДшки поставили Прокопа и Старого. А что делать?! Серега Прокопенко у себя в Гардезе²⁷ дослужился до старшего сержанта и, хоть всю службу просидел в боевом охранении бригады, стрелять умел – каждому бы так. И коль уж он наотрез отказался командовать чем-либо и отвечать больше чем за самого себя, то и флаг в руки. За Вову Стародумова и говорить нечего – с той же пятьдесят шестой мужик, которая десантно-штурмовая. Только вся служба – в третьем батальоне, а Бараки-Барак – не цацки-печки, тут и говорить нечего.

Половину второго дня – пристреливали. У меня тем временем срослось с Буслаевым – дал добро. Иду порадовать Жихаря, смотрю – сидят у оврага, курят...

– Что сидим, не стреляем?

– Отстрелялись, Аркадьич. Нормально все. Получается. Вот я бы удивился, если бы не получилось...

Заместитель командира группы все эти дни присматривается ко мне. Видимо, решил все же разок проверить на слабину.

– Кирилл Аркадьевич, тут такое дело... Ты ведь снайпером Афган начинал?

– Стрелком-гранатометчиком. РПГ – в карантине, АГС в роте. Надеюсь, ты меня вторым номером не поставишь?

Народу шутка про «второй номер» понравилась. Весело, уже хорошо...

– Ну, в снайперах-то тоже пошел по зеленкам?²⁸

– Юра. У нас высокогорье в основном, а не зеленки. Год лазил с эсвэдэхой... Ты к теме давай, а то так заходишь издалече, я бояться начинаю.

– Да... рассказал бы из специфики что-нибудь, пока теоретическая часть.

Вот гаденыш! И глаза-то под синяками такие невинные. Ну ладно...

²⁷ Гардез – населенный пункт в ДРА, место дислокации легендарной 56-й ОДШБр, 3-й батальон которой был дислоцирован в районе Бараки-Барак и вел боевые действия высокой интенсивности.

²⁸ «Зеленки» – зеленые зоны в ДРА. Традиционные места засад и обстрелов колон и частей ОКСВА.

– Хорошо. Задача: представим диспозицию. Противник на открытой местности. Дистанция – четыреста метров. Вопрос: куда именно и как будете осуществлять прицеливание?

Не уловив в интонациях подвоха, Юра, соображая «к чему бы это?», смотрел на подчиненных. Первым ожил Прокоп:

– Маховичок на четыреста, по верхнему угольнику – в середину корпуса. Ну, поправки какие, если че, – там.

– Ну а ты чего – думу старую гоняешь?

Стародумов растянулся в улыбке.

– Да так вроде и есть. Чего ж там еще?

– Понял... Рассказываю. Во-первых. Маховик углов прицеливания у вас и так «на четыреста», это дальность прямого выстрела СВД, вернее, четыреста сорок метров, если я ничего не путаю. Следовательно, не хрен вообще его трогать в условиях леса и города. Вот когда будут дистанции – тоды и крути. Второе. Боковые поправки тоже не хрен лапать. Пусть стоит, как пристреляли, – здоровее будут. Тем паче – на таком расстоянии...

– Аркадьич, ну ты нас прямо как того чукчу опустил! Вам же ничего руками не трогай. – Серега с Вовой, не уловив тонкости момента, откровенно развлекались.

– Не перебиваем командира! Записывать заставляю.

Ага, Жихарь, интересно тебе?! Не усидел на попе – засветился. Ну-ну... Сейчас огорошу, подожди чуток.

– Продолжаем. Третье и последнее. О чем, собственно, и разговор... Я изначально имел в виду – как осуществлять прицеливание. Не по наставлению, а по сути. Уловили? Ладно... на примере. Вернее – рассказываю... Ни в коем случае нельзя целиться в человека. Нельзя даже думать о нем как о мишени. Тупо о нем – забыть и никак – не думать! Выключить эту функцию в мозгу. Если позволяет кратность прицела и дистанция, нужно целиться в элемент одежды, в деталь экипировки, в цветовое пятно на крайний случай. Если далеко – в силуэт. Но абстрактно! Не в человека! Не думать вообще о нем как о личности, о солдате, духе²⁹, враге. Просто – никак. Полный мороз в голове... Ясно?

Только сейчас заметил, насколько пристально и внимательно меня слушают. И лица – серьезные, все хиханьки – словно ветром сдуло. Даже мой зам, кажется, сражен... Ну и шо, хлопчику, пэрэвирыв?

– А для чего – так? Это – что, мистика какая?

– Вова! Нас всех учили в одно время. Ну, может, нашего старлея чуток позже. Тогда, ты помнишь, не было такого слова, как «мистика». Мы жеть – материалисты, забыл, что ли?! Значит, мысля, что? Правильно – материальна! Уловил, старик?!

Народ продолжал осмысливать.

– Браты, если серьезно, я не знаю, почему – так. Вернее, догадываюсь, а точно – не знаю. Но – работает. Поэтому. Принял решение валить – вали! Но не воспринимай цель как живое. Все – просто. Чуток потренироваться, и начнете делать зарубки на прикладах. Говорят, с ними хорошо в плен принимают – по-доброму.

Смеются. Это хорошо. Значит – запомнят.

Вова решил добить все, что знал, до последнего:

– Это – понял, Кириллыч. Я чего-то думал, что ты про коленку расскажешь...

– Какую еще, бля, «коленку»?

– Ну, типа, бацнул в ногу, его вытаскивать – ты следующего...

– Угу, понял: «К вечеру батальон, прыгая на одной ноге, потянулся на юг».

Хоть и весело всем, а глазенки-то – горят. Ладно...

– В общем, так. Объясняю один раз. Сами напросились – теперь не обижаться. Уговор?

²⁹ Дух, душара (сленг.) – здесь: душман, моджахед – традиционный противник времен войны в ДРА.

Прижухли чуток. Хорошо...

– Про коленку. Сомневаюсь, что в жизни вам попадутся такие пляжные условия. И уж тем паче, что вам позволят сделать более чем два выстрела. Скорее всего, в обратку вы наверняка получите срочный бандероль из тяжелого гранатомета типа немецкого «Бункера»³⁰, а вероятнее, схлопочете в сопатку из самой навороченной в мире контрснайперской винтовки – 125-мм танкового орудия.

О колене как цели – просто молчу. Жизнь не кино – ведь это вы на собственной шкуре прочувствовали. Если стрелять, то в низ живота. Пулевое ранение в мочевой пузырь да сквозь пластину броника дает на редкость феерический болевой шок и очень хреновую транспортабельность – человека четыре плюс плащ-палатку или носилки. В полевых условиях пулевое в брюшную почти всегда – вилы, только не сразу. Ну, если, конечно, не задела аорту – слева или печень – справа. Ну, это – так... Запомните, пацаны, – вы не снайперы в том понимании, какое обычно в это слово вкладывают. Вам ими только надо будет стать – скоро будем в городах рогом упираться. Пока вы обыкновенная пехота, только вооруженная более мощным и точным, чем «калаш», оружием с оптикой. Не более того! Но и это не главное. У снайперов сама стрельба – дело третье или даже четвертое. Суть снайпера – в умении вычислить время и место, скрытно выйти на расстояние точного выстрела и потом благополучно вернуться живым по заранее проторенной тропе. Разведка, целеопределение, выбор и осознанное создание своей позиции, маскировка и постоянный анализ – вот что такое снайпер. Плюс нервы из проволоки, соображалка, как Антошин компьютер, и терпение, как у морской водоросли, а уж потом – стрельба, винтовки, прицелы и орден – во всю грудь.

Братишки – глазами жрут. Жихарев тоже – под впечатлением. Закрепим...

– Ладно, занимайтесь. Юра, вам еще час на стрельбу... Они у тебя с одного глаза стреляют?

– Да...

– Ну ты даешь! Отставить, на хрен, – сразу с обоих. Пусть с пупушка глаз ставят... Народ! Не тормозим – это вообще просто. Смотрите. Вы оба – правши. Вот приклад, плечо, локоть, щека... Вот прицел, вот правый глаз. Оба глаза – открыты. Сектор воспринимаешь как бы левым, а непосредственно прицеливание осуществляешь – правым. Как внутри головы – переключатель. Понятно? Попробуйте! За полчаса практики врубите, ничего сложного. Зато в деле никогда не будете слепы.

Третий загруз подряд моих в общем-то простых мужиков поставил по стойке смирно. Так, глядишь, бойцы и честь начнут отдавать. Теперь наш зам...

– Брат, ты ведь должен знать: туннельное зрение – ломать любыми средствами и без всякой жалости. Стрельба с одного глаза через оптику – самый короткий путь к «туннельке». Яволь?

– Есть, командир. Не вопрос – сделаем.

Отошли чуток, как бы провожая меня. Глянул – пацаны своим увлечены. Не выдержал...

– Ну и че, душара, – проверил?

Старлей улыбнулся, скорчившись от боли в разбитых губах.

– Святое дело, Аркадьич, нам же вместе ходить...

– Юр, в понятиях не путайся, хорошо?! Это мне с тобой – «ходить», а тебе – «с нами», уловил разницу?

– Легко! – Он опять перекошенно улыбнулся. – Ты больше народ так не грузи, с наезда. Сейчас репу почешут и пойдут назад за автоматами.

– Ничего, десантура – она к побоям привычная... – Помолчал и решил еще разок шпильку сунуть: – Ну, и не пехота, конечно...

³⁰ Гранатомет Panzerfaust с ракетой Bunkerfaust (Bkf 3).

Жихарь с интересом посмотрел на меня.

– Не любишь ВДВ?

– Хех! Кто ж вас любит-то, Юра?! Вернее, раньше – не любил, по горячему еще. Сейчас мне по хер, кто – откуда. Да и пацаны, сам понимаешь. Проехали, короче...

Он чуток помолчал по своему обыкновению и спросил:

– Кирилл Аркадьич, скажи честно, откуда ты все, что рассказывал, знаешь?

– Да нас неплохо готовили.

– Понятно... В общевойсковых, да еще и рядовому составу, такого не дают. Даже не вопрос. Тут ты, командир, недоговариваешь.

– Да нечего договаривать, вот и все. Значит, попались офицеры равнодушные, дали больше, чем требовалось... Не грузись, лады?! Закончишь с пацанами – сразу ко мне. С Иванычем договорились – дал «добро». Сегодня готовимся. Завтра – играем.

В разговорах с Жихарем и Денатуратычем прояснились некоторые моменты. И раньше мы о них догадывались, а Буслаев, тот прямым текстом, не стесняясь в выражениях, разъяснял «откуда в жопе – алмазы», указывая на техническую разведку противника. Да и беспилотники³¹ крутились в небе с утра до ночи и с ночи до утра. Посты прикрытия, сельская самооборона и местные постоянно засекали группы и отдельных наблюдателей.

Юра мне на досуге вкратце поведал о переносных средствах разведки. Из всего перечисленного им изобилия я по собственному опыту помню лишь ночные бинокли да валявшуюся у нас в оружейке какую-то переносную РЛСку³². Правда, таскать ее с собой в горы желающих как-то не находилось, а посему «с чем ее едят» тогда осталось для меня тайной.

Как выяснилось, этого добра в мире – без счета. Особенно у наших заграничных друзей, которые, не жалея, снабжали своими техническими примочками армию ЦУРа. Больше всего меня «порадовал» раздел о радиоразведке и возможностях оперативного глушения и, совсем уж конкретно, о носимых тепловизорах. Блядь! Двадцать первый век у них, видите ли, на дворе, а мне – что делать?!

Под эти условия всей толпой разработали достаточно элегантную операцию. Когда план более-менее вырисовался и перестал походить на детский лепет, я пошел к комполка.

Буслаев, на удивление, с порога не послал, а выслушав версию – поддержал. Правда, достаточно своеобразно:

– Деркулов, если ты решил меня заебать, то ты нашел не ту сраку. На мою и без тебя мозгобебов хватает... – Комполка помолчал чуток и продолжил: – Это хваленое «Часов-Ярское перемирие» – филькина грамота. Подтереться и забыть. Мы ни пункта не выполнили. Они – тоже. Со дня на день цурюки вмажут по нам всеми своими силами. Бедные мы будем – поверь, и здесь, и в Северодонецке, и в Луганске. Дай нам боже успеть группы прикрытия вывести. С другой стороны, эти красотки шастанут у нас как у себя дома. Скудельников мне последнюю волосню на мудях повыдрал. Результаты ему подавай! И будет лютовать, сука, дальше – ты ж его лично знаешь. Когда отгребем, еще повесит на меня срыв разведдействий противника... – Видно было, что давно мужику неймется о наболевшем высказаться. Подполковник наконец встал, подошел ко мне. Внимательно, немного снизу вверх, посмотрел и, как бы мысленно померившись ростом, шириной груди и выпуклостью живота, вдруг ободряюще хлопнул всей лапой в плечо: – Хорошо, давай! – и, словно напутствие, закончил: – Обосрешься – лучше не возвращайся.

³¹ БПЛА – беспилотные летательные аппараты, одно из самых эффективных средств тактической разведки описываемого периода истории. На солдатском сленге – «биплы».

³² РЛС – радиолокационная станция.

Дальше дело пошло как по маслу. Даже сам полкач принял непосредственное участие. На подготовку ушел еще один день. За это время мы с Жихарем смотались на рекогносцировку и заодно лично поговорили с Серегой Трофимовым – командиром взвода прикрытия из батальона майора Колодия.

Комбат, обладавший на редкость подходящей его фигуре и характеру знаковой кличкой Колода, обстоятельно выслушав нас, спросил:

– А шо каже Дмытро Ивановичу?

– Добро дае, Михайло Богдановичу! Да вот только без тебя все под хвост дядьке лысому, а не операция.

– Ну, гаразд...

– Спасибо! Еще надо: шестьдесят шестой «ГАЗон», к 15:30 – под навесы элеватора а тебя, Богданых, лично, в штаб полка – ровно на два часа.

– Добрэ... – буркнул Колодий и скривился так, словно ему чарку перекишлого кваса налили вместо горилки. Понятно, против Буслаева не попрешь, тот сам похлеще бронекавалерийской бригады СОРа будет. Когда выходили, Богданых на дорожку пробурчал себе под нос, но так, что и мы услышали: – Дай – тэ, дай – цэ. Я вжэ не в тому вици, шоб даваты по два разы...

К 15:00 штаб операции окончательно выработал план взаимодействия: путь и порядок выдвижения, маршруты отхода и прикрытия, тексты условных радиокоманд и сигналов. Понеслась...

В 15:45 Команданте, сидя на своей КШМ³³ где-то между Лисичанском и Северодонецком, вызвал комбата и по открытой связи поставил тому задачу – срочно прислать в штаб группировки одну БМП (дословно: «Только не распиздуху какую-не-то!») и человек пять-семь бойцов для сопровождения некоего лица.

Вышло очень правдоподобно. Колодий, привычно встав в обиженную позу армейского вола, на котором пашут-пашут – вот-вот насмерть ухайдокают, на чистом окраинском убеждал полкача «шо вин нэ як не може... та людей нема... та що цэ такэ – коиться...» и далее по давно накатанной колее. Буслаев грозно орал матом и весьма убедительно обещал употребить Богдановича «во все дыхательные и пихательные», если машины с личным составом к 18:00 не будет у штаба.

Весь этот цирк мы с Жихарем слушали по двум выделенным группе на время проведения операции «сто сорок восьмым»³⁴, уже находясь в кузове. То, что связь прослушивают, сомнений не было. То, что территория может просматриваться, – были. Решили не рисковать – толпа террасами, положив затылки на грудь задних товарищей, как в кинотеатре, сидела на дне кузова, а тент прицепили так, что он болтался, и, хотя прикрывал всех, со стороны, особенно в движении, создавалось впечатление, что машина пуста.

Тем временем комбат вызвал командира роты майора Воропаева. Второй раунд прошел примерно в том же ключе. Колодий плакал: «Ну що тут зробиш... та цеж нэ я... а мэни шо робыты», ротный упирался до последнего: «Да где их взять... Михаил Богданович, вы же знаете... нет, это дурдом какой-то».

Третьим на сцену Воропаев вышел на пару с Трофимовым. Там все было намного прозаичнее: машину – туда, машину – сюда, отсюда – снял, сюда – поставил, и вообще – исполнять, твою мать, молча. Под конец беседы всплыла так нами до конца и не отрепетированная оказия с машиной. Серега стал чуток путано доказывать майору, что ему некуда девать какое-то имущество, палатку и прочее да людей снять – перебросить. Вроде тоже убедительно, даже я поверил! Наконец-то окончательно сошлись на том, что Воропаев пришлет за БМП еще и «ГАЗон». С чем мы и отчалили.

³³ КШМ – командирская штабная машина.

³⁴ Р-148 – переносная приемо-передающая армейская УКВ-радиостанция звена «рота-взвод».

Буквально через двадцать минут, под наши спаренные с Жихарем шипящие матюги, бойцы группы спешно выгружались в разрезанном дорогой надвое ярочке меж Белогоровкой и Золотаревкой. Еще через десять – пятнадцать мимо скрывавших нас среди кустарника и деревьев массетей по направлению в Лисичанск прошла мини-колонна БМП и, считай, родной «шестьдесят шестой».

Место было, без вопросов, аховое! Казалось бы, Луганщина – это вам не Гиндукуш и не отроги Памира. Да что там Афган – даже не Карпаты или Полесье, а места есть, самой природой созданные для засады. Причем с какой-то своей, колоритной, особенной подлянкой.

Когда окончательно стемнело и мы предельно осторожно вышли к цели, Жихарев не поленился и бесшумно слетал еще раз глянуть – с овражка на устье балки. Пришел довольный. Действительно! Если встречаемой нами группой выходить скрытно, то им придется пользоваться складками местности. И выходя из оврага в балочку, создавалось обманчивое впечатление, что ничего не меняется – все то же самое: овражек, кустики, деревья. Полная иллюзия безопасности и защищенности от постов. И лишь пройдя до середины прямой линии метров тридцать – там, где и планировался центр засады, – замечаешь, что ты уже аккурат посередине жаровни – меж непролазными кустами и плавно заворачивающим вытянутым скатом склона балки.

От БМП на холме слева (прыщ на окраине села, тоже мне – высота!), если смотреть по ходу выдвижения группы противника на город, – километр четыреста. От второй, Серегиной, на пригорке справа – ровно два, ну, может, чуть больше. Для глаза ночью – не видно ничего. Но Трофим утверждает, что со своей стационарной РЛС засечет движение даже одиночного бойца на дальности чуть ли не вдвое больше, чем эти расстояния. Жихарь уверенно подтверждает. Совсем не те переносные игрушки типа моей, что в оружейке пылилась.

Складок местности тут предостаточно. Растительности – по пояс и кустарника – по маковку, да деревьев – одиночных и группами – еще больше. Даже что-то типа лесочка прямо по курсу. В нем, кстати, ручеек начинается, на лето пересыхающий, один из тысяч безымянных притоков Донца. Если стоит задача просочиться мимо машин прикрытия, то надо взять по правую руку от русла и, прижимаясь влево, пройти у края леса по оврагу и нырнуть в балку. С нее выползти на убитое шоссе меж одноименными Белогоровками – селом и станцией, и... здравствуй, город Лисичанск! До тебя отсель – всего пять километров.

Именно поэтому Колодий с Воропаевым, настоящие кадровые офицеры и совсем-совсем неглупые мужики, ставили на этом участке взвод Сереги Трофимова из трех машин, а не из двух, как сейчас. Да еще собственными секретами и нашими группами перекрывали зону спереди и сзади. На чем, собственно, и весь расчет строился – место я еще в первом выходе заприметил. Главное, чтобы нас самих не засекли раньше времени. Тут дело такое: охота на кого-то может легко и быстро обратиться в погоню – у них тоже разные группы есть, и по оснащению, и по готовности рвать «москалыкив» зубами.

С учетом всех факторов и подобрали место, хотя оно и вынесено вперед от линии машин дальше, чем хотелось бы. Зато итог – залюбуешься.

«Гнездо», как обозвал стоянку Жихарев, сделали там же, где и отсиживались, – на месте высадки. Замаскировали под сетями вещмешки, сухпай и запас воды в двух пятидесятилитровых кегах. Здесь же, при отступлении по основному плану, назначили и место сбора группы.

Дыша через раз, выдвинулись на позиции. Разросшийся вширь, густо поросший кустарником и отдельными деревьями, обмелевший овражек у входа в устье балки вновь углублялся и сжимался до теснины метров на десять в ширину. Сойдясь в этом месте, два ската балочки потом постепенно расходились метров до тридцати у самого поворота, плавным виражом закруглявшим дорогу влево к Белогоровке.

Расстояние от входа до конца поворота составляло порядка восьмидесяти метров. Прямая – до начала виража – метров пятьдесят. Отсюда и плясал. Расположились английской буквой «L». Точно по канонам так любимой военными привязки ориентиров – по циферблату часов. Путь прохождения встречаемой нами группы по местности точно соответствовал положению стрелок на «15:00», где «минутная стрелка» – длинный отрезок пути, «часовая» – короткий, после поворота, а соединение «стрелок» – начало виража.

На малом плече во фронт гостям я поставил огневую группу под командой Дзюбы: АГС, ПК плюс два «свободных» автомата гранатометного расчета. Они, по замыслу, должны были пропустить головной дозор и рубануть идущих следом в лоб, уверенно накрывая их по всей длине да с возможностью отсечь пулеметным огнем от холма по правую от противника руку длинное плечо буквы «L».

Кроме того, огневая прицельно простреливала сектор овражка на все десять метров ширины устья, а учитывая, что АГС я поставил левее пулемета, то их углы накрывали заросший овраг практически на всю ширину. Ну, это так – на всякий пожарный, ежели почетная делегация «первого заклания» вырвется из огневого мешка или несколько групп идти будут.

Чтобы обезопасить Олежу и его бойцов, пришлось сдвинуть позицию более чем на сорок метров назад, в глубину, и они точно заняли точки циферблата на точке «17:00» – для гранатомета и «17:30» – для ПК. Но теперь образовалась мертвая зона – не накрываемый ими участок в семь – десять метров. Зато вероятность обнаружения дозором сводилась к нулю. Была еще одна опасность – пулемет в темноте и горячке боя мог хлестнуть по склону холма и зацепить основное ядро нашей группы. Эту задачу я решил самым примитивным и надежным способом – взял один стальной кольшпек-уголок у Денатуратыча и до середины вогнал его у ствола, предварительного нацеленного на угол теснины ПК. Кондово, но действенно.

На самый край, за огневой группой, на «16:00», поставил двойку снайперов, в этот раз по старой памяти взявших на операцию привычные АК-74. Что им ночью тут с СВДшками делать? Задача Прокопа и Старого была, наверное, самой сложной – утихомирить головной дозор, если таковой будет. Причем расстрелять его в упор не по ситуации, а по общей команде – синхронному подрыву сюрприза Денатуратыча. И в довесок не засветиться первыми, потому как кому-то одному надо будет следить за дозорными, а не лежать мышами, как ядру за гребнем ската. На такое стремное дело я прибавил к ним кандагарца Саню Чепеля. Как раз братишка оказался со своим РПГ (взяли на всякий случай – чтобы голова не болела!) вместе с остальными афганцами.

О маскировке групп огневой поддержки и захвата дозора позаботились загодя. Передевший еще в расположении заготовил хорошую фашину толстых ивовых прутьев и моток бечевы. На «дневке» вместе с Мыколой он из них и свеженарубленных ветвей сообразил четыре разноразмерных щита – на АГС, ПК и два длинных для автоматчиков. После установки Юра дополнительно заставил набить сырой травы до самой середины загородок и в довесок отрыть всем по неслабому окопу, чтобы не засекали, если там будут тепловизоры или приборы ночного видения.

Вдоль длинного плеча за скат – с левой стороны «минутной стрелки» – вытянулось десять бойцов ядра группы и их командиры: Жихарев и последний мой гвардеец – бывшая пехота кундузского разведбата – Борек Никольский. Тут задача самая простая и в то же время самая ответственная – добить гостей после подрыва так, чтобы не ушел ни один. Пока расставляли, Юра выдвинул Борю вместе с одним папаном на самый край холма – в наблюдение.

Меж плечами, в углу «эльки», или точке соединения «стрелок», под корнями нескольких мощных деревьев расположилась моя группа управления: Антоша с дурой, Грыгорыч с Бугаем, а между ними я со своими думками. Вернее, мы только должны были там находиться, пока же меж корней залег один снайпер, которому не то что подсветку на прицеле включить, даже винтовку разложить не разрешили. Всеми покинутый папан, боясь лишний раз пошевелиться,

внимательно вслушивался в шуршащее молчание «сто сорок восьмой». По договоренности с комбатом я на связь не выходил ни при каких штатных ситуациях – только слушал.

Мы же вчетвером занялись главной составляющей нашего замысла. План Денатуратыча был убийственно прост: вдоль предполагаемого пути продвижения вражеской группы высеять, как он фигурально выразился, «озимое поле». Что это за хрень – ОЗМка³⁵ – я еще по службе хорошо помнил. Только мы их, как Жихарь с Дедом, «озимыми» не называли. У нас ими наиболее опасные участки перекрывали да вокруг точек минировали. Сами на операции не брали, но в колоннах и в рейдах на броне ящик на роту с собой возили. Шестью штуками этих зараз можно конкретно перекрыться, не то что грохнуть отряд из засады.

Денатуратыч посчитал по-своему и поставил в линию вдоль «минутной стрелки» три мины. Одну – прямо на входе в устье, с расчетом «а вдруг?!» – порадовать тех, кто сзади может идти или остаться. Вторую – через пятнадцать метров от первой, а еще через пятнадцать – третью. Сказал, что задал двойное перекрытие радиуса сплошного поражения и, по его идее, в линейном пятидесятиметровом секторе основному ядру добивать, пожалуй, никого не придется.

От последней ОЗМки метрах в двадцати прямо у стены склона в середине поворота, стоя раком, нацелил одну МОНку³⁶, дабы она направленной полосой своих осколков рубанула по ногам идущих друг за дружкой гостей. Тоже, говорит, «двойное перекрытие»... Ну, это мы потом усвоили! Деду главное «шоб наверняка», никакого чувства меры.

Мины Передерий устанавливал и подключал к проводу сам. Случаю Дед не доверял вообще никогда, и вся операция изначально готовилась под управляемый подрыв. Ямки копал Бугай. Жихарь же порадовал всех ловкой подружкой дерна под кабель (хотя, как по мне, ночью да в такой траве гофрированный шланг от говнососки можно проложить незаметно, не то что какую-то проволочку).

Еще две мины установили на скате холма снаружи устья – на случай, если решат обойти. Одну «озимую» на растяжку в густой кустарник склона с нашего бока – на «11:00» и через балочку МОНку на другой стороне, где «13:00». Там как раз одна козья тропинка вокруг всего яра прямо в поселок. Когда ставили, посчитали, что, если наши визитеры вдруг двинут не через подготовленный нами проход, а иначе, – хоть услышим вовремя.

Знать бы заранее, как оно на самом деле будет...

До утра пролежали не шевелясь. Не знаю как кому, а мне тяжелее всего было обходиться без сигарет. Но тут ничего не попишешь. На смотре перед выходом сам приказал старлею собрать у народа все курево, спички и положить в его ранец. Даже повода оскоромиться чтоб не было. Приходилось теперь марку держать.

С рассветом отвели ядро группы. Поменяли и сместили наблюдателей на мою позицию. Как рассвело, оставив секрет, отошли в «гнездовье», выставили охранение и, пристроившись меж деревьев, отсыпались под маскировочными сетями.

В 16:25 с тыла появился ГАЗ-66. Сбросив скорость, пропылил мимо на пост БМПешки прикрытия. Из-за оттянутого тента кузова суетливо высунулся баскетбольный мяч багровой морды нашего крохоборчика – старшины, интенданта и генерального снабженца «всем на свете» – Жени Стомбура. Озираясь вокруг, он стал рыскать по лесочку глазами. Увидев мой сигнал, без слов поддал подбородком вверх, мол: «Как дела?» Я кивнул и отмерил на руке размер пойманной рыбы. Жека скорчил набок прищуренную репу, типа: «Расслабься, старик, все будет чики-пуки!» – воровато выкинул в кусты стянутый шнурком объемный полиэтиленовый пакет да, опасно свесившись за борт, прямо на ходу легко поставил на дорогу два два-

³⁵ Противопехотная мина ОЗМ-72.

³⁶ Противопехотная мина МОН-50.

дцатилитровых баллона воды. В следующий раз его с собой возьму. Как раз, кабан, потянет два короба от АГСa!

Яблоки, чуток слив – всего килограммов пять. Плюс приклеенная скотчем к плоскому шкалику коньяка записка от комбата: «Разговаривал с Ним. Говорит, что-то затевается. Смотри в оба. Целую. Твой». Вот ведь жизнь какая штука непредсказуемая! Ну кто, спрашивается, мог подозревать о присутствии такого качества, как чувство юмора, у майора Колодия?!

На моей частоте все так же шипело ни о чем. На Серегиной – вяло переговаривались. Спать больше не мог. Плюс Антоша, поставленный наблюдать за командирским храпом, выгнул меж лопатками пластину моего бронежилета и себе не иначе гематому на локте набил. Стрелять, если придется, теперь, наверное, не сможет.

Ночь прошла также без изменений. Народ потихоньку тупил. Все научились разговаривать и слышать собеседника шепотом и бесшумно закапывать в кустах то, чем нагадили.

Мы с Жихарем твердо договорились, что поутру третьей ночи глушим коньяк либо за победу, либо за отлично проведенные учения, по обстоятельствам.

Денатуратыч смотрел на нас глазами больной глистами собаки, но так ни слова и не высказал.

Ровно в 24:00 в эфире начался какой-то движняк. Юра по сигналу подтянулся ко мне и минут пять слушал переговоры. Потом, сказав, что это ему «край как не нравится», пошел прочить народ.

В два на волне Трофимова раздался голос Сереги:

– Первый, второй – внимание! На линии движение. Всем приготовиться! При выходе противника на рубеж – огонь! – Выдержав паузу, продолжил: – Персональных сообщений нет. Действуйте по обстановке... – это для меня, понятно.

Вернулся Жихарь. Глаза горят, скулы бугрятся.

– Командир! Похоже на начало штурма Лисичанска.

– Или опять нервы треплют... Или провоцируют... Или еще какая хрень...

– Начнется – останемся в глубине наступающих частей. Потом не выйдем.

– Есть внятные предложения?

– Уйти или остаться. Тебе решать...

– Юр! Не задирай! Мы ждем. Если пойдут всем фронтом, чего раньше никогда не было, укусим и уйдем огородами. Даром три дня загорали? И встретить есть чем, танки здесь не пойдут по-любому.

Он, пристально взглядываясь в меня, кивнул.

За спиной старшего лейтенанта быстро замигали синим. Ткнув, указал ему на сигнал. Распластавшись, Жихарь скользнул к своей группе. Все замерли.

Через пяток тягостных минут от кустарника устья отделились неясные тени и, войдя в зону, присев, замерли. Единственная голова, которая смотрела на них из-за корней дерева, от греха подальше опустила вниз. Не помню, чтобы я вообще когда-либо так слушал – до ломоты, до звона в давно контуженных ушах, до плывущих по векам зажмуренных глаз цветных пятен.

Антоша легко коснулся рукой моей подошвы. Вновь высунул глаз. Тени беззвучно поднялись и медленно шли вперед. Метрах в тридцати за дозором показались новые силуэты. Пройдя полпути, тройка вновь встала на колени. Все повторилось.

Идущий в голове, прижав приклад крутой винтовки к плечу, изготавившись, напряженно вслушивался в темноту. Второй осматривал пространство и склоны балки в какой-то прямоугольный прибор. Замыкающий, опустив голову и придерживая пальцем наушник, другой рукой вращал ручки плоского короба на груди.

Ночь, празднично высветив сияющую гирлянду Млечного Пути, всей своей чарующей прелестью – санным благоуханием, влажной свежестью и многоголосым хоралом насекомых – ласково баюкала гостей заупокойной литанией.

Опять опустив голову, я положил руку на плечо Денатуратыча. Тот парализованно замер на животе ниже ската и жег меня безумными глазами. К самому подбородку был прижат маленький рыжий цилиндр эбонитовой взрывной машинки.

Дед, как я тебя понимаю! В голове безумной каруселью бешено вертелись всего две мысли: лишь бы не заметили да у кого-то из наших нервы не сдали. Ничего более! Остальное – пофиг!

Кинул глазами ниже. Антоша, увалившись на спину, напряженно тискал лежавший поперек груди «Кончар». Приклад был отомкнут, сошки разложены. Наверняка включил прицел и снял предохранитель. Сучонок! Я все понимаю: азарт, готовность, яростное предчувствие – все, что хочешь. Все! Кроме дополнительной дырки в собственной заднице!

Бугай сидел на корточках ниже и, опершись на автомат, спокойно пас «своего Григорыча». С этим – норма.

Тройка поднялась и вновь двинулась посередине балки. За ними, метрах в тридцати, не останавливаясь, в устье втягивалась колонна. Шли грамотно – шаг в шаг, гуськом, с интервалом в два-три метра. Не авианаводчики, не разведка, не диверсионный отряд – как минимум стрелковая рота или скорее даже штурмовая. Когда дозорные вошли в вираж, я заметил, что они в соровских десантных камуфляжах. М-да... это тебе не спехом набранные крипаки³⁷ подневольные.

Бесшумно нажимаю на тангенту радиостанции. В наушнике раздается тональный щелчок – оговоренный сигнал «Приготовиться!». Замыкающий тройки тут же подает знак, и дозор вкопанно останавливается. Я рывком сдавливаю плечо Денатуратыча.

В застывшей на миг тишине со звенящим в голове гулом рванула МОНка. Через мгновение, пингвинами выпрыгнув из-под земли на полтора метра, грохнули ОЗМ. Над деревьями повис выворачивающий душу истошный визг их стальных роликов. Просунувшись вперед, я ударил с подствольника в середину дозорной группы и следом вложил вдогонку очередь на четверть магазина. Этих и без меня по-взрослому встретили: три автомата длинными очередями кромсали распластанные фигуры.

Мне пришлось поторопиться, и дозор не успел дойти до «точки встречи». При взрыве они только и успели, что развернуться спиной к своей персональной засаде. Да и ориентировался я не по ним, а по основной толпе. Видимо, шли уже долго и нарушили обычную дистанцию «прямого видения», а допускать голову цепи в поворот изначально никто не собирался. Подрыв произошел по всей длине нитки. Вот только в овражке неизвестно сколько еще народу оставалось.

Бойцы основной группы, пропустив над головой воющую начинку «озимых», вылетели на скат, дали залп из подствольных гранатометов и кинжальным огнем по плану тупо положили в противника по магазину. Каждый третий начинал с осветительной ракеты в противоположные кусты. Борек – с «фонаря»³⁸ над оврагом. Первые магазины у всех были заряжены по формуле «три плюс один». Третий – трассер.

Вибрирующей магниевой звездой, замершей на щелчке фотовспышки, ракета, пьяно раскачиваясь под парашютиком в небе, заливала округу призрачным, каким-то мертвящим светом, оттеняя своей запредельной, морозной отстраненностью яркие малиновые трассы; короткие, отсвечивающие сине-фиолетовым и алым разрывы гранат; истошный ор, рык и животные вопли с обеих сторон.

³⁷ Кріпаки (укр.) – крепостные.

³⁸ «Фонарь» (сленг.) – 50-мм осветительная ракета.

Весь огневой налет продолжался не более пяти секунд, считая с чуть задержавшимися «осветителями» да с особо продвинутыми обладателями пулеметных магазинов. Отстрелявшись, заученно кинули по РГДэшке³⁹ и под окрики Жихарева и Никольского начали маневр разворота ядра. Старлей с тремя бойцами, подтянувшись на половину, развернулся во фронт, а остальные под Борины матюги, уплотнившись, упали почти под мою позицию и открыли плотный огонь в овражек.

Огневая группа тем временем прикончила первую ленту короба АГС и сотку ПК. Пройдя густым зигзагом по распятой колонне, они, не встретив никакого отпора, сразу перенесли огонь, сосредоточенно ударили в устье балки и по площадям оврага.

Навскидку два десятка бойцов противника легло так, как и шло, походным строем. Большинство сразу пошматовало минами, остальных выкосили в считанные мгновения подствольники и сплошной огонь автоматов. РГДшки добивали мертвецов.

Сколько противника сконцентрировано в овраге и на подступах, каковы потери там – неизвестно. Меж тем они подозрительно быстро опомнились и ответили. Причем с порога, не раскачиваясь, вмазали так, что я, не затягивая, дал красную ракету – команду на общий отход...

Не успел Жихарь закончить маневр, как метров с восьмидесяти через кущи, в склон и по группе огневой поддержки разом ударило пяток штурмовых винтовок. На звук однозначно не «калаши». Старлей, перекинувшись за скат, уложил людей, и тут же с тыла им в спину врезало еще несколько винтовок. Били не прицельно, но размашистыми, не мелочными веерами. Блядь, Буслаев, накаркал: на флангах шли боковые дозоры. Поспешили – им не обстреливать нас надо было, а отрезать. Прикрывать здесь больше некого.

Пока ракета догорала в воздухе, Юра успел скоординировать, и бойцы дружно слили по магазину в сторону дозоров. Антоша, не теряя времени и не особо выбирая – коль еще можно, – грохнул в бьющих с противоположной стороны. Краем глаза заметил, как пацан на мгновение «завис» от отдачи, а главное, от валящей с ног звуковой волны. Видать, на пристрелке он так и не успел со своей крупнокалиберкой свыкнуться. Ну и как тебе, сынок, такой вот рулезный шутер⁴⁰ от первого лица?

Добавляя крепким словцом скорости народу, вместе с замом засели под корнями. Первым в отход пошел Никольский, он же и повел основную толпу. Следом за ними – Передерий с Мыколой с установкой задержаться на полпути в распадке на повороте, примерно в километре от засады и в двух – до места сбора. Наступая на пятки саперам, грузно протопали афганцы: Чапа, Старый и Прокоп. Не самый худший заслон ушедшей группе и Деду с напарником.

Пропуская всех, вдруг осознал – огневая до сих пор ведет бой! Толкнув крепящегося подствольника на три стороны старлея, отправил его к ним и следом дал еще одну красную – для близоруких – в крону деревьев над их головами (может, за шиворот хоть что-то упадет – разбудит). Ну что за мать-перемать?! Дзюба, епырс, ты же не пацан зеленый, что же ты, сука, делаешь?! Сейчас отсекут – все тут ляжем!

Антоша, оставшись последним меж исправно усиливающим огонь овражком и двумя клещами обложивших балочку группами, если и нервничал, то виду не подавал – каждый раз вздрагивая всем организмом, осмысленно бухал по огонькам.

Жихарь не успел. Не мог успеть! С высоты за лесом метрах в двухстах, через голову сидящих в овраге, мощно упорол крупнокалиберный. Просто вмочил прицельно, основательно и очень точно – прямо в плюющий огнем АГС. Как только гранатомет смолк, пулеметчик на той

³⁹ Ручная осколочная граната РГД-5.

⁴⁰ «Рулезный» (*жарг.*) – от английского rule, rules, то есть лучше всех, круто, рулез, рулит (существенно превосходит), здесь: самый современный, последний. «Шутер от первого лица» – от английского Shooter (стрелок), «стрелялки» – разновидность компьютерных игр.

стороне чуть повел стволом, и с позиций моего ПК ошметки полетели да срубленные лилово-оранжевым ветви. Приехали...

Схватив Антошу за шиворот и заодно подцепив лежавший под боком «Шмель», рванулся к тропе.

Вовремя! Разорвав окоп ПК, пулемет взялся за наш угол. Метров через сорок на границе видимости уложил снайпера в гнилую промоину и сказал:

– Кузнецов! Три выстрела... Попади! Потом по тропе до прогалины. Пятьдесят метров. Жди нас. Услышишь, что завязли... – меня на мгновение прервал грохот сработавшей на склоне ОЗМки, – уходи в гнездо. Дед на повороте. Минируйте тропу.

Антоша смотрел глазами человека, изо всех сил не хотевшего умирать. Я не мог его так бросить. Наклонившись, крепко взял за шею и, глядя прямо в глаза, с нажимом прошептал:

– Выполняй точно. Тогда – выживешь. Нет – умрешь. Попади в него...

Он развернулся и стал выставлять сошки. Крупнокалиберный рычал вдоль тропы короткими, далеко прорубающими кустарник трассами. Над головой траурно завывало, и на склоне холма на моей позиции и по всему склону прошла серия взрывов. Это не подствольники... Это – жопа!

Метрах в трехстах в сторону станции болотными всполохами замигали огоньки развернувшейся минометной батареи. Если они перенесут огонь на тропу – не выйдет никто. Координаты возьмут по GPS⁴¹. Легко!

Радиостанция вырубилась сразу после открытия огня. Помощи просить не у кого и незачем – не успеет никто при всем желании. Теперь – быстро управятся. Не так, конечно, как с теми – в балочке оприходованными, но и нам без резвого маневра лежать здесь, как и им, без единого шанса.

Рванулся к выходившим на тропу. Одного волоком тащили на плащ-палатке. Второй, шатаясь, еле полз следом. Замыкал Жихарев с гранатометным станком на плече и телом АГСа в руках.

Сзади лупанул Кузнецов и сразу – еще раз. Крупнокалиберный заткнулся. Через несколько секунд Антоша вылетел на меня. Я молча перехватил и показал глазами на людей. Антон понял и подлетел к раненому. Я успел рассмотреть бессильно мотылявшуюся по брезенту русую голову.

Что же ты, Олежа, наделал?!

Крикнул вдогонку:

– Юра – с тропы! Минометы! – Он, обернувшись, кивнул. Глаза тоскливо смотрели на меня. Я отрицательно покачал головой – «выводи»!

Гости наши – молодцы, слов нет. Не дернули назад, не влезли рылом в грязь, да и давят крепко. Правильно! Давите... Мы тоже сейчас придавим – на посошок.

Ну и потом... Должно же у Кириуши быть детство?!

Сместившись влево, оказался у края лысой опушки. Минометы размолачивали остатки позиций на вираже. Пехота внизу готовилась к рывку в балку. Батарея сейчас перенесет огонь и начнет методично перекрывать пути отхода. Если их не заткнуть, то все – кранты. И махру⁴² тормознуть хотя бы на пяток минут. Только вот – где?

На их месте я начал бы сразу с двух сторон. С одной еще есть МОНка, со второй они должны сконцентрироваться вот в этом месте. Если действительно был подрыв ОЗМки, то там сейчас перевязывают раненых и собираются «до кучи». Ну а если саперы кошками сдернули растяжку, то вообще просто. Я вычленил глазом квадрат семь на семь метров и, старательно приложившись, ухнул из огнемета в его середину. В сотне метров тяжело и низко громынуло.

⁴¹ GPS (от *англ.* Global Positioning System) – глобальная позиционирующая (навигационная) система.

⁴² Махра (*сленг.*) – пехота.

Даже не глядя на результаты, развернул спарку и врезал по минометам, благо все расстояния дальномером заранее пробиты и «двести шестьдесят метров» до той полынной проплешины у меня в памяти на заветной полочке схоронены. Сверху вниз, да неполных триста дистанции для «Шмеля» – то, что доктор прописал. Кроваво-красным светлячком граната метнулась к батарее, и та, каракатицей, накрывшись дымной тенью, тут же смолкла.

Теперь только – время!

Пот заливал глаза. Ну, это мы еще двадцать лет назад прохавали: лоб ночью автомобильной фарой светит. Лучше под шапочкой пропотеть, зато мозги на спину ненароком не обробишь. Железа на мне с избытком, да и у самого хорошо за сотку живого веса. Не стайер, одним словом.

Где-то сзади и с боков густо стреляли. Вновь стали рваться мины, но намного дальше, в глубину. По звуку не поймешь, достают наших или нет. Иногда по верху проходили пулеметные трассы. Главное, чтобы никому не напороться, если сбоку подвалит подкрепление. Хотя и маловероятно. Гостям догнать мою группу можно только по тропе. В обход далеко не уйдешь – там днем черт ногу сломит, что уж за ночь говорить.

Выскочил на поляну с сердцем в глотке. На подходе сквозь рев прокуренных легких и свист вылетающих со всех дыр слюны и соплей услышал окрик:

– Кто?!

– Деркул!

Прошел шагом мимо перепуганного Антона и ввалился в поворот. Передерий потерянно сидел у тропы. На мой немой вопрос он поднял уползавший в жирный куст моток зажатой в руке проволоки. Жихарь склонился над одним из бойцов. Внизу белели пятнистые бинты перевязываемого пулеметчика. Юра, посмотрев на землю за плечом и на меня, отрицательно качнул головой.

Там лежал Дзюба...

Сиплое, короткое, прерывистое дыхание через открытый рот. Голова запрокинута. Мелко сучащие, подрагивающие руки. Молочно отсвечивающее, мокрое от пота лицо. На месте таза намотан огромный узел бинтов, какого-то тряпья и плащ-палатки. Уперши под самый лоб, взгляд устремился в будущее, которого у него больше не было. Только прошлое...

Вот так. Мотался братишка на уазике и на своих двоих из «Душманбе» на погранзаставу и назад, мимо «вовчиков» и «юрчиков»⁴³, афганских духов и местных наркокурьеров, продажных мусоров и оскотинившихся партейцев, новоявленных баев и прочих тварей. Все видел, всего хапнул – полными горстями дерьма: и под пулями полежал, и по минам поездил, и пацанов потаскал. И вот тут, на пороге собственного дома, догнала... забрала Косая свое, что давно ей причиталось.

Подняв глаза, я рявкнул в сторону тропы:

– Какого хера вы, блядь, сидели?! Ракета – для кого была?!

Кто-то придушенно прошептал:

– Дзюба ленту свежую добить хотел, а ПК уже снялся и выходил...

– Да не вышел, смотрю! – Ладно, что орать-то. Толку? – Антон! – когда тот появился, продолжил: – Передерий! Заканчивай – и вперед, никого не ждешь. Место встречи – по плану. Кузнецов! Винтовку и два магазина – сюда! Схватил ПК. Бугай! Твой – АГС. Полностью. Оба помогаете расчету с раненым. Дзюба, Жихарев остаются со мной... Выполнять! Бегом!

Мужики, дернувшись от окрика, за несколько секунд загрузились и ушли. Следом, опустив голову, прошел Дед.

⁴³ «Вовчики», «юрчики» – названия противоборствующих сторон (условно – «проваххабитских» и «просоветских») во время гражданской войны в Таджикистане.

Жихарев поднялся.

– Иди, командир. Догоню...

Он стоял прямо передо мной и был готов, тут даже и сомнений не возникало. В листве над головой чирикали латунные птички. Ожившая батарея лихорадочно укладывала мины на сто метров ближе и левее, чем следовало. Примерно в ту же степь глушил и пулемет. Решили, что мы будем уходить в Белогоровку, вероятно, их ввел в заблуждение разгоревшийся там бой. Может, просто отсекали от села, а следом за нами по тропе с горящим взором летит «на добивание» десяток «охочих»⁴⁴. Сейчас как-то все равно, что у них в голове. Самим бы разобраться.

– Юра! Я своего на такое одного не оставляю... – он поднял руку, но я не дал сказать: – И мне пофиг, что ты по этому поводу думаешь. Или – вместе, или – догоняй народ. Базара не будет...

Глаз я так и не поднял. Сейчас не время в гляделки играть. Еще пару слов, и кто-то из нас свалится возле Дзюбы. Без командиров – лягут остальные. Но и уступить – нельзя. Лучше сразу – ствол в пасть и застрелиться к херам собачьим.

Непонятно передернув плечами, он тихо ответил:

– Подержи голову...

Старлей встал на колено и потянулся к ноге. Опустившись, я зажал виски Олежки меж ладонями. Жихарев вытащил нож, аккуратно ввел лезвие плашмя в рот и мощным, быстрым ударом в торец рукояти – как в долото – вогнал его под углом к затылку. Тело на миг вздрогнуло, выгнулось дугой и обмякло.

Я встал и поднял за кронштейн винтовку. Юра, не без усилия вырвав финку, порылся в карманах Дзюбы, нашел какие-то документы, спрятал и, не глядя на меня, двинулся по тропе.

Вышли к стоянке. Посмотрел... Народ понуро встал навстречу. Одному перевязывали плечо и ногу. Двое стояли со светящимися в темноте бинтами. Еще боец, с белой головой, сидел чуть дальше возле плащ-палатки с пулеметчиком. Зашибись! Один – убит и позорно брошен. Пара на руках, третий – не поймешь, двое – поцарапаны. Третью группы! Повоевали, бля...

Никольский подошел ко мне и, дружески положив руку на плечо, сказал:

– Кириллыч. Брат. Что сделаешь?! Не выполнил приказ – попал...

Я поднял глаза.

– Матери его расскажешь, хорошо?

Борек отшатнулся.

Слева горела Белогоровка. На окраине мощно полыхала БМП. Вторая, Трофимовская, тоже огненным фонтаном пылала справа – на половине дороги между нами и станцией. Связи не было ни с кем.

Впереди занимались окраины города.

Так начался штурм Лисичанска.

* * *

Переезжали трассу, меня встряхнул и выдрал из полудремы свистящий прямо в ухо шепот перегнувшегося через борт Передерия:

– Аркадьич, Аркадьич! Смотри!

Чуть дальше въезда во двор шахтоуправления, на тропинке под заборчиком тихо пристроилось несколько гусеничных и колесных машин с массивным навесным оборудованием. В темноте особо не разобрать, но, видимо, какая-то специализированная техника. Судя по возмущенным интонациям, фанат Денатуратыч свое родное увидел.

⁴⁴ Охочий (укр.) – желающий, то есть вызвавшийся, доброволец.

– Дед! Залезь, на хрен, в кузов – свалишься сейчас! – Он что-то еще успел быстро протараторить, но я уже занялся Педаликом. – Ты, сучонок! Почему не разбудил?

– Так ведь... Не спали вы!

Еще два раза крутанув рулем и поддав газу, он мягко притормозил возле отшатнувшейся от машины группы людей. Ума не приложу, как наш водила так быстро ездит без света в темноте, при этом до сих пор никого не задавив.

– Не спали... Машину за угол – ждешь команды. И не тупи, понял!

Согласно кивнув и наверняка постанывая про себя «Ну вот, снова – ни за что!», Жук пошачьи вырулил меж двух грузовиков и тут же растаял вместе с «ГАЗоном» в ночном мраке.

Пока подошел КамАЗ с Жихарем, в меня энцефалитным клещом снова вцепился Григорыч:

– Командир, ты видел?! Ну, скажи – видел?!

Понятно, сам – не отвяжется. Надо было коньяком поделиться, да вот только стремное это дело – с Денатуратычем.

– Дед, что я должен был увидеть такого? Стоят машины, три штуки. Твои машины, саперные. Что дальше?

– Не саперные, а инженерные... ладно. Это универсальные минные заградители. Новые! Самые крутые! Механизированная постановка минных полей... каких хочешь – полей... – Он смотрел на меня так, как будто, повтори я это заклинание вслух, вода в соседней луже тут же превратилась бы в мерцающий лунным сиянием вермут.

– И что? – Вот уж умеет томить...

Бывший инструктор-подрывник, наклонив голову набок, скроил недовольную рожу и, невольно копируя интонации моей математички из давно закрытой восьмилетки, отдельно произнес:

– У нас нет, никогда не было и быть не может этой техники... Никогда – понимаешь? Это – россияне!

Понял – теория заговора. «Паранойя безжалостно косила наши ряды!»

– Григорьевич, дорогой! Все полезное, что мне суждено узнать, я узнаю в штабе, а что меня не касается, пусть стоит там, где поставили. И руками не мацать, а то поженят. Лады?! – Развернувшись, позвал взводного: – Юра, Передерий сидит у Педали в «шестьдесят шестом». До команды из кабины не выходит. Проследи, будь добр.

Дед озабоченно нахмурил брови и, подчинившись, успел по дороге от души прогрузить Жихаря. Зато не из обидчивых – радуется.

Осмотрелся. Рядом со входом в бункер курили несколько офицеров полка Колодия. По батальону их не помню. Новые... Чуть дальше у входа раздавалось виноватое бухтение самого Богданыча да звенящий от негодования голосок моей старой подруги. Ну ты попал, батя! Эта пердлявочка из кого хочешь душу вынет. Такую мозголюбку-затейницу еще поискать!

Закинув автомат за спину, двинул на звук. Впереди у стены маячило несколько машин. Вначале узнал БРДМ⁴⁵ Стаса. Он-то что тут делает? Дальше – больше: две КШМки в песочном камуфляже я видел и раньше... плюс несколько БМП сопровождения и блатной бронированный джип. Нормально! Либо Шурпалыч весь штаб в пампасы вывез, либо он – с командующим. Попадалово... Понятно, откуда эту суку ветром надуло. Ничего, родная, я тебе сейчас вечеринку обломаю...

– Катька, твою мать, – сто лет тебя не видел!

Шипение сменилось возмущенным молчанием. Недавно принявший полк Буслаева Колода, не сдержавшись, чутко громче, чем следовало, перевел дух. Маленькая, ладно скроенная женщина с изящной фигуркой, гневно отвернувшись от меня, вновь задрала симпатич-

⁴⁵ Бронированная разведывательно-дозорная машина БРДМ-2.

ную востренькую мордочку куницы, готовясь вцепиться в добрые, домиком, глаза бывшего комбата. Ага, щаз-з-з!

– Не понял?! Ты че, жаба, – не рада меня видеть, а?! – Чуток металла в голосе и ноток праведного недоумения. – Или: ушел с должности – забыла, как звать?

Тут она не выдержала...

– Кирилл Аркадьевич! Я – Екатерина Романовна, если вам удобнее по имени... – Могу поспорить – лиловыми пятнами пошла. Девчонка напряглась, ее сразу очень правдоподобно передернуло. – И еще! У меня нет времени на ваши дурацкие шуточки. Я работаю!

– Я заметил... это мы тут дроним!

Красавочка еще раз дрогнула всем корпусом, точно зная, что на меня это не действует. В образе, видно... Ощущая кожей глумливые улыбки со всех сторон, она, продирая бумагу в заветной черной тетрадке отложенной мести, навела напротив моей фамилии не иначе как сотый жирный крестик, задрала голову на свои полные метр шестьдесят «с каблуками» и гордо, с прямой спиной, процокала стальными набойками вниз по кафельной лестнице бывшего банно-прачечного комплекса.

– Кать, ну шо ты как девочка, честное слово! Я ж шучу... Да дай хоть за сиськи подержаться! – Последние слова улетели в темный зев подвала. Ледяное могильное молчание было ответом, а ржание чуть ли не в голос за спиной – всеобщим народным одобрением.

– От бисова дытына, як кинулася... вжэ нэ знав куды подитысь! – Перекомандовавший за свои пятьдесят с гаком всем на свете Колодий явно не был готов к такому наезду. Просто не знал, старый, на что напоролся! Это дите, которому еще тридцати нет, таких, как ты, батя, на завтрак жрет и после не отрывает.

От машин штаба отделилась расслабленная фигура Демы. Подошел, обнялись. Начальник охраны Кравца хитро посмотрел на меня и как бы невзначай в потоке общего трепачения:

– Ты Катю особа не щемил... – и, не договаривая, приподняв бровь, добавил: – А ведь хороша стервочка, скажи!

Да понял я... понял! С другой стороны, он мог бы и не намекать: ему-то какое дело до того, кто и почему шефову прошмандовку уломил.

– Нормально, брат.

Я благодарно хлопнул его по плечу и пошел навстречу выходящему из подземелья Стасу.

– Это кто тут сотрудников аппарата гоняет? – В суровом начальственном рыке сквозили неприкрытые смешинки. Богданыч не понял и вытянулся по струнке. Пока мы хлопали друг дружку по спинам, он так и стоял, покорно ожидая продолжения «вливания». Ненароком оттаскивая Стаса в сторону, я быстро прошептал:

– При всем уважении... Если эта курва еще раз позволит в присутствии подчиненных отвязаться на по фиг кого из боевых офицеров, пойдет ко мне в отряд. Как раз будет где пацанам писюны отмыть.

– Отвали со своими бабами, о'кей? Разберусь... – При всей вальяжности сказал негромко и в сторону – только для меня: – Не повезло Катюке.

– Что там?

– Там – круто. Опанасенко, Буслаев и Сам. Покурите с Колодием полчаса. Вы – последние.

– Будет весело?

– Очень! Только уговор – с порога матом не орать. Договорились?

– Посмотрим...

– Нечего смотреть.

Пока суд да дело, вернулся к взволнованному полкачу, приобняв за необхватную талию, увлек за собой на поваленный взрывом ствол акации.

– Ну что, Богданыч, пошли загорать. Наш номер – восемь, помрем – не спросят.

– И звидкиль цэ у вас, добродию, такой гарный коньяк? – даже не поведя носом, вдруг оживился новоиспеченный командор.

– Ну, Богданыч, у тебя нюх! Не проведешь... – Сам призывно махнул рукой Жихареву. – Ты, батя, лучше расскажи, на кой тебе с этой цацкой цепляться? – Протянул руку, взял у понятливого Юры флягу и передал Колодию.

Тот неторопливо, оценивая литраж, встряхнул, сделал пару смачных глотков, оторвавшись, потряс, как бы взвешивая остаток, еще раз приложился – по-скромному и передал оставшиеся сто граммов назад. Вот это опыт, я понимаю!

– Та я ж и миркую... – Пока мы со взводным добивали волшебную воду, полкач кратко поведал историю о звонке из Военсовета и о заказанном ими транспорте для обслуживания корреспондентов. – И дэ ж мэни цых машин на всех набраты? – горестно закончил он свой рассказ. Хозяйственная прижимистость бывшего комбата задолго до сего знаменательного события на века вошла в народные предания, но здесь он был прав.

– Да, батя, обеими ногами – да в тазик с маргарином. Дивчина – шалэна: без трусов в бассейн прыгнет. На будущее... Посылай под три чорты и не ведись на разводки. Ты кому подчиняешься? Вот приказы штаба и исполняй... А вообще, увидишь – держись от греха подальше.

Тут я, правда, Колодия немного перелечил. Легко сказать – посылай. Эту кобылу я посылал и не раз, толку?

* * *

Голодным степным ветром занесло девочку из глухого крестьянского Старобельска в Луганск. Таким же загадочным северным порывом вбило в голову и выбор профессии. Без видимых проблем окончив факультет журналистики нашего педа, она вполне успешно успела сменить несколько печатных изданий и наконец попала на редакторскую должность в новостийный отдел кабельного телевидения.

О том, что «такое» Катя Хонич, я знал и ранее. Журналистская среда внутри себя достаточно информирована – все знают всех. И когда в самом начале войны Екатерина Романовна вошла в отдел контрпропаганды как ответственный работник, я, ни секунды не думая, двинул к Стасу. Но было уже поздно. Цепкие ручонки этого ангельского создания крепко держались за член одного из Бессмертных.

Лишенная даже намек на какую-либо инфантильность, беззащитность, романтичность, всего того, что делает подростка девушкой, насквозь прагматичная, с заточенной в бритву целеустремленностью, она, казалось, была рождена и воспитана не в человеческой семье, а искусственно выращена на некой бизнес-фабрике будущих золотых директоров MLM⁴⁶.

Внешне Катька, что называется, на любителя. Эдакая мечта педофила – «женщина-ребенок». Невысокая, даже маленькая, но демонстративно стройная, всегда на шпильках, с осанкой школьной примы балльных танцев, с хорошей высокой грудью и круглой правильной попкой. Симпатичная, чуток конопатая мордаха: выразительные карие глазки, чистая ухоженная кожа, бровки игривой дугой, ровненький точеный носик, крупные резные губы, большой рот – все хорошо. Только вот характер – безжалостное и расчетливое животное. Не злобная, жестокая или уродка, а просто тварь.

С волчьим молоком, которым ее вскармливали, она, без сомнений, всосала действенную истину: «Чисто вымытая жопа – залог успешного карьерного роста». Причем во всех смыслах.

И не иначе, у нее был хороший учитель физкультуры. Не знаю за остальное, но виртуозное владение техникой лазанья по канату она освоила досконально. Там все просто: вцепилась

⁴⁶ MLM, multi level marketing (англ.) – многоуровневый (сетевой) маркетинг.

пальчиками в горло или куда пониже, высоко поджала расставленные ноги, оперлась на тех, кто вровень с тобой, встала на плечи и головы – хватайся за следующую глотку или яйца – как получится.

Так она и шла по жизни. Сама не делала ничего – принципиально. Кто делает – ошибается. Кто много – чаще попадает. Катя была чиста, как свежий лист ватмана. Имея крышу и будучи защищенной от силового давления или дилемм типа: «Уберите эту суку, я с ней работать не буду!» – она спокойно въезжала в работу структуры, находила слабые звенья и начинала «предлагать». Спокойно и без истерик: «А давайте сделаем вот так, и будет лучше». Хорошо: «Бери – делай». Но Хонич сама траншеи не роет, она руководит... и тут, в работе с подчиненными, в самой организации этого процесса, Екатерина Романовна показала себя во всей красе утонченной корпоративной мегеры.

Она не кричала, не кидалась, не топала ногами и, обливаясь слезами, не билась в припадке. Зачем?! Хрупкая девочка ставила человека перед столом, садилась напротив и методично раскатывала в «ничто». Пару раз послушав, я вычленил ее «коронку»: она постоянно просила, спрашивала, требовала, по-любому, не важно как, но вытягивала признание – в проколе, ошибке, лени, бесталанности. Заставляла признать... от совсем малого – к большему, потом – к еще большему. До самого конца – до упора. Получив признание, тут же выдвигала дикие, но аргументированные обвинения. Передергивая, переворачивая с ног на голову, съезжая с неудобных тем, без конца провоцируя, вынуждала оправдываться, приводить систему контраргументов и собственные системы доказательств и, естественно, всегда ловила на слове – ведь их было так много, «презумпция виновности», однако. Далее новые требования «признать»... Главное – не отпускать, не прощать, не давать даже намек на шанс – никакой милости к побежденному! Ежели уж Катенька ухватила за кадык – все, пиши пропало: пока не удушит, не отпустит.

То, что люди у нее делали все, что ей требовалось, даже не обсуждается. Не просто выжимала любого до последней капли, нет – этого мало! Милое дите – ломала человека, доводила его до какого-то рабского иступления, до отрыва от самого себя и действительности, до полной дезориентации: попавшие под раздачу просто не понимали, что происходит!

Мне кажется, в этом был какой-то элемент садизма, или, вернее, Хонич, как истинный мастер, попутно с главной решала еще парочку второстепенных проблем, например восстановление некой социальной справедливости. А что?! Каким путем по жизни идет она? А эти красавчики?! Да нет, ребята! Вот вам, голубоглазые мальчики и девочки из благополучных губернских семей, – прочувствуйте, стоя на коленях перед обрюзгшими импотентами, всю прелесть глубоких сосательных движений! Ну, где-то так, я думаю...

И тут, с Размежеванием, тонко прочувствовав будущие катастрофические изменения в иерархических раскладах, успев мертвой хваткой вцепиться в забронзовевшего могиканина партийно-комсомольской номенклатуры, приходит эта красавочка в совершенно специфический мир пиарщиков, креативщиков и вообще поэтов-технологов на должность координатора по работе с ТВ. Очень быстро начинает забивать в темечко точные гвоздики и расставлять все, как ей потом надо будет.

Поначалу я с ней пытался бороться – разговаривал с Кравецем, отправлял ее в дальние командировки. Стас отмахивался и просил потерпеть – там, внутри, зрели очень взрослые движения. Из ссылок ее неизменно возвращали, тупо через голову.

Она тоже как-то поуспокоилась. Мое кресло могло прельстить только самозабвенного фанатика: ничего, кроме сутки напролет щелкающей клавиатуры, светящегося монитора и пары несмолкающих телефонов, перед ним не было.

Ситуация в нашей Республике тоже стала меняться не в лучшую для всех сторону. Клан Бессмертных, периодически выцарапывая друг другу глаза и так же стремительно мирясь – до поцелуев взасос, тащил Восточную Малороссию на дно. Вражеские войска под стенами не сто-

яли, но все понимали: дело времени. Выросшие в системе, а потом окончательно сформированные в эпоху государственного капитализма, наши кучмонавты ни о чем, кроме как о сохранении балансирующего меж «умными и красивыми», никому даром не нужного Каганата и спасении собственных активов, не думали. Вопрос о «разрыве в клочья» стоял уже не в месяцах, а в неделях, если не в днях.

В ситуации постоянного, циничного до беспредела двурушничества, нескончаемой склоки и оголтелого крысятничества непотопляемые броненосцы, более того – отцы-основатели Республики, те самые, которым мы по сей день обязаны педералистической терминологией⁴⁷, прозевали главное. Тайное умение, которым они почти два десятилетия своего правления владели безупречно, неожиданно им изменило.

Они пропустили момент, когда вырос Лидер. Они-то растили только бледные тени и пресмыкающихся убожеств, а тут надо – воевать. И поднялся Командир. Причем поднялся из стойла, которое просто так ни бензином не облить, ни дегтем не измазать.

На дворе стояла всеобщая мобилизация. Лето, с первых своих дней отыгрываясь за людское безумие, решило заранее выжечь город дотла: до подхода установок залпового огня, тяжелой артиллерии и массированных БШУ⁴⁸. Политический расклад окончательно прояснился до обывательской очевидности. Стало ясно: «Республику приговорили. Она обречена».

Успехи нового командующего объединенными силами Петра Петровича Скудельникова если кого и вдохновляли, то только моих журналюг, причем лишь самых зеленых, тех, кто писал «позитивку». Мастодонты «чернухи», тяжеловозы аналитики и прочая «посвященная» братия лишь грустно улыбались да с самого обеда глушили абсолютный бестселлер завода «Луга-Нова» – водку «Республиканская», именуемую в народе не иначе как «Безбазарка»⁴⁹.

В один из дней, как раз во время очередной жутко «чрезвычайной» и традиционно «закрытой» сессии, в корпусах бывшего областного совета и госадминистрации внезапно сменился караул. Милицейская охрана организовано погрузилась на грузовики и убыла восвояси. Вместо наших знакомых, изнывающих под непривычными касками и брониками «беркутят», на посты встали сразу три структуры: армейцы – на крышах комплекса, недавно созданный сводный отряд милиции – на первых этажах и неболтливые ребятишки в штатском – по всем коридорам и пролетам.

О случившейся перестановке я узнал быстрее, чем обычно...

– Зайди ко мне! – отрывисто бросив, начальник управления по связям с общественностью сразу положил трубку.

Допечатав предложение, я встал и, заправив в джинсы оттопыренную на пузе майку, вышел в коридор. В дверях столкнулся с русым крепышом в тяжелом, поверх добротной шелковой рубашки, армейском бронежилете, подсумками на поясе и АКМ в руках. Так по зданиям администрации раньше не ходили. О парнишке я слышал как об офицере СБУ по фамилии Демьяненко. По жизни с комитетчиками у меня не складывалось, и я его знал только в лицо.

– Деркулов?

– Да...

Он, кивнув и не оборачиваясь, пошел вперед. По нему было видно: повторять не будет и уверен, что я иду сзади. Возле кабинета Стаса открыл дверь и, пропустив меня вперед, вошел следом.

⁴⁷ Совет Педераций, педералисты, педераты (*жарг.*) – Совет Конфедераций, конфедераты. Презрительное наименование Восточной Конфедерации, ее общественно-политических деятелей, воинских частей и военнослужащих, распространенное на всей территории ЦУРа, Республики Галиция, а также среди всего несогласного с политикой Конфедерации населения бывшей Украины.

⁴⁸ БШУ – бомбово-штурмовые удары.

⁴⁹ «Безбазарка» – термин произошел от стандартной шутки: «Ну шо, за Республику?! – Да без базара!»

Кравец стоя курил у окна. Скользя взглядом, кивнул и показал глазами вниз. Я подошел. В колодце двора стояло человек двадцать. Среди бурлящего водоворота камуфляжа, оружия и рослых фигур стелой выделялся неподвижный, сцепивший руки за спиной Скудельников. Из центральных дверей строем, с ладошками на головах выводили народ в сияющих костюмах и шикарных галстуках. Увидев лица, я понял: все, шутки закончились.

Далее события пошли по совсем чумному, шокирующему примитивной обыденностью и взрывной быстротой сценарию. Без всяких разговоров, криков, речей и прочих драматических аксессуаров всех восьмерых Бессмертных поставили к возведенной с началом первых бомбежек стойке фундаментных блоков и тут же без проволочек в три автомата – расстреляли.

Не спрашивая, закурил. Не до этикета...

– Что дальше?

– Соберешь всех своих. Подумай, кого возьмешь из общего отдела, из координаторов, корреспондентов... Всех – моих, твоих, чужих, кого считаешь нужным. Их – в список и – в конференц-зал. Мы перестраиваем структуру. Никого не отпускать. Если нужна помощь... – он кивнул на охранника, – к Деме. Соберемся, скорее всего, к ночи. Работы будет... ну, ты понял.

В отделе «контры», как и во всех корпусах Совета, народ стоял на ушах. Секретарша выразительно показала глазами на женский туалет. Пришлось зайти.

На опущенной крышке унитаза, упершись в кафель совершенно пустым взглядом, сидела Катька. Я присел на корточки. Она уже отплакала. Огромные, полные запредельного ужаса и слез глаза. Никогда еще Судьба так не ломала об колено этого, безусловно, сильного звереныша. Она была готова. Я это видел. Хонич, если бы за ней пришли, гордо проследовала бы во двор и легла вместе с остальными. И шла бы прямо, не сутулясь, и легла бы молча – без соплей.

Ее можно было не любить, ее можно было ненавидеть, ее можно было добить – легко! Только вот презреть – обойти вниманием – Катьку в эти минуты было нельзя.

– Ну, девочка... перестань, перестань... – Двуспальной периной сграбастав за крошечные плечики, я притянул ее к себе. Она прижалась и, расслабившись, снова, сотрясаясь всем своим почти детским телом, зарыдала. – Ничего не бойся. Я отправлю тебя отсюда подальше. Все образумится. Ты девка сильная, пробивная, и все у тебя будет нормально. Главное – не ссать! Хорошо? – Она быстро закивала. – Ну и славно. Иди отмывай тушь. Закройся в своем кабинете и не бзди.

На третьи сутки непрерывной работы я выполз во двор администрации. Сладковатый запах мертвечины в коридорах и кабинетах вызывал позывы времен юношеских практик потребления непереносимых доз портвейна. Трупы раздуло, и убирать их, кажется, никто не собирался. Зато работоспособность управлений, отделов и служб Правительства Республики внушала определенный оптимизм.

Не слишком обращая внимание на грозные взгляды паренька-омоновца, подошел поближе.

Властители судеб, хозяева области, цвет касты Неприкасаемых, последний раз в своей жизни надулись изо всех сил. Брючные ремни, воротники коллекционных сорочек и пиджаков от известных домов врезались в распухшие тела. Лошечные, ухоженные лучшими косметологами лица посинели. Открытые, никогда не лгушие глаза задуло круговертью пыли и мелкого мусора. В раззявленные рты намело окурков и всякого сора. Меж сияющей металлокерамикой мостов и зубных протезов вибрировали отливающие горячей медью живые клубки мух.

Сколько вы сломали, переехали, ограбили и обманули? Куда край опустили? Для чего было все? Нацареванное – где? К чему вы пришли? Вот к этому?! Говорят, ничто на этом свете не возвращается. В таком случае Скудельников – посланник Рока. Здесь и сейчас вернулось. Отлилось каждому по полной...

– Деркулов!

Повернулся. Задумавшись, не услышал, как они вышли из здания. В нескольких метрах за спиной стоял Кравец. Возле него председатель Военного Совета Республики. Чуть поодаль столпилось несколько человек аппарата и совсем немногочисленная, если сравнивать с прошлым, охрана.

Скудельников внешне откровенно не вызывал особых впечатлений. Среднего роста, обычного телосложения, ну, может, чуть более худощав для своих пятидесяти. Короткая, аккуратная стрижка светлых седеющих волос. Рядовые, достаточно правильные черты вполне интеллигентного лица. Ну, может быть, только глаза: приглушенные, неопределенно-серые, немного более внимательные, чем у других. Дабы точнее определить – захватывающий, считывающий, прилипающий к тебе взгляд.

Подожел...

– Кирилл Деркулов. Наш...

Он не дал Стасу закончить:

– Знаю! – сделал шаг навстречу и крепко пожал мне руку.

– Здравия желаю, Петр Петрович.

– Вот, Кравец, учитеесь! – и широко улыбнувшись, продолжил: – Я знаком с вами, Деркулов, – читал ваше досье. Вы мне нравитесь. Надеюсь только, что вы не станете при случае просить с ним ознакомиться?

– Петр Петрович! Не все журналисты дебилы...

Понравилось всем... Но Скудельников хотел добить начатую тему.

– В вашем Curriculum vitae⁵⁰ есть один интересный момент. По заключению психолога, у вас завышенный порог такого параметра, как «восприятие справедливости». Намного больше обычного. Вы, проще говоря, очень чутки к всяческому проявлению несправедливости в любой форме... – Я пожал плечами – мол, «вам виднее». Он, не останавливаясь, продолжал: – И как по-вашему, это... – он, резко выбросив левую руку, указал на ряд вздувшихся тел, – справедливо?

– Думаю, да. Пока! Посмотрим, что новый ветер принесет... Несправедливо только, что это исключение, а не правило. И то, что они третий день тут лежат, тоже не есть хорошо, для всех нас. Во-первых, воняет, а главное, очень плохая карма.

Бывший полковник СБУ, сделав шаг, вновь улыбнулся, в упор посмотрел мне в глаза и, наклонившись, негромко сказал почти на ухо:

– Нет. Это хорошая карма! Самый качественный и продвинутый пиар. Поверьте мне, как доктор – доктору! – выпрямился, еще раз, чуть прищурившись, прося и закончил: – Вы же художник, Деркулов! Отойдите от технологий и шаблонов!

Надо признать, Скудельников не соврал. Дисциплина, работоспособность и ответственность возросли на порядок: и у нас, и в целом в обществе. Перестройка большинства структур прошла за считанные дни, в то время как в обычные, даже сверхблагополучные времена такие масштабные изменения заняли бы месяцы, если не годы.

Пропаганда в одночасье, выскочив из удушающего прессинга надменных и все на свете знающих властителей, вздохнула и включилась во всю мощь (никогда не забуду обычное приветствие одного из бонз в преддверии серьезных проектов: «Ну что, сборище интеллектуальных импотентов, думать будем?»).

Наши издания поменялись полностью. СМИ не из «не наших» вместо тупого давления и мелких гадостей прошлого ощутили прочувствовали тяжкую длань нового Командующего и в

⁵⁰ Curriculum vitae (лат.) – описание жизни.

одночасье закрылись. Как, не стесняясь, открыто заявил Петр Петрович: «Либо либеральная демократия, либо сражаемся».

Идиотские монологи «ни о чем», льющие воду с полос, а зачастую и с целых разворотов, сменились динамичной мозаикой новостей, аналитики и спецрепортажей. «Расчлененка» прочно заняла чуть ли не двадцать процентов всего контента.

Отправленная мною командовать «репортажами с мест» Катя Хонич свою работу – заставить, сбивая ноги, лезть спецкоров в любую преисподнюю – знала от и до. Да и в ее изящной головке картины чувственных генитальных ласк как-то умудрялись вполне мирно сосуществовать рядом с документальными кадрами вывернутых промежностей с оторванными яйцами – фото- и видеоматериал шел такой, что закачаешься. Соответственно, и результаты не заставили себя ждать: ярость благородная вскипала правильными волнами.

Самые глубокие изменения коснулись основы основ – меседжей. Для начала мы сменили риторику «вливающих жопами педерастов» на суровую «речь солдата»: без подготовки перешли с «отсосем – и вашим, и нашим» на «последний рубеж крестового похода на Русь». Но этого было мало...

ЦУР уже открыл ящик Пандоры и выпустил демонов ада на свободу. Свидомые, не изобретая велосипеда – уроки большевиков не прошли даром, – прямым текстом сказали толпе: «Можно!» Разумеется: «Пануемо, хлопцы!» совсем не: «Грабь награбленное» и «Мир хижинам, война дворцам», но результаты очень похожи. У нас не было времени заморачиваться, и мы ответили просто: «Они ответят за все!» Тоже мало не показалось.

Выдержав еще неделю этой свистопляски и почти заработав хроническое плоскожопие, я, бросив все, заодно насмотревшись по дороге на последствия собственной пропаганды, отвез семью к родителям жены в Богучар и, не возвращаясь в отдел, рванул в боевые.

Тем временем Командующий, как и многие неглупые люди, не чуравшиеся классики, шел торным путем «кнута и пряника». И достиг большего, чем можно было предугадать. Пачка решительных и жестоких расстрелов на месте – по горячему – за пару недель свела на нет чудовищный цинизм распределений и все безумие выдач гуманитарки. Так же без судебных тяжб и проволочек стали разбираться с просто опухшими от вседозволенности и безнаказанности чинушами: небоевыми ментами, таможенниками, прочей армией разрешителей и распорядителей благ. Вопросы с мародерством и грабежами беженцев, с уличной преступностью и спекуляцией реестровыми продуктами решались совсем быстро. Тела «решенных» не убирались по два-три дня.

И тут произошло нечто: несокрушимый базис, на котором последние десятилетия зиждился режим, универсальное мерило всего на свете, та великая ценность, ради которой продавались души, становились раком и на колени, – Их Величество Деньги вдруг потеряли весь блеск. Они отошли на какой-то задний план. Многие, например наше управление, вообще не за «мани» работали; паек получали, да и ладно: «Тут история вершится, а вы с каким-то баблом!»

Народ облегченно вздохнул и хором пропел искреннюю аллилуйю «сильной руке».

Но это, разумеется, не главное. Самым большим достижением Скудельникова была его команда. Он неведомым образом неизвестно где откопал и непонятно как зажег плеяду ярчайших военных талантов.

В первую очередь – мозг всей армии – начальника штаба Александра Павловича Опанасенко. Мне кажется, что такой головы не было не только у ЦУРа, но и во всех штабах Сил оперативного развертывания Евросоюза. Пятидесятилетний полковник, в свое зеленое время – по окончании Киевского ВОКУ – долго стоял на распутье между карьерой общевойсковика и шахматиста. Выбрал армию. Но не повезло. Период самого расцвета любого армейца пришелся у него на смутные времена распада Союза, парада независимостей и проклятых войн «своих против своих». Здесь же воссиял. При обороне Северодонецка Шурпалыч плел такие

кружева из взаимосвязанных очагов обороны, управляемых минных засад, заслонных и резервных групп, надежно спрятанной и внезапно появляющейся техники и артиллерии, что в них забуксовала самая сильная группировка, когда-либо ранее выставляемая в этой войне.

Умный, терпеливый, немногословный, готовый умереть за одного солдата, за один взвод, группу, он влюбил в себя всю армию и служил ей верой и правдой. Она же, армия, готова была лечь хоть под Северодонецком, хоть под Луганском и пойти за Опанасенко и на Киев, и на Варшаву, и куда угодно, да хоть на Вашингтон! Пофиг тот океан, только прикажи!

В довесок к Опанасенко Петр Петрович нашел и за каких-то полгода буквально вырастил трех комбригов.

Упертый матерщинник и до безумия свирепый в бою танкист Буслаев был готов любые железобетонные руины, в которые по карте ткнул карандашом начштаба, превратить в Дом Павлова. Демоном ночи мотаясь на своей изувеченной КШМке по горящим развалинам, он в конечном счете сдал в щебень – до фундаментов и подвалов – стертый коврами ударами конгломерат Лисичанск – Северодонецк – Рубежное. Но по приказу! Только вот после этой вполне заслуженной победы у строевых частей ЦУРа напрочь отпало желание воевать всерьез. И теперь при любой возможности они поступали исходя из постулата: «Европи трэба пэрэмога? Ото хай воны й воюють».

Можно быть безжалостным к противнику. Можно быть жестоким к солдату и, пополняя вмиг редющие ряды беженцами и добровольцами, класть людей эшелонами, до мокрых штанов распинаясь на каждом углу о священных жертвах и последней капле крови. Только так настоящий авторитет не завоевывается. Иваныч везде, где было нужно, стоял насмерть. Только от любителей кидаться во все стороны громкими словами его отличало то, что он сам «стоял». И не сбоку, а в самой гуще, там, где в бетоне арматура горела бенгальскими огоньками. Соответственно, и цена его приказа была несоизмеримо выше любого патетического словоблудия. Мы ему верили, и под его слово любой был готов стоять до последнего, так, как сам Команданте стоял.

Слава Буслаева так далеко шагнула за пределы Луганщины, что в зоне действий его бригады стали появляться группы из других республик Конфедерации. По слухам, он пригреб легендарного дончака Гирмана, так и не нашедшего общего языка со своим командованием. Говорили и о других известных полевиках, которым вдруг стало удобнее сражаться у нас, а не в родных Республиках.

Грамотный, расчетливый, чем-то неуловимо похожий на Командующего и тоже комитетчик, Каргалин разбирался с югом области. Войны там пока не было, но шла активная подготовка, выстраивались оперативные связи с братьями по оружию – дончанами и, конечно же, центральный нерв Восточной Малороссии – граница с РФ. Что и как делал Владимир Геннадиевич, мало кому известно, но факт остается фактом: если в середине лета член Военсовета собственной персоной и по великому благу достал для друга одну (!) крупнокалиберную винтовку (их на весь фронт всего штуки три было, да и то две – у охраны Бессмертных), то сейчас, в декабре, только у меня, обычного полевого командира, их было пять. То же и с остальным вооружением и прочим многообразным обеспечением: от еды до лекарств, от амуниции до боеприпасов, от транспорта до ГСМ, от эвакуации родных до отправки тяжелораненых.

Его по большому счету вообще не было видно. Но тыл – это фундамент любой, пусть даже не особо регулярной, трижды сепаратистской и поголовно педералистической армии. И то, что он у нас прикрыт, мы не просто чувствовали – знали доподлинно. С чем и шли в любую заваруху.

Север Луганщины держал Ярик. Когда-то с треском изгнанный из системы, бывший командир пачки милицеских спецподразделений, продвинутый рукопашник и отчаянный боец, Ярослав Алексеевич Узварко умудрялся успешно работать в проукраинских сельских районах. Поддерживал порядок, обеспечивал поставки продовольствия, сдерживал и громил

различные группы разведки, агитаторов и пропагандистов, диверсантов и провокаторов, бандитов и дезертиров, бродячих отморозков и прочего прифронтового люда. Как показатель гибкости – ему удавалось удерживать достаточно высокий уровень лояльности к Конфедерации со стороны чисто украинского сельского населения.

За ним тоже шли. Не потому, что крут, не потому, что бесстрашен, не потому, что наш, луганский, а потому, что Мужик.

И еще был Стас. Рожденный с золотой ложкой во рту, выпестованец наследственной губернской элиты; человек, проживший пять лет в студенческой общаге только потому, что любил баб больше уюта; проработавший полтора десятка лет в университете только потому, что ценил науку больше денег; всем довольный и самодостаточный плеейбой – стал вторым человеком в Республике. Помимо разросшегося до неприличия управления пропаганды Кравец возглавил нечто, соответствующее министерству иностранных дел, и практически лично осуществлял все международные контакты. Учитывая специфику восприятия Республики в мире, понятно, что «работал» он в основном с Москвой.

Какой бы от неба бубновой целкой он ни был, а вот же приходится признать, что даже я: личный друг – по жизни, однокашник – с первых дней, военная оторва – с начисто сорванной еще в Афгане каской, ставлю его при всем том на самую верхнюю планку. Командир без дураков!

Теперь, через полгода безраздельной власти, этой команде предстояло сдать очередной, наверное, свой самый важный жизненный экзамен, настоящую государственную поверку – отстоять Луганск.

* * *

Из бункера вышла группа и сразу направилась к нам. Опытный Жихарь мгновенно испарился, мы с Богданычем вытянулись по струнке (ну, насколько это возможно с нашими-то габаритами!) и замерли двумя мясницкими колодами.

Петр Петрович вначале тепло поздоровался за руку с Колодием, потом развернулся ко мне.

– Здорово, Дракулов-Акула-Деркулов!

– Здравия желаю, товарищ главнокомандующий! Про графа – ни слова, Петр Петрович. А за Акулу я потом на банкете в честь победы вашему секретарю совета лично по печени настучу! – Кравец, стоя за нами, откровенно веселился. Во-первых, он считал шутку с придуманным для меня позывным удачной, а во-вторых, разговор обещал быть очень непростым. Лучше начинать смеяться со старта, дабы плакать потом неприлично было. С Дракулой же случилась совсем другая, весьма мерзкая история, после которой я прославился на весь мир и стал, пожалуй, одной из самых одиозных фигур среди боевиков Республики... Если не самой обосранной.

– Печень на день победы мы и так уьем. Не вопрос! Дело за малым – дату назначить.

Перешучиваясь, направились в подвал. Перездоровавшись с начштаба и комбригом, встали перед расстеленной на столе картой. Начал, и очень серьезно, Скудельников:

– Времени нет, долго говорить не буду – не на митинге. Общая ситуация понятна. Нюансы проясните в самостоятельном порядке. Задача номер один – остановить бронегруппу. Не дать развернуться у пригородов города. Подойти – не дать! Задача номер два – нанести такой урон, чтобы как минимум отбить охоту штурмовать город. Как максимум – заставить убраться восвояси. Доктрину «чем больше их гробов, тем короче война» никто не отменял. «Пленных не брать» тоже. Вы знаете, какие после Северодонецка шли дебаты в ЕС... Поэтому! Нами разработана операция... Часть деталей вам расскажет Александр Павлович, часть до поры останется для вас неизвестной. Поскольку наиболее болезненные вопросы коснутся Деркулова, я

специально пригласил на это совещание секретаря Военсовета Станислава Кравца. Вы долгие годы дружили семьями, жили в одной комнате кампуса, вместе работали в самые трудные дни. Уверен, его слово для вас, Кирилл Аркадьевич, будет равноценным залогом.

Такая забота приятна, слов нет, если не предполагать, что за нее потом попросят. В любом случае красивый ход – своеобразная консолидирующая замануха. В духе Стаса! Моя независимость как полевика достаточно условна, и я по-любому соглашусь, какую задачу мне бы ни поставили... Ясное дело, выторгую все, что смогу, но скрепя сердце соглашусь.

Скудельников продолжал:

– Если каждый из нас выполнит все, что предписано планом, если мы будем точны, исполнительны и мужественны, то сражение под Сутоганом навеки войдет в историю, а противник надолго потеряет аппетит. Только мы твердо должны помнить, что на самом деле исход битвы решится не здесь, а во Врубовке и в Родаково. С Врубовкой, надеюсь, Буслаев разберется как положено... – Сделав паузу, Петр Петрович прямо посмотрел на нас с Богданычем, и я увидел, насколько измучены его глаза. Он собрался и жестко закончил: – Родаково будет ваше. Мужики, сделайте их!

Глава III

Родаково

После быстрого отбытия главнокомандующего мы, оставшись впятером, приступили непосредственно к плану. Расставили стулья, достали блокноты. Начштаба, увидев мою скорченную при заходе на посадку мину, внимательно посмотрел поверх очков и поинтересовался.

– Что с вами, Деркулов?

– Отвратительное питание, хроническая усталость, мало баб, водки, сна. Сауна, опять же... – Он терпеливо ждал. Сухой, хладнокровный, прямой и неподвижный, как противотанковая пушка. Красные белки и желтые пятна на лице, третья, если не четвертая бессонная ночь; вот и поторгуйся с ним. – Извините, Александр Павлович! Фурункулез. Весь зад в чирьях – и смех и грех. Ни попариться, ни до врача доехать – только вчера из болот вылезли.

– Я знаю... – Он перевел усталую двустволку на комполка. – Михаил Богданович, у вас там банька, кажется, организована?

Колода сразу заерзал:

– Та яка там лазня, Олэксандрэ Павловичу! Тики назва. П'ятьом хлопцям нидэ повэрнутысь. – Весь нахохлился, насупился. Такой виноватый, такой несчастный. Ну не знал бы жабу, поверил! Вот уж артист.

– Отлично. В десять получасовых смен и помоются. Запишите. В полку есть военврач?

– Е... фелшэр.

– Очень хорошо. Обеспечьте личному составу отряда осмотр после помывки. Далее – записывайте, Колодий, – к 15:00 должен быть готов макет вот этого участка... – Опанасенко обвел на карте кусок Родаковского подъема. – От ориентира «мост реки Белая» включительно до «Сухая балка» включительно – по вертикали и от сих – до сих в ширину. Вопросы?

– Зробымо...

– Итак... Рассказываю общий план операции, потом проработаем детали...

Оказалось, штабу группировки известна точная дата начала наступления – утро 22 декабря. Наши европейские друзья решили сводной бронегруппой подразделений СОРа, частей ЦУРа, добровольческих формирований – эсэсовских⁵¹ «курэнив» Галичины и отрядов прибалтийских легионеров – одновременно с фланговым обхватом ударить влобовую: выдвинуться из Алчевска и по магистрали Е40 пройти до Луганска основными силами. Отдельно, перевалив одной усиленной пехотой бронегруппой через Родаковской бугор, опять же степными просторами, подойти к Луганску по Бахмутской трассе и встать у стен колыбели города Каменного Брода.

Моторизированная огневая мощь, которой они располагали, безраздельное господство в воздухе и в информационном обеспечении против тех жалких крох тяжелой техники, которой у нас и раньше было негусто, а уж после Северодонецка осталось и вовсе – только повод дать, позволяла противнику, не особо напрягаясь, действовать просто и комфортно.

Для фронтального удара сводные силы выбрали самую короткую, широкую и качественную дорогу. Остановить их здесь могли только законченные обдолбайцы из потомственных камикадзе, и то ненадолго. Да никто раньше и не собирался – единственной нашей тактикой, приносившей хоть какие-то плоды, была разветвленная очаговая оборона с построением многоярусной системы огня в населенных пунктах. В чистом поле нас даже не «рвали» – лениво, словно сусликов, давили гусеницами танков.

⁵¹ «Эсэсовские» (*жарг.*) – презрительное наименование, произошедшее от аббревиатуры самоназвания «Січові Стрілці» добровольческих полков (куренив) Республики Галичина, поддерживающей ЦУР по всему спектру вопросов.

С обходным путем намечались определенные трудности. Восточная Малороссия – страна горная. Понятно, Донецкий кряж – не гималайские ледники, но разделявшее две главные транспортные артерии плоское плато на этом отрезке можно было пересечь лишь в трех точках: непосредственно у Алчевска, потом – через поселок Родаково и у самого города – в дорожной смычке у станции Сабовка. В первом случае пришлось бы ломиться тридцать километров по убитым шоссе сквозь несколько поселков и городишко Зимогорье. Оно и по названию видно, что населенный пункт пусть и маленький, но характер степных горцев наш противник уже прочувствовал. В последнем случае весь охват терял смысл – в Сабовке смыкались обе трассы, а расчет строился на том, чтобы заставить нас обороняться на два фронта. Да и в лабиринтах железнодорожных развязок, мостов и закрученной петлей дороги можно было нахвататься от гранатометчиков по самое «не хочу». Оставалось – Родаково.

Вот тут стратегический гений командования и нашел свою изюминку. Замысел отличался запредельной логикой и откровенным коварством. Бронегруппу без боя пропускали ровно на половину всего пути к Луганску. При подходе в растянутый на пять километров вдоль трассы поселок Белое фашиков издали обстреливали секреты и пехом уходили назад в жилые массивы. Через километр напротив шахты им. XIX партсъезда и цыганской слободы, носившей собственное неофициальное название поселок Сутоган, под прямым углом начинался поворот налево в Родаково.

Пока часть брони с пехотой втягивалась на дорогу перед подъемом, основная группа без боя шла до конечных поселковых окраин, где упиралась в оборону. Решено было поставить смешанное минное поле, подрывом уронить путепровод и, используя зигзагообразные повороты трассы, посадку с правой стороны дороги, жилые дома и маневрирующую внутри поселка бронетехнику, тормознуть группировку.

В это же время мне отводилась задача, используя сложный рельеф подъема, остановить обходную бронегруппу на Родаковском бугре. Колодий, в свою очередь, на середине плато удерживал подходы к моим позициям, а также непосредственно железнодорожную станцию и пгт Родаково от прорыва при возможном маневре через преддверие Зимогорья – поселок и станцию Лотиково.

Вначале у меня глаза на лоб полезли. Опанасенко, видя, что я напрягся, спросил:

– Судя по всему, у Деркулова появились вопросы?

– Это мягко сказано, товарищ полковник. Ну, я – по порядку... Хорошо, допустим, все идет по плану. Мои полсотни гавриков спокойно жгут примерно восемьдесят, судя по протяженности зоны ответственности, единиц бронетехники суперэлитных, как вы их там называете, частей...

– Бронекавалерийских... Знаете, что это такое?

– Да. Гибрид танковой и разведывательной бригады.

– Это по классике в армии США. В СОР немного другая структура. Распечатки для вас готовы. Возьмете – изучите за завтра. Продолжайте...

– Продолжаю... И попутно расстреливаем какой-то из добровольческих пехотных батальонов. Лично мне, конечно, все равно, что гуцулы, что лабусы. По-любому неленивые насчет повоевать ребята. Главное – отстреливаем. Вы же тем временем останавливаете остальную толпу. Правильно?

– Так точно... – Кажется, он даже немного приподнял вверх уголки губ, хотя нашему начштаба это не свойственно. Зато Стас убаженным котом развалился на табурете, словно у него под столом Катька изо всех сил трудится. Не иначе, в руках отцы-командиры пачку тузов заготовили.

– И что дальше?

Опанасенко вдруг широко улыбнулся (первый раз в жизни увидел, клянусь!) и, повернувшись к сидящему рядом Стасу, сказал:

– Что дальше, Станислав Эдуардович?

– Да как обычно, Кирьян. Садимся всем Военсоветом в седла, шашки наголо – и мать их так и разэдак!

Буслаев, подперев голову рукой, хитро шурясь, поглядывал на меня с нескрываемым любопытством – что же я дальше делать-то буду? Явно мы с Колодием тут что два тупоголовых школяра-неумехи – ни о чем не в курсе.

– Хорошо, понял. Нет вопросов! Возьмем мою задачу... Вот я ставлю себя на место соровского Шурпалыча. Что имеем? Есть два очага обороны и идеально подходящая для засады дорога. Как действуем? Первое. Подойдя к мосту, расстреливаю, на хрен, весь бугор вместе со складками местности с обеих сторон дорожного полотна. Второе. Высаживаю на вершине плато пару десантно-штурмовых групп и оставляю им для прикрытия вертолетное звено. Третье. Высылаю наверх усиленный дозор. Разворачиваю его на вершине. Следом – поднимаю бронегруппу. При первом же выстреле еще раз засеиваю все рвы, кусты и канавы из САУшек⁵² и автоматических минометов. Так же поступлю и с обороной в Белом. Пару БШУ – для разминки, далее САУ и танки – прямой наводкой – стирают в пыль и минное поле, и баррикаду, и весь жилой сектор вместе с бронетехникой и защитниками...

Опанасенко устал слушать и поднял обе руки вверх.

– Все, сдаюсь, сдаюсь. Наголову разгромил. Молодец! Теперь серьезно. Давайте, Кирилл Аркадьевич, я расскажу, как дело будет?!

Пришлось молча развести руками, мол – подчиняюсь...

Оказалось, что не все так просто. Противник традиционно шагу не ступал без детальной и тщательной разведки. Причем, как правило, разведки комплексной – от фотоснимков со спутников до видео в режиме реального времени с беспилотников. Теперь его главное оружие должно ударить в хозяина. Они, естественно, детально знали все нюансы нашей подготовки на двух рубежах обороны – на задних окраинах поселка Белое и в центре станции Родаково. Только вот преисполненные военного могущества соровцы не обращали особого внимания на муравьев, копошившихся в поселках Родаково и Белое, а ведь именно нам – блеклой пехоте – отводилась главная скрипка в этой разработанной Шурпалычем хоральной симфонии ре минор.

Непонятно, какой политический фактор они задействовали и на что рассчитывали, но здесь присутствовал цельный министр иностранных дел, и роль Стаса состояла в гарантиях. Он дал жесткие вводные: у противника в час «икс» для начала отрубалась связь на всех частотах – от УКВ до GPS – тотально. Спрашивается, что толку тогда от всей трижды могучей артиллерии СОРа! Далее, было гарантировано, что ни один самолет крупнее БПЛА и ни один вертолет с момента отсчета не взлетит.

Поверить не могу! Не будет штурмовиков и вертолетов? Я в шоке! Да соровцы тогда – без связи, огневого сопровождения и воздушной поддержки – шагу не ступят! Ну ладно, посмотрим, спорить все равно бесполезно...

И в довесок мне не пришлось ничего выторговывать – сами дали столько, что еле увез. И это только часть обещанного!

– Ваша задача, Деркулов. Первое. Завтра до 18:00 вы совместно с Буслаевым и Колодием, используя спутниковые снимки, личную рекогносцировку и изготовленный штабом полка макет местности, разрабатываете: карту минных полей, точки закладки фугасов, диспозицию групп, расчетов и схему построения огня. Второе. Также к 18:00 вы должны принять и распределить пополнение. Кроме того, вам отдельно будут приданы три группы. Вам знакома фамилия Гирман?

⁵² САУ – самоходная артиллерийская установка.

Чуть не поперхнулся... Боря Гирман! Борис Яковлевич Гирман! Живая легенда Республики Донбасс, неуловимый полевик, командир засадной гранатометной группы, человек, сжегший столько вражеской техники, что во времена оные – ходить бы ему трижды Героем.

– Да...

– Он со своей группой входит в ваше подчинение. Кроме того, сегодня вместе с вами назад в расположение уйдет группа технической разведки и корректировщики. Ваша задача – обеспечить их всем необходимым, а они, в свою очередь, обеспечат вас связью. Сразу ставлю вам условие: люди из служб прямого подчинения главнокомандующего – никаких лишних вопросов. Далее. Вам будет придана минометная батарея капитана Штейнберга. Вы, кажется, знакомы. И наконец, третье. Завтра в ночь к вам прибудет отдельный инженерно-саперный батальон, который за ночь поставит минные поля. Вопросы?

Тут, конечно, спрашивать и спрашивать. Да вот только по опыту знаю – отдохну, когда в бой вступим. До этого штабисты загоняют вусмерть. Успеют, не напрягаясь, за трое суток подготовки в том числе и на вопросы ответить. Так хотя бы сегодня отоспаться. Ход мыслей Богданыча полностью соответствовал общей колее. Встали.

Опанасенко, видя, что у меня на уме, напоследок сказал:

– Деркулов! Не забивайте голову вопросами, а просто качественно готовьтесь к операции. У нас нет ресурса для ведения боевых действий уровня двадцать первого века. Поэтому мы вернем нашего высокотехнологичного противника в условия, привычные для вас – во времена войны в Афганистане. Поставим их перед реалиями восьмидесятых. А там, вы знаете, у кого нервы крепче да готовности идти до конца больше...

– Попробуем, Александр Павлович. Пока мы не на характер мерялись, а по пословице: «У кого больше, тот и пан»!

– Вот мы и поменяем правила игры: отступать нам больше некуда, а с характером у нас никогда проблем не было. Посмотрим, на что они готовы.

– Хорошо, товарищ полковник... Попробуем наших западных друзей на железистость очка: когда жим-жим – песочек не сыпется?

Кравец расхохотался. Шурпалыч сдержанно улыбнулся. Буслаев сиял и откровенно гордился своими подчиненными.

Попрощались, вышли.

На улице меня окликнула Хонич. Подошла, сухо вручила тяжелый полиэтиленовый пакет и ледяным тоном сообщила:

– Станислав Эдуардович распорядился передать.

Нет, ну какова сука?! Ты же, когда все рухнуло, мне в жилетку плакалась – сдалась, что называется, с потрохами. Тебя спасли, спрятали на все время раздачи слонов. Я не забыл своего данного в присутствии зареванного унитаза обещания – отправил лично на следующий же день. Со дня разговора в туалете ты ни разу меня вживую не видела, считай, полгода. Сто раз обоих могли грохнуть под любым обстрелом или бомбежкой. Я уже не твой начальник и вообще ушел в совершенно другой, параллельный тебе мир. Нет же! Опять наша гордая девочка взлетела и снова взялась за старое. Ничего человеческого! Сухая, бездушная функция продвижения к вершинам власти. Тварь...

– Спасибо.

– Не за что.

Вот уж точно...

Пакет очень кстати. Надо Жихарева порадовать – алаверды, однако. Богданыча еще разок угостить – от него, помимо баньки, вскорости много чего потребуется. Да и обещал же своим командирам гостинцев. Вот не с пустыми руками и вернусь. Заодно будет чем пилюлю подсластить. Шутка ли, пусть с двумя кузовами гранатометов, взрывчатки и мин да с разными

подкреплениями, но остановить в чистом поле чуть ли не бронетанковый батальон да пехоты сотен несколько! Волей-неволей призадумался.

* * *

На Луганщине, сколько помню, Родаково всегда называли Бермудским треугольником. Причин тому было несколько, но главных две: место расположения и база «Родаковоресурсы». Насчет географии – отдельная тема, а вот предприятие само по себе притча во языцех.

Построили ее в благословенные времена застоя, как раз в паре километров от поселка, а заодно и одноименную железнодорожную станцию расширили, дабы потребности базы могла удовлетворять: депо создали, мастерские, весовые, как положено. Ну, разумеется, людей привалило в поселок, возвели прицепом пару микрорайонов.

Обозвали для начала «Родаковской универсальной». Переименовывали потом бесчисленное количество раз, но именно такой – широкого профиля – до самой своей смерти она и оставалась. Окончательно добили ее бомбежки, но на деле конец ей пришел в аккурат с падением Союза, ибо создавалась она для материально-технического обеспечения юга РСФСР; в сферу ее обслуживания входили Ставрополье с Ростовской, Белгородской, Воронежской и частью Харьковской областей и, конечно же, половина Донбасса.

Переваливали все: металлы, уголь, ГСМ, лес, строительные материалы, метизы, резину, товары народного потребления и еще сотни так необходимых народному хозяйству наименований. Все, что плохо лежало, ясное дело, тащили по домам. Обеспеченность местного населения могла бы вызывать определенное беспокойство у правоохранителей, если бы не одно «но» – Родаково лежало за пределами всякой досягаемости.

База, поселок и станция расположены в самой середине одной из возвышенностей Донецкого кряжа, и к ним ведет всего две дороги. Вернее, одна – та, посередине которой Родаково и расположено, – связующее шоссе между двумя магистралями. И если летом особых проблем нет – хоть с Донецкой, хоть с Бахмутки: заезжай не хочу, то с первыми морозцами и снежком поселок, а соответственно и вся остальная инфраструктура, от «большой земли» отрезался напрочь. Единственное сообщение – электрички да проходящие сквозняком магистральные составы. Правда, от станции еще дойти надо – парочку километров до пункта назначения. Если снег не чистить, задача не из простых. Его и не чистили. Принципиально!

Поселок жил базой. База жила директором. Директор жил традициями. Традиции сложились исторически – под стать суровому характеру родаковских горцев.

Лет тридцать пять, а то и сорок, до самой перестройки, возглавляли ее люди разные, но единые в одном: все были местные, и все чтит закон. Он же гласил: «Не мы для базы, а база для человека». Так и жили.

С первыми заморозками, дождями и ветрами ломался телефон. Тем паче он ведь не просто «провод», а радиотелефонная станция, и что с них, тогдашних, взять – не сотовый, однако: постоянной устойчивой связи не было. С первым снегом выходили из строя тракторы. Что зимой взять с дизеля? Правильно... Дороги переставали чиститься. В Родаково никто из начальства не ездил. Местному руководству в районном Славяносербске, а тем паче в областном Луганске и подавно делать нечего.

Продукция отгружалась лишь железной дорогой и только в световой день (зимой, с электричеством... ну, понятно). Люди же тем временем жили! Собирались в управлении не очень рано для сельских жителей – к 9:00. Хозяйства-то у всех – о-го-го! Понятное дело, скотину покормить, подоить, убратся и прочие дела, да и привычка вставать в четыре утра – никуда не денешься. К началу рабочего дня – уже проголодались.

В актовом зале, на первом этаже головной конторы, сдвигались столы, на стол выкладывались скромные «тормозки» немудреной сельской пищи и разные цветные бутылочки, типа,

с компотами. Бахмутский шлях, с которого все «есть пошло», в том числе и поселок, – дорога древняя, часть легендарного пути «из варяг в греки». Чего уж теперь вставать в гордую позу перед давними и вполне невинными обрядами настаивания спиртосодержащих смесей на травах, ягодах и плодах.

Размявшись, с десяти начинали работать: принимали и отправляли составы, выгружали-загружали, складировали и учитывали. Работы – много, ответственности – еще больше. Соответственно и штат – две сотни управленцев. Диспетчеров, телефонистов, экспедиторов, весовщиков и прочего младшего состава ИТР – десятка три. Ну и рабочих – человек двадцать.

Директор после планерки, или второго завтрака, или летучки, – как назвать, – начинал обход закровов. Все основные лежбища располагались на втором этаже конторы. На первом и в подвальном цеху собственной швейки тоже были, но уже не те. Из управленцев – святое табу – мужик был один. Директор. Все остальные – дамы. У каждой отдельный кабинет. Вот с одной, максимум двумя в день он и работал. Потом выходил – сияющий и удовлетворенный положением дел на только что проверенном участке работы, а тут, как назло, обед. Сдвигались столы, доставались... Говорю же – традиции! К окончанию обеда, как правило, заканчивался и световой день.

Именно в Родаково, я уверен, родилось знаменитое на всю область выражение «послеобед». Все важные решения, все ответственные встречи, все судьбоносные мероприятия назначались именно на это волшебное время суток. И что характерно, здесь присутствует еще один разъясняющий многое родаковский корень: слово «послеобед» – мужского рода. Это – «он»!

Летом, разумеется, работалось труднее, но никто не роптал. Пахать на базе начинали чуть позже – двухкилометровые очереди грузовиков терпеливо ждали. А ну-ка! У каждого не меньше двадцати соток. Меньше двадцати в поселке – редкость. С таким могли и не зняться, запросто! Где у нас на селе лодырей любят? Само собой – телочка, поросята, бычки. Что уж там за птицу говорить – она по двору ходит; просто – есть, никто отродясь не считал. Колхозик, понятно, свой был – какой-то там «Червонный початок», – но хиленький такой, доходяга горемычный. Кто из нормальных пойдет туда работать в здоровом-то уме?

Надо отдать должное – руководство базы относилось к людям со всей душой. Когда все рухнуло, «Родаковоресурсы» никто не украл. База так и осталась в государственной собственности. Точнее – в собственности Родаковской громады⁵³. В первые годы пытались удержаться: выдавали зарплату тяжелыми мотоциклами с колясками. Потом велосипедами. В поселке в каждом дворе стоял мотоцикл, а велосипед «Украина» был самым массовым и всепогодным транспортом – китайцам учиться и учиться!

Да откуда, спрашивается, рядовому «черноголовому» узнать, что, обвязанные сталистой цепью от бачка унитаза, колеса велосипеда имеют приличную управляемость и нормальный тормозной путь на укатанном снегу и льду? Да и вообще, где измученному полуторамиллиардным братством несчастному желтому человечку вычислить, что есть в мире благословенная страна, где вязанку таких цепочек можно взять просто так – без всякого спросу, только лишь потому, что в этом райском уголке вселенной все добро – общее!

На этих «лисапедах» и «великах» по нечищеным дорогам особо отчаянные и горячие сердцами родаковские джигиты спускались в долину грез – поселок Белое. Главное – канонический горский промысел – купить соли и хлеба. Ну, и для души – подраться с поселковыми пацанами и с сутоганской цыганвой. Опять же – дела амурные будоражили кровь.

Вниз, в Белое, вели на самом деле две дороги. Одна – «главная», прямая брусчатка, с углом подъема в усредненные двадцать градусов, с трассы Е40 смотрелась направленной в небо взлетной полосой вздыбленного горой аэродрома. Вторая – гаревая, объездная, или «зимняя»,

⁵³ Громада (укр.) – община.

как ее называли местные, начиналась на развилке за мостом через речушку Белую и, серпантинном выкручивая ряд петель, ползла на бугор по правую руку от брусчатки.

С первым снегом подняться по «главной» можно было лишь на «Ниве» с зимней либо шипованной резиной да на правильно обутом джипе или на гусеничном тракторе. По «зимней» чуть проще, но в пять раз дальше. Плюс убита она даже в самые благополучные годы была так, что проще рискнуть и коровой на льду помучиться на брусчатке.

Теперь здесь предстояло подняться колонне СОРа и цуровскому пехотному довеску. Или не подняться, если повезет – мне. Осталось решить – на чьей стороне играет свою партию Фортуна.

* * *

Первым делом с рассветом двумя парами двинули на рекогносцировку. Лазали два часа. Вернулись, выслушали мнение Кобеньяка и Передерия, потом рассказали, что сами с Жихарем надумали. В общем – сошлись. Выволокли спутниковые фото – там, конечно, картинка иная, но когда на пузе прошел каждую рытвину, уже не принципиально. Один комплект исчеркали, благо – два взял. Единственная загвоздка – сколько мне людей дадут? С другой стороны, обещали многое, так что теперь не обессудьте – из глотки вырву все, чего не хватит.

На двенадцать уже вызывают в штаб полка. Вот заодно и обсудим вопрос пополнения и комплектации. Усадил Денатуратыча со Степанычем минные поля рисовать, Жихаря отправил под задачу вооружение и боезапас подсчитывать да планировать, а вот Салама взросло порадовал отдельной программой действий. С «банным днем» Никольский на пару со Стовбуром разбирались в самостоятельном порядке.

От Родаковского поворота дорога шла прямой, натянутой ниткой мимо заросшего дичкой и густым кустарником поля. Не сельхозугодья, вообще непонятно что. Скорее всего, поселок Белое планировалось расширять, и земли были выделены под застройку. Через трассу – террикон, а здесь, возможно, санитарная зона. Не понять. Ни домов, ни садов, ни полей. Степь, поросшая отдельными деревьями и непролазной растительностью.

Вся эта беда тянулась на восемьсот метров и упиралась в реку. Звучит, ясное дело, гордо! Жихарь с полшага ее перепрыгнул – метра три всего. Склоны берегов тоже не особо высокие и крутые. Мосток железный, обычный, автомобильный. Взорвем сразу. Им потом переправу навести – минут на десять работы. Но и не взорвать как-то неправдоподобно будет. Мины положили, а мост не взорвали. Непорядок...

Далее, через двести метров от моста, перпендикулярно основной дороге лежала узенькая колея грунтовки и остовы деревянных столбов вдоль нее. Ни начала, ни конца у этого пути не было. Справа, метрах в ста пятидесяти, стоял одинокий заброшенный дом да слева, в сотне, еще пяток покинутых развалюх. По карте – бывшие ветеринарная и метеорологическая службы.

Ну, коновал и мне бы сейчас не помешал – из Антоши врач никакой, даром что компьютерный гений, да и за точный прогноз погоды на двадцать первое тире двадцать второе я бы что хочешь дал. Особенно если бы они мне клятвенно пообещали, что будет так, как и идет: сырой мокрый снег с полночи, туман утром и морозящие слезы с видимостью на полторы-две сотни метров – все остальное время. Сладкая мечта гранатометчика.

В двадцати шагах от грунтовки дорога разделялась. Главная, не виляя, уходила брусчаткой к небу. По углам подъема – неравномерно. Первые семьдесят-восемьдесят метров – достаточно полого, причем сразу поднимаясь насыпью на два человеческих роста над плоскостью земли. Потом загребала на свои усредненные двадцать градусов. И тоже неодинаково: где и пятнадцать – с натягом, а где и все под тридцать – легко.

Через шестьсот метров после развилки брусчатка начинала терять крутизну траектории, входила меж двух запиравших ее холмиков. Далее шла ровно сотню меж двумя густо заросшими скатами, потом выскакивала в чистое поле, где смыкалась с притороченной к ней справа «объездной».

Этот кусок и был моей зоной ответственности. К большой беде фашиков, ни с самой дороги, ни с беспилотников, ни тем паче со спутника не было видно, что идущие параллельно дороге промоины, за столетия проточенные дождями по всей площади подъема, – шесть штук в радиусе километра слева и восемь в километровой зоне справа – совсем не канавки, а нормальные траншеи от метра до двух с лишком в глубину. Огибая многочисленные большие и малые холмики, смыкаясь и расходясь, они образовали то, что при нормальной позиционной войне называется «линиями обороны». Правда, противник не наступал по среднему срезу Родаковского бугра, а хотел лишь проехать по дороге. При нашем раскладе и занятии обороны внутри траншей он бы, подставляя бока машин по всему флангу, шел ровнехонько по насыпи брусчатки параллельно моим стрелкам и не имел никакой возможности ни съехать с нее, ни развернуться в боевой порядок. Что само по себе уже – зер гут!

По уровням тоже непросто. Дорога, казалось, висит над землей. Насыпь в одном месте поднималась на целых восемь метров. Но на самом деле, если исходить не из видимой глазу перспективы, а просчитывать траекторию гранатометного выстрела, полета снаряда или пули, то оказывалось, что дорога-то – в яме! Особенно с правой стороны, если смотреть по ходу выдвижения противника – снизу. «Зимняя» конкретно была выше.

Первые и самые мелкие промоины находились в семидесяти метрах с обеих сторон от дороги. Остальные в среднем тоже на таком же отдалении друг от дружки. Получалось, что я спокойно могу построить многоярусную систему перекрестного огня, не особо рискуя накрыть своих. Вопросы, конечно, были, но и у меня – не одна голова на плечах. Разберемся всем миром.

С установкой мин тоже – не особо сложно. Тем паче, мне пообещали решить проблему «без вопросов». Денатуратыч светился изнутри и снаружи. Когда я ему сказал, кто и как будет минировать, он, по-моему, даже миг нирваны испытал. Разговаривать более не хотел, рука требовала карандаш – остановить прекрасное мгновение на схеме минных полей. Не хотел бы я оказаться в роли пехоты на той брусчатке.

Определившись в целом, решили проблемой маскировки и защиты стрелков заняться тоже загодя, не откладывая. Для этого необходимо отрыть внутри промоин – в боковых стенках у самого дна – ниши размером с человека, дабы туда для начала вместе с оружием спрятать все засадные группы и потом, во время мясорубки, им было где носы укрывать. И нор надо было нарыть, во-первых, с запасом, во-вторых, скрытно и, в-третьих, надежно укрепить их от обсыпания.

Вот подготовкой к решению этой задачки я и нагрузил Ильяса Салимуллина.

В одиннадцать на базу влетел Петин уазик. Со Штейнбергом мы подружились в Северодонецке – несколько раз его минометы крепко нас выручили, пару раз сами под ними чуть не легли. Дело такое – алягеристое – всякое бывает. Батарея вначале входила в буслаевский полк, а потом, с повышением, Иваныч забрал мужика к себе в бригаду и сделал личным резервом Команданте. Минометчиков вообще-то хватало: и спецов, и самих самоваров, особенно в последнее время, но капитан – из наших, настоящих, проверенных бойцов.

Все считали Петю евреем, хотя он числился чистым немцем. Родился в благополучно забытом им Казахстане, а на Луганщину попал в невинном детстве, с переездом родителей. С шуточками он соглашался, кивал, гортанно курлыкал «я, я – юде!» и, кажется, от души забавлялся.

Внешне, без вопросов – вылитый аид или даже фольксдойче... правда, с ярко-рыжим лейблом через все курносое, веснушчатое лицо – «Made in Rjzan». Но даже откровенно славянская внешность не смущала особо продвинутых ценителей чистоты расы: «штейн»? Значит – «берг»! Хорошо хоть у нас народ, уже сполна вкусив «сладких» плодов прикладного национализма, за один вопрос: «Какой ты нации?» – мог, не особо взирая на статус вопрошателя, банально начистить тому харю.

Как по мне, Пете вообще было начхать на национальности. Хотя, как сам рассказывал, в подмосковной Коломне, где он успел закончить военно-артиллерийское училище, старшие товарищи из курсантиков особо по-первому от души забавлялись, напоминая «товарищу Петерсу» о вездесущей пользе немецкой пунктуальности: в караулах, уборках да в нарядах по кухне.

Над своими минометами капитан откровенно посмеивался и всерьез их за артиллерию не считал. Говорит: «За две бутылки водки – обезьяну научу!» При всем этом стрелял – снайперски да народ свой гонял – всем бы так подготовкой личного состава заниматься.

Когда Штейнберг получил шестой 120-мм полковой миномет, пообещал всем, кого считал друзьями, раздать часть своих старых батальонных – 82-мм. Лично я бы не отказался от парочки «подносов» – необходимый литраж, двоих толковых мужиков да с десятков шерпов уж как-нибудь бы организовал.

Штука при всей громоздкости – дельная. Особо в славном деле отсечения пехоты от бронетехники – азбуке городских боев. Плюс лупит, скотина, с закрытых позиций, причем таких, куда и соровские кудесники не всегда достать могли. Да по весу и габаритам «самовары» не шибко от моих «Утесов»⁵⁴отличаются. Только если крупнокалиберные с АГСами, как ни выставляй, считай, пацанов смертниками поставил, то миномет спокойненько можно спрятать за квартал в любой яме и так же быстро перекинуть в другое место – пока «шпаки»⁵⁵не прилетели.

Петя, увидев меня, радостно пошел навстречу, а я впопыхах не заметил парня, следом вылезавшего из кабины.

– Ты как, братишка? Заждался небожителей?

– А ты думал?! Даром я, что ли, прикрытия добиваясь, два часа по командирскому столу небритой пяткой стучал! Где мои самовары?

– Быстрый какой! Отдам в свое время. Не кипишуй! Посмотри лучше, кого я тебе привез... – Он развернулся к своему щупленькому попутчику.

Подле нас спокойно стоял молодой парень – невысокий, худенький, чернявый. Камуфлированная разгрузка, без броника да традиционный для «продвинутых» АКМС. Все бы ничего, если бы не развернутая до самых глаз горловина свитера...

В Конфедерации слишком хорошо знали эту неписаную моду помеченных страшным клеймом «львовского поцелуя».

Откуда у окров пошла страсть увечить пленных отрезанием губ, не знал никто. Какую роль в этом изуверском обычае занимал город Львов – тоже. Только вот на каком-то этапе вооруженного противостояния стало все чаще и чаще звучать это сразу ставшее зловещим словосочетание. Во всяком случае, не так уж и недавно. Первые фотографии черепообразных лиц я видел еще по работе в «контре».

Меня вдруг словно толкнуло что-то изнутри – ведь это же Гирман!

Он заметил мое замешательство и, первым сделав шаг навстречу, негромко сказал:

⁵⁴ НСВ-12,7 «Утес» – крупнокалиберный пулемет Никитина, Волкова, Соколова, калибра 12,7 мм.

⁵⁵ Шпак (укр.) – скворец. Шутка пошла от не знавшего украинского языка Буслаева, который, завидев в небе штурмовики СОРа, как-то ляпнул: «Шпаки прилетели» – подразумевая то ли известную картину Саврасова, то ли имея в виду поляков (называемых в Конфедерации «пшеками»). Фраза стала крылатой, и «шпаками» после называли не только авиацию СОРа, но и всех военнотружущих контингентов ЕС.

– Все нормально, Кирилл Аркадьевич. Здравствуйте!

– Здравия желаю, Борис Яковлевич... – Неловкость хотелось бы как-то замять, но нужные слова враз выдуло из головы. – Честно говоря, я представлял вас иначе.

– Это? – Он указал ладонью на закрытый свитером рот.

– Да нет, что вы. Возраст да и... – Как столовому серванту рассказать новенькой тумбочке о правильном понимании понятия «габариты»? – Поболе вы, по рассказам, казались.

Он улыбнулся – уголки темных глаз поползли в гору.

– Да... Я еще могу разделяться на три части, а в полнолуние становиться невидимым.

– Ха! Ну, это я и так знаю!

Действительно, что-то я тормознул. Помню легендарную, десятки раз слышанную историю о том, как в Рубежном Гирман спалил обвешанную сверху донизу металлокерамикой, системами динамической защиты и прочими фенечками глубокой модернизации навороченную польскую «Тварыну»⁵⁶.

Просчитав маршрут бронегруппы, он с ночи залез в полуразрушенную кирпичную трубу снесенной почти до фундамента районной котельной. Держалась она на честном слове, и в ней светилось несколько дыр от снарядов, сквозь которые сей урбанистический шедевр просматривался насквозь. Боря заранее завязал узел на скобе ступеньки снаружи, а сам стальной трос закинул внутрь трубы. На чем и как он расположился, история умалчивает, но, мартышкой на суку просидев половину суток, – дождался.

Пока его бойцы отвлекали противника огнем из руин соседнего квартала, Гирман спустился по тросу несколько метров, оказался напротив хорошего сквозного пролома и менее чем с сотни шагов сверху вниз смачно приложился из тяжелой «Таволги»⁵⁷ в заднюю полусферу башни. После, сжигая руки, съехал по тросу вниз и, песчанкой юркнув по заготовленному в руинах проходу, исчез в лабиринтах развалин до того, как авиационные пушки «Лели»⁵⁸ спаренным огнем заподлицо срезали на все сто пудов отслужившую свое предназначение трубу.

С моим пузом такой цирковой номер не проделать, тут и к бабке не ходи. Совсем не крупному Штейнбергу – тоже слабо. Да и по-хорошему мало найдется хитрецов, готовых повторить Борин трюк, а тех, кто смог бы просчитать все и, главное, решиться на подобную головоломную авантюру, – на пальцах одной руки перечесть можно.

– Пацаны, что за хренотень – тут все свои, кончайте «выкать». – Прав Петя, да и влез – вовремя.

– Да, действительно, Яковлевич... – Я протянул руку. Он вновь невидимо улыбнулся и пожал в ответ.

Добрый, скромный, тихий мальчик лет двадцати пяти. Ему бы очки еще – вылитый ботан – рядовой аспирант Стасовой кафедры. И это – он: прошедший кошмар лагеря для перемещенных и обезображенный на всю оставшуюся жизнь, выкупленный за деньги еврейской правозащитной организацией и бежавший от сытой жизни опять на войну, сжегший вместе со своими гранатометчиками народу и техники на десять международных трибуналов, неуловимая гроза и гордость обеих воюющих сторон в одном лице, охраняемый пожаром войны и объявленный в розыск пятью независимыми государствами, международный военный преступник – Борис Яковлевич Гирман!

⁵⁶ Тварына (укр.) – животное. Жаргонное наименование польского танка РТ-91 «Тварды».

⁵⁷ РПГ-27 «Таволга» – гранатомет одноразового применения.

⁵⁸ «Леля» – жаргонное наименование 35-мм зенитной самоходной установки «Лоара» на базе модернизированного варианта танка Т-72М1. С началом боевых действий силы польского контингента СОР ЕС, добавив комплекс противопехотного вооружения, использовали ее в качестве боевой машины прикрытия танков.

Выехали в штаб Колодия. Решил взять с собой Кобеньяка. Все же командирский опыт у подполковника – не чета моему. Пока собирались, чувствую, Денатуратыч маячит за спиной – нейдет деду. Тут и Василий Степаныч подоспел.

– Ты, Аркадьич, найди время – переговоры с Передерием.

– Я помню. Он с нами поедет.

– Ты сейчас поговори!

– Иван Григорьевич! Иди сюда, дорогой... стоишь в дверях бедным родственником, голодными глазами затылок мне палишь...

Два раза просить не пришлось. Мелкой рысью, оказавшись у стола с картами, наш чудоподрывник разложил веером густо исписанные листы.

– Хорошо, хорошо, ты с нами едешь. Сам все и расскажешь.

– Кирилл Аркадьич, потерпи две минуты. Хорошо?

– Лады. Садись докладывать.

Он сосредоточился и кратко выложил все, что они со Степанычем запланировали. Общее решение я уже знал – ничего нового в услышанном не было.

– Принято, Иван Григорьевич, я – понял.

– Самое главное! Когда встанет вопрос – надо отстоять, ругаться, не знаю, но добиться, чтобы нам по периметру ставили комплекты «Охота».

Нормальные запросы!

За это гениальное детище советской инженерной мысли Передерий не то что зуб – руку готов был отдать. Все уши прожужжал. Совершенно непреодолимый и безжалостный, как стихийное бедствие, полностью автономный комплекс из пяти взаимосвязанных мин и управляющего электронного блока – из всего саперного изобилия, на мой взгляд, был самым страшным и действенным оружием этого арсенала. Абсолютное минно-взрывное заграждение! Когда я впервые приволок от Буслаева в отряд два взрывных устройства, дед, забыв непреодолимую для него субординацию, кинулся мне на шею и, кажется, даже чмокнул в щеку.

– Договорились, Григорьевич. Как там будет – не знаю, но драться буду и без твоей команды с наших позиций не сойду.

Через пятнадцать минут двумя машинами приперлись в Родаково, словно стадо отморозенных на сафари новых русских: джип, УАЗ, у всех разные камуфляжи, несколько вариантов «калашей». Правда, все охотники, видать, жизнью потертые – не иначе как в дебрях буша на пару месяцев сезона дождей заблудились...

Вышедший со своим штабом навстречу нам Буслаев пару раз прошелся перед «Патролом» и очень подозрительно – как-то хитро и нехорошо – поглядывал на отбойник и крышу. Ну все – держись! Не иначе мозгует, как туда ДШК⁵⁹ взгромоздить. Правильно, он же надежнее «Утеса» будет, да только вот не потаскаешь его «на пузе», а Деркулову джип все равно на фиг не нужен, только понты колотить! Молодец, Иваныч! Все правильно – базару нэма! Только ты, родной, эту тачку последний раз увидел. Спорим?!

Довольный Колодий сиял, ухмылялся «у пышни вуса», приговаривал «добра дрындулэтка» и, судя по всему, ведя сепаратные переговоры за моей спиной, пытался развести Буслаева на нашего японца. Еще один кандидат на дальний посыл, хозяйственный ты наш.

– Богданычу! Шож ты так разчервонився, батьку? Никак на мой «Ниссан» глаз свой загребуший положил? Или, может, в баньку уже сходили да по коньячку – проехался?

Колодий и правда весь горел самоварной медью.

– Та – ни... якэ там око. Шо цэ вы такэ кажэтэ?! Цэ хтось згадав, як сраты сидав! – отшучивается, а сам на Команданте – зырк-зырк – как тототреагирует? Буслаев повеселился чуток, потом подошел ко мне, глянул в душу и говорит:

⁵⁹ ДШК/ДШКМ – Дегтярев-Шпагин крупнокалиберный / модернизированный, калибр 12,7 мм.

– Как ты, готов?!

– Нормально все, Дмитрий Иванович. Похоже – срастается. Только людей дайте – мне ровно половину не хватает. И ПТУР⁶⁰ – один, вместе с расчетом.

– Пятьдесят человек, значит...

– Так и прикидывал изначально.

– Да, помню... Будут люди. Сегодня – будут. Не такие волки, как у тебя с Гирманом, но и не сопливое ополчение. Пойдем-ка поработаем.

Петя с Борей двинули к себе – в вагонное депо. С Гирманом договорились перебазировать его группу ночью. Всех своих, кроме Кобеньяка, оставил курить на улице. В последний момент перед выездом вспомнил о проблеме Передерия. Испытывая серьезные комплексы по поводу оттяпанного по самое некуда хозяйства, дед мог мыться только в присутствии Бугая. Ну и Жихаря почему-то тоже не стеснялся. Вот я и решил взять их с собой, прицепом, чтобы без спешки смогли попариться.

За два часа управились со всеми вопросами, кроме минирования. Как и обещал, Буслаев отдал еще один расчет ПТУР «Корнет» и через силу распорядился насчет пятидесяти имеющих боевой опыт бойцов. Утвердил общий план операции, схему построения огня, диспозиции групп и расчетов, позывные и условные сигналы.

Спецура поставила свои условия, но гарантировала, что у нас связь, в отличие от противника, будет. Правда, телефонная, не везде и в придачу с качественными помехами. Мол, «извините, мужики, за все надо платить – их заглушим, но и самим достанется». Они попросили людей в помощь, но, учитывая, что у меня и так цейтнот и завал, работаг им дал Колода.

Через Бахмутку на обычном «жигуленке» прибыл командир отдельного инженерно-саперного батальона, представленный нам как капитан Петренко (из него такой же Петренко, как из Колодия – Штейнберг). Относительно молодой, жизнерадостный, преисполненный оптимизма и, судя по повадкам, живущий по принципу: «Подумаешь! И не таких быков в консервные банки закатывали!» – он сразу взялся за дело. Внимательно выслушав вводную и вытерпев методичный, дотошный расклад Передерия, капитан с порога расставил все по-своему:

– Значится так, господа. Ваш замысел понятен: «Безумству храбрых...» – и далее по тексту. Предлагаю такую схему. Поперек направления движения вот на этом участке... – он обозначил на макете зону от моста реки Белой до грунтовки, – выложу насыпом нестандартную четырехполоску⁶¹ «восемьдесят девятих»⁶² длиной сколько проеду. Точнее, проеду километр – по пятьсот метров вправо-влево от главной хорды дороги. Почему нестандартную? Из-за ширины – придется растянуть на лишние полсотни смежные ряды и еще сверху просеять «бабочкой»⁶³. Дурь с ПФМками, конечно, полная, но зато будет понятно, откуда они взялись по обе стороны основной дороги на склонах. Сделаем три закладки фугасов в голове колонны – на вершине бугра, где скажете. В четырех точках, вот здесь три и вот здесь одну... – сапер ткнул карандашом на макете четыре раза прямо над поперечной грунтовкой, – я сделаю замаскированные закладки из усиленных БДШ⁶⁴. Как раз – по розе ветров и метеопрогнозу – непро-сматриваемая дымовая завеса отрезет вас от частей основной трассы и участка вашей дороги до реки. Дым до неба встанет коромыслом – проверено. Три фугаса и дымовухи поставим на управляемый радиоимпульс.

⁶⁰ ПТУР – противотанковая управляемая ракета.

⁶¹ Имеется в виду четырехрядное минное поле из противоднищевых мин с неконтактными взрывателями.

⁶² Противотанковая мина ТМ-89.

⁶³ «Бабочка» – противопехотная мина ПФМ-1. Термин «бабочка» пошел от дистанционного способа минирования. При отстреле из контейнера эта небольшая, изготовленная в виде полумягкого полиэтиленового контейнера одноразовая мина становится на г-образное крыло и разлетается в стороны.

⁶⁴ БДШ – большая дымовая шапка.

– А что там с глушением, сами себя не вздрючим? – Буслаев обернулся к спешам. Те запротестовали:

– Нет. Мы сначала по вашей команде заряды рванем, потом уж врубим глушилово.

Капитан продолжил:

– Что касается участка склона, то тоже автоматом: по обе стороны дороги выставляю по однополосному минному полю длиной в шестьсот сорок метров, от самой грунтовки до начала ворот холма, то есть до фугасов. Положу в тридцати метрах от дороги жирной полосой до первых промоин. Плотностью засеивания «бабочкой» могу довести коэффициент вероятного поражения до «ноль-пять» – «ноль-шесть» при стандарте «ноль-три» – «ноль-четыре». Через такие поля не проходят.

Увидев мой удивленный жест, Команданте спросил:

– Что не так, Аркадьич?

– Вроде договаривались мою пехоту с обеих сторон дороги прикрыть ОЗМками комплектов «Охота». Теперь выясняется, что просто поставят полосу дистанционного минирования. По-хорошему, Иваныч, на кой мне этот полиэтилен?⁶⁵

Капитана явно задело неуважительно отношение к новым технологиям, и он удивленно приподнял одну бровь:

– Так, господа. Еще раз! Стоит задача запустить колонну противника в огневой мешок и порвать что Тузик грелку. Правильно? Отлично... Для предотвращения возможного фронтального разворота бронетехники устанавливается четырехполосное минное поле длиной во всю протяженность ваших позиций и глубиной в двести двадцать метров – от моста до начала подъема. Вы позволяете противнику сделать проход и, по втягивании брони в чулок засады, выжигаете технику, заодно прикрывая минное поле от попыток дальнейшего разминирования. В голове колонны... – он расплылся в ядовитой усмешке... – в виде стояночного тормоза устанавливаются фугасы. Для прикрытия ваших огневых точек от пушечных ударов хвоста строя ставится непросматриваемая дымовая завеса. Пехота отсекается от ваших позиций по обе стороны чулка засады двумя минными полями высокой насыщенности. В чем проблема?

Пришло время отстаивать заветы Передерия.

– Может быть, я чего-то не догоняю...

– Может быть... – едко улыбнулся кэп. При всем и обидеться на него нельзя – видно, что мужик действительно хочет сделать как лучше.

– Оценил! – я улыбнулся в ответ. – Первое. Мне необходимы совершенно непреодолимые минно-взрывные заграждения. Причем везде! Нас – сотня. Их – до штуки. Весь расчет на внезапность и массированный залп тяжелых гранатометов. Прорвется взвод – сотрут всех до единого. Уходить там некуда. Сам замысел на том стоит, что не заметят и не смогут предположить, что найдутся смертники, готовые здесь устроить засаду...

– Я понял, понял! Техника развернуться не сможет. Если, конечно, вы прикроете минное поле на грунтовке от разминирования.

– Пехота там, внизу, сможет пройти и обойти нас по склонам?

– Нет! «Восемьдесят девятая» без контакта срабатывает на любое железо – оружие, бронешлемы, на все. Плюс, я же говорил, сверху и особо стыки просею «бабочкой».

– А на склонах?

– Стандартный коэффициент в «ноль-три» тире «ноль-четыре» подразумевает, что из десяти солдат подорвутся трое-четверо. Полстопы, висающие на шнурках лоскутов ботинка, – очень вразумительный аргумент для оставшихся, поверьте!

– Не сомневаюсь! Только здесь их будут мочить с трех сторон в упор и еще минометы сверху. Когда вокруг валят подряд, без разбору, они могут просто стадом ломануться сквозь

⁶⁵ Имеются в виду мины ПФМ-1.

что угодно, невзирая на мины и прочее. Плюс – мне не нравится, что поле начинается в тридцати метрах от дороги. Там и до начала зоны минирования есть где укрыться, залечь и вести ответный огонь. Воевать с бронекавалеристским батальоном я не намерен – только лишь расстрелять из засады, и не более.

– Говно вопрос! Положу две полосы с отступом от дороги в десять метров. Могу, для остротки, поверх кинуть «паучков»⁶⁶. Они по мощности почти как «озимые»! – Просто молодец этот сапер. Весельчак! Ну правильно, ему – «поставил-ушел». На самом поле под огнем комбату не лежать и на собственное минное поле не молиться! Решил давить мужика до последнего...

– Это еще не все... На грунтовке и по периметру склона мины дистанционно набрасываются прямо на грунт. Правильно? – Капитан утвердительно кивнул. – Но тогда их будет видно, а это может демаскировать и нас, и общий замысел операции.

– Поэтому и предлагал начать метров с тридцати от полотна. ПФМка, сама по себе, вообще бздня, к тому же пылью, водичкой прибьет, снежком присыплет... Хотя по контейнерам все равно – вычислят сразу.

– Ну вот. А «Охота» закапывается...

– Вот домахались! А светиться мне всем батальоном целую ночь? Не заметят, нет?! А поставить сорок комплектов вручную – каждую мину, блок, датчик, каждый провод закопать – каково по времени?! Две сотни солдат на склоне рачком на всю ночь – не демаскирует?! Взрыватели все равно последними идут и торчат. В оптику – видно... Вообще, далась вам эта «Охота»! Хотите, так подарю. Хоть четыре, хоть восемь комплектов, только сейчас – не приставайте!

По-моему, мы с Передерием его все же достали... Глянул на Денатуратыча. Тот поджал губы и важно кивнул – мол, соглашайся. Ох ты вражина старая! Вымутил своего добра и успокоился? Ну красавец...

– Допустим. Что с «паучками»?

– Мне нетрудно отдельно зарядить несколько кассет и набросать поверху.

– Дед?

– Нет. «ПОМки» издали видно. И – перебор. Так, как предложено, красиво получается! – ушам своим не верю! Передерий и «перебор» с минами... Не верю!

– Принято. Километр противотанковых, от моста и до подъема, с полиэтиленом поверху. Дымовухи на грунтовке плюс три фугаса на вершине. На склоне – «бабочки». От полотна – двадцать метров и сплошняком, до первых промоин с полным их накрытием. Сколько на все уйдет времени?

– За пару часов – весь комплекс мероприятий... – командир инженерно-саперного батальона был удовлетворен окончательным решением. Ну правильно – ему еще у Буслаева морочиться неизвестно сколько.

– Когда?

– Завтра, с 24:00. После этого дорога непроходима. Ездить по ней можно только по брусчатке и до развилки. У меня есть вопрос...

– Да.

– Что делать с монументом? – Нормальная тема, капитан, только уже забытая...

Еще до штурма Северодонецка, барражируя по маршрутам движения техники Восточной Малороссии, штурмовик СОРа, как раз на Родаковском подъеме, ударил в наш Т-72. Причем не противотанковой ракетой, а какой-то бомбой. В результате в десяти метрах от развилки основной брусчатки прямо посередине «зимней» дороги образовалась воронка метра на три

⁶⁶ «Паучок» (сленг.) – противопехотная мина ПОМ-2. Прозвана «паучком» из-за шести лопастей, на которые она становится после дистанционной установки, и выбрасываемых ею на грузиках-якорях четырех обрывных проводов.

в глубину, куда целиком поместился нос корпуса вставшего на попа танка. После чего объездная стала однозначно непроходимой – препятствие встало в последнем крутом повороте перед выездом на развилку, и объехать его без прокладки новой петли было невозможно. Кроме того, танк сам по себе весит тонн сорок, а тут еще почти на три метра зарылся в яме и за полгода закопался – дождями, потоками грязи, земелькой – до цементного состояния. Такой себе стихийный «монумент» (на настоящий не тянул: жопой – кверху, мордой башни – набок, ствол согнулся и в землю зарыт – совсем не героический вид, одним словом).

Поначалу у нас были опасения, что его, теоретически, могут попытаться убрать и двинуть всей своей колонной вверх по «зимней». Но потом мы это предположение посчитали маловероятным. Если они вычислят засаду, то просто снесут огнем все до того, как мы начнем частоты глушить, завесы дымные ставить, прочие свои придумки в жизнь воплощать, и спокойно поедут дальше – по тихому, умиротворенному «донбассярскому» кладбищу.

Наш комбриг долго саперного комбата держать не собирался:

– Что делать с монументом? Ну, что же делать... Скоробить! – вот умеет же ляпнуть к месту и крылато. Даже попривыкли как-то, только улыбаемся. Это раньше – под стол ложились.

– Да понятно. Минировать будем? – Саперу тоже понравилось, чуть ли не в голос ржет.

– Нет!

Капитан пожал плечами, подразумевая «как вам будет угодно, сударыня», со всеми попрощался за руку и, махнув мне еще раз – «до завтра», умчался на своей «копейке».

Отправив своих на помывку, я, ни разу не отнекиваясь, принял приглашение старших командиров и двинул на обед. Зажимистый во всех отношениях, Колода тем не менее был по-настоящему радушным хозяином, и если уж он «запросыв» на кабанчика да «пид» горилочку, то тут можно спокойно готовиться к конкретным посиделкам. Это вам не фастфудишка какой из разряда «секс для неимущих».

На место попал к полуночи. Пока, после посиделок, парились в бане – заснул прямо на полке. Потом еще минут сорок Колодин «фэлшэр» отыгрывался на моих чирьях за всю неблагодарность стези армейского коновала. Народ водочку под кабанчика полными стопариками «ковтае», в баньке с веничком оттягивается, а он тут должен чью-то фурункулезную задницу мацать и вонючей мазью Вишневого обкладывать. Да еще и под едкие шуточки комбрига и своего же полкача. Те уж потешились, что называется, на всю катушку. А ну-ка, такой цирк: демонизированный всеми мировыми СМИ носитель черной харизмы и пассионарий абсолютного зла, страшный и ужасный Дракула-Деркулов, над голой жопой которого бесстрашно колдует светлый рыцарь Сияющего Скальпеля и Чистого Тампона – санинструктор Витя. К окончанию процедуры, думаю, он мне всю поясницу, булки и ляжки синяками расцветил.

У нас же работа кипела вовсю. Пополнение приняли и поделили согласно заранее утвержденному плану. Пешком, в режиме полного радиомолчания, выдвинулись на бугор. Вся связь – на посыльных. Транспорт – только легкой и транзитом. Хочешь на Родаковский подъем? Машину – на шахту! И время обозначь, когда ей назад в поселок выдвигаться, если не хочешь шесть километров ножками топать.

Салимуллин со своей группой – на позициях по левую сторону дороги, если смотреть на нее снизу – по ходу выдвижения колонны противника – от развилки до фугасов. Это его зона ответственности – сектор «В».

Далее, сектор «С» – зона Жихарева – вершина бугра, края посадки, закладки под фугасы – там меньше всего работы. И земелька в посадке не чета той, что на склоне. Да и густая поросль – маскировке на руку. Юра вскоре оказался рядом со мной – его люди занимались, в частности, и обустройством командного пункта.

Зоной «D» командовал Петя. Батарея Штейнберга располагалась за краем подъема, в ярах Сухой балки, и работы у него там – лишь осмотреться. Слишком стремное дело – рыть

просматриваемые с воздуха капониры под двенадцать полковых и батальонных минометов. Да плюс три «Василька»⁶⁷, как выяснилось, попали в его хозяйство и тоже будут лить чугун на головы СОРА.

В зону «Е» – правая сторона от брусчатки и весь серпантин «зимника» – помимо КП входил ряд групп. Общее командование работами я возложил на Гирмана. Парень авторитетный – не отнять, хотя Боря и пришел ко мне всего с восемью бойцами, считая вместе с ним. Третьей гранатометной группой командовал другой Боря – Никольский. Антоша с Дэном занимались своими участками – крупно калиберными винтовками и позициями двух расчетов ПТУР.

Зоной «А» мог командовать только капитан Петренко – это участок дороги от моста Белой до грунтовки и развилки. Кроме минного поля и закладки дымовых шашек, нам там делать было нечего.

Был еще один, не обозначенный литерой участок, – сама Сухая балка. Там пятнадцать бойцов, подтягивающийся по команде с Родаковского АТП БТР и подполковник Кобенька должны были остановить боевой дозор, если он, конечно, мимо них проедет да потом надумает вернуться. Копать, понятно, тоже нечего, и Степаныч совместно с Дедом сейчас в расположении занимался штабной классикой.

На подъеме же задача стояла поистине титаническая: за ночь, в кромешной темноте, под морозящий дождик и срывающийся снежок тихонько (не звеня кайлами и лопатами!) вырыть под сотню достаточно вместительных нор. Почесав репы, мы остановились на варианте боковой ниши размером метр восемьдесят на метр – по горизонталям и семьдесят—восемьдесят сантиметров – в высоту, начиная со штыка отступа-порожка от дна промоины. Ниши для боеприпасов, соответственно, мельче, но их тоже под сотню. Плюс чернозем, песочек и что там помягче уже давно весенними потоками вымыло и степными суховеями выдуло. Остался щебень да гордость края – мергель. Напитывающее влагу, тяжелое белое дерьмо типа грязной меловой породы. В старых районах города все частные развалюхи из него. Чему более ста лет – просто руины. Единственный плюс – со стороны очень похож на подтаявший снежок, как раз, – по погоде.

И вот при этом раскладе надо отрыть все укрытия – за сегодняшнюю ночь! Грубо – по две штуки на рыло. И земельку раскидать по дну и окрестностям равномерно, маскировки не нарушая. Дай Бог, чтобы вот так – каждую день и ночь – то снег, то дождь.

Поговорил с офицерами. Решили гнать бойцов до последнего, если не будут успевать и придется на завтра откладывать, то – ниши боекомплектов тяжелого вооружения. Укрытия для бойцов по-любому выкопать, хоть сдохни – сегодня! В шесть утра на позициях не должно быть ни одной измученной морды.

К трем часам ночи стали крепить первые норы. Плохо – не успеваем! Салам надыбал на станции неслабую стопу старых железнодорожных шпал – каждую за день попилили на части, а чурбаки потом еще и раскололи надвое. Под доски разобрали крышу склада покрышек родного АТП. Люди весь день хоть и менялись, но толком не отдыхали. Завтра тоже не курорт будет. Василь Степаныч сейчас сидит с Передерием – каждой группе таблицы дистанций кропят. Завтра весь день будем гонять народ – на станции есть похожая канава, как раз метров четыреста в длину, под всей насыпью начиная от депо. После учений дадим поспать чуток и с сумерками – опять копать. Уже видно – за сегодня весь объем не осилить.

К половине четвертого прибыл Колодий с початой бутылкой моего же коньяка. Говорит, не спится. Свистнул Жихаря – втроем и приговорили эликсир счастья, что нам на него любоваться. Богданыч явно нервничает. У меня задача понятная: либо – пан, либо – пропал. Без вариантов. У него тоже – не мед под сахарной пудрой.

⁶⁷ 82-мм автоматический миномет «Василек».

Полк растянут по кускам. Первый батальон под командованием на днях вернувшегося с лечения Николая Воропаева. Под занавес боев в Северодонецке попал тогда еще ротный с одним из взводов под обстрел батареи польских «срак»⁶⁸. Выжило всего несколько человек. Помимо тяжелой контузии, лишился левого глаза. Ну и все лицо, понятно, из квадратов разнокалиберной кожи собрано. Когда везли до границы, думали – всё, кранты, отвоевался майор. Ага! Где так отвоевывались... Мало того что вернулся адмиралом Нельсоном – поперек головы черной повязкой перерубленный, так еще и откровенно напросился на это задание – сидит сейчас со своим батальоном в Белом.

У него задача, для нас вполне традиционная, – изображая из себя бесплотных призраков, внезапно исчезая и так же стремительно появляясь, упереться в три десятка частных усадеб. Там, в упор не замечая ударов танковых орудий и элитной добровольческой пехоты, остановить бронетехнику СОРа перед спускавшейся за шахтой объездной дорогой на поселок Белореченский и далее, через Врубовку, на Лутугино. Чуть далее еще три шоссе этого направления вместе с основной трассой должны держать части буслаевской бригады.

Второй батальон вообще растянут поротно и повзводно – по точкам перекрывает наш бугор поперек. Главная беда – идущая по середине плато грунтовка Лотиково – Родаково. Чистое поле, попробуй удержи. Въезд на Родаково со стороны Бахмутки – тоже не подарок. Два вросших в землю заброшенных поселка, любую халупу гранатометным выхлопом сдуть можно. Единственная естественная преграда – река Луганка – если и «преградистей» Белой, то, может, на полметра вширь от силы.

Третьему батальону и общеполковым подразделениям – задача совсем смешная: удержать Большое Родаково – поселок и станцию. Из серии – ноу коммент.

Вот и не спится Колодию, вот и глушит майор коньяк, потому как если пойдут наши «европедальцы» стальными щупальцами, то не будет у Богданыча больше ничего – ни полка, ни его пацанов, да и самого мужика, зная упертый до невозможности характер, тоже, скорее всего, не станет.

В пять приполз измочаленный Салам. Грохнул «со ствола» оставшиеся сто пятьдесят и, даже не занюхнув, отпартовал:

– Все, отмучались мои бобики.

– Что осталось?

– Ровно половина. Ниши боеприпаса даже не начинали. Люди ели ноги ворочают, командир. Сам упаду – умру. Не успеваем, по-любому...

– Все, блядь! Отбой! Тащите группы наверх. Толку от такой работы... Сейчас жрать сухпай и спать до одиннадцати ноль-ноль. С двенадцати до восемнадцати – учения. С двадцати одного – копаем дальше. Вопросы?

Женя Стовбур опоздал всего на десять минут, но этого хватило – невыспавшийся, уставший от непрерывной изматывающей работы и немалого возраста Кобенька в сердцах плюнул и без стеснения траванул на нашего суперинтенданта добрягу Жихаря. Юра без обиняков отвязался по полной и пообещал Жене, под следующий залет, собственноручно выдать звезды. То, что у взводного-один «ни разу не заржавеет», не сомневался никто. Под раздачу, автоматом, залетел и Педалик. Новость о том, что с девяти вечера он на «копанках», вселило в Жука глубокие, до того не осознаваемые им понятия о несправедливости брэнного бытия и жертвенном подвиге солдата. Три выварки кулеша и ящик с хлебными кирпичами выгрузились с ГАЗона за считанные секунды.

⁶⁸ «Срака» – жаргонное наименование, образованное в результате вольного перевода с английского (ass – задница) наименования 155-мм самоходной гаубицы «AS-52», производимой Польшей по лицензии Великобритании на базе советского танка Т-72.

К двенадцати народ, доблестно ныряя рачки и байбаком выныривая из полутораметровой траншеи, с хриплыми выдохами ворочал тяжелые гранатометы и, срывая голос, обозначал свои ориентиры и дистанции до целей.

Выучить, конечно же, не успели. Да никто и не надеялся. Самый здравый подход, по моему, был у Степаныча.

– Учи не учи – толку. Ты скорее ежика гопака танцевать заставишь, чем солдата – книжку учить. Посмотрел – и ладно; пока не заснул – вперед на полигон. Там, через жопу, – запомнит.

Кто бы спорил...

Всю дорогу побили на сектора: «бобер» – отрезок от моста Белой до развилки, «выдра» – двести метров от развилки до прогиба, «енот» – две сотни до начала последней крутизны и «куница» – последние двести пятьдесят, вместе с фугасами на вершине бугра. Ориентиров привязки было мало? и, чтобы не путать бойцов, визуально разделили каждый сектор на четыре номерные части. Лишь в секторе «куница» было пять отрезков.

Командиры групп с экзекуторскими мордами выстроились надо рвом, и понеслась...

– Восьмой! «Выдра-три» – БТР!

– Дистанция сто пятьдесят!

– Мудак ты, восьмой! Какой, нах, сто пятьдесят! Куда смотришь?

– А! Виноват – двести! Сто пятьдесят ты мне за эту ваньку-встаньку вечером в стаканчик накапаешь!

– Отставить смешки! Огонь!

– Есть!

– Считай, самого подбили, пока ты ебал-дремал на развороте!

– Да я че, виноват, шо эта хуерага два метра в длину.

– Рот закрой! Сто восемьдесят пять сантиметров, етать – учи матчасть, военный!

Тут падает забрало у Василь Степаныча...

– Я сейчас с обоими разберусь! Что там за треп на огневой?! Никольский, тебя поменять местами с Чепелем? Легко – «Вампир»⁶⁹ в зубы и вперед – за Родину, за Сталина!

Чапа – красавец гранатометчик, еще с кандагарской юности, в сердцах матеря разработчиков «двадцать девятого», морщит лоб и, произвольно шевеля губами, упирается глазами в таблицу дистанций. Вот видно – опытный боец, пока учит – отдыхает! Борек делает виновато-зверское лицо и начинает, вдвое, гонять пополнение.

К трем часам дня смешки растворяются в хрипящем кашле и сопении с присвистом. Гранатометы все тяжелые, неухватистые, а «Вампиры» еще и немереной длины в придачу. Добрая русская традиция «срать на солдата» укоренилась в подсознании даже у вэпэковских разработчиков. Что, блядь, семь пядей в непомерном лбу надо иметь, чтобы додуматься пристроить на граник⁷⁰ такую хрень, как кронштейн для переноски?! Каким макарон его хватать, если у него диаметр трубы как у новобранца – шея?! Огнеметы компактнее, но тяжелее: труба «Шмеля» – одиннадцать килограммов веса, спарка – двадцать два. Ну и, ясный-красный, кронштейны – не предусмотрены!

Гранатометные группы Салимуллина, Никольского и Гирмана разбиты на тройки. У первого номера «двадцать девятый» с заряженной гранатой и два запасных выстрела, у второго – две мощные «Таволги» и еще пара запасных выстрелов для первого номера в нишах. У огнеметчика спарка РПО и тоже запасные к «Вампиру».

В расчетах ПТУР еще круче. Там что пусковая с прицелом, что транспортно-пусковой контейнер с ракетой – каждый выюк под тридцать. Зато с запоминанием дистанций без вопросов – у них изначально свой лазерный дальномер в самом комплексе.

⁶⁹ Реактивный противотанковый гранатомет РПГ-29 «Вампир».

⁷⁰ Граник (сленг.) – обобщенное наименование любого гранатомета.

Расчеты двух «Утесов» и пары АГСов тихо лежат пластом. Жихарю деваться особо некуда: на двадцать человек – четыре расчета тяжелого вооружения, которое надо будет очень быстро выставлять на неподготовленные позиции и еще быстрее с них убирать – при смене огневых. Гранатометы взяли сами командиры – Деду и Юре по «двадцать седьмому», а «двадцать девятый», само собой, – Мыколе Бугаю.

Плюс под сотню «Мух»⁷¹ в отряде. Тоже возьмем – для легкой бронетехники, да и так, «шоб було». Не отказываться же, коль дают. Чуток «Таволг» и «Вампиров» надо будет на отход оставить. Вот пусть МТЛБешки⁷², БТРы, грузовики и прочие жестянки «Мухами» палят.

Под занавес, когда языки на плечи вывалили, приехал Буслаев. Вышел из машины такой радостный, словно у Колодия очередной сабантуй намечается.

– Аркадьич! Шо ж ты, изверг, творишь?! Богданыч тут докладывает: ночь – копали, день – у депо убиваются! – По глазам видно – просто светится счастьем мужик. Ну еще бы! Кадровик свое, родное увидел – маневры! Любят они солдата до одури на пот изводить. Но и правы однозначно – не поспоришь.

– Так, Дмитрий Иванович, известное дело: тяжело в ученье – меньше хоронить.

– Та-да! Та-да! – Сияния в глазах прибавилось. Еще один ПТУР с расчетом попросить под настроение, что ли?

– Ты что в меня рылом целишься? Еще что-то отодрать от бригады решил?! Хуюшки тебе, деточка! Вообще, щеглы, обнаглели... У меня самого столько нет, сколько вы нахапали!

– Иваныч, ну нельзя же, право, быть таким проницательным. И потом, подумаешь – ПТУРом больше, ПТУРом меньше...

– Забудь! Даже не думай! Не обсуждается – в принципе! И вообще – не зли меня, Деркулов!

– Да шучу я, Иваныч, шу-чу!

– Знаю я ваши шуточки... Богданыч ноет. Этому все мало! Мало! Мне что делать? – он потянулся во всю недетскую ширь груди. – Тебе просто. Либо врезал, либо лег. В обоих случаях – спросу нет. На мое место встань.

– Очень добрый расклад. Хорошо, что пацаны не слышат.

– Ладно... Ты обидься еще!

– Да ну вас! Щеки дуть, понятное дело, себе дороже.

– Вот-вот. Здравомыслишь. Что запланировал?

– Сейчас заканчиваем. Едим и отбой. Пусть часа три-четыре поспят. Потом на позиции... Ебаный мергель, сука! Достал, сил нет. Ничего не успеваем.

– Надо успеть!

– Ха! Еще бы...

Видимо, мои бойцы смирились с мыслью, что откопать придется все по плану – до последней норы, а может, просто втянулись. За пару часов закончили ниши укрытия и принялись за ячейки боеприпасов. Людей на позициях тоже прибавилось – орлы Жихарева и Кобеняка пришли на подмогу.

В двадцать три сорок пять приехал какой-то огромный, облепленный навесным оборудованием стальной жук саперов, из которого быстро выскочил весельчак капитан. Следом своим ходом подтянулась пара увешанных мешками и лопатами взводов.

– Тебя как по батюшке, Петренко?

– Да Леха я.

⁷¹ РПГ-18 «Муха» – гранатомет одноразового применения.

⁷² МТЛБ – многоцелевой транспортер легкий бронированный.

– Кирилл...

Он, привычно просияв, пожал протянутую руку.

– Командуй, что делаем.

– Вот Дед через пару минут расскажет...

Передерий ушел с каким-то офицером рыть ямы и закладывать фугасы, а капитан двинул на мой КПП.

– Подожди, командир. У тебя что, люди на позициях?

– Где ж им еще быть? Конечно. Копать еще – до утра...

– Нормально! А как я буду поля ставить?

– До позиций от дороги в среднем по сто пятьдесят метров – из расчета на дальность прямого гранатометного выстрела. Ну и по промоинам как раз получилось. Ты же вроде на семьдесят – восемьдесят всего отстреливаешь.

– Да конечно! Сама капсула знаешь, как летает? Потом, не забывай: «бабочка» такая зараза – не просчитать, как ветерком поднять может. Если кому-то из твоих на хребтину свалится, ты мне что потом – ноги отрубишь?

– Ну, прямо отрубишь... Пару кругов по твоему же полю, и свободен!

– Не пойдет! На время постановки противопехотных полей – всех убрать.

Даже не стал спорить. На кой? И так успеваем. Час-полтора народ с удовольствием покурит и покемарит.

– Уговорил... – развернувшись в сторону, позвал: – Педаля! – как только тот перепуганно появился, поставил задачу: – Трассером! Кобеньяка и Жихаря – сюда. Если рядом будет Ильяс – тоже. Бегом и тихо!

Капитан спустился в окоп пониже и, угостив меня дорожным «Владимиром», закурил.

– Ты сам откуда?

Леха засмеялся:

– У Буслаева спроси. Он знает!

– Понятно. Из Кологрива, значит. – Петренко соли не уловил и, неопределенно пожав плечами, тут же переключился.

– Послушай, Кирилл! Прапор твой и есть тот самый знаменитый Денатурат, который суперзаряд в Лисичанске рванул?

– Так точно. Он! Только не Денатурат, а Денатуратыч, и то когда отгребает у меня за что-то или достанет сверх меры. Так он – Дед. Или – Григорьич. Вообще, у нас его любят. И на занудство с приколами уже давно никто особо не смотрит... – глянул на капитана – дай, думаю, разок кусну... – Передерий самый настоящий, классический ебанатор, как и все истые спецы, особенно инженерно-саперного профиля!

Леха, не особо заморачиваясь с маскировкой и режимом секретности, заржал на всю округу и попросил:

– Не томи! Расскажи, что вы там взорвали. Разговоры ходили такие, что меня затрахают насмерть, если приеду и не расскажу, что и как.

– Да лучше с ним поговори. Тебе же нюансы нужны, а я в ваших шаманских делах считаю дундук. Так, смотрел со стороны... – Петренко терпеливо ждал. Чего, спрашивается, выделяться. Ладно...

– Сидели на заводе «Заря», ранее – ужасно секретном и жутко оборонном. Ждали прорыва через Рубежное на Северодонецк. Главная дорога как раз мимо первой проходной по-над заводским периметром проходит. С цехов можно бить на выбор хоть ПТУРами, хоть с гранатов. Снайперам вообще раздолье – бетонные джунгли. Дали сектор, как обычно – в три раза больше, чем мы реально закрыть можем. Попытался рывнуться, так Иваныч меня по связи чуть с ног мотом не сбил. Пока думали, приходит Передерий. Так, мол, и так, вот изгиб трассы, вот старая заводская заправка, а вот я раскопал половинку автоцистерны.

– И что дальше?

– А давайте суперфугас мастырить! Ежели сунутся, то подорвем так, что дальше не пойдут.

– Там что – мост, эстакада или как? – Капитан, легавой на гоне, за малым мелкой дрожью не идет, бедный. Дорвался наконец-то до знаменитой истории.

– Да никакого моста, в том-то и дело! Расчет шугнуть был да парочку машин у ЦУРюков, если получится, запалить. Да и вообще, достал уже всех Грыгорыч своей навязчивой идеей тотальной минной войны.

– И дальше?

– Дальше дал я ему наш БТР, он приволок с территории емкость на пять тонн ГСМ, распиленную автогеном вдоль. Кое-как всем отрядом – чуть пупки не развязались – запихали это корыто в коробку полуразрушенной АЗС. Дед выпросил у меня ГАЗон, бойцов и за полдня навозил пару сотен мешков с аммиачной селитрой. Бумажная упаковка в большинстве порвана и уполовинена. Соответственно машина засрана по кабину, а народ – еще чуть-чуть и пошел бы на самосуд.

– Подожди! Это та самая «Заря»? Так она же во времена Союза взрывчатку выпускала!

– Там до хрена чего выпускали. Когда мы пришли, одни остовы цехов стояли. Сейчас и того нет. Я вообще не знаю, откуда он селитру возил. Меня как раз в штабе бригады к смене сексуальной ориентации настойчиво склоняли из-за публикаций этой гниды Адамчика, в рот его, Пшевлотького.

– О! Это я в курсе...

– В общем, натаскав селитры, Передерий занялся попрошайничеством и алхимией одновременно. Прошелся по своим закромам, по всем службам и подразделениям, где смог – получил, где нет – выпросил тротильных шашек: ящиками, насыпом, саперными зарядами. Параллельно мужики натаскали всяких снарядов и мин. Наваливая порциями под присмотром Деда, колобродили в нескольких двухсотлитровых бочках селитру с соляжкой. Отмеряя готовую смесь ведрами, заряжали промышленные мешки из толстостенного полиэтилена. Всю эту беду горой уложили поверх тротила и готовых боеприпасов, а поверху уже терриконом, под самую крышу, навалили несколько десятков газовых баллонов – автомобильных, бытовых – всяких.

– С ума сойти!

– Думаешь всё? Ага, щаз! Половину вторых суток он обкладывал АЗС мешками с песком и щебнем, бетонными блоками, обломками колонн, противовесами – всем говном, которое смог дотащить автокраном. В результате получился открытый в одну сторону деревенский погреб высотой чуть ли не с развалины самого цеха. Свободную сторону заложили кусками брезента, рубероида, картона – всем чем нашли, – и присыпали пылью и мусором.

– Круто! – Леха, искренне переживая, болел за коллегу.

– С утра подвалили фашики. Ждали, наверное, пока мы закончим. Шли колонной, нехотя щелкали из орудий по сторонам. Заигрались ффаера в железный блицкриг, одним словом. Доехали до фугаса. Григорыч что-то там насчитал по-своему, пропустил первый «Чизет»⁷³, две чешские БМП⁷⁴ и гахнул – перед носом первого бронетранспортера эстонских легионеров.

– Ну и? – Петренко, скользнув пустым взглядом по обожженным пальцам, бросил под ноги истлевшую до фильтра, но так и не удостоенную затяжки сигарету и сразу подкурил новую.

– Даже не знаю, как тебе, дружище, рассказать об ощущениях. Честно говоря, я – обосрался. Вначале мне показалось, что снесло все вокруг, включая наши позиции. Мы-то первый очаг обороны – в линии. От заводского угла, где заложили фугас, до нас – заморишься

⁷³ «Чизет» – жаргонное наименование чешского танка T-72M4CZ – модификация советского T-72.

⁷⁴ БМП – боевая машина пехоты.

идти. Народ – за бетоном на позициях бывшей ТЭЦ. Ну, во-первых, трухануло – чуть зубы не повылетали на фиг, да накрыло взрывной волной – оглох напрочь. Тем паче первую контузию поймал еще в молодости, а знаешь, обновлять раз за разом – херовая практика, однако. Повезло – не высывался никто: там еще железо прошелестело над головой – мама моя родная! Огня и дыма – до небес. Грохот, наверное, в Луганске слышали.

– Это понятно! Что на месте подрыва?

– Там – труба. Танк отбросило. Первую БМПэшку зашвырнуло носом к нему на корму. Вторую и два бэтэера сзади прокрутило кубарем и уложило на башни. Пехоту – просто сдуло. «Чизету», перестраховавшись, Дэн тут же, по-горячему, макнул с «Конкурса»⁷⁵. Наступление остановилось на два дня по всем направлениям.

– Обалдеть можно! Смотрели повреждения?

– Да какой там, ты что! Добили, и то с трудом. Одна группа ходила. Пока бронетехника не подошла, спрятавшись за бэтээр, из РПГ и «Мухами» пожгли все машины. Еле успел вернуть пацанов. Хорошо, что сами не выхватили из граников.

– Круто вообще!

– Ха! Еще бы! И заметь – без потерь... Когда в обороне попали под украинский «Оплот»⁷⁶, пока сожгли – троих положили, только убитыми. Полгруппы – раненых. Тут же – пять единиц брони – враз! Мы за все время из боевой техники ровно на единицу больше подбили всего. И то неизвестно, сколько потом восстановили и какие потери по экипажам. У нас же как: укусил – ушел...

– Да... «уперся – лег»... И какой, Кирилл, счет на сегодня?

– Говорю же тебе, одиннадцать. В «полевых» больше только у Гирмана. Но Боря – вольный охотник – заточен только на это.

– А танков?

– Два. «Чизет» и «Оплот». Правда, еще одну «Тварыну» под занавес обороны неплохо обстреляли – у меня как раз первый РПГ-29 тогда появился, но – не срослось. Отбились пшки. Потом на месте что-то с катками сделали и уползли. Повезло! Мы бы его добились, сто пудов, да слишком много вокруг пехоты было. Ну, и добровольцы, как обычно. Вот упертые ребята, не то что регулярка ЦУРюков.

– Дед – маладца!

– Ему скажи. Вон с твоими возвращается.

– Как его правильно?

– Иван Григорьевич...

Подошла группа. Старшие секторов, получив инструкции, разошлись по зонам ответственности. Саперы, вместе с офицером спецназа связи, пошли ставить дымовухи. Передерий и Педалик остались с нами на КПП. Со стороны Родаково к бугру подтянулась мини-колонна остальной инженерной техники.

– Мне Деркулов рассказал о вашем, Иван Григорьевич, эксперименте на заводе «Заря». Красивая работа. Творчески подошли к делу. Поздравляю с заслуженным успехом!

Дед, услышав такое от Петренко, за малым на зад не сел...

– Спасибо! Признателен за оценку.

– Да, еще... Я вам обещал подкинуть инженерных боеприпасов, помните? – Наивный! Да чтобы Дед – забыл?!

– Да! Да! Конечно...

⁷⁵ ПТРК «Конкурс-М» – противотанковый ракетный комплекс.

⁷⁶ Украинский танк Т-84 «Оплот».

– Пойдете со мной. Получите обещанные «Охоты». Ну и я от себя кое-что приготовил. Три комплекта «Вербь»⁷⁷, на случай диверсионных задач. Два ящика «Поминалок»⁷⁸ нового поколения. Вам понравится! Все как во «второй», только корпус – камуфлированный пластик сложной геометрии. Препятствует идентификации объекта как мины. Народ «Кляксой» окрестил. Несколько сосредоточенных зарядов, просто взрывчатка и так – по мелочам.

– Григорыч, Жука возьми. Сложите все возле Жихаря, назад двинем – заберем.

С утра поехал в штаб. Своих приказал не поднимать до одиннадцати. Пусть отоспят. Кобеньяке настрого запретил гонять народ. Заниматься, но не выкладываться. Самое главное – психологическая подготовка. Чтoб припухшими мышами лежали мне до команды «Огонь». Пусть лекции лучше читает, а люди хотя бы физически отдохнут. В семнадцать – отбой, в полночь – подъем. До часу смотр и выдвигаемся. До позиций еще дойти надо. Тяжелое вооружение и большую часть боеприпасов с ночи загрузили в ниши, под присмотр снайперских секретов, но и того, что осталось, – с головой.

В Родаково дорога проходит под железнодорожными рельсами через ряд туннелей – центральный узел обороны полка. Туннели не очень большие, не каждая фура под ними пройдет, да еще и под разными углами друг к другу. Со встречающими машинами не разойтись – кто-то должен принять вбок и пропустить. Пока проехал, увидел Знак.

Из поселка в сторону Бахмутки шел скотовоз с бычками – какой-то не шибко расторопный хозяин надумал, наконец-то, ноги уносить. Навстречу – КамАЗ с последней партией обещанного Колодию подкрепления. Буслаев умный мужик, если бы он мне «такое» прислал – поимел бы конкретный скандалище.

Пока два грузовика пытаются разминуться и отирают бортами кладку дикаря, пассажиры осматриваются. Там – два десятка телят и здесь – два десятка телят. Глаза – один в один: испуганные, потерянные, по-собачьи несчастные, да еще и с печатью какой-то запредельной обреченности. Словно понимают, что одних – на бойню и других – на бойню. Пусть внешне и отличную, но такую же – конкретную живодерню, только для двуногих.

Просто – отрыв башки, как озарение какое-то... Надо Колоде сказать, нехай заворачивает назад, к такой-то матери. С них – толку?! Телята, блядь, одно слово! Под первым же артударом подорвутся и побегут кто куда. Потом под них двадцать ям копать. Сколько можно уже – копать... Достало! Не... Сдам сейчас «Команданте». Вот пусть он попробует Богданыча уболтать.

Майор о пополнении и о его качественном составе уже знал и на мои провокации не поддался:

– А шо зробишь? Е, яки – е!

– Ну, и куда ты этих щенков сунешь?

– По пидроздилам пидуть...

– Да они у тебя «по пидроздилам» – лягут!

Но Богданычу, видать, уже не до разговоров и подкрепления.

– Та видчепысь ты!

Приехал Буслаев. Вежливо и душевно обложил меня в три этажа. Нашел отдельные, особо добрые слова морально-матерной поддержки для комполка. Прочел краткую, но эмоционально заряженную лекцию на тему: «Выбор места и времени для е-рефлексий. Что со всем этим дерьмом делать и кому куда идти – персонально». После долго и методично занимались вопросами подготовки и проведения операции.

⁷⁷ Противотранспортная (многоцелевая) мина МЗУ-2.

⁷⁸ Семейство противопехотных мин «ПМП». Сленговый термин «поминалка» произошел от целого массива вольной расшифровки аббревиатуры ПМН, от «Помяни Мою Ногу» до почти гоголевского «Принесите Мне Ноги».

Мои мужики неспешно отрабатывают смены позиций, сигналы, слаженность расчетов – все то, что вчера не успели. Половина бойцов, которые постарше, все как один увлеченно учат свои огневые карточки. Причем чем ближе мы подходим, тем увлеченней.

Буслаев, задрав бровь вверх, вопросительно зыркнул.

– Отдохнуть бы людям, Дмитрий Иванович...

– Так на кой вывел?

– Взаимодействие номеров еще раз прогнать. Да и не расхолаживались чтобы...

– Лады. Все у тебя?

– Да вроде...

Буслаев словно оттаял на мгновение.

– Тогда – удачи тебе, дорогой! Все что надо – сказано. Дело за малым – разорви их на этом холме. Порви, Деркулов, так, как ты можешь. Вложись! Не думай ни о чем – только рви. Или здесь и сейчас, или уже никогда. Облажаемся мы тогда все! Не будет у нас с тобой больше такого шанса. Никогда не будет. Понимаешь – никогда! Не устоим, не удушим – считай, просрали и себя, и войну, и страну. Сколько потом ни бегай по миру – будут отлавливать, пидарасить почем зря и, как бешеных собак, вешать поодиночке. Так что нет у нас с тобой, Деркулов, другого шанса. Помни это! Давай, братишка, – удачи в бою!

– И тебе, батя!

Обнялись, хлопнули по плечам и спинам. Тепло попрощались с подошедшим Богданычем и направились – каждый в свою сторону. Все, что можно, – сделано, что нужно – сказано. Пути назад нет. Каждому осталось сыграть сольную партию.

В двадцать четыре ноль-ноль подняли людей. За час собрались, по три раза все перепроверили. Осталось последнее...

– Василь Степанович! Строй отряд.

Черная непроглядная ночь. Мокрый влажный снег валится тяжелыми отвесными ледышками и тут же тает в жидком месиве. Под ногами чавкающая грязь перемолотого взрывами щебня, угля и дробленого мусора под ледяной кашей. Внутренний дворик меж полуразрушенной управой базы и хламной горой бывшей диспетчерской. Посередине – железный короб моих бойцов. На каждом – до полусотни килограммов самой смертоносной и безжалостной стали. Нам всем идти в ночь и в бой. Что будет через несколько часов – не знает никто. Кому-то из них, а вполне возможно, что и всем нам, уже не встретить завтрашний день. И они смотрят на меня...

Я был солдатом. Давно – четверть века назад, – но был. Настоящим солдатом на настоящей войне. Тогда было тяжело, очень тяжело – до крика, до потери себя, до бреда тяжело – но не так! Никогда от моего слова, от одной-единственной, крошечной и незаметной ошибки не зависела жизнь сотен товарищей. И никогда так выжидательно, с такой надеждой и верой в своего командира столько людей не пыталось заглянуть мне в глаза, в самую душу.

Теперь я должен им сказать слова. Найти такие, которые заставят взрослых мужиков, в большинстве отцов семейств, лежать в ледяных норах много часов подряд – мочиться под себя, не курить, не разговаривать, не есть, не пить, не дышать. Потом взять в озябшие руки свое оружие и по одной-единственной команде встать грудью перед колонной танков, бронетранспортеров, самоходных минометов и зенитных установок. И разрывая горло, выхаркивая со смертным криком гланды – выстрелить в них. И попасть. И упасть, если повезет. И снова встать – новый выстрел и новое везение. Или – нет. И так до самого конца – яркой вспышки перед глазами, или команды «Отставить огонь!» – с нелюдской яростью убивать, калечить и уродовать друг друга.

Таких слов – миллион. Половину жизни после первой войны я находил нужные обороты в правильных предложениях. Для места, события, времени. Для отдельного человека и для

большого коллектива. Это – моя профессия. Только здесь не то место и не то время. Да и люди – другие.

Это – мои братья. Больше, чем просто родня. Никого сюда не звали – сами пришли. Их никто и ничему не может заставить силком. Каждый хозяин собственной и чужой жизни – у каждого ствол. Здесь все условно – власть, должности, приказы, дисциплина. Они – добровольцы. Сами выбрали этот путь. Поверили своим военачальникам. Без принуждения решили подчиниться и идут за нами в этот зимний мрак, грязь и смерть. Это их выбор.

Поэтому нужных слов – мало. Каждое – ценой в слезы победы или в ужас поражения. И мне сейчас ошибиться в словах опаснее, чем любому из них – с первым прицеливанием. И думать тут некогда, да и незачем. Логика, рассудок нужны были раньше – при подготовке. Теперь рефлекс, интуиция пусть правят битвой. В рубке, оно – надежнее.

Отсекая сомнения, как первый знак замершему строю, резко поддернул всем корпусом – поправил ремень «Таволги». Мог бы и на БТРе довести, но – пусть видят, что командир с ними во всем. Мои-то знают, что я за спинами пацанов никогда не отсиживался, но сейчас половина – новички. Пусть врубаются.

Пару раз хапнуть незаметно – воздуха побольше и... понеслась:

– Отряд! Мужики!!! Перед тем как выступать на позиции, я скажу вам то, что вы должны знать. Не просто понимать – знать. Мы идем для того, чтобы завтра – победить. Проиграть мы не можем. Не потому, что у нас в три раза больше граников, чем они смогут напихать брони на бугре. Не потому, что со ста пятидесяти метров невозможно промахнуться по неподвижной машине. И не потому, что нас закрывают холмы и промоины, непроходимые минные поля и минометы бригады. Нет – не поэтому! Только лишь потому, братья, что иначе – все напрасно. По-другому нам незачем иметь свою родину, собственные семьи и вообще носить штаны. Завтра решится – чего мы стоим. Место называется «Сутоган». В переводе с татарского означает «глубокий котел». Вот – знак свыше! Мы не пустим их дальше, а в самом котле устроим кровавую баню на все времена. Чтобы опять и надолго отбить охоту нас лечить. Последний раз на танках Европа везла нам свою цивилизацию в Великую Отечественную. Все помнят, чем учеба закончилась?! Нам и сейчас не в падлу сесть на БМПшки и прошвырнуться по их автобанам – пошмонать дуканы⁷⁹ Варшавы, Таллина и Праги! Но это – потом. Сейчас же надо тормознуть ребятишек – вот тут. Здесь они – приплыли. Дальше пропустить – не можем! Вот и все! И им на этот холм – не подняться! Тут дело не в их железе, а в силе нашей решимости. Вы, мужики, знаете разницу между фашиками и нами. Мы уравнием правила – вернем их в прошлое. Сойдемся накоротке – за грудки, глаза в глаза. Вцепимся им в глотку, и тогда посмотрим – кто кого. Покажем всему прогрессивному мировому сообществу, у кого яйца стальные, а у кого так, серебрянкой присыпаны! Вершится новая история. И пишется она нашими руками. И мы покажем, кто истинный хозяин этой земли. Сделаем их! Удачи в бою, братья!

⁷⁹ «Пошмонать дуканы» – имеются в виду повальные обыски магазинов. Сленг времен войны в ДРА.

Глава IV

Сутоган

В моей берлоге сыро и холодно. Коченеют ноги. Лежать неудобно, сидеть – просто не могу. Если не грохнут и все же доеду до санчасти, новая порция чиряков во всю сраку каждый – обеспечена. Спальник и куски брезента особо не спасают. С массети все еще капает, хотя морозец крепчает. Без дураков – ниже нуля. И снег!

Боже, как я на это надеялся – до последнего, до сегодняшней ночи, отказывался верить благоприятным прогнозам. Свершилось! Главная моя надежда беспрестанно летит с неба. Туч не видно, но они есть. Их не может не быть! Все эти дни непроглядная синюшно-серая муть висела над самой головой, выдавливая из себя морось и крупу. Сейчас же пусть не валит, но сыпет как надо. Утром все будет белым-бело, ни одного следа.

– Командир! – Спецназовец Костя с полуночи весел и разговорчив. Волнуется, наверное, но вида подать – боится. Правильно – бойся! Какая хрень со связью случится, ты у меня, сынок, не так испугаешься. Думаешь, если вы, ребята, – россияне, хотя все и кивают согласно – «резерв Главнокомандующего», то вас это спасет? Тут вам не «геологоразведка»⁸⁰. Никого не волнует, откуда вы.

Повернул голову в сторону их спаренной ниши под единой сетью КП.

– Ну?

– Сеть бы еще подпереть да подложить. Столько снега не выдержит – просядет.

– Давай. Только с командного уже не выходи. Всё – проехали гульки.

– Та то понятно. Мне бы от тебя от тот кусок тента. Две свои плащ-палатки по углам пустим... Послать бы, конечно, куда подальше, но прав, что поделать. Такое количество снега, опасаясь сглазить, не предусмотрел.

– Забирай. Только аккуратно. Что навалило – не сбросьте.

– Сделаем...

– Жук! Помоги мужикам.

Оставил Педалика у себя за связного. Все толковые – на позициях. Этот... зато – шустрый. Стомбура на ГАЗон пока посадил. Больше кандидатов на перебежки под огнем у меня нет.

Народ засопел, зашурдел добрыми домовыми. Через пару минут наш полуовражек превратился в форменную землянку. Только очень сырую и холодную.

– Командир, не замерзнешь?

– Нормально...

– Как нервишки?

– Мне-то чего? Это вам, спецуре, – связь обеспечивать. Вот вы и волнуйтесь, а я присну пока.

В темноте шевельнулся намек на тень...

– Послушай, Деркулов. Я вот смотрю на тебя эти дни и думаю: а за что ты спецназ ненавидишь?

– Ты че – бредишь, Костик? Вы-то с какого боку в этой каше?

– Я не про нашу группу. Я про войска специального назначения в целом...

– О! Еще один... Ты там не с Жихарем спелся часом?

– А что Жихарь? Нормальный мужик. Наш человек.

– Да уж. На всю голову...

⁸⁰ «Геологоразведка» – шуточное прочтение аббревиатуры ГРУ (полное наименование: Главное разведывательное управление Генерального штаба Министерства обороны СССР) в среде военнослужащих частей СпН (специального назначения, «спецназа»).

Помолчали. Даже проваливаться в дрему начал. Но Костя, видно, поймав правильную нить, заинтересовался всерьез. Не унимается...

– Кирилл Аркадьич!

– Ну?

– Ты не сопи. Ответь! Тебе жалко что ли?

– Что ты хочешь услышать?

– За что не любишь. Ты же сам спецназовец!

– Кто – я?! Ты прикалываешься?! Сравнил – с пальцем! Я партизан, полевик. Вот – комбатант! Нас теперь так матюгать стали. От ваших рембов я обычно бегаю. Причем до усрачки быстро. Если время позволяет – минирую отход. Ну, иногда отстреливаюсь. Любой спецназер, догнав, с наслаждением отрежет мне голову – по плечи и, удовлетворившись, еще и насрет в грудную клетку. Нашел себе, блядь, спецназовца...

– Не! Тут – понятно. Задачи-то у тебя самого ведь чисто спецназовские?

– Чисто партизанские, ты хотел сказать.

– Какая разница?

– Большая. Спецназ в первую очередь герои. Дух победителя! Крылатые демоны войны! Супермены из кремния и стали! Потом все остальное... А мы – пехота из говна и соломы, что нам с вами равняться?

– Да ладно! Ты – расскажешь. Скажи еще – обидно!

– Да нет! Ты не понял, Костя. Не в родах и названиях суть. В духе. Понимаешь? Вас изначально затачивают на подвиг. Вы – легенда, еще из учебки не выйдя. Сам факт наличия берета – как нимб. Само слово – вслушайся: «спецназ!» Каково?! – чуть помолчал, в углу не протестовали... – У меня, брат, уже была одна война, давно. Сейчас вторая... Полгода людей, один за одним, теряю. Знаешь, что понял?

– Что? – голос глухой, но без обиды...

– Единственный подвиг здесь – достойно сдохнуть. Лег, не облажавшись, не подставив пацанов, – герой! Остальное – пакость одна... Понимаешь, о чем я?

– Да. У меня – пятая командировка...

– Четыре первые – где?

– Бывший Союз и Чечня в основном.

– С Жихарем поговори. Он тоже с тех краев.

– Говорил... Я тебе так скажу, командир. Мы – не герои, поверь. Дело свое – знаем. Служим – честно. И умирать – не собираемся. Однозначно не герои, Аркадьич.

– Ну и славно... Самое главное.

– А я домой хочу... – Негромкий голос Педалика рванул в нашей импровизированной землянке какой-то старательно удушенной болью с мясом вырванного, забытого мира. Нет, ну каково! Ты мне, сучонок, заплачь еще сейчас!

– Жук! На лирику потянуло?!

– Нет, Кирилл Аркадьевич. Домой хочу. У меня там мама, сестренка малая. Они боятся за меня... И я – боюсь...

Он говорил тихо, с каким-то пугающим спокойствием и умиротворенностью. Есть такая хрень, не знаю как назвать, – бывает, человек заранее умирает. Потом, в первом же бою, его любая пуля попутно приберет, походя. Вариантов лечения – два. Бить смертным боем: сразу с порога – нос набок и зубы долой, чтобы реле в балде переключить. Или, наоборот, успокоить. Только вот попробуй утешь его сейчас – за пару часов до начала долгожданной большой мясорубки!

– Ты когда дома последний раз был?

– Не помню уже...

– Слышь, Педалья, – мозг включи!

– Ну, когда вы Стомбура на склады посылали. Еще на Трехизбенке.

– Слышь, чудо! Это было месяц назад! – Он несколько мгновений молчал. Потом дрогнувший голос выдал: – Я боюсь, Кирилл Аркадьевич. Страшно...

Связисты упорно молчали. Молодцы! Лучшее, что они могли бы сейчас сделать.

– Виталик, послушай. Сколько ты с нами?

– Как Сергей Сергеича сожгли... – это он о Серее Трофимове, сгоревшем в БМП в памятном бою под Белогоровкой.

– Так вот скажи – сколько раз за эти полгода я тебя обманул?

– Не было такого, зачем вы говорите?

– Сюда слушай! Не было и не предвидится. Делай так, как я тебе говорю. Тогда будет у тебя все нормально. Завтра после боя поедешь домой вместе с Женькой. Захочешь – оставайся. Он машину заберет. Отдохнешь – вернешься. Обещаю! Понял меня?

– Понял... – веры и уверенности в тоне не было и в помине. Пару раз потянул носом. Ну, начинается...

Что еще сказать ему сейчас – не знаю. Сто двадцать мужиков мерзнут в ледяных гробах. Завтра многие лягут в них навечно. В бою – сиднем не отсиживаясь на командном пункте – с границами в руках умирать будут. Этот же щегол мне сейчас истерику закатывает – сопли ему подтирай. Нельзя мне сейчас ни прибить тебя, ни жалость показать – столько сейчас всего на мне.

– Не понял, а «так точно!», боец. Все нормально будет – не ссы, главное. Врубаетесь?

– Так точно... – а голос – будто из него уже душу вынули.

– Да, командир! – подал голос противоположный угол. – Нормально все будет. Связь мы тебе точно обеспечим, ну и на подхвате, если что надо будет. Понятно, в общем... – Реально связист прошел свои пять горячих точек – без фантиков, с полуслова в тему въехал.

– Спасибо, Костя!

– Заметано, командир! Пусть пацаненок отдохнет. Мы пока сами за дорогой присмотрим.

Без нескольких минут шесть послышались первые отдаленные выстрелы. В 7:50 на подступах к шахте полоснули алые трассы автоматических пушек СОРа. Сигнал Василь Степанычу. В десятикратной стереотрубе видно, как он, лихо дав длинную из КПВТ, на всех парах рванул от развилки – вверх по бугру. Стремно, конечно, – один точный снаряд или ПТУР, и замануха превратилась бы в пылающий гроб на колесиках. Но и показать, что дорога живая, неминированная и больше не охраняется, – тоже надо.

За ночь навалило сантиметров пять. Отпечатанная в снегу колея убедительнее любой видеоонлайн-съемки с беспилотника. Ребятунки собственными глазками, без всяких электронных помех, воочию видят: никто не топтался по склонам подъема – нет и не было тут никого. Опять же – жизнь вокруг, первозданная краса и благодать, а то затаились, понимаешь!

В 8:20 мимо террикона «XIX партсъезда» продефилировала голова основной колонны. На окраинах выезда шел ленивый пристрелочный бой с бригадой. Пока запнулся дозор разведки. Как раз напротив шахтоуправления машины начали перестраиваться в несколько боевых и походных порядков – сортироваться прямо на трассе. Видимость на таком расстоянии совсем никудышная, так – больше по очертаниям. Туман да морось непонятная с неба, то ли снег, то ли дождь. Нам – на руку! Точно по пословице про «дом и стены».

Еще через пятнадцать минут первая броня вступила на Родаковскую дорогу. Честно сказать, даже испугался немного, что они и дальше рванут вот так резво.

Впереди, у обочин, уступом шли два больших минных трапа, а за ними танк. Настоящий немецкий «Леопард»! Не иначе дойчленды передали часть своего бронепарка СОРу. Или страны – участники коалиции закрома свои «младоевропейские» тряхнули. Видать, ста-

рая советская бронетехника на исходе. Ничего, камрады, мы вам и новые игрушки попадим – не переживайте.

Танк – картинка! Необычно камуфлированный, чистенький, с заметными крестами – как положено. Да, давненько такого не видели. Очень хорошо! Повезет – Катку вызову. Пусть девочка снимет да во все СМИ пульнет. Даже за изнасилованных ею по ходу дела спецкоров бурчать не стану. С сорок третьего не было тут угловатых катафалков под шестьдесят тонн веса с крестами на пузе. Вот это взрослый пиар будет, я представляю!

Следом шли остальные машины. Когда нитка тормознула у взорванного мостка, я только сейчас прочувствовал – сколько их. Впору бабулю вспомнить и, всплеснув себя по ляжкам, охнуть: «Матушки-батушки!» Так глазками высчитывал, конечно, способное выстроиться здесь количество техники, но «представить» и «увидеть» – две большие разницы. Тихий ужас! Покажи мне эту панораму тогда, в штабе, – отказался бы без всяких разговоров.

И пехоты! Кто тогда говорил – «батальон»? Надо будет мне точно вспомнить – кто именно! В кузовах бортовых скотовозов – строевой полк минимум. И почти на каждом бэтэ-эре озаренные светом исторической миссии высокоидейные рожи в дорогом натовском камуфляже. Вопрос – кто? А я – знаю! цурюкам такая экипировочка по сроку службы не положена – молоды еще, из чмырей пока не выпростались. Старшие товарищи по бывшему Варшавскому договору, по-быстрячку сменившие государственную ориентацию, верхом не ездят. Им как-то внутри удобнее. Значит – наши. Правда, тоже бывшие. Ясно! Так и запишем: плюс парочка добровольческих отрядов – несколько полновесных рот.

Теперь понятно, чего уступом тралы так широко шли – машины сдвинулись и пропустили вперед танковый мостокладчик. Как все быстро...

– Вызывать, командир? – Костик сидел рядом и держал в руках трубу обычного полевого телефона. Как они там колдовали, что за чудесный «электробаян», к которому все подключены, и где остальные люди их группы, я не знаю. Мне, по промоинам, протащили каждому из командиров секторов и отделений свои линии. С моей трубы могу говорить со всеми вместе или по отдельности, да еще и в Родаково звякнуть – по надобности.

– Нет. Пусть сначала пойдут.

Буквально через пару минут гахнули первые мины. Увидели. Никто и не прятался – вон они, коровьими лепешками лежат на виду. Под снежком, конечно, но – сверху же. Ненадолго тормозят «восемьдесят девятые» ребятишек. Ну ничего – посмотрим, как под огнем вы те же задачи решать будете.

Мостокладчик, фалангой задрал передние лапы, развернул в воздухе ножницы раскладушки наводимой переправы. Перевалив речку и построившись, обычным порядком, впереди, пошли два трала. Под катками беспомощно хлопали «бабочки». Метрах в полутора-двух перед корпусами машин взбухали темные облака разрывов. Это мы уже выучили – спасибо Передерию и Петренко: персональный ужас бесконтактных мин – электромагнитные навесные тралы. Доедете, уважаемые, до команды «Огонь!», мы вас, как особо отличившихся, без очереди построим в солидовый рай ветеранов инженерной техники. Интересно, у них еще, в хвосте построения, есть такая хрень? Нашему минному полю, судя по скорости продвижения, в одиночку долго не продержаться.

Ну, вот и дома, считай, – оба минных разградителя и «Леопард» встали на грунтовке в двадцати метрах от начала развилки и подъема. Сзади, ошетилившись ежом авиационных пушек, пулеметных и гранатометных стволов, пусковыми ракет и дымов, приармянилась «Леля». Эти двое – первые кандидаты на праздничный костер. Такой сладкой парочки при другом раскладе на весь мой отряд хватило бы с головой. Пикнуть бы не дали.

– Сканируют подъем. Заметят – ввалит по полной программе.

– Твоя правда, Костя. «Мама!» сказать не успеем. Ты меньше зыркай – здоровее будешь.

– А ты и правда не колотишься, Деркулов... Свихнуться с тобой можно! Тут такое дело, а ты, того гляди, еще отвалишься на пяток минут подремать.

Можно, конечно, и возгордиться от его восторга. Но действительно, что-то щелкнуло во мне сегодняшней ночью, словно некий загадочный датчик сработал. Пришла совершенно четкая внутренняя уверенность, что все срастется, – они не заметят и войдут в мешок. Не знаю, каким макарон, но я это не просто чувствовал, а определенно, совершенно точно – знал.

И волноваться мне теперь уже не о чем. Достаточно первого залпа. Люди свою задачу не только выучили, но и осознали. Залп решает все. Решает главную дилемму – жить нам или нет. После него можно спокойно уходить с перевала. Тут уже не проедешь, даже без нас. Никак.

Судьба, естественно, свою жатву снимет – упираться придется. Без команды Буслаева никто с места не двинется. И кому суждено навсегда остаться в снежном месиве траншей – сегодня уйдут, это – без вопросов. Но сама задача будет выполнена, по-любому. Уверен!

Ровно в 9:00 (они что – по часам проводку колонн делают?) одна машина разграждения отвалила в сторону и, прополыхав хлопущими противопехоток, встала в полутора десятках метров от заснеженной кормы монумента. Головной отряд двинулся вперед.

Впереди – трал, за ним немецкий красавец и машина прикрытия танков. С начальственным видом тронулась импортная КШМ с коронованным петухом⁸¹ на борту. Следом, поочередно, три грузовика с пехотой и три бэтэра с опознавательными «вилами». На бронетранспортерах сидело по шесть-семь человек. Культовые «мазепинки» на головах свидетельствовали лучше любых транспарантов – «сичови стрильци». Замыкали колонну – АМВешка с задранными вверх угловатыми трубами спаренного миномета, чешская штабная машина и серьезно обвешанная защитными элементами «Тварына».

Попал Степаныч, шо кур – в оцип. Считай, три навороченных танка, три броника, минометная самоходка, рота пехоты и отдельный взвод эсэсовской разведки. Предполагали, конечно, что может быть усиленный дозор, но не до такой же степени.

Внизу, в километре от развилки и метрах в двухстах от вытянувшейся по дороге бронегруппы, прямо посреди поля, стала разворачиваться батарея САУшек. Судя по колесному шасси – «Зюзи»⁸². Ясно, что за вторая КШМка поперла прицепом с разведкой. Теперь Колодию – только держись! Стоит артнаводке доехать до места, эти шесть дур всю станцию в гравий перемолотят.

«Леопард», проехав метров двадцать, внезапно остановился, повел длинным стволом вверх и вправо и вдруг оглушительно плюнул из дула большим ярко-оранжевым огненным шаром, как показалось в окуляр, прямо мне в морду.

Все трое, прислушиваясь в полумраке КП, развернули лица друг к другу. Над головой мощно гроыхнуло. Еще не начал вертеть трубой, как позади танка зашлась в истеричном визге «Леля». Густая и стремительная пара пунктиров, словно бегущий карьерный заряд, смела взрывами деревья по левую сторону от дороги, на вершине бугра. Где-то в этом секторе наблюдательный пост Пети Штейнберга. Как хреново, со старта...

Добровольческий взвод, не слезая с брони, длинными веерами зачастил по промоинам, по обе стороны верха дороги. Два БТР, вторя хором, затукали крупнокалиберными. Коротко и страшно хлопал в ладоши миномет...

Боковым зрением заметил, как по-деловому, тихо, быстро и обильно – конкретно, одним словом – обоссался сидевший в углу у входа Виталик. Закушенный зубами рукав ватника и переполненные безумием глаза. Если он сейчас вскочит и побежит – произойдет катастрофа. Давать распоряжения – нет времени, да и глупо. Сместился на шаг, цепко ухватил его пятерней

⁸¹ «Коронованный петух» – презрительное наименование герба Польши, ставшее в ходу на территориях Конфедерации с началом войны из-за лидерства этой республики в «клубе младевропейцев» и активном участии ее контингента (самого большого в СОР) в боевых действиях.

⁸² Жаргонное наименование чешской самоходной гаубицы «Zuzana» калибра 155 мм.

за шиворот, рванув на себя, зацепил второй за ремень и, что мусорный мешок, зашвырнул пацаненка на спальник в нишу. Жук придушенно заскулил, но орать не стал. Спасибо и на этом.

Связисты молча ждали моей команды. Зря я вчера погнал на спецов. Эти-то – настоящие. Ни тени растерянности – напряжены и готовы. Волки!

– Присмотрите. Чуть не сорвался, гаденыш...

Докрутив, кинул в стереотрубу взгляд на место разрыва. Холм на нашей, правой стороне, у самого верха. Воронка метров на сто ниже и шагов на двести правее засады Жихаря и Денатуратыча. Позиции их группы сектора «С» еще ближе к брусчатке. В месте, куда ударил танк, никого из наших быть не могло.

Как обстрел начался, так внезапно и прекратился. Трал как ни в чем не бывало закашлял дизелем вверх по склону. Следом двинулась остальная техника дозора.

– Вызывай «Террикон»! – Пришла, Костя, твоя пора.

– Есть «Террикон»!

– «Террикон»! Я – «Дубрава-один»!

Насколько, оказывается, непривычно связь держать по телефону, а не по родным «сто сорок восьмым»!

В трубе, чугунными ядрами, зарокотали знакомые басы Богданыча.

– Шо у тэбэ за стрилянына, сынку?

– Цэ клятым москалям нэрвы та стийкисть шлунку на обсирон пэрэвырылы.

– И як?

– Та нэма тут никого, батько.

– Гарно.

– Надо выйти и встретить хлопцев.... – ну, сейчас Колода заартачится! Я его, конечно, понимаю, но вот только Кобеньку самому с такой элитной ордой не управиться. Ничего! Для тебя, Богданыч, есть волшебное словечко. Сейчас ты у меня ужом завьешься.

– Поглянэмо...

– Нечего глядеть. Без тебя свадьбы не будет. Внизу шесть «зюзек» разворачиваются. Один твой шафер – с буссолью⁸³.

– Нэхай им кожного ранку сто хрякив у рота сэруть! От бисова сволота на мою печинку! В тэбэ – всэ?

– Все... Встретишь?

– Так! Зустрину... Шо там ще?

– Балалайка, два краба, одни «подштанники», три коробочки, полторы сотни духов, три жестянки⁸⁴.

– Гаразд!

– Отбой связи!

Через пять минут после прохождения машинами дозора Родаковского перевала, плотной колонной, на счет развернув «елочкой» вправо-влево пушки по обе стороны дороги, тронулись остальные машины. Построение – унифицировано. Впереди ударная группа. «Леопарды», правда, кончились – у трассы еще стоит парочка, но ко мне они, кажется, не собираются – нам и так мало не показалось и без них. Первым пополз минный трал, за ним дуэт из «Тварыны» и «Лели», КШМ и три оседланных пехотой бэтэра – управление, не иначе. Следом, на малой дистанции, танк, минометная самоходка, поротно – по три грузовика – пехота, четыре облепленные добровольцами бронетранспортера, несколько разнородных машин ремонта и обеспе-

⁸³ Буссоль – оптический прибор целеуказания и подготовки данных для артиллерийской стрельбы.

⁸⁴ «Балалайка, два краба, одни подштанники, три коробочки, полторы сотни духов, три жестянки» – боевая машина поддержки танков, два танка, самоходный миномет, три БТР, 150 пехотинцев, три единицы небоевой бронетехники.

чения. Новая группа, опять – танк, миномет, три бортовые машины, бронетранспортеры или БМП и так далее, в едином ритме.

Повернулся к Костику.

– «Общую»!

– Есть «Общая»!

– «Дубрава-один» – проверка связи!

– «Второй» – на связи! – Жихарь, по голосу слышно, готов к пиршеству. Зря кто-то надумал в Крыму пустить татар первым тараном. Ой, зря...

– «Третий» – на связи! – голос как «Таволга». Толстый, спокойный и с виду неказистый. Ну правильно – на кой Салимуллину нервы?! Вон у брата, считай кровного, Юры Жихарева – на двоих хватит.

– «Четвертый» – на связи! – Гирман тоже с нервишками нормально управляется. Кто бы сомневался!

– «Пятый» – на связи! – Ну, что, Борек? Как ты, пехотура кундузская? Да знаю, знаю, что готов... Куда ты у меня денешься, родной?!

– «Шестой» – на связи! – С тобой, Василь Степаныч, чуток попозже переговорим.

– «Седьмой» – на связи! – Фу-у-у... Товарищ Петерс – на месте. Пронесло! Правильно, не валиться же истуканом наследнику тевтонов от первой же слепой стрелянины какой-то шляхетской тарактушки!

– «Дубрава-один» – всем! «Нарыв – лопнул!» Повторяю! «Нарыв – лоп-нул!»

Дорога почти до самого верха забита техникой. Еще пара минут, и доползет наш железный кулак до точки «эх, понеслась!». Судя по всему, на Родаковское направление двинули больше чем один усиленный пехотой бронекавалеристский батальон. Сейчас полностью втянулось первое подразделение. Не считая звеньев управления, ремонта и обеспечения, у них четыре группы по девять машин. Всего порядка пятидесяти единиц. Следом пошла следующая рота – на подъем втянулось КШМ с тяжелым прикрытием и пара групп. Не ошибся Шурпалыч, все точно по его раскладке. От нас до самой трассы дорога запружена броней. Ну и начнется тут вскорости...

Можно прикинуть, с чем в «итога» придется иметь дело и куда сразу бросать ПТУРЫ. Цели у нас изначально разбиты по приоритетам.

Номер первый – «Лоара». Без счету проклятая пехотой всей Конфедерации адская бала-лайка. Мудрый ход пшеки сделали – не придраться. Не можешь защитить танк от гранатомета – защити от самих гранатометчиков. Не хватает ума придумать свое «как?» – сдери идею у «русских псякревичей» – они еще в Афгане весьма неслабо применяли «Шилку»⁸⁵ против духов. Машины разные, а принцип один: помноженная на огневую мощь сумасшедшая скорострельность плюс возможность подавлять несколько целей одновременно. Пока в зоне ответственности этих зараз – три штуки. Надеюсь, Передерию хватит везения таким образом голову колонны на фугасы поставить, чтобы и нашей голосистой приме перепало. Еще одна «Лея» прикрывает танк и управление выползающего на брусчатку второго бронекавалеристского «пидроздила». Третья окажется где-то за триста метров до начала подъема. Приговорить суку – вопрос нашей чести и долг памяти по пацанам. Вот ее, дорогушу, и отдам Дэну на первый выстрел.

Приоритет номер два – танки. Семь-восемь штук на брусчатке. Парочка подпирает снизу. Круто... Никогда бы не подумал, что решусь на такую авантюру. Остается надеяться, что двенадцать троек Салимуллина, четыре пары Гирмана и восемь троек Никольского в первом перекрестном залпе не забудут, что танк – всегда танк. И пусть «Тварды» не навороченный на всю голову «Леопард», но что может эта машина – народ знает. В противном случае внуки четы-

⁸⁵ Зенитная самоходная установка «Шилка», вооруженная 23-мм счетверенной автоматической пушкой.

рех танкистов и их собаки быстро растолкуют нам, как надо по уму управляться с тяжелым вооружением.

Третий клиент из подрасстрельного списка «ви-ай-пи» – самоходные минометы, из-за торчащих из башенки двух угловатых стволов прозванные у нас «подштанниками». Как по мне, сегодня опаснее этой машины нет. Единственная надежда, что БТР – не танк, и бить в упор неподвижные АМВешки из любого тяжелого гранатомета – все одно что жаканом из двустолки домашних кроликов в клетках.

Последняя головная боль – пехота. У нас, в каждой тройке, специально для собратьев по цеху есть третий номер. У него – спарка «Шмеля». Во время залпа каждый огнеметчик делает сразу по два выстрела в грузовики своего сектора. Надеюсь, сорок выстрелов на неполные два десятка машин в первые три-четыре секунды боя в состоянии, особо не мучая, переправить коллег по несчастью из говенной действительности в лучший из миров. С добровольцами, однозначно, придется повозиться. Ну, никто, вообще-то, не обещал, что будет легко...

– Костя! «Пятерку» давай!

– Есть «Пятерка»!

– «Пятый»! Дэну – «балалайка» за переправой. Малюта – «подстрахуем» на танки, по плану. Как понял?

– Есть!

Осталось дожидаться сигнала Передерия.

– Давай, Константин, «Второго», недолго осталось – финишируем.

– Есть «Второй»!

– «Первый» – на связи!

В трубке раздался придушенный голос Передерия:

– Еще пару минут, «Первый».

– Ждем...

Связист припал к своему перископу и, прижав наушник от общего аппарата к уху, не отрываясь смотрел на дорогу. Его напарник стоял на одном колене над их «органом» и, откинув предохранительный колпачок, держал палец на светившей зловещим тормозным сигналом пластиковой кнопке. Вторая половинка наушника была на резинке притянута к уху. Из ниши тянуло смешанной со стыдом вонью страха.

Трубку держал я. С каждым выдохом Ивана Григорьевича во мне поднимался уровень адреналина. Дед, ну как можно так сопеть?!

В голове цветными роями проносились картинки. Словно отдельным, редко включаемым чувством, каким-то ирреальным видением просто отчетливо видел своих ребят. Сидят, напряженно, на краю ниш укрытий – трубы вдоль траншей, предохранители сняты, прицелы – разложены. По дну промоин протянуты телефонные нитки. Представляю, что у каждого в душе сейчас творится.

В трубе, зажав в последнем спазме дыхание, прошелестело:

– «Первый». Готовность! Начинаю отсчет!

– Есть отсчет!

Все, камрады! Дед сейчас на Луну вас отправит...

– Пять... – глянул на Костю. Он заметил и твердо кивнул в ответ.

– Четыре... – спокойный молчун-связист уперся взглядом внутрь себя.

– Три... – несчастный Педаля, забившись в нишу, старательно выполняет шипящую команду связистов «носа не кажи!».

– Два... – в голове веер: от «не сработает сигнал» до «сейчас заметят и вмажут первыми, со всех своих стволов – залпом».

– Один...

Ну... Давай... Давай! Да-ва-й-й-й!

Три голоса – один в трубе и два на КППП – сливаются в единый, заглушенный страшным разрывом крик:

– Огонь!!!

Ну, понеслась, твою мать! Даешь Сутоган, сука!!!

Когда над створом вершины выросли дымные фонтаны и на колонну обрушился грохот трех мощных зарядов – впереди и пяти послабее – сзади, первое, что сделали все механики-водители, – синхронно нажали на тормоз. Вот что значит реальный боевой опыт: прошедшие Афган в таких случаях что есть дури давят на газ. Кинув операторов-наводчиков лбом на прицелы, а потом, не менее быстро, отдачей швырнув назад в обратку, техника вкопанно встала. За мгновения потери видимости и ориентации произошло многое. Для большинства находящихся внутри машин – всё...

Тридцать семь труб Салимуллина, двадцать пять Никольского и шестнадцать гранатометов Гирмана, громыхнув единой фугой, обрушивают на колонну стремительный огненный рой. Каждая граната, сверкнув малиновым выхлопом, разрывается в скоплении машин. Пяток, как мне показалось, бьет ниже целей, но ни одна не пролетает сквозняком или выше!

В этот же миг, с наизнанку выворачивающим нутро воем, на замершую в шоке брусчатку сверху обрушивается непрерывный чугунный шквал из минометов Штейнберга.

С обеих сторон дороги, секунду погодя, еще раз ухает двадцать огнеметов. Следом, с минимальным разрывом, повторяют удар вторые номера – новые два десятка «Таволг» рвутся к своим избранникам. Синхронно с ними, далеко в хвост построения, уходит первый ПТУР.

За первые четыре-пять секунд боя бронегруппа ловит почти сто двадцать тяжелых гранатометных и огнеметных зарядов, не сделав в ответ ни одного прицельного выстрела. Могу только представить весь тот ужас, который успели прочувствовать выжившие. Остается прибавить, что вместе с грохотом атаки в шлемофоны всех спецов влетел дикий скрежет, свист и шорох – результаты нажатия волшебной кнопочки на «оргane» нашего Костика. Понятно, что сама «глушилка» находилась где-то на вершинах Родаковского плато, но команда-то пошла из нашего командного пункта в самый подходящий момент, и связи у них не стало именно сейчас – когда она им нужна как воздух.

Результат залпа оказался не менее впечатляющ. Каждый танк схлопотал от двух до четырех «чемоданов» из «двадцать девярых» и «двадцать седьмых». «Леля», как заслуженный ветеран солдатской ненависти, отгребла целых пять «тандемок»⁸⁶. В ней, как и еще в трех танках и шести самоходных минометах, сдетонировал боекомплект. Выпотрошенной грудой металлических коров, еще минуту назад – такие пугающие и опасные, эти монстровидные чудовища теперь беспомощно подпирают нависшее небо чадными столбами праздничного аутодафе.

Из бортовых грузовиков с цуровской пехотой от «Шмелей» спаслось двое, но и они сразу попали под минометы. Итоги примерно одинаковые: кузова разметало в щепу, тенты – в клочья, кабины разнесло, грузовики запылали. С пассажирами – совсем плохо. Хоть и противник, но точно по присказке: врагу не пожелаешь. Кого выбросило взрывами – тлеют бушлатами по обочинам. Оставшиеся внутри – горят заживо в братских могилах. Не лучшая участь для солдата, что тут скажешь.

На брусчатке не уцелело ни одного «подштанника». Самоходки минометов, среди первых, порвало тяжелыми зарядами «Вампиров» и «Таволг». Большинство выхватило по два раза кряду.

⁸⁶ Тандемные боеприпасы. Принцип действия построен на том, что при ударе вначале срабатывает передняя кумулятивная часть, а следом, с задержкой, основной кумулятивный боеприпас, что позволяет преодолевать практически любую динамическую защиту современных танков.

Относительно повезло бэтээрам, БМП и транспорту обеспечения. Единственные, кто тотально не попал под гранатометную раздачу первого залпа. Не считая нескольких, прицепом сожженных, «коробочек», остальная броня пока имела дело только с Петиными минами. Там – тоже, что три с половиной килограмма – с «Подноса», что без малого пуд – с «Полкового»: на крыше рванет – мало не покажется. Тем не менее бронетранспортеров сохранилось более тридцати штук, и они первыми лихорадочно открыли ответный огонь. Следом за ними стали включаться машины низа колонны. Тяжелый дымный вал не так быстро, как хотелось бы, но, весьма уверенно разрастаясь вверх искусственным грязнобелым облаком и огромными завитушками бигуди катясь в ширину, послойно отсекал технику основного построения от пылающего огнем перевала.

Насколько все изменилось за четверть века! Какое счастье, что в наше время повстанцы не обладали таким огневым потенциалом. Представляю пяток «Вампиров» и парочку «Корнетов» на Каракамарском серпантине!⁸⁷ Было бы все это изобретено и массово производилось тогда – войны во Вьетнаме и в Афганистане выглядели бы совсем-совсем иначе. Какой там... Партизанщина – форэва!

Мазепанцы вначале занимались не столько боем, сколько выживанием. Меж «коробочками» воплотилась в миру настоящая преисподняя. Те, кто успел выпрыгнуть и залечь, первое время пытались укрыться за броней. Да только двенадцать минометов, да из них три автоматических, – слишком много на неполные семьсот метров узенькой нитки дорожного полотна. Когда, выйдя на свои огневые, в полном составе включились расчеты АГСов и крупнокалиберных пулеметов, меж машинами стало совсем не кисло. Ну и тройка Ильясковых ПК тоже не в носу ковырялись.

На седьмой секунде схватки ближе к вершине перевала похоронным аккордом резко прозвучал танковый выстрел. На позициях группы Салимуллина выросла черная тень разрыва.

Вот теперь начинается как заказывали.

Дед – умница, знает, что делает: из трех фугасов двое отработали по полной программе. Пропустив минный разградитель, Григорыч, ориентируясь по оставленным загодя меткам на дороге (он их упорно называет «мишенями»), дождался главного – правильного вхождения техники на закладки. Первый заряд наповал разворотил корму головного танка, второй – убийственно рванул под днищем «Лелиного» передка – в аккурат под топливными баками. Последний, взорвавшись в паре метров по курсу, оглушил не успевшую к раздаче слонов КШМку.

Вскочив, мои красавцы, по плану кинулись в разные стороны. Передерий – командовать своими двумя расчетами: «Утес» да АГС, в посадке над стороной Салимуллина. Юра с Мыколой – «мочить козлов» – на холм с нашей стороны.

Первым на праздник «козлодрания» угодил минный разградитель, причем без офицерского участия: пока двое тащили собранный крупнокалиберный, третий номер, не раздумывая, вмазал в моторный отсек из персональной «Мухи». Легкобронированному тягачу и «восемнадцатого» оказалось – с головой: чуток протарахтев неуправляемыми гусеницами, машина уперлась в склон и, нехотя разгораясь, мирно завоняла себе черным и желто-зеленым в так и не пробитой им последней сотне метров до вершины.

Взводный-один выскочил на холмик у обочины как раз к танковому выстрелу. На ходу оценив ситуацию, он сверху, со ста шагов, влупил из своей «Таволги» в боковую проекцию башни. Но все равно не успел – сидевший на подхвате первого залпа Малюта на секунду раньше ударил ПТУРом точно в центр танкового борта. Два мощных взрыва наконец-то угомонили выдержавший до этого несколько гранатометных попаданий с перебором экранированный «Оплот».

⁸⁷ Отрезок высокогорной магистрали в провинции Бадахшан, ДРА.

Развернув вместе с Бугаем позицию «двадцать девятого», Жихарь оказался единственной фронтальной точкой работы тяжелого гранатомета. Ко всему прочему, ведя бой по обе стороны дороги, ошалевшие операторы-наводчики СОРа его просто не видели, да и к тому же он бил прямо из самой головы колонны вдоль ее хребта.

Расчеты, распределенные по схеме «мальчик-девочка», открыли отсекающий огонь с обеих сторон дороги. АГС и «Утес» – за Юрой и вторая пара – в посадке у Передерия – в считанные секунды потушили КШМ, парочку бэтээров и смахнули остатки пехоты с дороги. Вторые и третьи номера дружно, сверху вниз, упорили одноразовыми граниками по бронетехнике своего сектора «куница».

Один из бронетранспортеров в полутора сотне метров от группы Жихарева решился на беспрецедентный шаг. Ударив полыхающий остов впередистоящего грузовика и просунув его на пару метров вверх, он резко сдал назад и сбил подпиравшего собрата поперек дороги. После чего дал газ и, успев разогнаться, обвалил рельс ограждения, перескочил через стальные тросы перил и ринулся вниз. Пролетев по насыпи с пятю метров, БТР все же не удержался и, почти опрокинувшись, уткнулся острым носом в ливневую канаву. Ждать, пока машина оттуда выберется, никто не стал – только этого не хватало! Юра – сверху и кто-то из ребят Никольского – сбоку разом гахнули тяжелыми «чемоданами». «Коробочка» вспыхнула и жарко задымила. Экипаж быстро разгоравшуюся броню не покинул. Вот она – конкретная картинка для отдельных любителей молотить языками насчет смелости, желания и умения окров воевать всерьез. Когда припечет – только успевай гранаты подносить!

Бой вошел в активную, самую опасную для нас фазу. Дымовая завеса еще не полностью отрезала позиции отряда от основной колонны. Эффект первого залпа – массированный удар и шок на несколько секунд – использован на всю катушку и пройден. Моим бойцам надо сменить позиции, перезарядить «Вампиры», достать из боковых ниш остатки «Таволг» и навешать на себя запас «Мух».

Еще два танка подают признаки жизни. Вначале «Тварды» у самой грунтолки врезал в угол холма, прямо по позициям Гирмана. Причем, ударив из пушки, поляк щедро добавляет с обоих пулеметов. В ту же минуту на сектор выше начинается движение «Оплот» – хорошо хоть, что еще не стреляет. Причем оба танка, не сговариваясь, включают дымовые завесы. Правильно, что тут думать! Вся живая броня на брусчатке уже несколько секунд как поливает со всех своих дымогенераторов да еще, совместно с пехотой, расцвечивает небо сумасшедшим сумбуром сигнальной пиротехники. Мешают дымы больше им самим, нежели нам, но решение понятно: у народа уже просто нет никаких иных вариантов и свежих идей – только бы выжить. Легкий ветерок стягивает в долину рваные черные хлопья призрачной защиты, чадную вонь горящей техники, резины и человеческих тел.

– «Пятерку»!

– Есть «Пятый»! – в трубе густо трещит и скребется. Словно через ватную стену, откуда-то из шумного подвала доносится голос Никольского. Он что-то докладывает, а я ни слова разобрать не могу! Вот угораздило моих пацанов связаться с глухим командиром.

– Костя, хоть что-то разбираешь?

– У него – четверо «трехсотых»⁸⁸. Три «Таволги» – в «НЗ». Больше пятидесяти гранат к «Вампиру». Восемь ПТУРСов.

– Понял. Переводи дальше... – и в трубу: – Боря, блядь, – куда смотришь?! Оба «Корнета» залпом – по САУ! Два расчета «двадцать девятого» – по танкам! Все остальные – по колонне. Раненых – по возможности – на третьи номера! – трубка нечленораздельно булькнула в ответ. Вопросительно глянул на Костю – тот кивает: мол, «там – принято».

⁸⁸ «Трехсотый» – традиционное для связи кодовое обозначение раненого; «двухсотый» – убитый.

Это я и так сразу увидел: все, кто имеет доступ к связи, – услышали команду. ПТУР спаренно рванулись со своих позиций из-за прикрывающих расчеты от основной колонны противника холмов. Опертые на поддомкращенные боковые опоры, не предназначенные для резвых маневров, «Зюзи» обрекали свои экипажи на жертвенный подвиг во имя чужих интересов. Там ракеты заметили. Наверное, на самоходках стояла аппаратура, реагирующая на облучение установок лазерным лучом наведения. На артпозициях замечались крошечные фигурки, машины разом включили генераторы дымовых завес. Поздно...

С низу нитки – как ждали! Три танка хвоста открыли огонь по позициям ПТУР. Забухало несколько минометов. Это – значительно хуже. От прямого орудийного выстрела мои ракетчики уйдут за скаты своих холмов. От навесного огня тяжелых минометов не спрятаться нигде, даже в нишах.

– «Семерку»!

– Есть «Седьмой»!

– «Седьмой»! Что у тебя? – в трубе сквозь свист и шипение прорывались обрывки Петиных матюгов.

– Говорит: «По плану»! – как Костя что-то разбирает в этой какофонии?

– В жопу план! Три полковых – на САУ! По десятке фугасов на каждый «самовар». Три остальных «сто двадцатых» и все «Васильки» на колонну – от грунтовок до трассы. «Подносы» остаются на брусчатке. Давай! – и, развернувшись, к связисту: – «Четверку»!

– Есть «Четвертый»!

– «Четвертый», что у тебя? – на удивление, в каком-то провале шумов сам расслышал голос Гирмана:

– Стоим!

– Стой, дорогой, стой! Потери?!

– Есть потери. Справляемся! – Вот мужик, а?! – «Четвертый», допаливай свой сектор и дай десяток по направлению колонны вглубь дымовухи... – ответа уже не услышал, но Костя опять утвердительно опускает подбородок.

Теоретически Гирман мог примерно бить по длине нитки. Не так, как Штейнберг, у которого каждый сантиметр дороги цифирями в блокнотик записан, но все же. Гирмановский отряд сидел за своим холмиком ниже и на полсотни шагов ближе к брусчатке, чем все остальные. Кроме того, при подготовке такой сценарий отрабатывался. Результатов, понятно, особо никаких от беспокоящего огня ждать не приходится, но чуть сбить спеси соровцам – дело нужное. Пусть и там маленько подергаются, не на учениях поди.

Минометы свою часть работы уже делают. На позициях САУ загрохотали разрывы и через секунды – первый результат: рванула или машина с боеприпасами, или выложенные на грунт снарядные ящики. Можно было потешить себя мечтой, что с перепугу перед кумулятивными «Корнетами» артиллеристы открыли свои люки и туда угодила тяжелая минометная мина. Ресурс везения на сегодня нами исчерпан сполна, и такую возможность я даже в расчет не беру. Тем паче, что главного добились – две «Зюзи» схлопотали по ПТУРу, правда, с неясными результатами – из-за дымовухи не разобрать, но остальные голоса не подадут.

Петя оперативно переключился, и на основную нитку посыпались пудовые осколочно-фугасные болванки уже с шести полковых минометов. Туда же поочередно нырнула пара «Корнетов». И правильно – незачем было Дэна с Малютой орудийным огнем драконить, позиции заставлял менять – поди поползай с их тяжеловесным добром по грязи промоин! Парочку жертвенных бычков, раз сразу не накрыли расчеты, теперь – на кострище!

Техника, не дожидаясь очередных сюрпризов, с началом боя пришла в движение – машины стали разворачиваться во всю ширину. Некоторые двинули назад – к трассе. Многие врубили дымовые завесы. Молодцы! По бутылке – каждому! Я и мечтать не мог о такой помощи. Успевшая перевалить мосток Белой часть брони оказалась взаперти. Там наверняка

пытались развернуться или еще как-то сманеврировать, но «восемьдесят девятая» – штука жестокая, рассчитана на танк. Представляю, что она с легким транспортером или тягачом сделает, не говоря уж за бортовуху. Пехоте вообще туго: сиди под минометным огнем и крестись – шаг вправо-влево, и уже молиться будешь без ног.

Основной дымовой вал стремительно набирал объем и плотность. Теперь только броня у самой трассы могла относительно четко видеть вершины бугра, и то временно: сейчас Петя туда еще из «сто двадцатых» чуток дымовых мин положит – для полного комплекта. Единое непрозрачиваемое облако разлеглось на пару сотен метров вширь и лишь чуть меньше – ввысь. Если к позициям Гирмана дым только подбирался белесыми щупальцами, то в низине, перевалив за мост, плотно накрыл всех.

Отлично! Все, что нужно для стрельбы, можно рассмотреть в РЛС, только попробуй, сидя в башне, отличи с двух-трех километров своих от чужих, если все основные участники жертвенного причастия расположены на полосе в триста метров шириной.

Насколько смогли разобрать мои по жизни контуженные уши, за грунтовкой все же сработала как минимум пара противотанковых мин. Скорее всего, там пытались либо объехать затор, либо развернуться – и нарвались. Можно считать, что свою роль минное поле исполнило на «пять с плюсом». Слава Тебе, Господи, что еще одного трала под рукой не оказалось или не сообразили танкисты в горячке боя. Сейчас, при гнув экранированные лбы, выползла бы парочка красавцев да врезала вдоль промоин – сами не знали бы куда деваться.

И связь – великое дело. Нет связи – нет ничего. Такая армада, настолько мощная и грозная техника, какое неисчислимое преимущество! И что слепые котят – либо бестолково тычутся в дым да на мины напарываются, либо, бросив своих товарищей на растерзание «федерастам», вообще тупо стоят, что наш «монумент» на въезде.

То знак вам был, камрады, а вы – не поняли...

Мои пацаны добивают бронетранспортеры. Тоже отработано заранее. Тут Василь Степанчы – земной поклон. Третьи номера гранатометных расчетов занимаются личной охотой – обвешавшись «Мухами», коротко выглядывая на мгновение, курсируют по своим секторам промоин вверх вниз и, засекая «живые» машины, лупят на поражение вне зависимости, стреляет та или нет. Они же и отвлекают уцелевшую броню от основной нашей «артиллерии».

У этих – все чинно, серьезно и размеренно. Второй номер подносит гранаты и вычисляет цель. Первый, изготовившись, подбирает момент переноса огня противника – подальше. Потом спокойно лупит наверняка. Тандемка «Вампира», при попадании в любую точку корпуса или башни, валит все наименования легкой бронетехники с одного раза – наповал и без шансов.

Вдобавок два «Утеса» группы Жихаря, один Никольского и пять «Кончаров» снайперского отделения Антоши – может, не так эффективно, но зато очень быстро – дырявят крупным калибром противоположную броню БТР и БМП.

К концу второй пятиминутки боя выжившие экипажи, трезво оценив шансы, под прикрытием дымов покидают машины. Пехота, спустившись с насыпи, пытается окапываться с нашей стороны – по правую руку от брусчатки. К Саламу полезли единицы. Чего-то как психолог я все же стою. Там – гладкое поле. Тут – все в буграх и холмах, а впереди заманчиво блестит змеиными кольцами объездная. Первый залп опять же – почти сорок плюх вылетело разом от Ильеса – хочешь не хочешь, а призадумался.

Добровольцам совсем туго. Два АГС Жихаря и один Борюсика не вырубаются ни на секунду. Причем не сплошняком поливают шестьсот метров обочины, а прицельно бьют по любому движению. Три «подноса» товарища Петерса – методично, раз за разом, как костыли в шпалы, всаживают под тридцать мин в минуту – причем прицельно – именно туда, куда сичовикам меньше всего хотелось бы. Уже не тот первоначальный кошмар залповой работы всей батареи, но «мазепанцы» выкашиваются с очевидной последовательностью.

Тут еще третьи номера, израсходовав весь запас «восемнадцатых» и оставшись без работы, нашли себе новое занятие – шлепают с подствольников. Пристрелявшись со ста пятидесяти, получается – плюс-минус метр максимум. Считается, что наши ВОГи⁸⁹ по осколочному действию на цель превосходят автоматическую пушку БМП. Правда, сейчас зима, все в ватниках, и толку от них... но чтобы служба медом не казалась, пусть долбят.

Ни вначале, ни сейчас «мазепанцам» так и не удалось выполнить своей главной миссии – завязаться с нами и тем самым прикрыть свою технику. Постреливают, конечно, но ни о каком сосредоточенном огне или подавлении огневых точек и речи не идет. Их броня тоже своей роли не отработала – не прикрыла пехоту. Теперь всем миром – тушите свет. Труба эсэсовцам – никакой надежды. Добьем всех – без вариантов.

Осознали. Пошли какие-то крики, сбивчивые, истеричные команды. Костя вопросительно глянул: что такое?

– Последняя атака самураев, видать. «Пятого» давай!

– Есть «Пятый»!

– Борек! Сейчас сичовики в атаку рванут. Ты гранатометчиков посади на дно – пусть с подствольников навесными пробивают. Под пули не лезьте. «Кончарам», «Утесу» и АГС – приготовиться! – увидев утвердительный кивок связиста, добавил: – «Второго!»

– Есть «Второй»!

– «Второй»! Быстро – перекинь АГС на мою сторону!

Внизу раздался нестройный рев: «Сла-ва-а-а!!!» – около ста добровольцев, пригибаясь, ринулись от брусчатки к спасительному разрезу первой промоины. Многие, если не большинство, ранены – кто хроمال, кто придерживал руку, большая часть «мазепанцев» не бежала, а шла. С пяток пулеметов ударило с импровизированных окопов и рывин, в которых они до этого отсиживались, – оставшиеся прикрывают последнюю атаку братьев по оружию. Нет, что ни говори – сильно. Мужики – не отнять...

Мои пацаны, словно не слыша команды, высунулись и, как скаженные, дружно рубанули со всех стволов. На дороге ожили две бронемашины. Наши присели. Сичовики, почувствовав поддержку, вновь завопили про «Славу Украине» и прибавили хода. Юра не успевал с автоматическим гранатометом. Два АГСы не могли в один заход накрыть во фронт редкую, растянутую на полкилометра цепь.

Внезапно для наступающих под ногами стали вырастать красные паровые шары. Такое впечатление, как будто кто-то сидящий в земле прыскал оттуда, снизу вверх, из мощного краскопульта. Почти неслышно на фоне общего грохота прозвучали первые хлопки «бабочек». Если внимательно смотреть в оптику, то замечен небольшой фиолетовый комок подрыва. Полстопы мгновенно превращалось в тот самый красный пар. Народ стал валиться с ног. Когда сообразили – было поздно.

Некоторые зашли вглубь минного поля до пяти-семи метров. Пока разворачивались, начали выползать – остались единицы. Хромавшие сзади – притормозили. Последних выкосили прицельным пулеметным и автоматным огнем да объединившейся, наконец, тройкой АГСов. Все закончилось очень быстро.

Под сотню трупов растянулось на полпути к первой промоине. Возродившиеся было пулеметные точки потонули в темных всполохах минометных разрывов. На брусчатке вместо имитационных шашек еще две брони запылали заправдашными факелами.

Из одной АМВешки пытался вылезти оператор-наводчик. Полз из башни, полз, но последнего пути так и не осилил. Словно в документальном фильме, подpiraемый яростно разгорающимся костром и повиснув на полкорпуса вниз, остался догорать в люке.

⁸⁹ Штатный 40-мм выстрел ВОГ-25 к подствольному гранатомету ГП-25.

Рук никто так и не поднял. Ни один. Мы в плен, понятно, не брали бы, не в том дело... Сам факт.

Неполные двадцать минут, и бою конец? Поверить не могу!

Пора дергать Степаныча и Колодия. Гул взрывов в направлении Сухой балки я слышал совсем недавно, но что делает оставшаяся за спиной неслабая группа головного дозора – понятия не имею. В любом случае отсюда надо валить! И чем быстрее – тем лучше.

– Давай «Общую»!

– Есть «Общая»!

– «Дубрава-один» – внимание! Всем группам – «отход на рубеж обороны». Повторяю! Всем группам – «отход на рубеж обороны». «Шестой» и «Седьмой» – на месте! Доложить, как поняли!

– «Четвертый» – есть. «Шестой» и «Седьмой» – есть. «Второй» – есть. «Пятый» – есть. «Третий»... понял. Комплект, командир! «Третий» просит людей – помочь с ранеными... – Просто машина, а не Костя. Вот где боец в своей стихии.

– «Второй», помоги подняться «Третьему»! – самое время Юре с Ильясом отношения налаживать; мне только татарской вендетты у себя не хватает для полного счастья...

– Принято.

– «Дубрава-один» – внимание! Всем группам – доложить потери и остаток боекомплекта!

Тут – плохо... Двое убитых у Гирмана и один – у Никольского. Пятеро – у Салимуллина. Раненых восемь на нашей стороне, один – у Жихаря и одиннадцать «трехсотых» – у Ильеса. Да уж, досталось зоне «Д» в первые минуты боя, считай – половина группы.

С боекомплектом – норма. «НЗ» почти не тронули.

– Ну, брат связной, – с Богом! Давай «Белку». Это оказалось не так быстро, но желаемое я получил.

– «Белка», я «Дубрава»! Разрешите отход...

– Докладывай, «Дубрава»! – Рев Буслаева уверенно перекрывает любые помехи. Танкист, что тут скажешь...

– Задача выполнена.

– Ну вы дали, сука, джазу! Видел! Молодцы, ребята! Молодцы!!!

– «Белка»! Разрешите отход на базу. Есть потери. Мы скованы.

– Давай потери!

– Восемь – «двухсотых», двадцать – «трехсотых».

– Понял. Отходи на «Дубрава-шесть». «Террикон» уполовинил делегацию, но надо гостей проводить достойно. Разберешься – в распоряжение «Террикона». Сам притормози на пять минут. Тебе связь кино покажет. Как понял, «Дубрава»?

– Вас понял! Выполняю! – и развернувшись к Костику: – Какое еще, нахрен, «кино»?!

– Сейчас, командир... – с хитрой рожей связист глянул на часы... – Наш пьяный кино-механик свет в зале тушит.

– На будущее: со мной темни меньше – здоровее будешь. Давай «Шестого»!

– Даже и не сомневаюсь! – У самого в глазах смешинки бесятся... – Есть «Шестой»!

– «Шестой», доложи обстановку! – как подслушанная через валенок пьянка с портовыми шлюхами в радиорубке, честное слово! Ну и связь...

– Степаныч говорит, что информацией не располагает. Было три взрыва на подступах к «Террикону». Сами – готовы. Гости – нет.

– Общую!

– Есть «Общая»!

– Всем – внимание! «Второй»! По подъему скомплектовать маневренную группу из пяти «чемоданных» пар. Забрать на расчеты весь «НЗ» «двадцать седьмых». Отделение Антоши – с

вами. Тройка Дэна – с вами. Выдвинуться броском на «Дубрава-шесть». Как понял? – увидев кивок связиста, продолжил: – «Третий»! – Костя отрицательно мотнул головой: «Тоже ранен»! Блядь! – «Пятый»! Возглавляешь отряд. Собрать людей, пересчитать, забрать все вооружение и выдвигаться к точке «Дубрава-шесть». Как понял?

– Выполняю! – сквозь трескотню дикого шабаша в трубке прорезалось подтверждение Никольского.

– Собирайтесь! – повернулся к нише с прижухшим Педаликом. – Бегом, босота, хватит дрыхнуть! И мои шмотки не забудь, военный! – Тот, озаботившись хоть каким-то делом, шустро стал паковать спальники и плащ-палатки. Ну правильно! Не слушая никаких оправданий, Стовбур тебе за них, как пить дать, кое-что порвет. – И морду не делай такую виноватую, впрямь, целка выискалась! – Ладно, не буду задирать щегла. Крыша не поехала, не тупит – уже хорошо.

– Давай, Костя, показывай кино свое обещанное...

– Нам собираться – что той прапорщицковой жене: рот закрыла да пошла. А до сеанса совсем чуточку подождать надо. Покурим?

– Ясное дело... Вам что, «Князя Владимира» в допайке дают или как?

– Связь на провокации не поддается... Смотри, командир.

Мы стояли у открытого края овражка КП. Внизу бушевал дымный океан. Смешиваясь с черным смрадом, грязно-серые облака подперли подъем выше середины и, растянувшись на километр вширь, уверенно катились к трассе Е40. У самой магистрали выросла еще одна, маленькая, но стена – поставленная напоследок завеса Штейнберга.

Тяжелый, насыщенный влагой воздух как будто растворял, впитывал в себя копоть. Чуток распогодилось, но казалось – вот-вот, и из нависшего над головой неба прямо сейчас повалит пепельный снег и хлынет мутная, прогорклая от гари вода.

На брусчатке, куда хватает видимости, подсвечивая сквозь грязную мглу нитку дороги, как взлетку в зимнюю непогоду, бушуют костры хорошо разгоревшейся техники. Все оттенки черного в смеси с бурым, желто-коричневым и серо-зеленым, перемешиваясь, давали, как и положено в станковой живописи, темную грязь. Представляю, какая там вонь стоит – соляра, резина, всякие пластмассы, гора тряпья, ватина и очень, очень много сырого мяса...

Осязаемый всеми чувствами одновременно – как нечто единое, самый настоящий крошечный ад.

По промоинам быстро поднимались группы и одиночные бойцы нашего отряда. Вдруг – замерли. Вначале по земле, словно по тихому озеру, пробежала невидимая рябь. Какая-то вибрация или даже очень низкий гул. Почва под ногами вполне конкретно задрожала. На полотне магистрали быстро замелькали видимые даже сквозь дымовое заграждение вспышки. Потом пришли раскаты нескончаемых громовых ударов. Как салют – сплошные серии мощных взрывов.

В восьмикратный бинокль очень неясно видны катящиеся прямо по трассе валы повторяющихся разрывов. Причем действительно подобно морским волнам – начинаются сразу в нескольких местах и прут все в одну сторону. Заметил или, может, показалось, что небо над дорогой прочеркнули вытянутые темные карандаши.

За двадцать секунд огневой налет окончился. От въезда до выезда – по всей длине отрезка дороги – столбом стояла пыль и гарь. Где в сплошном чаду на мгновения открывались окна – светились зарева кострищ. Боже, такого погрома СОР не знали никогда. Тут и война может кончиться – с такими-то потерями!

– «Грады»?!⁹⁰

⁹⁰ РСЗО «Град» – реактивная система залпового огня калибра 122 мм. РСЗО «Ураган» – реактивная система залпового огня калибра 222 мм.

Костик расплылся в совершенно счастливой улыбке, словно он сам, собственноручно спалил всю бронекавалерию младоевропейцев.

– Обижаешь, командир! «Ураганы»!

У нас нет ни того ни другого. Неизвестно когда у дончан, по слухам, моталось несколько старых «Градов», да только их сразу попалили в самом начале боевых действий.

– Подожди, подожди... Россия – вошла?

– Нет! Ты чего? – Костя, по-моему, даже испугался такого радостно-лобового варианта.

– Так откуда «Ураганы»?

– Это – к твоим командирам... – ну понятно, зараза такая. Ни слова сверх отпущенного лимита.

– Придем на место, возьму «болгарку»⁹¹ – зубы тебе подровняю. Вот тогда, братишка, ты сразу вспомнишь – откуда.

– Я как ее увижу, первый все расскажу, Аркадьевич! – Еще и ржет, коняка! И правда, чего я до мужика домахался?! Это у меня – партизанская вольница, а у него – служба. Ляпнул лишнего – и уже никто и звать «Никаком». В лучшем случае.

Кинул последний взгляд на пожарища. Ну и наворотили делов...

– Ладно, двинули народ догонять, секретный ты наш.

Майор Колодий, услышав о наличии в головном дозоре артнаводки, рисковать не стал и секунды не медля выслал навстречу засадную группу.

Узик двух расчетов «Корнета» проскочил по параллельной основной дороге грунтовке и встал в полутора километрах от Родаковской базы. Место совсем не простое – заранее подготовленная позиция: еще пятьсот метров в сторону перевала – и развилка на Лотиково. Тут они гостей и ждали.

С полотна ни тропы – в восьмистах метрах, ни распадка, по которому приехали бойцы Богданыча, ни самой «таблетки» производства Ульяновского автозавода не видно. Вокруг – пашня. Слева – редкая, как старая расческа, посадка на три скореженных в ширину дерева. Справа – обзор до горизонта.

Когда рванули сюрпризы Сутоганского бугра и начался бой, головной дозор прошел половину пути и даже успел чуток потупить на Лотиковском повороте. С первым взрывом и потерей связи машины притормозили в какой-то сотне метров от одного из дорожных столбиков с нарисованной киноварью на обратной стороне большой восьмеркой.

Стояли долго. Как потом выразился командир засады, «никак не могли отдулиться». Не имея ни связи, ни информации извне, совершенно ослепнув и оглохнув, камрады все же решили продолжать движение. Предположить, что идущая следом элита бронекавалерии может попасть под разгром на голом подъеме, могла только золотая голова Шурпалыча. Ну, на то он и стратегический гений Восточной Малороссии.

Двинулись с максимальной осторожностью. Пехота спешила и развернулась в две колонны по обе стороны машин. Типа – щит!

Когда вертикаль середины башни непотопляемого «Леопарда» совпала с ярко-красной восьмеркой придорожного столбика, один из наших нажал кнопку подрывной машинки. Под днищем танка оглушительно ухнул фугас капитана Петренко. Оказавшуюся поблизости пехоту просто смыло взрывной волной. В тот же миг два ПТУРа ринулись к своим целям.

Оглушенная «Лоара» встречала неминуемую кончину вполне безучастно, а вот замыкающий «Тварды», напротив, продемонстрировал недожизнную сноровку и готовность сражаться до последнего. Среагировав на облучение лазером, танк вначале, неожиданно резко

⁹¹ Угловая шлифовальная машина для резки и шлифовки металлов, бетона и камня. Термин «болгарка» произошел от первых продаваемых в СССР угловых шлифмашин болгарского производства.

для своих габаритов, крутнулся на месте и, изменив угол, буквально прыгнул вперед: успел на четверть развернуть корпус, задел цуровский грузовик, но спрятаться за ним полностью не успел. Правда, шансов-то и было – сущий мизер! Система наведения «Корнетом» по лучу не дает увернуться; самая мощная из всего партизанского арсенала тандемная боевая часть преодолевает любые экраны и броню, а наведение в геометрический центр цели – в обитаемую зону танка – делает совсем призрачными надежды экипажа на выживание.

Чудом, но механик-водитель своих товарищей спас. Два рывка «Тварыны» и засунутая за бортовуху морда привели к попаданию в моторный отсек. По утверждению нашего расчета, сичовики вытаскивали танкистов живыми. Наверняка поляков спасли открытые люки. Танк еще какое-то время безуспешно пытались потушить. Контуженных и раненую пехоту быстро загрузили в грузовик и уже там оказывали им первую помощь.

В «Леле» и в наследнике Королевских Тигров сразу сдетонировали боекомплекты. Там экипажи не извлекать надо, а отпевать.

Сразу после атаки все три БТР развернулись и, на ходу открыв пушечно-пулеметный огонь по позициям ПТУ-Ров, заплетали галсами по полю. Бойцы Колодия тоже гав не ловили – прыгнули в уазик и с чувством честно исполненного долга, по грунтовочке, быстренько умчались под крыло Богданыча. Когда броня преодолела восемьсот метров раскисшей грязи – таблетки и след прослыл. Всех трофеев – два отработанных транспортно-пусковых ракетных контейнера, задранные концы контактных проводов да размашисто начертанное пальцем по снегу краткое нецензурное ругательство или, по желанию адресата, тире, кулинарный рецепт.

Перестроившись, головной дозор разделился. Пехота ЦУРа, грузовики, машина артиллеристов и минный трал, чуть сдвинувшись назад, остались невдалеке от горящей техники. Добровольцы, польская КШМ и три вернувшиеся ни с чем БТР помчались назад к основной колонне. Жаловаться, наверное...

Они подошли ко входу в Сухую балку ровно через пять минут после прибытия на подкрепление к Кобеняку вспаренной от бега группы Жихаря.

Потерявшие связь и всерьез напуганные складывающейся ситуацией соровцы решили действовать максимально осторожно. Сичовики заняли позиции между КШМ и бронетранспортером на самом краю растянутой в длину и вширь балки, второй БТР с десантом на броне пополз на разведку, а третий, также облепленный пехотой, опасливо двинулся за ними на дистанции прямой видимости.

Для Василь Степаныча вражеские мотострелки всю армейскую карьеру являлись целью традиционной и, в бесчисленном количестве учений, сотни раз отработанной. Посему он поступил расчетливо и экономно. Людей Жихаря посадил отдыхать, дабы под ногами не путались, – своих хватает. Самого взводного послал на бугор вместе с расчетом Дэна – ПТУРов у «Шестого» не было. Туда же отправил и снайперов Кузнецова.

Когда обе машины углубились в балку, по ним синхронно ударили два расчета «двадцать девярых» и пара огнеметных труб. Оглушенных взрывами добровольцев перебили мгновенно. Те даже не упирались – просто легли под автоматными очередями разом со всех засадных точек.

Дэн без каких-либо проблем уделал рванувший было назад БТР прикрытия. Причем – в задницу! Так догнал в бензобаки, что тот, как в дешевом голливудском блокбастере, еще метров тридцать, пылая бензиновым факелом, катился назад с горы. Семь «мазепанцев», попытавшихся было ответить, в секунды порубили «Кончары». Также из крупнокалиберных винтовок успели зацепить кинувшуюся наутек штабную машину – единственную, кому удалось вырваться из засады. Но и Степанычу с Жихарем – непринципиально. Задача – очистить путь для подхода наших машин с АТП и возвращение всего отряда к Колодию – выполнена. Что там – безоружная КШМ.

Сразу по отбою огня Кобеньяка дал в воздух три зеленых ракеты. С АТП вышла микроколонна – единственный бронетранспортер под командованием Прокопа и два грузовика – «Жуковский» ГАЗ-66 с Женькой Стовбуром за рулем да КамАЗ – старого, но крепкого, как холодильник ЗИМ, бывшего карьерного самосвалщика дяди Михася.

Оставшаяся у горящих танков пехота ЦУРа, заслышав похоронные раскаты короткого и жестокого боя, а потом по двум густым пулеметным очередям трезво оценив Серегино настроение, долго не думала: бросив союзников, свалила по ближайшей дороге на Лотиково.

Замешкавшийся минный разградитель, выскочив с перепугу в чисто поле, поймал свою барабанную дробь по корпусу палочками калибра «четырнадцать и пять» и, удивительно как не загоревшись и не взорвавшись, скромно встал посреди пашни. Заговоренная КШМка и здесь успела протащить своего «педрилу в короне» буквально перед самым Серегиным носом, схлопотав в корму, «на дорожку», свою порцию ускорителей из КПВТ.

Потом я слышал отдаленные слухи, что колону из трех грузовиков с «крипаками» и командирской машиной походя обстрелял один из подтягиваемых назад к станции взводов второго батальона. Но, кажется, без особых последствий.

Вот уж загадка Судьбы. Машина, при любом ином раскладе первая бы попавшая под раздачу, – прошла через Родаковский перевал! Как минимум два раза была бита в засадах и – выжила!

Когда мы своей четверкой добрались до позиций Кобеньяки, народ грузил убитых и раненых – готовились выдвигаться на базу. Машины Штейнберга я встретил на дороге десять минут назад, там же, где успел переговорить с самим Петей. Вот-вот он двинет вслед за нами.

У края Сухой балки компактным табором сгрудилось четырнадцать человек в различной форме и знаках отличия контингентов СОР. Многие со свежими перевязками сидели и лежали прямо на мокром снегу. Один часовой, подстелив под задницу трофейный ранец, сверху вниз с невысокого склона лениво поплеывал на своих подопечных. Пленные?! Твою мать! Вот только этого мне сейчас не хватало...

– Жихарев, Кобеньяка! Это что, блядь, такое? Смерти моей хотите?!

Юрец лишь зло зыркает в мою сторону. Степаныч, скроив виноватую рожу, на ходу разводит руками. Отмахнувшись, направляюсь к раненым.

Ильяс с каменным лицом, прислонившись спиной к колесу грузовика, курит вдаль. Бинты с правой стороны головы быстро напитываются кровью. Бордовая капля, сворачиваясь на глазах, набухает над скулой и готова вновь сорваться тонкой струйкой по щеке и шее. Присел рядышком.

– Ты как, братишка?

Явно прочтя по губам, кивает:

– Да мне что, нормально. Пацанам – досталось...

В глазах застыла снежная пустошь. Не отмороженная протрация, конечно, но мужик еще там – в своем секторе, по левую сторону от подъема.

Подошел Жихарь. Не дожидаясь вопросов, докладывает о состоянии взводного-два.

– Пол-уха снесло и скальп надвое развалило. Шкуру примотали. Черепуха, кажись, цела, но, по-любому, надо срочно везти – приглушило конкретно.

– Ходит?

– Да. Вышел сам, только два раза стошнило, пока поползли.

– Что с остальными?

– Хуже, чем думали. Двоих можем не довести. Еще четверо под вопросом – тяжелые. Остальные более-менее в норме.

– Как закончишь, давай – строй народ и броском на базу. Юра кивает и уходит подгонять бойцов.

Ильяс крепко жмет руку и, мотнув головой, показывает – мол, иди. Спокойный и отстраненный: да делов-то?! Полбашки разворотило – подумаешь...

Подошел к Гирману. Боря уже отдышался. О недавней горячке боя свидетельствует лишь чумазое закопченное лицо, сбившийся свитер да потемневший бинт вместо срезанного с предплечья рукава. Обнялись. Пытаюсь улыбнуться – сколько знакомы, никак не могу привыкнуть к его оскалу. Он ловит взгляд и, как бы между делом, подтягивает горловину до глаз. В группе у него осталось пять человек. Двух убитых уже погрузили в одной плащ-палатке – гранатометный расчет порвало в фарш прямым танковым попаданием. Обдолбленный промедолом раненый сидит прямо на земле, ждет, пока домотают культю, – все, что осталось от левой ноги.

Рядом Никольский. Тоже что демон преисподней – весь в грязи, в какой-то гари, да сверх того чужой кровью перепачкан. Рожа дикая, злая, орет на народ – еще одно подгоняло в пару к первому взводному.

– Брат! Хорошо выглядишь!

Борюсик на мгновение замирает, потом втыкается и, растянувшись в улыбке, переключает огонь на меня.

– Какой, нах, «хорошо», Аркадьич?! В голове, етать, до сих пор салюты бахают! – Голос не свой, слишком громкий, точно контужен – сам себя не слышит.

Прижал к себе и чуть не в ухо кричу:

– На морде трупных пятен нет, значит, хорошо! – Боря смеется. Сейчас для него война закончилась. Причем – невиданной победой. Что будет через полчаса – побоку.

Подтянулись остальные командиры – закончили с погрузкой. Заодно разобрался с пленными.

Часть «шпакив» подцепили выходявшие первыми новобранцы из крупнокалиберных расчетов – сняли экипаж с подбитого минного трала в голове колонны. Обрадовались, невзирая на свежие бинты, нагрузили на тормозяускаса железо и пинками погнали к месту сбора. Жихарь, понятное дело, этого не видел. Знал бы – бойцы сами свои «Утесы» потащили бы, а мне на четверых ослов – меньше головняка. Как пить дать!

Десяток подцепил Прокоп – выпросил у Степаныча отдельную ходку бэтэром и свистнул желающих прокатиться за «евроидами». Те же, бараны, перевязав раненых, сгурьбились толпой подле подбитой чешской КШМ и даже не подумали дать драпака. Ну что за идиоты! Прокопенко потом всю дорогу, под радостное улюлюканье рассеявшейся на броне пехоты, тупо гнал их, вместе с носилками, перед броней пехом. Четыре чеха, четверо пшеков и еще двое прибалтов пополнили интервент-национальный коллектив.

Пока Костик настраивал свой баян, я отправил Жихаря с остатками отряда и всем гамузом. Пора было двигать и автомобильной колонне.

– Кобеньяка! Пока чисто, под прикрытием «бэтэра» дуй по Бахмутке в город. Да! И забери отсюда Педалю – пусть на джип садится. Живо-живо, Василь Степанович...

Переговоры с командованием каким-то запредельным откровением, понятно, не стали. Это у меня сверхзадача решена – хоть сию секунду звезду Героя шпиль на сиськи, а вот у старших товарищей – движняк в самом разгаре. По поводу не отличавшегося изысканным остроумием вопроса «что делать с пленными?» Колодий, не паря голову, отрубил:

– Мэни – по сараю, сам дрочися...

Зато у Буслаева я, как потомственный везунчик, залетел именно под ту самую руку – там меня только и ждали...

– Какие «шпаки», «Дубрава»?! Здрахуйте, родные! Издеваешься?!

– Без вариантов, «Белка», – виноват. Мои действия?

– Ты знаешь! Повторить открытой связью?

– Понял, «Белка»...

– Когда выходишь на «Террикон»?

- Мои уже выдвинулись. Сейчас подойдут машины «Седьмого» – с ними доеду.
- А твой транспорт?
- Отправил с «Шестым» – целее будет.
- Добро, «Дубрава».

Жихарь встречал меня у ворот АТП – заканчивали выгрузку тяжелого вооружения. Заодно помогли с «подносами» Штейнбергу. С скромный «эн-зэ» 82-мм мин складирован на базе заблаговременно. Тяжелые полковые минометы и «Васильки» с большинством своих людей Петя отправил следом за колонной Степаныча – на пузе это добро не потаскаешь, а любую технику соровцы вычислят мгновенно и, ясен-красен, безжалостно попалят.

Группы бойцов потянулись на территорию «Родаковоресурсы» – занимать закрепленные позиции. На АТП осталось полтора десятка человек, в основном сержанты, офицеры и мои афганцы.

У бокса шиномонтажа в углу сидели пленные. Чистые, невинные глаза: противоположная смесь удивления и спокойствия. Есть и оглушенность, конечно, и растерянность, но видно же: их внутреннее состояние совершенно не адекватно реальной обстановке.

Насколько все же мы не похожи. Во всем! Поменяйся сейчас любой из них одеждой с Никольским или еще с кем из моих замызганных пацанов, один хрен – за версту видно: это – наш, а это – «шпак». Дело не в узнаваемом мордолитете, нет! Дело в отражаемом во взгляде восприятии мира. Соровцы – из игрушечного бытия раскрашенных картонных городов и целлулоидной природы. Мои мужики – из пропахших горем подвалов скотобойни. Это как посадить рядом королевского пуделя с гламурной выставки и туркменского алабая из калмыцкой степи. Одни – из сладенькой мечты. Другие – из беспощадной реальности.

Они вообще чего ждут? Переговоров с обменом военнопленными, госпиталя для своих раненых – чего? Может, горячей еды и по двести грамм теплого красного вина со специями, а ля глинтвейн – в пасть? Что там еще по конвенциям положено? На – рыло! Тут вам не куртуазный «театр военных действий» – со шпагами, штандартами и надушенными офицерами в кружевах! Здесь – осатанелое рубилово заточками в подворотне. И нам, в принципе, глубоко насрать на ваше гуманитарное право!

Нет – даже не так... Мир изменился сам, и, автоматом, изменились правила взрослых игр. Человечество наконец нашло в себе силы открыто провозгласить, что оно больше не играет по прописям, составленным сильными. Кто сказал, что, кровь из носу, надо делать только так, как это делает вечный победитель? Почему все должны наплевать на суть и соблюдать лишь форму?! Грохнуть здание можно высокоточной ракетой, а можно и самопальным фугасом. При этом уже канон: одно – «антитеррористическая спецоперация», а второе – «подлое вероломство». Может, лишь потому, что у слабого нет крылатой ракеты? Но подрывают-то и те и те – суть не меняется!

И почему ваших пленных завтра вернут в строй, а нашим – вырежут яички? Чего ради одни поедут домой героями, а других – в лучшем случае! – закопают на окраинах «перемешняка»⁹², а скорее заруют бульдозером в общем рву? Какого хрена тот, кто бил прямой наводкой по жилым кварталам, – защитник конституционного строя, а выживший после этих бомбежек и взявший в руки оружие – международный преступник, террорист и бандит?

Дорогие наши высоколобые и жуть какие цивилизованные ребята, а не пошли бы вы на хер вместе со своими правилами!

Посмотрел на Жихаря. Он, не проронив ни звука, ответил взглядом. И правда: слова – зачем?

⁹² «Перемешняк» – жаргонное название всех концентрационных лагерей, официально именуемых в Центрально-Украинской Республике лагерями «для перемещенных лиц».

- Всех военнопленных – в термобудку. Личные номера собрать...
- Есть...

Те, по-моему, так и не поняли, с какого рожна их вдруг погнали в стоявший поодаль на кирпичах короб с облупившейся белой трафареткой на боку «Продукты». Взводный-один, вернувшись, отдал мне пачку цепочек с жетонами. Никак у пендосов в кино подсмотрели – поголовно этими цацками обвешаны, впрямь зеленые береты, мать вашу! Сунул побрякухи в карман, скинул «калаш» с плеча и, скользя берцами по наваренным плашмя на наклонной швеллера пруткам арматуры, полез на стоявшую в десяти шагах от термобудки эстакаду.

Никого звать не буду – запахло силком гнать в палачи. Кто придет – тот придет...

Остаться в одиночестве не довелось. Вначале присоединился Юрец. Потом Гирман, два раза качнув головой к плечам – как бы потягивая мышцы шеи, – поднялся, подцепил за ручку стоявший под ногами трофейный Мини⁹³ и двинул за нами. Въехав в тему, поднялся Денатуратыч. Следом остальные, в полном молчании, выстроились рядом и на направляющих подъемника. Даже не отстающий от Передерия ни на шаг Бугай, и тот, как показалось, не вполне понимая, куда это народ ломанул, пристроился за Дедом. Внизу остался лишь Костя со станцией и своими спецами.

Говорить не о чем и ни к чему. Я поднял автомат и очередь на весь магазин перерезал короб вдоль. Рядом, подхватив ритм, загрохотал десяток стволов.

В первые мгновения термобудка подавилась криком и потом лишь трещала рвущейся жестью, фанерной щепой и шрапнелью дробленого пенопласта. Десяток секунд – и повисла тягостная тишина. Только тяжелые красные капли еле слышно хрустели, пробивая снег под днищем распотрошенного кузова.

- Ну все, труба! Считай – лоб в зеленке. На кой тебе это надо было?!
- Ты о чем, Костик?

– Дуру не включай – о чем, о чем... О – ком! О соровцах! Взять и все обосрать! – связист, сощурившись на расположившихся с противоположного конца залитого смолой бетона гавриков Антоши Кузнецова и Дэна, зло отвернулся и швырнул окурок в зияющий провал.

С высоты остова цеха № 16 открывался обзор на прилегающие окрестности: от Сухой балки по левую руку до железнодорожной станции и Большого Родакова справа. Перспективу ровно посередине разрезал уходивший ввысь угрюмый столб едкого черного дыма. Это в углу АТП полыхала заваленная сотнями старых самосвальных покрышек, железнодорожными шпалами и рассохшимися бухтами битума изрешеченная термобудка. Кто-то из наших умников успел, зачеркнув мелом «Продукты», жирно написать на ней «Мясо».

Как огневой позиции руинам бывшего метизного цеха, разумеется, грош цена: так, на пару выстрелов и сразу – ноги, зато в качестве наблюдательного пункта – идеальное место. Для экстренной эвакуации на ограждение предусмотрительно навязали пяток тросов и кабелей, тянувшихся с уцелевших островков крыши на противоположную от зоны наблюдения сторону склада.

Сидели второй час...

- Да какая разница, брат. Мне все одно – вилы.
- Большая! Понимаешь? Большая! Замочить из засады – совсем не пленных порешить.
- Цуровцам расскажи...
- Да ладно! Официально они военнопленных не велят.
- Угу...
- Теперь всех с говном смешают. Поименно! Вот тебе и «угу»!
- Куда уж дальше смешивать...

⁹³ Мини (сленг.) – FN Minimi, легкий ручной пулемет калибра 5,56 мм.

– Да понятно! Тебе, Деркулов, не иначе еще в Афгане каску снесло... Но Буслаев?! Не понимаю!!!

– Все, Костя, закончились игрушки. Привыкай. Только так теперь и будет...

Мой связист поклацал кнопками, раздраженно поднял и снова бросил трубу. Каждый остался при своем – классика. Народ весь в наблюдении, но ни слова мимо не пропускает. Ну и как теперь обрубить на полуслове?...

– Брат, а ты слышал про ситуевину с моей кликухой?

– Да. В общих чертах: «Кошмарный Дракулов и его зверинец».

– Во-во! Подробности знаешь?

– Перебасенками с третьих рук, не считая звездежа по телику и в газетах...

– Ясно. Ну тогда слушай, правильный ты наш... – нагло потянул сигарету из торчавшей из Костиковой разгрузки пачки «Владимира», выразительно глянул на своих бойцов, дескать, «чего уши распиздячили», и, подкурив, продолжил: – Во время Часов-Ярского противостояния фашики, кстати при поддержке бронегруппы вот этих самых, за которых ты распинаешься – носителей общечеловеческих ценностей, – придумали какой-то голимый повод и ночью, нагло положив на перемирие, вломились в Червонопоповку. Не абы какой поселок, к слову, – ворота на Кременную и, далее, на Северодонецкий узел. Само собой, зачистили как положено, покуражились от души и свалили назад. Типа: «даже не трахнули – только за жопу подержались»! На рыночной площади – трое посаженных на кол. По-гайдамацки, как положено: у одного острие почти через рот вышло – глотку продрало. Вокруг столбов – еще пятеро самооборонщиков с содранной кожей и бутылками в брюшной полости, забитыми через задницы. Команданте приехал, посмотрел и напрямую связался с Военсоветом. Естественно! Кого отправить тему раздувать, как не бывшего начальника отдела контрпропаганды, сидящего ныне с ударной группой как раз в этих местах?! В автобусе с остальными журналистами приехал и Адам Пшевлоцкий, рафинированный свидомый выблядок, причем, заметь, с настоящей аккредитацией от очень солидной краковской газеты. И вот этот дрищ через пару дней запуливает в эфир и в печать тот самый репортаж – наверняка ты видел, где я, крупным планом, указываю рукой на столб с казненным и текстом под кадром: «Так будет с каждым украинцем! Командир отряда сепаратистов Дракула Деркулов».

– Видел, конечно... На эту липу потом была тысяча опровержений, и это тебе не выставят в отличие от сегодняшнего расстрела.

– Да ну на хер, Костя! Ты вообще с кем разговариваешь?! Нашел кого лечить... Где – опровергли?! По «Москаль Ти-Ви»? В русскоязычных СМИ? У нас в Малороссии? На Западе полноценное опровержение прозвучало только в белградской «Политике», а в остальных местах – крошечная заметка в подвале на предпоследней странице, между инструкцией «как правильно дрочить» и анекдотами про тех, кто дрочить не умеет. Да ладно, а телевидение? Сюжет Пшевлоцкого прошел по всем мировым новостным каналам! Он карьеру легендарного фронтового журналиста на мне сделал... Животное! Кто об этой пакости слышал до погрома трижды несчастной, в рот дранной Красножоповки? Мразь...

– Кирилл, то, что они – уроды, не обсуждается. Самим опускаться не надо... Эта хрень когда-то по любому кончится – придется мириться.

– Не ко мне – люди столько не живут.

– Не скажи... Встречаются же наши фронтовики с немцами, пьют, общаются, прощаясь – целуются.

– Ага! Щаз-з-з! Намажу писюн губной помадой – поцелуемся.

– Ладно. Время рассудит...

– Кто ж спорит?! Адамчика – в национальные герои, меня – на кол.

Ближе к вечеру механизированная разведка СОРа прошла по Лотиковскому шоссе, повернула на Сутоган и встала дозорами в Сухой балке. Сюда пока не лезли. У нас что-то шло не так, но что именно – непонятно. Связь есть только с «Терриконом». Если выходим наверх, то Буслаев и меня, и Богданыча либо мягко посылает, либо просто не соединяется.

К ночи не слезавший с эфира Костик поднял опарашенные глаза и, еще раз вслушавшись к гарнитуру, вдруг выдал:

- Главнокомандующий убит...
- В смысле?
- Ну... Скудельников!
- Ты че? Как?!!!
- Насколько я понял, его машина с беспилотника атакована ПТУРом.
- Откуда они взялись?
- Как после реактивного удара сняли глушение, так «биплы» и поднялись.
- Здесь – не было...
- Так ты снова – «никто».
- Теперь и штурмовая авиация появится?
- Нет...
- Почему?
- К командованию...
- Ну не парь, а?!

– Под Антрацитом развернут дивизион С-300⁹⁴. Воздух перекрыт зонтиком над всей Восточной Малороссией и подконтрольным войскам Конфедерации территориях Республики Донбасс. Они уже поработали сегодня. Но я тебе этого не говорил.

- Ни хрена себе! Откуда?
- Ты ж куришь с Военсоветом? К ним!
- А-а-а, ладно! Давай Колоду.
- Есть, «Террикон»...

Богданыч о произошедшем знал ровно столько же, сколько и я. Условились пока действовать по обстоятельствам. Моя группа остается на базе и прикрывает правый фланг поселка и станции.

Ночь прошла спокойно. Связаться со Стасом не получалось. Якобы понаехало шишек и, при представительном посредничестве, шли переговоры высоких сторон. На фронте традиционно все эти дипломатические потуги откровенно презирали, тем паче, что любые их пункты и сами договоренности в целом использовались лишь как технические паузы и при первой необходимости немилосердно нарушались и фашиками, и нами.

Соровцы пока активности не проявляли. Помимо выдвинутых секретов, мы перекрылись минами – за ночь Передерий поколдовал на нескольких стремных участках. Двинутся – услышим. Под утро перехватил возвратившегося Деда.

– Григорыч, дорогой. На АТП походный крематорий дотлевет... Ты можешь вокруг него сюрпризов натывать, так, аккуратненько, чтоб реально отбить желание в кострище покопаться? «Охоты» там, пару комплектов, например?

- Как два пальца обоссать, Аркадьич. Сделаю...
- Юр! Сходи с Дедом. – Жихарь мотнул головой присевшим было архаровцам: «Пошли»!

Костя, дождавшись, пока народ отошел на приличное расстояние, прокомментировал:

– У моей дома кошка... так та тоже, как насрет – закапывает. Возле своей ванночки, прямо по чистому кафелю елозит. Гребля академическая! Только толку-то?

Начинается вторая серия... Ну за что мне это?!

⁹⁴ С-300 – универсальная мобильная многоканальная зенитная ракетная система.

- Костик, я не то чтобы прячу... Время бы оттянуть – не более того.
- Смысл?
- По СМИ массированно освещается разгром под Сутоганом. Пусть это переварят. И запомнят! А про наши художества и так трубят сутки напролет. Эпизодом больше – делов...
- Хе... Ты, Деркулов, смотрю, по-прежнему своей пропагандой мыслишь.
- Как ты – Уставом! Вторая кожа, однако.
- Да не скажи. Не... я – все, налазился. Достало. Вернусь – рапорт, пенсион – «честь имею»!
- Ага, поверил...
- Серьезно, Кирилл Аркадьевич! Мне уж годков, – вдруг засмеялся, оттаял, не иначе... – Не так, как тебе, но и дальше – край. Знаешь ведь, как бывает: снял португею – рассыпался!
- Да-да... – просто смешно от святой уверенности моей спецуры... – Так, брат, и будет – крест на пузе, два на лбу! Какая, говоришь, у тебя командировка – пятая? Тоды запомни... Война – не эта, а любая – она девка с перцем, с характером: капризная и ревнивая до беспамятства. И что самое обидное: у нее Судьба в сводных сестрах ходит. Понимаешь? Кого война привечает, кто с ней сжился в сердце принял, тех она уже никогда не отпустит. Самым неопостижимым образом извернется, переиграет всю жизнь твою по-своему, но, один черт, к себе приберет. Грубо говоря – баба она! Памятливая и преданная. И как ты ни гонорись и ни брыкайся, а коль полюбили вы друг дружку, то еще встретитесь непременно. Поверь мне. Никуда ты, паря, от стези своей не денешься! Доля у тебя такая. Потому что прет тебя от войны. И не дури себя, лады?

С рассветом со стороны Лотиковского направления послышался гул тяжелой техники. Вскоре Колодий засек беспилотники. К полудню посыпались первые снаряды: быстренько расколошматив АТП, гаубицы принялись утюжить нас – срыли остатки зданий и принялись методично перепаживать территорию.

Минометы Штейнберга вкупе с командой Гирмана я еще по потемкам вывел за поселок. Мы же, разделившись остатками отряда надвое, отсиживались на самых дальних окраинах базы – в бункерах растворобетонного узла и ливневках нижней железнодорожной насыпи.

Молотили долго. Наконец, утомившись, без малейшего передыху переключились на Родаково. Начали, понятно, со станции. Это чем же им снаряды подвозят, неужто отдельную жэ-дэ ветку проложили?

Погода окончательно испортилась и к непрерывной изменчивой мороси – то дождь, то крупа – добавился непроглядный туман. И хорошо, и плохо. Втихаря могут и вырезать к едрене фене, но и встретить можно, как давеча нам удалось, – мало не покажется. По затишью я снова выдвинул вперед секреты – за гостями присматривать, да вот только никто пока не появляется.

Связь за этот день теряли раз несколько. Костик со своими абреками, казалось, больше боялся промокнуть, чем попасть под снаряд. Вот уж где кони безбашенные.

К вечеру, перевалив через Луганку, моторизованная группа СОРа встала у микроскопического Суходола – перекрыли нам выход на Бахмутку. Зимогорье, получается, или сдано, или отрезано. Со стороны Штейнберга тоже движение. По учебнику охватывают. Да только мы не боимся...

Дорог здесь нет. Уходить нам на северо-восток можно под любым углом. Рельеф местности тут такой, что нужно каждые сто метров блокпост ставить. Ночью – через десять. Плюс мы ведь не беглые урки с переточенным напильником в носке. То, что они выдвинули за Родаково, мои красавцы, по нужде и без поддержки «Террикона» – на «ура» в лобовую сметут.

В полночь поступила кодировка: пощупать камрадов за вымя и сразу отходить на Сабовку. Приказ совершенно неожиданный – мы, вообще-то, к упорной обороне готовились. В разговоре с Богданыхем прозвучало, что якобы на переговорах до чего-то договорились.

Вроде как СОРу дают разобрать свое кладбище на Сутоганском подъеме. Ну и не для прессы, настойчивое пожелание Буслаева – под шумок, пока перемирие не подписано, сжечь при отходе несколько единиц техники, дабы «евроиды» булки не расслабляли да нас в тонусе поддержать: «не бежим, а планоно маневрируем».

Состыковали с Колодием время. Штейнберга я перебросил еще на пару километров в сторону Луганска, почти к самому Замостью, а Гирмана усилил Антошей с тройкой «Кончаров» и еще одним расчетом «двадцать девятого» с ночником.

Ровно в 4:05 Богданыч с нескольких точек ударил тяжелыми чемоданами по Суходольскому блоку. Соровцы ответили буквально сразу, на фронт атаки Колодия рухнула вся неизрасходованная ярость самоходных батарей Лотиковской дороги. Это, вообще, увлекательное зрелище, когда с десятков супернавороченных артсистем ведет беглый огонь по сектору вражеского наступления. При этом вся мощь атакующего противника представлена тремя-четырьмя гранатометчиками, давно бросившими отстрелянные тубусы и переживающими гнев богов в заранее приготовленных, отрытых внутри домовых подвалов укрытиях.

Пока САУшки вымещали вчерашний позор на ни в чем не повинных поселковых окраинах, Боря степной гадюкой вышел по петляющей низинке на дистанцию прямого выстрела. Как условлено, выждав до 4:25 – занавесу арталета на Родаково и психологического рубежа «фу, пронесло!» – влупил с трех «Вампиров» по центральному танку блокады нашего участка. Команда Кузнецова синхронно с залпом по два раза рубанула в «коробочки» дозора и, управившись за все про все в неполные пять секунд, нырнула следом за людьми Гирмана в свой овражек.

Танк не горел, но и не стрелял, зато остальная броня, напротив, просто впала в бешенство. В то время, как они дружно срезали вершины покинутого группой овражка и вырубали посадку, точно «як у мериканском кине», остальной отряд, зайдя в тыл камрадам со стороны железнодорожной остановки «61 километр», парной атакой расчетов Дэна и Малюты приговорил гирмановского подранка (чтобы мозги не парить: «подбит – не подбит», тоже мне еще, «малоросская рулетка», бля, выискалась). Хорошо бы с граников добавить, да далековато. В виде «бувайтэ здорови» с двух «Кончаров» похлопали пару раз по попке легкую броню да Петя, от щедрот, десяток-полтора мин им на головы положил – попрощались все же.

Свое алаверды соровцы тоже зачитали. От тяжелой артиллерии мы, благодаря пацанам Колодия, увернулись, да вот на пути к станции попали под неизвестно откуда выскочившую нам наперерез моторизованную группу. Можно сказать, разошлись с ничейным счетом. Явно один БТР основательно зацепили с «Таволги», но конкретно – не спалили. У самих – несколько бойцов задето осколками. Сильнее всего – командир отряда...

Когда перед глазами сверкнули трассеры автоматической пушки, я, успев боковым зрением срисовать дугой захлестывающую огненную плеть, уже почти залег... да только вот не так быстро, как следовало, – слева, в паре шагов от зажмурившейся морды, рвануло два снаряда.

Меня, с оттягом, словно черенком лопаты, крепко хрястнуло в основание шеи. Даже не понял поначалу, что это. Выскочив из-под обстрела, первое время держался нормально и адекватно, даже, помню, выматерил с задержкой присоединившегося к нам Петю. Но потом, ближе к станции, поплыл: моторчик колотится – воздуха не хватает, ноги чугуном налились, автомат руки обрывает, да в глазах дурная свистопляска из темных кругов и зеленых зайчиков.

Встали... Очутился в добрых руках Жихаря. Юра вытащил засунутый мною под ватник перевязочный пакет и, как мог, перебинтовал; потом заставил выпить до дна флягу сладкого чая, чуть ли не силком влил в глотку непередаваемо разящего сивухой чемера и, «на закуску», скормил с ладошки россыпь анальгетиков, валерьянки и еще какой-то хрени из своей аптечки.

У самой Сабовки Костя передал приказ двигаться дальше – до Александровска. Я уже потухал. Воспоминания о том, как добрались до городка и как меня тащили в недостроенную школу – теперешний полевой лазарет, – остались достаточно сумеречными и фрагментарными.

Не столько событиями, сколько ощущениями. Помню, уже на месте вышла заминка: истошные крики насчет «местов нема» и «проходи! проходи!», ответный матерный рев взводного-один и Костика. Следом – смачный, ни с чем не сравнимый луськ двух звонких оплеух. Кто-то упал. Остановившиеся было носилки вновь мягко поплыли по коридору...

Сверху, закрывая слепящие блюдца, нависла квадратная ражая детина со странными для таких габаритов несмываемыми следами былого «ботанства» в мигавших из-за слоенных линз неправдоподобно больших зрачках. Копаясь в моем плече и под одеревенелой ключицей сияющей болью нержавеющей, он заодно методично выговаривал присевшему у дальней стены Жихарю. Юра, перевязывая, недосмотрел одну дыру в шкуре, через которую настолько неслабо сочилось, что за час с небольшим у меня насквозь пропитало свитер и залило всего до самих берцев. Но по-любому повезло. Бушлат спас: добрая русская вата тормознула осколки. Случись летом – до легких бы поширнуло.

Через прозрачные трубы в обе руки по капле в меня снова вливалась жизнь. Плюс кольнули чего-то из серии «мульттики форэва». Почти хорошо, да вот только промерз насквозь, околел уже от холода.

Под занавес, когда выносили, наш добрый Айболит, дыхнув спиртово-коньячным анти-депрессантом, выдал:

– Да! И с таким хуйком больше не приносите. У меня медсестры в Победу перестают верить!

Мудак! Поползал бы ты с мое – по грязи и лужам, а потом в мороз повалялся б часок на железном столе голышом – на твой бы посмотрел!

Глава V

Урало-Кавказ

В воздухе висел сладкий аромат хорошего табака и душистого, явно не пайкового, чая. Павел Андреевич, сияя добродушием, увалился на жалобно постанывающий стул в самом углу вагончика.

Разжогин сортировальным автоматом управлялся со своей канцелярией – оргтехникой, протоколами и прочими бумажками. Под занавес аккуратно собрал пачку исчерканных острыми карандашами листов и сунул их в пасть жадно зарывавшего шредера. Вот еще один непонятный момент: старший группы никогда не попадал в кадр – интересовавшие его вопросы он записками молча подавал Анатолию Сергеевичу. Впрочем, за две недели работы Деркулов уже привык ко всем странностям этого, если его можно так обозвать, следственного процесса. В любом случае, условия – более чем комфортные: никто ни на кого не давил, за язык не ловили, честно записывали лишь то, что добровольно рассказывалось, и даже на пожелания «не для протокола» исправно отключали аппаратуру. Можно сказать, не допросы, а вольные монологи на заданные темы в присутствии двух доброжелательных офицеров Военной прокуратуры РФ.

Судя по всему, сегодня вновь намечался междусобойчик. Павел Андреевич уже несколько раз, отправив в конце дня Разжогина, оставался один на один с подследственным, как он выражался, «потрындеть».

Насчет намека на отсутствие лишних ушей Деркулов, понятно, имел свое собственное мнение. С другой стороны, пальцы не ломают и зубы не стачивают, посидеть – чаек погонять да покурить в благоухающую ночь – почему бы и нет?! Ко всему, он сам себе, пожалуй, не признался бы в том, что за последний год попросту соскучился за внятным общением; плюс собеседник – вовсе не косноязычный дебил-ментяра, да и сболтнуть лишнего не особо боялся: тут прямым текстом – на три расстрела уже нарассказано.

Нагубнов, со своей стороны, выбрал золотую середину – в душу не лез, хотя и не скрывал своего искреннего интереса к истории бывшего комбата. При всем этом не держит подследственного за «своего», о чем совершенно неоднократно заявлял тому прямо в глаза.

Сегодня к ставшим уже практически традиционным посиделкам добавился еще один параметр...

– Кирилл Аркадьевич, а ты как к коньячку относишься?

– Ха! Просто оскорбительный вопрос, Павел Андреевич. Я с такой подачи и в несознанку уйти могу.

– Не, Деркулов... тебе феня не идет. Масштабы не те! Нет такой масти, как «геноцид».

– Единственное, за что меня по-серьезному и можно привлечь, так это за злостную пропаганду антифашизма, отягощенную предварительным сговором двух и более лиц. Ну, а то вы подзагнули маленько. Для красоты словца, не иначе... Понимаю.

– Да чего уж там... Твое здоровье! – полковник приподнял в воздух отливающий расплавленной канифолью граненый стакан и, кивнув на ответное приветствие Деркулова, продолжил: – Надеюсь, ты не думаешь, что я тебя на откровенность раскручиваю?

– Это что – какие-то гомосексуальные угрозы? Нагубнов открыто рассмеялся:

– Оценил! Ладно, извини, про геноцид – больше не буду... то ты полякам сам расскажешь.

– Да мне, Павел Андреевич, и им нечего сказать.

– Ну уж прям так и «нечего»?

– Конечно... упрощенно: геноцид есть системное уничтожение отдельно взятой группы населения, например нации. Вы про что именно речь ведете? Часом не про избиение фашистами русскоязычных областей?

– Ты, Кирилл Аркадьевич, к словам не придирайся. К шуткам – тем паче. Речь идет про украинцев. Надеюсь, ты не станешь отрицать, что водораздел в войне – национальный вопрос?

– Стану! Еще как стану! Нет, нахрен, никакого национального вопроса...

– Притормози, Деркулов... Не заводись. Еще пожалуешься потом, что я тебя спровоцировал... Давай стакан – плесну.

– Нет, не пожалуюсь. По хохлам же – с удовольствием выскажусь. Официальная позиция Республики почти полностью отражает и мою точку зрения на сей счет. Но только отчасти, хотя вся официалка – вот этими самыми ручками – на клавише набиралась. Если бы Стас и прочие отцы-идеологи меня за руки не держали, то получили бы такую идеологию, что не пришлось бы сегодня жопой вилять и от неудобных моментов уворачиваться.

– Понятное дело! Они же политики, а ты...

– Отморозок...

– Ну, это ты сказал.

– И так понятно... Только по-любому – проблемы возникают: вначале мы недоговариваем, пытаемся интересов соблюсти побольше да оскал свой засветить поменьше... Знаете, Павел Андреевич, как это называется?

– Примерно.

– Во-во! Изображать из себя целку с ялдой во рту! Нам всем надо было с самого начала, как минимум с переворота Скудельникова, выбить на знаменах и себе на лбах тату сделать со всеми базовыми постулатами! Теми самыми, к которым только теперь стали приходить, и то не ко всем, да с оговорками, да стыдливо растирая, как козюлю, с обратной стороны столешницы!

– Именно, Деркулов... Я так себе и представляю – лютеровскими тезисами: «Мы не хохлы – хохлы не мы!»

– Ничего смешного, товарищ полковник! Действительно – тезисами, очень кратко, так как все на самом деле просто!

– Да-да! Знаю: «В рот ебется ридна Окраина!» Знаешь, сколько я уже выслушал и прочел такого хохлосрача?

– Согласен! Надо не обсирать, а постулировать... На чем стоять потом до последнего.

– Например?

– Первое: украинцев как нации не существует. Второе: все считающие себя украинцами – обманутые русские. Следующее. Украинский язык – это сознательно исковерканный русский с массивированной примесью инородных слов. Дальше: обман длится не одно столетие, направлен на раскол русских как нации и отрыв от России исконных территорий – ее исторического сердца. И последнее: каждый сведомый украинец – предатель!

– Все?

– Все! Остальное – производное от базы.

– Вот за это тебя и повесят...

– За это – готов быть повешенным...

– Не хочу тебя, Деркулов, шибко расстраивать, но эмпирически доказано существование такой нации, как украинцы. Научный факт, так сказать. Дарю! Можешь этот довод присовокупить в свою коллекцию, глядишь, за время следствия и этапирования придумаешь, чем опровергнуть.

– Доказано – кем?! Весь мир пропитан ложью – насквозь. СМИ – первые! Могу тоже технологию подарить «за бесплатно»... Надо тупо говорить: «Наукой неоднократно доказано: лежащий эффективнее стоячего» – и, самое главное, ни в коем разе не приводить никакой

системы доказательств. Боже упаси! Если со всех сторон на протяжении приличного времени эту ахинею целенаправленно вдуть толпе в уши, то очень скоро в общественном сознании она станет аксиомой.

– Ладно, ладно. Давай твои доводы...

– Долго... Надо пересказать всю историю Руси, начиная со степняков и Батыева погрома.

– Съехал!

– Ничего подобного, товарищ полковник. Тут и без аргументов очевидно. Во-первых, я говорю общеизвестные – обратите внимание! – никем не скрываемые вещи. Все это сами свидетели, не стесняясь, говорят открыто. Весь обозначенный комплекс неудобных вопросов они загнали в единое понятие «проект Украина». Понимаете?! Это – проект. Они – делают! – свою собственную страну. По-живому! Делают историю. Делают язык – «мовэтворэння» называется. Делают народ – сознательного украинца, участника проекта. Ну а во-вторых, сами результаты – оцените...

– Ты о чем, Кирилл Аркадьевич?

– Я о нынешнем статус-кво! Что именно получила каждая из сторон в период от Беловежской капитуляции до последних событий? Посчитаем? Российская Федерация. На неслабой протяженности западной границы либо полыхает гражданская война, либо стоят страх какие дружественные войска младоевропейцев. На собственной территории – несколько миллионов беженцев. Масса оружия, криминалитет и фронтовые придурки, фильтрационные лагеря и инфекционные болезни, ступор местного населения и экономический паралич прифронтовых областей. О финансовых затратах, связанных с чужой войной, я даже не говорю. Про набор исторических, психологических и прочих аспектов национальной и гуманитарной катастрофы – тоже. Пока лишь – одни расклады. И вот теперь посмотрим, например, на Польшу – некоронированную младоевропейскую королеву. Под брюхом – Республика Галиция, можно сказать, новая автономная область, пока с внешне самостоятельным управлением, ну, да то понятно. Далее – до клитора лояльная Центрально-Украинская Республика: хоть «апорт», хоть «фас» – только свистни. И наконец, земли перехлестывающего за российскую границу, как они сейчас говорят, «управляемого хаоса». Три! Павел Андреевич! Три буферных государства между Россией и Польшей плюс потрясающая национальная смута и семейный раскол – на века! – у «клятых москвитов». Уроки тридцать девятого не прошли даром. Вопрос, перед тем как к Крыму перейти, – кто банкует?! И против кого геноцид, Павел Андреевич?!

– Как у тебя все красиво. Осталось добавить, что ты за нас сражался, что ты вообще – «наш».

– Можно и так. Российская Федерация со мной, между прочим, согласна. И свою солидарность показывает делами – поставками оружия, защитой и обеспечением беженцев, своими военными спецнами, да много чем. Надеемся, и войска введет, как положено. Решатся наконец-то...

– Понятно, Деркулов! Теперь послушай, что я расскажу. Ты ведь у нас идейный. За «Иудин грех» казнил! Наплодил мучеников за «свидому веру» везде, где твой отряд моровой язвой прошелся. А ведь эти люди просто хотели жить в своей собственной стране и говорить на своем языке! Не задумывался об этом?! Ты же, словно одержимый пророк, нес свою идею. Какой ты нам – свой? Твои постулаты никогда не озвучивались Российской Федерацией. Никогда! Даже в близире нет таких идей. Ты и такие же отморозки, тебе подобные, – вы сами подняли знамя джихада против украинцев. Вот если эта ваша идея победит, то, может, лет через сто молва сделает тебя национальным героем. Может, и канонизируют даже – к середине третьего тысячелетия. Ну, не за дела, конечно, а за кончину – мученическую, какую ты примешь непременно и весьма скоро – можешь тут не сомневаться.

– Да давайте, хрен с вами. Я от своего все равно не откажусь...

– Еще бы! Не откажешься! Чего с тобой и барахтаемся. Был бы ты не готов ехать в Нюрнберг, то уже давно бы лапты склеил... – и, неожиданно улыбнувшись, Нагубнов добавил: – От острой почечной недостаточности... Даже отправившись в этот, без сомнения, твой последний поход, имей в виду: поедешь не героем, а тем, кто ты есть на самом деле: опальным комбатом, ушедшим на личную войну с двумя десятками одуревших от крови, взбесившихся псов. Изначально обреченный и проклятый как врагами, так и своими... – полковник одним глотком добил свой коньяк, прихватил недопитый стакан собеседника, встал и достал из сейфа непечатую бутылку марочного «Кизляра». Налив еще по доброй порции обоим, он, словно тост, закончил:

– Давай, Деркулов, – за тебя! Жаль, что ты так, собственноручно, вляпался. Обидно, но тебе даже негде будет высечь эпитафию на обелиске: «Борьба твоя безнадежна, подвиг твой – бесславен, имя твое – опорочено!»

– Одно дело, Павел Андреевич, когда политик недоторканку из себя корчит, другое – военные. Не хочу лично обидеть, но все главные претензии к Республике – вражеские потери. При том, что мы мирное население не бомбим, не расстреливаем и, как фашики, запрещенными боеприпасами не швыряемся...

– Не лукавь, Кирилл Аркадьевич, тебе не к лицу. Главные претензии к Восточной Малороссии – экстремистский сепаратизм, приведший к гражданской войне и вовлечению в конфликт третьих стран. Лично к тебе – военные преступления, от фактов совершения которых ты даже не отказываешься. К ЦУРу, СОРу и, между прочим, к нам – Российской Федерации – свои вопросы. Вот пусть каждый за себя отвечает. Люди же гибнут в каждой войне по совокупности вины всех сторон. В старину бы сказали – за коллективный грех...

– Ну, наша Ненька, та точно – заслуженно огребает! Понятно дело, и народ мрет. Естественно – вопрос: а чего б ему костями не ложиться-то? Спокон веку так было: вначале быдло сладкой жизни захочет, да на халяву! Возжелает так сильно, что цены заплатить готово за это дело – немерено... причем кровушкой! Да вот только незадача – чужой! И уж потом этим же обушком да себе промеж рогов – хрясь! И приехали... И потекло со всех сторон. Что в революцию – панов да господ душить, да сами же собственной юшкой и захлебнулись. Что в перестройку: «На хрен Союз! Сытая и богатая Украина без нахлебников проживет». Да вот, как назло, вещуны незалежности забыли растолковать жлобью, что на одного пахаря сто ртов приходится: пенсионеров, школяров, коновалов, училик да полсотни еще этих – управленцев всяких, «воякив» да закона блюстителей. И «шоб» прокормить всю эту ораву захребетников, нужны современные комбайны, удобрения, топливо да к ним – технологии переработки, упаковки, продвижения и прочая логистико-маркетинговая хренотень. А иначе – соси свой колосок да на жизнь не пеняй. Сами, суки, напросились на свою независимость – наслушались благодетелей! Коль чужим умом живешь – учись сосать! Теперь – новая фишка: «Украина для украинцев», типа самоидентификация и консолидация нации вокруг совместного проекта. Только это – наебка. Так – на халяву – не бывает. Слишком уж много несогласных поменять национальную ориентацию да флюгер развернуть в прямо противоположную сторону. Ну, а если быдлак готов инакомыслящим еще и кровя пускать, то пусть готовятся и собственное брюхо под штык подставить! А то как же?! Революционные перемены, мать их, они же – жрать хотят!

– Ну, пошло-поехало, Деркулов... В «тиху українську ніч» ты решил по моей плешки прокатиться лекцией по полит экономике? Нет, ты не военный преступник, ты – садист!!!

– Не поверите, Павел Андреевич, да только я сам на референдуме голосовал за отделение от Союза! И теперь все это дерьмо – моя война. И заслужена она мною – всей сракой на всю мою безмозглую бестолковку. Мой долг! К седым мудям не нарастил ума – теперь бегай, коровья морда, с «калашом», бля, по руинам, пока не поумнеешь да что к чему не прохавашь.

– О-о-о!!! С этим – не ко мне. Нашел, блин, духовника... И потом – зачем мешать все вместе? Развал Союза сам по себе вторичен. Основа – в крушении идеологии. Народ хотел материальных благ: колбасы – на выбор, а не два сорта по праздникам, да и сыра бы – неплохо. На машинах ездить нормальных, а не копить на один корявый тарантас до самой старости. Джинсов, жвачки, колготок и всего того, чего у нас отродясь не было. Бумаги туалетной, например. Я уже не говорю про свободы, как, например, по миру поездить. Вот и все! Вот ради чего народ отказался от многого, и в первую очередь от власти, потерявшей всякое доверие. Вместо реформы все снесли бульдозером – к едрене фене. И хорошее, а его было совсем немало, и всякое дерьмо, которого тоже хватало. И ведь неспроста – снесли! Мы проиграли информационную войну – главную составляющую войны холодной. В сравнении с рекламным буклетом общества потребления все наши ценности, включая уверенность в завтрашнем дне, выглядели блекло, не говоря уже о допотопной доктрине построения утопического коммунизма, из всех атрибутов которого, на бытовом уровне, знали лишь один – «там денег не будет». Только вот теперь не надо плакать, ибо закон – «горе побежденным» – никем не отменялся. Раз проиграл, то пляши под дудку победителя. И твой развал, Деркулов, уже производное от всего этого. Ладно, проехали... Итог твоей проблемы... ты в качестве лекарства взял осколок от общей проблемы и устроил на нем личную войну – занялся надругательством над украинской идеологией? Так, что ли?

– Ой!!! Шо – опять надругались? Сплюндрувалы?! Ну что ты будешь делать... Как ни отпустишь погулять эту неньку, так обязательно – отъебут. Хотя за ворота не выпускай. Может, все ж таки тут какое-то виктимное поведение прослеживается? Юбчонка, там занад-то короткая? Иль макияж – блядский? А!? Как юрист – юристу?

– Ну, повело кота на мясо...

– Да ладно! Что там, товарищ полковник, насиловать? От «а» до «я» – все абсолютно искусственное и за уши притянутое. И история. И язык. И культура. И менталитет. И теперь все на этом песочке сикось-накось построенное посыпалось. Виноват же во всем, как водится, кошмарный убийца и жуткое чудовище Деркулов – деток им пугать осталось только: «Прийдэ Кырыл, видрыжэ пуцку!» Отстойный Бука – отдыхает.

– Как много слов...

– Да какое там!

– Конечно. Все в одну кучу свалено.

– Можно и раздельно. Вы, товарищ полковник, на мови размовляєтэ?

– Нет...

– Жаль. Много в жизни потеряли... Знаете, как по-украински будет «медведь»?

– ...?

– «Ведмидь».

– Точно. Слышал.

– Это случай правильного словообразования по законам «мовы творэння». Бывают иногда, как в настоящем языке, и неправильного – «лысыця», например.

– Лиса, что ли?

– Да. Почему – «неправильно». Если следовать окровской логике, то должно быть – «лыцыся»... Или, еще проще, как по-окровски звучит Уильям Шекспир?

– Ну?

– Ылля Трясоспыс!

– Да ладно! Нет такого перевода.

– Да ну, Павел Андреевич, – правда! В мой паспорт загляните. И еще в официальные документы миллионов Олэксиев та Мыкол.

– Есть такой перегиб, известно.

– Перегиб был, когда при советской власти на эту пидарастню глаза закрывали. Вспомните, сколько народов было в Союзе?

– Та! Кто считал, Деркулов?

– Правильно! А скольким национальностям дозволялось игнорировать государственный язык и везде, даже в армии, лопотать на своем суржике? А?!

– Отдельные исключения...

– Какие, в жопу, исключения?! Все хохлы – поголовно, особенно Правобережье. Вопрос даже не в уродстве этого – который языком вдруг провозгласили – уебищного диалекта. Вопрос в отрыве, с мясом, целого куска народа. Помните кучмовскую «Украина не Россия»? Вот в чем фишка! Все направлено на отстройку, на отторжение от общности. Любая тема хороша, хоть Мазепа, хоть Голодомор, хоть бандеровцы. Что угодно! Но главное – язык, почему им и задирали сверх всякой меры.

– Теперь про НАТО...

– Я понимаю, Павел Андреевич, вам смешно, но я все равно закончу... Ладно язык. Что уж там! Возьмите историю. Про древних укров, прародителей ариев, говорить вообще не буду – «занад-то»... Да, впрочем, как и историческая колыбель нынешних окров – Запорожская Сечь – откровенная бандитская малина. Звериной Чечне начала девяностых в страшном сне такое не снилось. Ладно история – по сто раз переписываемая наука. Возьмите культуру... Кто у нас ярче всех зазвездился: Пыдорас Грыгорыч Шевченко, Люся Окраинка, Иван Хренько, кто еще? Почему хохлов не смущает, что все три столпа – бесноватые мракобесы? Откровенно и не стеснясь, хвостика и рожек не пряча. Кобздырь ко всему прочему еще и помешанный на крови русофоб. Что, к слову, вовсе не мешает, а помогает канонизации – по идолу в каждом городе – и обязательному заучиванию бездны его текстов детьми во всех учебных заведениях. При этом Пушкин и Гоголь – внеклассное чтение по «зарубежной литературе»...

– Ты про менталитет забыл...

– Было бы что забывать! В одном наперстке поместится... Что культура, что мировоззрение – мелкая убогая задрота! Сама «мова» всю жизнь была и остается языком села! Одним словом – хуторское, местечковое, кумовское крысятничество. «Моя хата с краю» – центральная мировоззренческая доктрина... Да вообще, не углубляясь, вслушайтесь в само название – Окраина, окраинцы, окраинная культура. Культурная обочина. Страну неправильно назвали. Правильно – Маргиналия. Понимаете?!

– Вот я напоролся сегодня с тобой, Кирилл Аркадьевич! Вот попал! Ведь просто хотел коньячка попить, воздухом подышать... Нет! Ты – со своим украиножэрством... Правильно хоть сказал-то?

– Правильно... – буркнул собеседник.

– Вот завелся... Тебе не в партизанщину, тебе бы в политику удариться.

– Вам тогда послевоенные репрессии в Бендерстане показались бы легким фокстротом.

– Ну, дык, мало тебе было места в пропаганде: развернуться негде, хохлам всю правду матку вбить в темечко саперной лопаткой, так ты в боевые рванул.

– Это – личное.

– Не поладил с кем?

– Да нет. Мне-то чего делить...

– Так чего ушел?

– То – долгая история, Павел Андреевич.

– Ты сегодня куда-то торопишься?

* * *

Двери распахнулись, и на пороге моего кабинета возникла подтянутая фигура начальника службы Стасовой безопасности.

– Ну что, дружище, готовы – на утро?

Ну наконец-то! После трехнедельного заданного Скудельниковым марафона попутно решился давно уж наболевший вопрос эвакуации семей. Тема, доставшая всех, но до сего дня упорно стоявшая колом.

При правлении Бессмертных подобные, так сказать, «личные» вопросы решались по схеме: «Отъебись»! То есть разбирайся в самостоятельном порядке либо вылизывай у нужных людей и жди благостного позволения пристроиться холуем в хвост очередного транспорта. Да и не было у меня такой возможности, даже если бы ради своих и решился полакействовать: Кравец умеет и грузить, и мотивировать – я, при всем желании, с самого начала работы в «контре» не вспомню ни одного нормального выходного.

Об отправке «своим ходом», учитывая дикий, никем не контролируемый кровавый беспредел на «дорогах жизни», и речи быть не могло. К концу первого месяца после переворота только-только начали разворачиваться в эту сторону и стали потихоньку зачищать банды мародеров. Учитывая уровень их организованности, вооруженности, сквозной коррумпированной смычки с государственным аппаратом и местными силовиками да многолетние устои традиционных для приграничных районов контрабандных кланов, все понимали: наведение порядка у пропускных пунктов займет приличное время. Да и народ непрерывно валит, считай, с половины страны – поди отрегулируй поток, разберись с этим бедламом!

Идти же «по пашне», нелегально, – вообще чистая подстава. Кто решится загнать собственную семью в фильтрационный лагерь, куда они без миграционных карточек загремят при первой же встрече с любым ментовским патрулем? К тому же у меня две девки!

Что уж там говорить о какой-то там рухляди (много ли в «симбул»⁹⁵ нагрузишь, если не на пикничок, а на постоянку съезжаешь?!) или о самой, цвета молодой оливы, тачке. Хотя и ее тоже жалко! Пусть моя рэнушка и не навороченный членовоз бубновых отпрысков, зато собственной головой и ручками заработана, а не на халяву на папину небрежную отстежку за полсотни штук денег прикуплена.

После отправки бывших бонз к праотцам и решения самых горячих «вчерашних» вопросов пропаганды Стас подошел к Самому и на пальцах объяснил, что у творческой составляющей аппарата управления пропаганды по определению не может быть «личных» вопросов! Попробуй заставь, к примеру, креативщика родить «нечто», если у него голова забита голодной, сидящей в бомбоубежище семьей, а вовсе не насущной нуждой молодой Республики в работающем месседже.

Командующий в ответ якобы конкретно взгрел моего шефа за упущенное время, мол, надо было из горла бывших руководителей вырывать и решать эти вопросы сразу, а не доводить ситуацию до сегодняшнего дня. После чего, понятное дело, дал отмашку.

На местном совете решили идти колонной на самую ближайшую Изваринскую таможню. Пропускные пункты на Должанке и Гуковском – слишком далеко: сто километров по нашим беспокойным местам с престарелой родней, женщинами и детьми – стремно. Красная Таловка – неудобно, да и слишком опасно. Изварино, конечно, тоже не подарок – контрабандное сердце Луганщины, но там хоть Краснодон близко, можно назад сдать или подмоги дожидаться. Тем паче, на этом отрезке границы уже, точно по рецептуре Петра Петровича, вломили быкам пару раз – беспримерной борзости чуток убавили.

⁹⁵ Имеется в виду Renault Symbol.

Всего на восемь эвакуируемых семей набралось пять машин. Старший до границы – Валера Демьяненко. С ним – четыре вежливых, очень похожих друг на друга единым спортивным эластиком молодых человека: с внимательными серыми глазками и АКМС поверх битком набитых разгрузок. Отдельно, для усиления, подкинули уазик с несколькими сомовцами⁹⁶.

По России командовать караваном должен Вадим Поскреба – многолетний начальник управления угольной промышленности. Мужик из пахарей, специалистов, а не из начальственного важняка – «руками-водителей»; серьезный и ответственный дядька, заядлый охотник, лет немногим за пятьдесят – дружественную угольщикам Ростовскую область и ее кормчих знает не многим хуже Луганской.

Сборы и пересуды заняли еще пару дней, и вот теперь, кажется, мы созрели...

– Ха!!! Да нет проблем, Валер! Где и когда?

Улыбчивый Демьяненко присел на соседний стул, выудил из моей пачки сигарету и, угостив огоньком красивой зиппы, сообщил:

– Стартуем – от нас, естественно. Время выезда – четыре ноль-ноль. Сбора – ровно в три. Хотим без попадалова – должны успеть в Ростов за световой день. Шеф сказал, чтобы все, кто едет, шли собираться.

– Демыч, с таким раскладом мне удобнее сейчас свой бабский батальон привезти и заночевать. Однозначно – во дворе администрации безопасней, чем по городу ночью шариться.

– Все так и делают. Сам за Светланой Леонидовной еду прямо сейчас.

– Лады.

– Аркадьич, у тебя ствол есть?

– Стечкин...

– Хорошо! – Демьяненко указал головой на спинку моего стула: – Бронежилет не забудь. Если хочешь, могу тебе АКМ выписать...

– Да ладно, брат. Не хочу девчонок лишний раз напрягать; а вот за пару броников до границы – на задние двери повесить – был бы, Валера, тебе благодарен.

– Заметано, командир!

С рассветом тронулись. Судя по туманной дымке, день обещал стать очередным температурным рекордсменом. Просто дикое пекло. Кондишен, по законам подлости, включать нельзя – все четыре окна нараспашку. Естественно, мои умницы-красавицы – тут как тут...

– Па! Можно кошек выпустить?

– Нет.

– Почему?

– Окна открытые.

– Закрой.

– Нельзя.

– Почему?

– Глаш, уймись...

Мамсик догадывается «почему», но, надув губы, молчит. Во-первых, пока собирались, грузились и ночевали, успела под горячую руку раз несколько нарваться. И жалко, но и без рыка этот бесконечный поток вопросов не остановить, а если еще и попробовать отвечать, то попасть еще больше: «Зачем бронежилеты на дверях? По нам что – стрелять будут?» Блядь! Ну как тебе, не пугая до мокрых трусов, объяснить, что мне проще послать в три этажа, чем, не дай Господи, потом из любой из вас, по милости шальной пьяни, картечь выковыривать!

⁹⁶ Части СОМ – сводные отряды милиции. Единая централизованная структура, сформированная Ярославом Узварко взамен ряда разрозненных милицеских спецподразделений сразу после военного переворота.

Дема идет на Стасовом «круизере»⁹⁷ первым и ко всему головой отвечает за двоих пацанят, Светку и ее сопливого бордосца⁹⁸. Представляю, как это дурко своей назойливой харей Демьчу штаны обслонявит! Сразу за ним пристроились менты Ярика. Поскреба, вторым руководителем проводки, на старенькой темно-зеленой «Ниве» замыкает колонну. Я пылю сразу перед ним. В середине, между нами, выстроилась вся остальная разношерстная кавалькада работников управления по связям с общественностью.

На Краснодонской эстакаде у Алены заканчивается терпение. С заднего сиденья, наклонившись, основательно опирается на мой подлокотник и издалека начинает плести... Знаем мы эти подкаты!

– Сколько пробудешь?

– Мамс, я не знаю. Дня три – точно.

– Я все равно не могу понять – зачем тебе возвращаться? А мы как будем? Ростов такой город...

Не даю закончить:

– Ален, я машину веду. В город въезжаем... Давай потом все обсудим. – Демонстративно, так, чтобы она увидела, поправляю лежащий поперек пуза АПС⁹⁹.

Подействовало. Надолго ли?

Сразу на выезде, за Свердловской развилкой, – встали. Начиная от шахтоуправления, бывшей «им. Сергея Тюленина», тянутся бивуаки бесконечной очереди. У кого есть возможность – бегут от войны. У кого нет – пытаются хотя бы вывезти родню. Здесь пока одиночные машины, палатки да, колхозами, группы семей. Это еще те, кому стоять и стоять: оставив в очереди сторожей, отсиживаются в относительной безопасности, поближе к городу и хоть какому-то порядку.

Еще через два часа милицейских постов, ожиданий, переползания по ухабам, ямам и загородам из всякого говна – от железобетонных блоков до рельсовых ежей – доходим по разбитой вдрызг дороге до начала сплошной автомобильной ленты.

– Глаша! Сядь и не высывайся...

– Ма...

– Сядь, я сказала! – вдруг рявкает Алена. Ну вот, Мамсик, ты наконец-то начинаешь догадываться о том, чего я тебе предварительно не хотел рассказывать. Знакомься, это – реальность. Ты раньше даже читать о ней не хотела – теперь сама смотри...

Люди. Везде. У каждой машины и группами. Мужчины поголовно вооружены – чаще с дробовиками, но хватает и нарезного. Женщины и дети испуганными зверьками выглядят из-за оконных углов. Несмотря на жару, все закупорено. У многих на дверцах, как у меня, висят бронежилеты. Вокруг горы мусора – словно мы в середине вытянутой по обе стороны трассы свалки. Ветер в издевательском вальсе кружит по асфальту пустые пластиковые бутылки, цветные полиэтиленовые пакеты и смятые бумажки с характерными коричневыми мазками посередине. Удушающая вонь...

Все это – цветочки. Главное – глаза! Сколько злобы и ненависти во взглядах тех, мимо кого, под конвоем завывающей синей мигалки, пробирается наша колонна. Блядь, надо было еще пяток броников взять – три на заднюю сидуху и пару – на передние двери! Сейчас любой полудурок шмальнет с психу, и поминай как звали всех троих в этой жестяночке. И ведь правы будут! Без дураков – имеют полное моральное обоснование... Сколько дней они тут днюют и ночуют, едят всухомятку, оправляются по обочинам – прямо под автомобилями, и, что самое страшное, – трясутся каждую ночь?! И не зря ведь бояться! Есть – чего... При этом все время, по

⁹⁷ Имеется в виду внедорожник семейства автомобилей Toyota Land Cruiser.

⁹⁸ Купленный по капризу жены Стаса перед самым началом войны кобель породы бордоский дог по кличке Бурбон.

⁹⁹ АПС – автоматический пистолет Стечкина, калибр 9 мм.

некому вслух не заявленному порядку, мимо проезжают важные рожи вот в таких вот гробах, в каком сейчас, к примеру, Демьч восседает. Да в придачу с сопливым пятаком Бурлика ровно на половину немалою окна. Стоят мужики с калашниковыми на плечах и думают себе думки: «Я больного ребенка вторую неделю вывезти не могу, а эти пидоры – собаку с кондиционером на переднем диване везут, твари! Вот именно из-за такого внедорожного и внеочередного распальцованного блатняка стоит вся очередь. Эх, покровсать бы скотов...» – а жить, между прочим, хотят абсолютно все и совершенно вне зависимости от былой крутизны по жизни и заслуг перед молодой Республикой по обстоятельствам. Когда же за спиной глаза собственных детишек, жены и стариков – волей-неволей пальчик на предохранитель вниз давит. И похер закон, солидарность и уважение к чужим правам. Джунгли диктуют свои законы. Хочешь своих живьем вывезти – тупо следуй, а не абстрактно умничай.

Коробочке моей – отдельно, в резину на четырнадцать – поклониться. Все эти километры шла за внедорожниками по обочинам, гребла поддоном картера по буграм и ямам, хрустела всесезонкой по щебню, кирпичам и битому стеклу и, наперекор всему, – доволокла, не закашлявшись.

На въезде в Изварино встали окончательно. Половина дороги перекрыта БРДМ наших погранцов. Дема с ментами поехали разбираться, да застряли напрочь. Это очень, очень плохо. Мы посчитали: на документальное оформление всей нашей толпы уйдет, даже с учетом присутствия высокопоставленных встречающих с той стороны, от полутора до двух часов. В 19:00 россияне опустят шлагбаум и выкатят две БМП. До семи утра пройти сможет минимум правительственная делегация, и то по предварительной договоренности. Ночевать вместе с остальным народом в наши планы не входит. Ночью здесь такие вещи творятся, что знакомить своих девок с этой стороной реальности я не собираюсь даже в виде газетного сообщения.

Наши вернулись без пяти три. Демьяненко, деловито и чуть жестче обычного, объявил:

– Сейчас этот БРДМ подвинется, и мы проходим пятьдесят метров до вон той полянки за встречной полосой и становимся табором, между бело-голубым автобусом и кунгом военных... – Все молча ждали главного. – Мы ночуем. Возвращаться опаснее – с утра дорогу заторят, точно не успеем. Наше окно завтра в 8:30. Если ничего не изменится и кто-то, как и мы, не влезет без очереди. Но надеюсь... – он выразительно посмотрел на Поскребу, который, в свою очередь, стал тут же терзать свой мобильник... – этого уже не случится!

К пяти вечера более-менее обустроили лагерь: у подпирающего дорогу склона холма отрыли туалет – вытянутая яма и, наземь, две доски насеста; из трех палок, тряпок и полиэтиленовых мешков соорудили угольником ширму. Очистили кусок травы, постелили покрывало – перекусили.

Стасовы босяки гоняют толстожопого Бурлика. Тот неловко брыкается, пытается ухватить за колошины штанин и подмять тяжелой тушкой; визг стоит – до небес. Детвора – и наша, и чужая – с неподдельным интересом наблюдает за распалившимися подростками. В глазах невинная смесь детской зависти и восторга.

Мамки накатили винца, всю щебечут – попустило. Глашка сидит рядом с Аленой и, как сама себе думает, незаметно косит на моего крестника – Кирюху. Тот старательно делает вид, что не замечает, но при этом лихо оседлывает барбоса, все время выгодно напрягает неплохо прокачанный торс да крутит финты и увороты с излишней амплитудой. Моей – шестнадцать. Сиськи – больше, чем у матери, да на треть головы обогнала. Ее другу детства – чуть побольше. За ними теперь только глаз да глаз, а тут эти цурюки со своим «Замыренням». Как все не вовремя!

К шести появились первые шакалы...

Вначале со стороны поселка Урало-Кавказ притархтело три тяжелых мотоцикла с какими-то корявыми помостами вместо колясок да десятком ублюдочных рож. Два «Урала» остались на горе у самого спуска, а один, кажется «Днепр», с толпой придурков встал на нашей

полосе в полусотне шагов от брони погранвойск. У меня чуть глаза на лоб не полезли: на изуродованной мотоциклетной люльке, точно – по зондеркомандовской моде, стоял грязный до «не могу», поблескивающий лентой хищной латуни, явно рабочий пулемет Калашникова. Даже не в самом Пэ-Ка дело, а в отвратных, деградировавших до ручки, упито-укуренных – вообще не поймешь каких – уродах, которым эта страшная машинка досталась в безмозглые руки!

Не сговариваясь, собрались на военный совет возле походного штаба – Стасова крейсера. Вся караванная дружина: ствол Демыча, две пары – у его чекистов, мой Стечкин, Поскребын четырехзарядный автомат двенадцатого калибра, старенькая вертикалка Вани корректора – пацана из новеньких, да пятеро сомовцев – лишивших нас последних иллюзий...

– Без обид, мужики. Сейчас пройдем по всей полосе, якобы с проверкой документов, чтоб вас не палить, а как начнет темнеть – сваливаем. Нас замочат только из-за формы, вы же все попадете под раздачу, даже если отобьемся.

Демьяненко согласно кивает...

– Понятно. Утром – когда подтянетесь?

– Как скажешь, майор... Местные будут шарабиться по всей очереди до рассвета, пока не бомбанут кого. Потом нажрут и свалят. Им надо только зубы показать, но и вы первыми не начинайте. На такую толпу и серьезные стволы они сами не попрут – по-любому, но если завалите кого, то отомстят: будут лупить ночью со всех сторон. Машины вам точно изрешетят, могут и народ задеть, прицепом...

– Так может, сразу ребятишек приморить, пока бед не наделали?

– Шот ты злой сегодня, Аркадьич, чи не выпался?

– Все правильно, Валерий Александрович. Товарищ просто не в курсе... – И, уже повернувшись ко мне, капитан продолжил: – Смотрящие это. Свистни, так еще сотня чумных приедет. Тока по двум крайним поселкам – три банды точно да вагон левых гопников. Работы с начала девяностых тут толком нет, контрабанду гоняли, металлолом ковыряли да самогон лили, а теперь вот – беженцев трясут.

– Говно все это! Нет работы – езжай в город, Россия рядом – ищи... не грабить же и убивать!

– Кирилл, вернешься – флаг тебе в руки. Только не сейчас, о'кей?

Понятно... у Демьяненко приказ – умри, но без происшествий доставь семью шефа в славный Ростов-на-Дону. Желательно и остальных подопечных довести без потерь. Одна задача! На кой ему сейчас даже слушать о ворохе проблем депрессивных районов республиканского приграничья.

– Кто спорит, Дем? Мысли вслух...

Наши менты, явно испытывая комплекс вины: «Кто же знал, что такая накладка выйдет с этой ночевкой?» – пытались напоследок помочь чем возможно...

– На погранцов не рассчитывайте: в семь вечера свалят на базу. На соседей тоже. Вообще, к другим машинам ночью не подходите – застрелят. Да и сейчас не ходите. Тут никто никого не знает и никому не верит. Каждый сам за себя. Тем более вы – блатные, а здесь таких не любят...

Мы это уже заметили!

– Можем пару АКМов оставить, с возвратом – если хотите...

Захотел только я. Ваня близоруко смотрел на автомат как на неизвестной породы пишущую машинку. Поскреба в ответ только нежно погладил цевье своего браунинга:

– Раз дал, и пол твоего магазина улетело – мясо рвать. Да и картечь тут посерьезней пули будя, в темноте не смажет...

Поделили зоны и часы дежурств для водителей. Наши вежливые мальчики остаются дежурить на всю ночь. Лично я спать не собираюсь. Да и остальные мужики – тоже. Бабы и без информации извне угрозу кожей прочуяли. Детвору быстро загнали по машинам. Сами тоже не показываются.

Пикник окончен...

С момента отъезда брони погранцов не прошло и получаса, как нарисовался первый разведчик. Пока терли, слышу писк Алены. Поворачиваюсь – какое-то чмо крутится возле моей машины. Блядь, да откуда он взялся?!

Подлетаю. Стоит чучело метрах в двух – лыбится в глубину заднего окна. Девчонки сбились в угол и затравленно молчат. Правильно делают – я их понимаю!

Мелкое – не выше метра семидесяти, худощавое, испитое и грязненькое существо неопределенного возраста. Харя мерзкая, нездоровая – какие-то шрамы под сосульками слипшихся, цвета втопанной в грязь соломы, волосенок. Левый глаз полуприкрыт веком – забыл, как болезнь называется; второй нагло пялится с выражением тотального превосходства. Хозяин жизни! В кривооскаленной пасти блестит стальной мост и тут же рядом – несколько вроде золотых коронок. На пальцах – синие перстни. При всем убожестве недоносок просто светится изнутри агрессивной злобой. Это кто же этого кошмарного выродка посмел на свет блевануть? Ведь какие-то родители, наверное, были... Как им, вообще, выдали лицензию на размножение?!

– Тебе – чего?

– Ниче. Гуляю...

– Вали на хер отсюда!

Он покосился на автомат в руке, на бронежилет с АПСом под мышкой и сделал вывод, что я, видимо, один из охранников нового каравана.

– Да че ты, на! Дай телок зазырить.

– Иди на хер, сказал! – сделав шаг вперед и примеряясь садануть стволом в ребра, я уткнулся взглядом в носки его замызганных кроссовок – перевел себя на периферийное зрение.

Гаденыш в этих делах оказался не промах. Мгновенно, не уступая мне в скорости, сместился вбок, его рука мелькнула за спину и вылетела оттуда с уже взведенным пэ-эмом¹⁰⁰. Вот сучонок! Я в ответ скинул предохранитель и, как бы невзначай приподняв ствол на уровень его паха, глазами вновь уперся в зрачки: надумает стрелять – увижу, рванусь влево, а выблядка поперек одной очередью перепилю.

– Ты че, мужик, в натуре?! Я тя трогал?!

– Вали мимо, сказал!

Он мельком покосился мне за плечо...

– Че вы, городские, такие дерганые... – пока говорил, даже не поставив на предохранитель, спокойно засунул ствол за ремень и отрицательно качнул головой своим на верху холма... – Пришел – на подлечиться попросить, по-хорошему, а ты – за волюну сразу!

Самообладания – не отнять, хоть и уродец...

Меня обогнул Дема со своими бойцами:

– Что, гунявый, – своих пишем, чужих колем? Давно, баклан, на шконку не падал? Так кума нет больше – очко прижмурил. Понял?! Без протокола паскуду урэкаю! В момент пропишу вазелин от геморроя!

Местный, пытаюсь вставить слово, открыл было рот, но Дема навалился от души:

– Ты что там базлаешь, бык?! Регистр свой базарный выключи, пока метлу на заливное не пустили. От хари до сраки попишу, падла, на маляву прокурорскую! Всосал тему? Спрыгнул нахуй! Быстро!!!

Всем своим видом урало-кавказец пытался показать независимость: щербато, обнажая фиксы, кривил не раз рубленые губы, что-то пытался вставить в ответ, но по всему было видно

¹⁰⁰ ПМ – пистолет Макарова кал. 9 мм.

– подействовало. Он встретил более сильного, причем – внутренне, самца из соседней стаи, сцепиться с которой по-серьезному вообще не собирался.

От мотоцикла на холме вдруг закричали:

– Сява! Шо там, кореш, за движняк?! – дважды горец отмахнулся, последний раз развел растопыткой перед нами – мол, ладно, закончили – и, промурчав что-то нечленораздельное, двинул восвояси.

Демьяненко развернул ко мне вдруг просиявшую веселую рожу и выдал:

– Спасибо, Кирилл Аркадьевич! – ни по дыханию, ни по выражению лица и следа не видно, что этот парень только-только, буквально секунду назад, брызгал слюной и заходил в яростном оре.

– ...?

– Ну, в смысле, что не пристрелил соколика! Хотя, как показалось, ты вроде собрался с ним спарринг затеять? Или – померещилось?

Жаба! Уел, глазастый ты наш! Я неопределенно пожал плечами... Спарринг! Да если эту глистоношу разок надеть на косо срезанный компенсатор ствола, от души, то и достреливать потом не придется.

– Добро. Пойду я с люмпенами пообщаюсь – закреплю результат. Чувачок, кажется, предводитель здешних бабуинов...

Демьяненко вернулся через полтора часа. За ним тяжело плыли ароматы местного плод-спиртпрома. Приказал своим разбудить ровно в девять и увалился, в охапку с АКМом, на спальник под колеса круизера. Бурля минут за пять достал все без исключения население джипа и его, поджопником, выпустили наружу. Дурко совсем не обиделся и, радостно вертя во все стороны рыжей камчой, полез своей мокрой, пожмаканной мордой прямо под бок слабо запротестовавшего Валерки. Да и смысл протестовать? Тут сопротивление бесполезно – про-верено!

– Кирилл Аркадьевич! Иди к нам...

Начинались сумерки. Бесконечная очередь, предвкушая очередную ночь, судорожно заскубилилась в убогой бытовухе. Шакалье, оставив на холме два мотоцикла, расплзлось по норам. Спала обжигающая жара.

Поскреба разложил на капоте своей «ласточки» наш рупор номер раз – «Набат Малорос-сии». Ну, то для нас – трибуна. Для него – просто обычная подстилочка под красавца леща – граммов так на семьсот. Небольшим, добротным охотником, он вмиг распластовал его на пять кусков. В воздухе, дурманя ценителей, поплыл дух вяленой рыбы.

– Подходи, дорогой, не стесняйся. Водочки нам, на посту, не положено, а пивком побаловаться – самое то.

– Понятное дело, Вадим Валентинович, как раз по теме...

– По какой?

– Ну как: пиво – шампанское пролетариата!

– А-а-а... Бери, Деркулов, рыбку и голову мне не морочь. Правда, она как вареная, да и нет ее сейчас – нормальной... – Поскреба скроил несчастную рожу и, чуть ли не охая и не вздыхая в голос, закончил: – Лето!

Подумалось: какой мы, мужики, интересный народец! Под сраку лет уже, а все как зеленые пацанята на похвалу напрашиваемся.

– Ну, это ты, Вадик, загнул, слушать не могу: у тебя и – нет! Роскошная рыба. Донская, не пересоленная, мягкая – отрыв башки просто... – Смотрю – сияет наш угольщик... – Да и пиво за день так и не нагрелось, вообще – фантастика... – нагло потащил из автохолодильника еще одну ледяную бутылочку: пусть рядышком постоит – целее будет, пока я с первой управлюсь.

Наш корректор, тыльной стороной руки поправляя на длинном носу очки, по-моему, временами даже урчал от удовольствия. Я не выдержал...

– Ванечка, солнце, ты часом не перепутал: надо, вообще-то, не рыбу с пивом кушать, а, пивко с рыбкой попивая, жизнью наслаждаться...

Вот ведь интересно: только-только чуть не покروшили всех в капусту, а ничего – хлебнули бражки, два перышка обсмоктажи, терпким дымком затянулись пару раз и – нормально...

– Как думаешь, Деркулов, к нам сунутся?

Я непроизвольно глянул вглубь автомобиля Поскребы. Меня встретили четыре пары настороженных глаз.

– Нет. Точно – не полезут. Они уже видели шесть автоматов, сколько есть еще – пусть думают. Охрана в бронежилетах – явно не вохра. Начальник – волкодав. Плюс – пообещал за яйца подвесить, если чего. Не рискнут... Они же стервятники, а не солдаты. Было бы по-настоящему опасно – вернулись бы в Краснодон.

– И Валера – до сих пор спит... – вдруг добавил Ваня.

– Правильно. Если стремно по-настоящему – не отбивался бы.

– Может, он просто проспаться хочет?

– Да не думаю, Валентиныч. Он же не с прикола насвинячился. Да и знаю я таких пацанов, как Дема. Можешь расслабиться.

– Давно знакомы?

– С тех пор, как он у Стаса появился...

Накатывала ночь. Демьяненко встал, прошелся по округе, осмотрел посты, залез задницей на отбойник джипа и, положив «калаш» на колени, уставился в темноту. Бурля недовольно улегся внизу. Ну понятно! Такая классная подушка убежала, а главное, трава ни хрена сопли не впитывает, то ли дело – мотня друга!

Рыба закончилась. Ваня пошел к своим. Мы с Поскребой развалились на травке, потягивали пивко и курили обо всем – сразу...

– Слушай, Кирилл, давно тебя хотел спросить... Почему ты до сих пор не член Военсовета?

– Не хочу...

– В смысле – мारаться?

– Да нет... не в этом дело. Тяжело объяснить. Не хочу отвечать... – я описал рукой круг... – За все это.

– Думаешь, спросят?

– Нет. Перед самим собой. И так достаточно. С головой...

– Ты о чем?

– Вадик, ты помнишь слоган: «Они ответят...»?

– Хух! Еще бы!

– Мой...

– Ну и что?

– Проблема, дорогой, в том, что подобная хрень работает в обе стороны. Если выпускаешь инстинкты толпы на свободу, даешь сигнал: «фас», то – пиши пропало. Эти твари... – я кивнул головой в сторону невидимого Урало-Кавказа... – Мозги напрягать не будут, кого можно... Можно? Понеслась!!!

– Я, Кирилл, потомственный маркшейдер, в вашей каббалистике не разбираюсь.

– Да что там разбираться, Валентиныч. «Ответят – все»... Мы – сытые, холеные, с красивыми бабами, собаками, на богатых машинах – валим подальше от войны, которую сами же и затеяли. Они – нищие, убогие, дети хронических нариков и внуки наследственных алкоголиков, отсидевшие полжизни по тюрьмам и кроме грязи и мерзости ничего вокруг себя никогда

не видевшие – остаются здесь, бросаемые уезжающими на произвол. А тут со всех сторон – «они ответят»... Понимаешь?

– М-да...

– В каждой хорошей машине – десятки тысяч совсем не деревянных рубликов... Золотишко, камешки и прочая ликвидная хрень. Невинная компенсация за моральный ущерб, так сказать... – Поскреба призадумался. – Это тебе, мужик, не шахты вновь запускать, под медный туш и шахтерские слезы. На благо потрудиться, хоть до кровавого пота, – многие готовы. Ты правды ради в «гамно» нырни, попробуй! Вот теперь скажи, Вадя, – я лично отвечаю за все это или нет?

– Не знаю. Думаю, что нет. Хочется так думать.

– Теперь поставь меня рядом со Скудельниковым и остальным комплексом вопросов Республики и еще раз задай, уже сам себе, вопрос про Военный Совет...

Я вытянулся под бездонным небом. Вызвездило. Посередине небосвода тянулась густая, словно надутая аэрографом, полоса Млечного Пути. Хоть какой-то отблеск незыблемости для замерших во мраке неопределенности узников очереди.

– Станный ты, Кирилл... Так много можешь и ничего не хочешь.

– Ты про что?

– Ну, статьи твои... Помню, на последних выборах – с каждым номером газеты весь отдел бегал, обыскался. Пишешь здорово, но в газетенках. Почему?

– Я ведь даже не журналист, по большому счету, а пиарщик, как это модно стало говорить. То есть – технолог. Писать по-взрослому – другое.

– Ну да... В литературе имя еще надо сделать.

– Тут даже не в известности вопрос... Раскручивать – моя специальность. Прославиться – элементарно! Что мне – со своим жизненным опытом, языком и знанием технологий – стоит, к примеру, тиснуть небольшую повесть об искренней и чистой любви двух солдат-гомосексуалистов в условиях совка, дедовщины, афганских реалий и тотальной гомофобии?... – Поскреба аж крикнул от неожиданности. – Все! Вознесли бы враз на голубой Олимп и как гуру поклонялись бы всем пед-сообществом. Накалякать, чтобы поговорили и забыли, – кому это надо? – Я, хрустнув суставами, потянулся. – Есть желание оставить после себя что-то более важное, чем три смазанных пальца на стене общественного туалета. Понимаешь, Валентиныч?!

– Так и я про это, а ты сиднем сидишь.

– Не все так просто, Вадик... Писатели – пророки современности. Политики и рекламисты – шаманы. Артисты – кликуши и юродивые. Ты мне в какое кодро определиться предлагаешь? – Мой угольщик неопределенно пожал плечами. – Писать, Вадя, надо так, чтобы читатель, беря в руку любую чужую книгу... любую – заметь! – сразу вспоминал о тебе. Чтобы ему все остальное, кроме тебя, казалось пресным, выхолощенным и безвкусным. Надо не просто писать, а рубить текст так, чтоб с самого ошметки летели. Чтоб с твоей открытой страницы мощью перло! Чтобы сносило твоим потоком! Быть яростным, пронзительным и смачным, как кусок сырого кровоточащего мяса по сравнению с распаренной без соли и перца белой рисовой крупой. Понимаешь?

– Конечно... Точно как ты говоришь! Себя – послушай...

– Это еще не все... Все пишущие, грубо говоря, делятся на две когорты: мыслители и живописцы. Я – художник, иллюстратор, но не мыслитель. Мне нечего оставить в истории.

– Хорошо. Расскажи про Афган, ведь наверняка же есть что.

– Есть. Но это – мое. Святое... Себе оставляю.

– Ну ладно. Другую тему возьми, или, может, ты, Кирилл, какое открытие сделал в своем пиаре – сколько лет уже пашешь, вот и написал бы серьезную книгу...

– Открытие фундаментальных принципов такого явления, как онанизм, очень многие, дорогой, делали самостоятельно, исходя из чистой эмпирики, а не с подачи продвинутых това-

рищей. Правда, по непонятным причинам никто этим поистине эпохальным для личности открытием, учитывая возраст исследователя, почему-то не гордится. Странно, не правда ли? Так и с пиаром! Нашупал что-то – дрожи втихаря... на кой делиться?

– Тяжело с тобой, Деркулов, общаться. У тебя так много всегда, и сразу – о главном. Грузишь ты...

– Может быть. Только вот, прости, Вадик, хоть убей, не пойму: смысл – говно по трубам гонять? Ты же не девка, чтобы я к тебе прибалтывался.

– Вкруговую прав. Чужая жизнь – потемки. Просто непонятно мне. И обидно за тебя...

– Обидно, Валентиныч, когда нечто ценное, чем ты сильно дорожишь, вдруг превращается в ничто. Знаешь, как в борьбе говорят – провалился. Пошел на тора, а его там – нет...

– Ты про войну?

– И не только... Знаешь историю, как я преподавателем на Стасовой кафедре один раз заделался? Целых девяносто пять минут продержался на новой работе!

* * *

– Кто-нибудь возьмет трубу?! Ведь – тебя же! Наверняка этот, как его... а, вспомнил – Здрасьтеглашуможно!

– Па!!!

– Ладно, ладно... шучу.

Дочь с видом триумфатора разворачивается к моему компу:

– Вас-с-с! Станислав Львович...

Вот кобыла вымахала! Надо заканчивать с волейболом. Подтверждает КМС, в Крым на летние сборы и – нафиг с пляжа. Учеба – важнее...

– Да, Стас... Хорошо!

Через час пили кофе в кабинете декана факультета журналистики Восточно-Украинского национального университета. Дружба дружбой, но мне решительно не нравилось его предложение.

– Стасище, я все понимаю, но ты сам знаешь, как за другими концы заносить.

– Чего там заносить?! Тебе надо отчитать всего четыре лекции. По два часа в неделю. Триста баксов – как с куста! И меня выручишь...

– Я институт окончил двадцать лет назад. Педагогику помню лишь в виде страшного сна, как мы после сдачи на лестнице портвейн «по бульбочкам» в кружки разливали. Помнишь?! Не преподавал ни дня. А ты предлагаешь прочитать четыре лекции «о чем попало» последнему курсу журналистики. На «ТОП»¹⁰¹ – сходи, на их форум! Они, в стремлении себя показать, мертвого затрахают...

– Отлично! Ты – культовый автор, убойный чернушник, герой последних избирательных кампаний. Им будет интересно! До Витиного возвращения окно закроешь. Идея этого факультатива и так хлипенькая: подвесить на месяц – издохнет.

– Может, оно и к лучшему...

– Ну, тут не так просто. Да и поддержать неплохое, по задумке, начинание.

– Прекрасно! Вот кто первый взял в рот, тот пусть и досасывает! Я ж тут рядом не валялся.

– Елы-палы, Кирилл, не парь мне мозги! Четыре раза по два часа – по субботам, триста зеленых – в кассе, с меня – кабак. Все, о чем тут спорить?!

– Я, брат, не торгуюсь... Просто не представляю, что я им буду два часа втирать так, чтобы меня вонючими носками не закидали.

¹⁰¹ Ведущий Луганский интернет-ресурс.

– Фу! Нашел проблему! Напишем объявление, тему обозначим... м-м-м... «Факультатив Кирилла Деркулова: прикладные технологии черного пиара в современной журналистике Луганска».

– Стас! Издеваешься?!

– Нисколько! Вдумываться никто не будет, зато придут все пять курсов. Ты им расскажешь четыре байки – по одной на лекцию – про то, как ты смешивал с дерьмом звезд местного политбомонда. Потом пообщаешься с аудиторией остаток времени – тебе же никто два часа по секундомеру отбивать не будет. Язык у тебя подвешен, не чета им. Да и общие темы есть. На пятом как раз внучок Пузана учится – вот ему будет интересно послушать.

– О-о-о! Скандала не боишься?

– Какого, Кирьян?

– Ну, вдруг по окончании встретит меня пяток здоровячков с арматурами и обрезками труб – сатисфакцию, так сказать, за разодранное на британский флаг гузно папика взыскать!

– Не ссы! Отсидимся в моем кабинете, брат!

К концу первого часа аудитория стала заметно терять интерес. В устах практика теория звучит не шибко убедительно – все ждут иного: поработавших в деле, реально апробированных методик с примерами из жизни. Лады – переводим стрелки...

– Давайте теперь рассмотрим, в контексте реальных условий, тезис об универсальной эффективности технологий воздействия на общественное мнение. Далеко ходить не будем – город Луганск... – По залу рябью прокатился ветерок обострившегося вдруг внимания. – Вы как будущие профессионалы должны немного напоминать револьвер, и не только в смысле убойности. Помните его устройство? Барабан с патронами? Так и у вас, вне зависимости от места работы и приложения ваших знаний, должен быть всегда заряженный барабан. Полный набор! На каждую поставленную задачу – свой патрон. Готовый заранее. Так сказать, домашняя заготовка. Сколько потенциальных задач, столько и заполненных гнезд. Это – понятно?

Воронка зала ответила утвердительным мычанием. Ничего, сейчас растолкую...

– Вот мы и возьмем один такой патрончик и попробуем здесь и сейчас создать подобную универсальную заготовку... Представим, что вам – или тем, на кого вы работаете, – необходимо продвинуть на рынок новый бренд. Как продвигать – отдельная песня. Но, как я вам сегодня уже рассказывал, любое продвижение – вопрос комплексный, состоящий, грубо, из двух составляющих: «плюс» и «минус». Так и здесь: свято место пусто не бывает. В той нише, куда вы захотите поставить свою новенькую торговую марку, уже кто-то сидит. Отметим, я сейчас специально не разделяю понятия «бренд» и «торговая марка», хотя это вполне самостоятельные вещи. Упрощаем. Итак, понятно, весьма привлекательна идея: освободить, так сказать, зачистить территорию. Для подобных мероприятий и существует такая редкая тема, как «брендкилинг», или убийство чужого бренда. Любой, кто будет в таких вопросах разбираться серьезно, быстро станет очень богатым человеком...

Последняя фраза еще более оживила моих слушателей. В середине зала мелькнула поднятая рука...

– Да?

– Вы говорите о выборах или о товарном маркетинге?

– Я – иллюстрирую. И повторяю, что разницы нет никакой. Законы – одни и те же. Дабы проще, предлагаю взять совершенно конкретную торговую марку Луганска и смоделировать процесс ее ликвидации силами классического падлик-релейшинза¹⁰². Вводные: предельная простота – никаких презентаций на околоземной орбите – и минимальный бюджет, а для чего – расскажу позднее. Выбирайте клиента ликвидации!

¹⁰² «Падлик-релейшинз». Игра слов. Имеется в виду английский термин «public relations».

Зал зашумел и заволновался. Послышались выкрики. Наконец, через пару минут толкотни, смеха и шуточек – дождался...

– Отлично! Луга-Нова! Подходит. Наш местный водочный бренд. Типичный региональный производитель. Ориентированный на пролетариев слоган: «Наша водка – мастерству не помеха», и, без числа, каждым, кому не лень, копированная, напроць лишенная изыска идея месседжа: «Лучшая водка с 1896 года». Объем выживания завода – пятьдесят тысяч декалитров в месяц. Погнали! Ваши предложения?

Аудитория поначалу зависла. Пошел шепот, какая-то возня, но очевидно – народ загорелся. Пора бы уже и вмешаться, но тут на помощь пришел сидевший скромной мышкой под самым потолком Кравец:

– Кирилл Аркадьевич! Вы, наверное, имеете в виду дискредитировать старейшую торговую марку Луганщины?

– Именно это, Станислав Львович! Вопрос – как дискредитировать? Разговор – о технологии! Какие предложения от аудитории?

На третьем ряду, прямо по центру, лениво, с каким-то ломаным вызовом поднялась рука.

– Да?

– Дать бабла директору, пусть закроется...

– Для начала, молодой человек, неплохо было бы встать, представиться, а уж потом выдавать на-гора свои предложения...

Извиваясь всем корпусом, юноша поднялся и назвал одну из самых известных в городе фамилий. Ну, здравствуй, недоделанный отпрыск дорогого Пузана. Хорош, красавчик, ничего не скажешь. У нас во дворе таких вместо «здрасьте» молча били в рожу. Модные штанишки от кутюр, притуленная рубашечка на выпуск баксов так за триста – весь мой месячный гонорар, волосенки по-модному выкрашены, что у девочки. Весь такой гламурно-прилизанный, голубоватый. Да и слишком уж характерная худоба у тебя, сынок... никак, чадушко, на колеса присел от вселенской скуки и пресыщенности? При этом хилые ручонки оттопырены от корпуса, словно у культуриста, широчайшими спины подперты. И в придачу локти назад развернуты и выпирают парусом, как и грудь – колесом. Прямо летит по жизни, корвет успеха. Больше всего же раздражало надменно-презрительное выражение наглой, вседозволенной рожи. Ну-ну... не бойсь. Совсем чуток придушу – маленько, – чтоб Стаса не задеть...

– Очень хорошо. Теперь давайте внимательно рассмотрим ваше предложение... Для начала: никаким, как вы изволили выразиться, «баблом» завод не закрыть, там слишком много ртов сверху. Во-вторых, подобные затраты – несоизмеримы с ограниченным бюджетом, который мы выставили сами себе в качестве условия поставленной задачи. В-третьих, «дать денег» – ну никак, даже с натягом, не является пиар-инструментарием, ради которого вообще сам тренинг затеян. И последнее: вы, молодой человек, зачем так надулись? Не надо так напрягаться! Выдохните, а то пукнете ненароком, над вами смеяться будут...

Зал – рухнул. Внучек попытался было открыть рот, но все его потуги потонули в грохочущем гоготе. Кравец уткнулся лицом в ладошки и непонятно – то ли плакал, то ли хохотал. Даже окружение моего пациента, и то ржало во весь голос. Уйти дытынке тоже некуда – ряды забиты. Пришлось налиться пунцовой злобой и молча сесть на свое место.

Вендетта длится дольше избирательной кампании, дорогой мой Пузанчик, а ты мне так и не поверил. Еще, уважаемый, учти, что я тоды восемьсот баксов всего по лучал. Представь, что бы я с тобой за штуку-полторы сделал! А?!

– Все, хватит! Давайте серьезно! Будут внятные предложения?

В вышине колодца мелькнула и вновь упала нерешительная рука.

– Слушаю. Смелее, розгами здесь не секут!

– Попробовать договориться с тем работником, кто разрабатывает рецептуру... – назвавшись, пролепетала прозрачная деточка...

– Не совсем верное направление, но уже значительно лучше! Очень хорошо! Объясняю, почему не подходит. Первое. Это не пиар-технологии. Нас традиционно обвиняют в клевете, личном оскорблении, подрыве деловой репутации, на худой конец – в нанесении морального ущерба. Подкуп должностного лица – не наше кредо, это – к политиканам... – Зал откровенно веселился. – Кроме того, предложенное вами – диверсия на будущее, в перспективу, а нам надо – прямо сейчас... Хорошо, первая ошибка – показываю. Вы начали рожать креатив до постановки задачи. Все же начинается с цели. Понимаю вашу горячность, сам такой, но надо – внимательнее. Вы так рванули со старта, что даже подсказку не заметили. Ведь я в самом начале сказал про пятьдесят тысяч декалитров выживания. То есть объем производства, ниже которого завод выпускать не может, – нерентабельно. Работа – в убыток. Следовательно, на что должна быть направлена программа дискредитации торговой марки?

Народ повелся. Вполне осмысленная работа! Голоса и руки со всех сторон...

– Правильно! На отказ от покупки. Два-три месяца запредельного падения продаж, и завод встанет. Пока кредиты, пока запустились – ниша занята. Чтобы отбить назад – нужно время, деньги на продуманные, а не как сейчас – с фонаря, рекламные кампании, а также серьезные интеллектуальные подвижки, которыми завод доселе не блистал. Итак, цель – потребитель. Кто у нас целевая аудитория? Как в ваших учебниках стало принято писать – таргет групп? Правильно: олл пипл – все люди. Каждый! Это очень важно. Наше решение, соответственно, должно работать на любом уровне интеллекта, культуры, пола, образования и социальной среды. Значит, оно должно быть каким? Конечно! Универсальным – раз, простым, как «мама», – два и...? и...? – Зал замер. – Действующим на подсознание! Суггестивно, как и всякий добротный месседж! Только через подкорку можно сломать массы и погнать их в стойло! Вы же будущие журналисты, пиар – ваш хлеб, ну не заставляйте меня тискать прописные истины, друзья!

Застрочили в тетрадах. Отлично!!! Глянул вверх. Стас – сияет. А ты думал?! Я тебе не Витя твой убогий! Поехал он кандидатскую защищать, историк хренов. Для него что Марья-искусница, что Марфа-посадница – одного поля ягода... зато кандидат наук. Приди ко мне в газету и наколбась пару вменяемых полос – сам увидишь, чего твоя кандидатская стоит...

– Итак! Вначале – сама фишка, идея, потом – транспорт по доставке народу в уши. Слушаю предложения!

Вот это я понимаю – работа аудитории! У нас такое только у Зоси случалось. Ну, так то предмет намба ван. Да и есть где в истории покопаться! Каким боком ни поверни, все на правду похоже... Наконец прозвучало нужное слово – «нагадили»...

– Стоп! А, ну-ну, вы, девушка! Что вы сказали, повторите!

– Рассказать, что гадят в чаны с продукцией...

– Отлично! Просто замечательно. Молодец! Откуда идея?

– Да просто пришло в голову...

– Просто не бывает. Вспомните, где и когда вы слышали о том, как испражняются в продукты питания?

Сидящий рядом парень неожиданно выдал с места:

– На сахарозаводах отливают в сахар!

– Отлично! Есть такая байка! Еще..?

– Говорят, когда-то сифилитичную бомжиху утопили в бочке с квасом, а люди из нее пили три дня... – раздалось с другого конца.

– И такая легенда существует, причем в каждом городе. Вернее, раньше была – умерла вместе с желтыми квасными бочками. Еще?..

– Бабки в горячих семечках ноги парят, а потом продают!

– Правильно, и такой треп ходит...

Народ разошелся, пошли и вовсе фантастические проекты про убитых животных и вакханалии извращенцев.

– Стоп! Хорошо... Нам, собственно, особый изыск и правдоподобные подробности только вредят. Больше повода поймать себя на обмане: наша история-то – чистой воды поклев. Правильно?! Итак, на заводе «Луга-Нова» в очередной раз поймали ссыкуна... Или – серуна? – Зал опять лег. – Ну, тут надо подумать... Не важно! Главное всем ясно: обыденное дело – справлять нужду в чаны со спиртом. Букет настойкам, так сказать, добавлять. Камбродская¹⁰³ ароматерапия! Дело, без вариантов, втихоря замяли и, заметьте, – как всегда! Это надо обязательно отразить – хорошая деталь. Гаденыша – уволили. С генерацией слухов тоже несложно – дело техники: десять тысяч листовок на ризографе – копейки по себестоимости, потом несколько публикаций – наезды на завод, его руководство, заводскую «крышу», местные власти, «опровержения» – ясное дело, как без них; сверху – десятка два болтунов на рынках и в маршрутках да забить все форумы с призывами к флеш-акциям и прочая интернет-движуха... Весь предлагаемый инструментарий распишите мне к следующей лекции. Конкретно – по охвату, численному составу исполнителей, размерам публикаций, периодичности и продолжительности информационных волн. Давайте сегодня, пока время есть, решим самое главное. А что у нас самое главное?

Аудитория включилась без остатка, все пишут, глаза горят, отлично! Не зря, однако, пять лет штаны просиживал. Эх, какой педагог во мне умер! Такому наших деток не всякий учить возьмется...

– Самое главное у нас...

Я выжимал последнюю паузу... Барабанной дробью бы сейчас да вопля «Але!»...

– Ну, настроились на последний рывок – собрались... Ну! Через «что» работает наш механизм воздействия? Как мы сформируем жесткую взаимосвязь между самим именем торговой марки «Луга-Нова», всей продукцией, выпускаемой под этим брендом, и крайне негативным ассоциативным рядом – на уровне физического омерзения и отвращения? Чем мы весь этот комплекс, по сути реально вбиваемый в подсознание потребителя на грани физиологического рефлекса, будем формировать? Не слышу?.. – Наконец в замершем зале раздался слабый голосок:

– Креативом?

– Отлично! Конечно – решение должно быть креативно... Но – что за решение?

Через минуту всеобщего гомона прозвучало волшебное слово: «Слоган»...

– Конечно же, слоган! Что же еще?! Смотрите... Нам надо вшить в ударную, запоминающуюся и хлесткую формулу мощный ассоциативный образ, который позволит имплантировать в подсознание потребителя – тысяч и тысяч совершенно разных, непохожих друг на друга людей – четкое и однозначное ощущение: «Какая мерзость!» И не просто, а намертво связать его с торговой маркой, с «Луга-Новой». Итак, варианты...

Время моей лекции давно вышло, но, как в профессии принято: валить – так наповал. Ждал... К пятой минуте вышли на почти похожий вариант. Золотую пальмовую ветвь отдам вот той девчущке, она уже второй раз хорошо выступает...

– Стоп! Отлично! Вот девушка – да-да – вы! Очень хороший вариант! Главное – работающий! Я, с вашего позволения, чуток подправлю, и у нас получится формирующий слоган: ««Луга-Нова» – стошнит любого!».

Аудитория хоть и была уже близка, но такого конкретного убоя не ожидала. Зал вначале на мгновение замер, а потом обрушился громом смеха, оваций и визга.

¹⁰³ Камброд – сокращение от Каменный Брод, старейший городской район, где расположен Луганский ликеро-водочный завод.

– Тише, тише... Садись. Умница! Поздравляю – всех! Приятнее всего в нашем случае знаете что? Маленький бюджет проекта! Почему маленький? Потому что ваш гонорар за подобную пиар-диверсию должен быть более чем просто солидным! Посчитайте стоимость освобожденной рыночной ниши, умноженную в своем ценовом сегменте на число потребителей, и выжираемый за год литраж да попробуйте представить себе процентиков так – всего лишь – пяток! Считайте сразу в неувядающей зелени шкурок убитых енотов. А, каково?! Мне тоже понравилось! На следующую субботу попрошу: расписанную методологию и, в обязательном порядке, в виде программы, как предложение клиенту. Победитель получит – не скажу какой – приз. Сразу предупреждаю: требую самого краткого и простого, но не в ущерб пониманию сути проекта, изложения. Всем – спасибо за активную работу. Был рад знакомству с будущими коллегами. Удачи!

Студенты стали расходиться. Меня окружила немаленькая толпа. Знакомились: обыденные, ничего не значащие фразы, рукопожатия, утрированные восторги.

Подошел и убитый позором внучок. Он еще и косолапит! Впрочем, у них это сейчас – модно. Юноша извинился... С ума сойти! Видать, ему нужна реабилитация. Хорошо, значит, пузановские метастазы «Патриарха Луганщины» еще не полностью проросли сквозь молодую душу. Приобняв пацаненка, дружески потрепал за плечо. Просветлело изнутри наше несчастье. Улыбнувшись, даже самый говенный человечешко становится чище и лучше. Ну, или менее отталкивающим как минимум...

Краем глаза замечаю стоящую поодаль девчушку. Ждет меня, однозначно. Внешне более чем привлекательная юная особа, знающая себе цену и имеющая полный набор возможностей, чтобы подчеркивать ее всеми имеющимися в индустрии красоты ресурсами. Сегодня что – день бубновых деток губернской номенклатуры?

Киваю головой: «Иди сюда, солнышко». Подошла. Молча встала, выбрала паузу и, когда очередь желающих приложиться к телу прославленного скандалиста немного рассосалась, попросила: «Вы можете уделить мне пять минут личного времени?»

Сели прямо здесь же, в аудитории.

Первый вопрос не предвещал ничего выдающегося:

– Вы говорили о воздействии на общественное мнение. Скажите – это касается отдельных людей?

– В смысле?

– На одного человека пиар действует?

– Ну конечно. И в целом на группы, и по отдельности на индивидуума. А, простите, какова цель вашего интереса? Вы, собственно, о чем?

– Цель... хорошее слово... – девочка на какое-то неуловимое мгновение погрузилась в себя... – Вы знаете, Кирилл Аркадьевич, у меня в жизни есть серьезная цель. Но я никак не могу ее добиться. Послушав вас сегодня – хочу уточнить.

– Что именно?

– Поможет ли мне ваш пиар в ее достижении...

– Ну, он не «мой» вообще-то. И разумеется, смотря чего вы добиваетесь... – меня откровенно забавляла эта смесь детской наивности и жесткого прагматизма, особенно касаясь такого предмета, как программируемое воздействие на массовое сознание.

– Цель... Выйти замуж за Артура!

Мои мозги заклинило, словно в критическом моменте какого-то идиотского реалити-шоу: «А теперь – рекламная пауза!» Дите, как ни в чем не бывало, продолжало невинно лопотать. Эмпатия там и рядом не пролетала. Деточка с пупушка привыкла слышать и воспринимать только себя. Чем ей можно помочь? Удочерить, что ли?! Я тупо сидел и слушал. У меня сложилось мнение, что ей нужен был не журналист и не специалист-технолог, а просто

рядовой умник, но – само собой! – признанный местным клубом пикейных жилетов и у кого можно свободно поплакаться на широких грудях.

Как оказалось, Артур – глава институтских плеббоев. Сын не менее известной фамилии, чем схлопотавший сегодня по розовой попке внучок. Избранник якобы красавец, умница и вообще герой по жизни. Если бы не моя застарелая бубновофобия, хоть самому сватов засылай!

Оказалось, невзирая на сопливые года, мальчик известен не только как заядлый бабоукладчик, знаток клубной музыки и завсегдатай лучших заведений, но и как прославленный городской драгстер. Интересно, когда он успел им стать? Водительские права на автомобиль с восемнадцати, если я ничего не путаю. Ну, понятное дело – донам законы не писаны. Это те самые красавцы, из-за которых я вновь, до судорог, возжелал занять СВД. Когда-нибудь, честное слово, мое терпение лопнет – выйду, сыпану гвоздей на дорогу. Достали они – гонять ночами по Буденного, как раз от перекрестка университета и, мимо моего дома, до «полтинника»¹⁰⁴.

Наша красавочка (представилась как Энджел: мамка, не иначе, в детстве «Анжелики» насмотрелась, а потом, будучи постарше, закрепила юные грезы полным собранием сочинений на единственной в доме книжной полке) крутится в группе поддержки вокруг Артура и его окружения вот уже второй год. У них там что-то вроде девичника: общество разбитых сердец тире походный гарем. При всем своем старании она никак не может добиться должности постоянной пассии.

Нашу исповедницу понесло. Я был, ни секунды не стесняясь, прямым текстом посвящен в историю двух, как Энджел выразилась, «быстреньких перепихонов» с Артуром на каких-то домашних вечеринках и ее попытки взять быка за рога в одном ночном клубе, где она, опять же по ее образному выражению, прямо на танцполе «поласкала его ротиком».

И смех и грех, прямо какие-то внутрикорпоративные игры с элементами невинного блядства. Надо будет последнюю лекцию в серии посвятить теме: «Промискуитет как популярная поведенческая модель карьерного роста».

Что я мог ей посоветовать? Чего вообще в таких обстоятельствах стоит любое мнение извне? Конечно, можно прямым текстом рассказать, что она – безмозглая дура, сопоставимая по уровню интеллекта и функциональному предназначению с резиновой секс-шоповской куклой. Что вокруг есть тысячи достойных парней, которые ради ее красоты будут готовы взвалить на себя крест пожизненного каторжного труда по наполнению ее пустышки хоть каким-то полезным содержанием. Естественно, эти ребята не носят прославленных городских фамилий, но их внутренний мир несоизмеримо богаче и глубже пусть престижных и дорогих, но при этом откровенно убогих интересов ее избранника. Только как всю эту лавину понятий и эмоций, возникающих на подобной теме, загрузить на крошечную дискетку в ее черепушке? И как при загрузке системы не вызвать коллапса всей высшей нервной деятельности у этой, наверное, доброй и очень симпатичной болонки?

Поговорили... Закончили на ничего не стоящих фразах. Единственное, что я ей посоветовал из внятного: заняться собой, в смысле своим будущим – учебой да повнимательнее посмотреть вокруг себя. Привел пример схлопотавшего сегодня отпрыска, тоже, по слухам, весьма крутого мэна из местной тусовки. Призадумалась. Ну и слава Богу. Хоть что-то...

Пока я общался с Артуровой воздыхательницей, Кравец, в свою очередь, имел весьма непростой разговор с ректором. Внучек оказался все же большей сволочью, чем мне показалось в момент показательного примирения, – успел настучать дедушке. Что он там ему рассказывал, осталось за кадром, только находящийся на очередном подъеме не только забронзовевший, но уже и вызолоченный с кормы языками камарильи Пузан не упустил случая поквитаться со старым приятелем. Вот, сразу видно – старая школа... Ну кто, спрашивается, из новой формации

¹⁰⁴ Луганский квартал им. Пятидесятилетия образования СССР.

в состоянии родить фразочку: «Почему в нашем вузе сегодня этот так называемый журналистика изгаляется»? Каково?! «Нашем вузе»? Сейчас заплачу: он «машик»¹⁰⁵ закончил, уже будучи руководящей комсомольской шишкой, причем заочно и заглазно – появился, небось, лишь на вручении диплома... Мурло свинячье!

Когда на Стаса, вдобавок с другой стороны, упало веское: «Все! Достало меня это козлоскакание!» – его терпение лопнуло. Пять минут ора, и Витин проект благополучно протянул ноги.

Больше распинаться перед молодыми покорителями клубных вершин, рекордсменами уличных гонок и их преданными фальшивоминетчицами мне уже не пришлось. Буквально через месяц началась война...

* * *

Поскреба, привалившись спиной к пыльному боку своей «Нивы», посапывал в чуткой полудреме. Поперек колен, под гнетом тяжелых ладошек потомственного горняка, бодрствовал полуавтоматический браунинг. Красивый финн, почти до самого торца рукояти утонув в мягких ножнах, косо свисал с груди на ремне нашейного подвеса и зорко поблескивал бронзой оголовья по сторонам.

Костлявые Вовины гачи, в сандалиях поверх позорных носков, на полметра торчали из дедовских «жигулей». Чуть ниже, забуившись в траву, съехал приклад двустволки. Еще зацепит во сне ненароком – беды не оберешься. Пришлось подниматься – будить... Он еще и очки на ночь в футляр прячет! О-о-о!!! Ты бы, паря, комплекта ради пижаму надел! Прибрать к себе ружьишко, что ли, ему оно – на кой!?

Демины клоны, беззвучно переговариваясь, словно стайка пираний, попарно плавали кругами по периметру лагеря. Их шеф, отцом прайда, шурясь от бесконечного табачного дыма, сканировал обстановку с вершины капота папиного крейсера.

Обитатели наших машин замерли, провалившись в удушливую, настороженную ночь. Лишь изредка раздавались слабые скрипы и невнятное, выдававшее присутствие людей, предательское шебуршанье. Единственный, кто решительно презрел всякую звукомаскировку, был Светкин красавчик: завалившись на спину и бесстыже раскинув ноги – вывалив богатое хозяйство небу напоказ – булькая и причмокивая соплями, смачно выдавал курносиной одну руладу за другой; да еще временами поскуливал и, загребая, сучил лапами – не иначе или суку кроет, или бесится с пацанятами во сне.

Выдававшаяся на глубоком черном фоне слабыми мазками мышино-серого, безмолвная лента очереди юркой змейкой уходила за поворотом под холм. Там тишина и вовсе становилась откровенно давящей. Хоть бы зажигалкой кто-то чиркнул, что ли...

Небо, притушив звезды, затягивало невидимой пеленой. Луны, понятно, и не намечалось. Народ суеверно грешит на полнолуния. Ха! Там – светло! Безлуние – вот где мрак кромешный! Да и киношные страшилки – просто чудные сказочки перед святами: вы на приграничных гоблинов гляньте – вот где настоящие исчадия ночи.

Шакалья пока не слышно. Неужто ухайдокались? Два «Урала» так и остались с вечера на вершине холма – пасут безразмерную колонну. Остальные – нетопырями растворились в степи. Ни отблеска костерка, ни голоса. Уже два ночи – глядишь, и пронесет до утра...

Мои посапывают на заднем сиденье. Можно разложить сидушки, но они сами отказались. Я, понятно, не против – разок и сидя переспится. Мне же по тревоге только ухватиться за баранку, ввалиться на переднее да ключи крутануть. Девчонки намучались за день. С рас-

¹⁰⁵ «Машик» (сленг.) – студенческое наименование Луганского машиностроительного института, ставшего с «независимостью» Восточно-Украинским государственным университетом.

света – езда черепашным ходом, жара плюс общий стресс бегства, оружия, военных вокруг, да напоследок ублюдочный движняк: хоть и не оранжерейные у меня кобылки, да только скопом всего – дюже чересчур для любых.

Сел возле водительского колеса, облокотился спиной на теплый капот, затянулся одногорбым. И ведь – хорошо-то! Турки, сволочи, хороший табачок делают, не отнять. И духота середины лета уже не особо досажает: ветерок когда-никогда по лицу прошелестит, под отлепленные липучки броника – пахнёт. Да и попустило...

Ясное дело, в уме на всевозможные варианты прикончил раз десять дневного выродка. Только ежели с самим собой разбираться по-честному, то по-любому получается, что Демин выход – лучший. Начни рубиться – выхватили бы и мы. Пару дурных очередей, тупо – вдоль автомобильных крыш, и все – вилы! Вытаскивали бы потом из машин окровавленных мамок и деток. И ради чего – пяти приморенных недоносков?! Ну ничего... Как менты и предлагали – клыки оскалили. Пусть приценятся...

Поплыл... Из дурного сна с какими-то конными лавами, мерцанием сабельной стали над папахами и грохотом разрывов я вырываюсь в душную реальность рева моторов и багряных всполохов костров. Казалось, провалился на мгновение, а тут уже Валтасаров пир в полном разгаре... Как же я это так?!

Буквально у дороги пылают три костра – облитые бензином тракторные покрышки «домиком». Ближайший – в пятидесяти шагах от нас. По подсвеченной трассе свободной встречной полосы и незанятом куске обочины в оранжево-багряных сполохах мечутся ревущие машины – показательное моторалли для парализованных ужасом зрителей. Правила непонятны, да и скорее их вообще нет. Просто – выкобенивается сволота: люльку задрать и на двух колесах пройтись, да так, чтобы третье по окнам замерших машин прокатилось, на дыбы поставить те, которые без колясок, просто ревя моторами – обдать копотью потенциальных жертв. Не просто ублюдки веселятся – с прицелом: демонстрируют свою многочисленность, силу, уверенность – полное, тотальное превосходство.

Меж машинами шныряют одиночные тени. Явно не беженцы. Незримая облава все ближе и ближе к нам. Обкладывают. Несколько раз отчетливо слышу вызывающе сиплый базар Сявы. Аборта кусок! Этот выродок у них действительно главный. Со всех сторон выкрики, убогая, но пропитанная нечеловеческой злобой матерщина, пьяные визги и рыгот.

Нечто запредельное. Причем воспринимаю так не из-за недавнего сновидения – нет. В разыгравшейся вакханалии есть нечто такое – босховское, что ли, inferнальное: чадающие смрадом, потусторонние блики пламени, рев неживого металла, заполошное метание слепящих фар, звериный визг обдолбленной мрази. Картины воплощенного ада. Дантовы видения...

Мы – подрываемся, приседаем за передками, скидываем оружие с предохранителей. В машинах уже в голос скулят ребятя и бабы. Всем страшно... Мне – не столько даже за себя, хотя адреналин уже в глотке стучит, – а за своих. Со мной два ствола и опыт прошлой войны за пазухой. Уже умирал – знакомо. Остальным в нашей колонне, им-то – каково?! Да и девчонки как гири на ногах. Словно война на два фронта: начнется месиво – что делать? Ублюдков валить или своих из-под огня выволакивать?

Там и вовсе посказились – ко всему еще и в воздух лупить принялись. Фейерверка звенью никак захотелось: поливают длинными струями трассеров с двух пулеметов на холмах да в середине очереди щедро салят с «калашей» и ухают с обрезов. И неспроста ведь, суки, гремят... Ведь действует же – по себе чую! Ощущение, что они – везде, их – масса: окружили со всех сторон и уже в середине наших порядков. Что уж там про нервы говорить: отовсюду слышно, как в голос воют женщины и дети.

Подтягиваюсь к остальным. Тут командует Демьяненко...

– Кирилл и Вадим Валентинович – держат зад. Вы оба, вместе с Вовой, – передок. Остальные – посередине. Если сунутся – гасите в упор. Сразу! Никаких разговоров. Мы из центра –

бьем пулеметы. Весь народ, прямо сейчас, – под днища. У кого есть броники – укрывайте... Все! Пошли, пошли, пошли!!!

Мои под «симбул» ныряют молча. Малая тащит с собой два контейнера. Мне уже не до кошек. Укрываю бабский батальон двумя развернутыми пончо снятых с окон бронежилетов. Глашка явно заторможена. У Алены ужас из глаз переливает через край. Ну что им сказать... Молитесь!!!

С первыми лучами рассвета – прорвало. В тридцати метрах от головного круизера слышится хруст выбиваемых окон и отчаянные женские крики. Шакалье всей стаей, словно с краев паутины, как по команде кидается в центр. Вокруг машины нарастает шум схватки. Кто-то из на падающих начинает судорожно расстреливать в воздух магазин за магазином. Твари! Точно – у омовцев подсмотрели: те тоже глушат при штурмах – подавляют волю атакуемых.

Отчаянный женский визг перекрывает грохот «калашникова». Возня растягивается на смежные участки. Сквозь дикий гам прорываются узнаваемые плюхи ударов. Кого-то ногами растирают по асфальту.словно в мясную тушу бьют.

Вдруг по ушам рвет гром дробового дуплета. Женский визг на миг зависает и сменяется каким-то не людским – животным, утробным ревом отчаянья. Это не в тело, это в душу – выстрелили.

Больше отсиживаться я не могу. Встаю и рву к месту бойни. За мной стелется приземистая тень Поскребы. Мельком вижу его глаза – то, что надо сейчас...

Над самым ухом звенит яростный рев Демьяненко:

– Назад! На место! Приказа не было, мать вашу за ногу! Стоять!

В плечи и в шею вцепляются четыре цепкие руки. Мои девки... Ну как вы не вовремя! На Вадика насаждают трое его домашних. Вместе с Валерой подлетают чекисты – перекрывают путь. Вижу по взглядам: сунусь – получу, с приклада, в пятак. Ребята конкретные, это тебе не мусора пластилиновые.

– На хер! Надоело! Сколько слушать? Там людей рвут!!!

– Кирьян! Угомонись! – глаза Демьяна искрятся бешенством... – Или я тебя по дружбе лично угомоню. Хочешь – ногу сломаю, чтоб ты не рыпался?! Они тут каждую ночь куражатся. Отведем своих в Ростов, лично пойду с тобой – зачистим территорию. Хочешь?! Обещаю! Но не сейчас! Понял! Не сейчас!!! – Кинул моим: – Заберите его...

Поскребу всей семьей тащат назад. Сзади него семенит бабка и гневно шипит ему в спину. На ее руках в крике заходится пацаненок. Видать, жена и внук – дочь с зятем – висят на руках.

Местные тремя небольшими группами отрезают свалку от нас и остальной очереди. Остальные курочат машину. Еще дальше, за разрываемым седаном, какой-то мерзкий шум. Я догадываюсь, «что» там, но знать точно – уже не хочу...

На одном плече бьется Глашка. Все накопленное за сутки вылетает истерикой. Никогда она так не была, даже маленькой. Моя вцепилась дикой кошкой. Того гляди, рожу мне разнесет. Глаза – белые. Снизу вверх орет в лицо. Что-то про «не пушу»... Не пустит она! А как теперь жить с этим?!

В шесть утра свалили последние дозоры, лишь прямо по курсу на холме в сотне метров остался вчерашний «Днепр». Только пулеметик прибрали.

Через двадцать минут тронулись навстречу границе и мы. К раскуроченной ночью машине не подходили. Там и без нас хватает пострадавших. Да и толку? На меня нашло какое-то озлобленное отупение. Просидел до самого старта под своим колесом. Ни с кем не разговаривал. Не хочу... Алена, задав пару безответных вопросов, заглянула мне в глазки и больше не приставала. Малая тупо не вставала с заднего сиденья до самого «поехали».

Я, как и вчера, шел предпоследним. Проползая мимо, хорошо рассмотрел поле битвы...

Вокруг раскуроченного сто двадцать четвертого «мерса» втоптанном в пыль мусором раскиданы кучи шмотья. На краю, в центре этой свалки, у раскрытого багажника навзничь лежит мужик с синюшно-серым, уткнутом в гравий лицом. Ноги, пятками врозь, поджаты к животу. Одна рука придавлена корпусом, вторая – вывернута вверх скрюченными, почерневшими от крови пальцами. Видно, что, получив в живот заряд картечи, мужчина, тяжело умирая, греб ими по асфальту. Когда-то белая рубашка и светлые летние брюки превратились в рванину. Перед тем как пристрелить – били...

На земле, поодаль, прислонившись к скосу обочины, застыла немая пара. Почерневшая, расхлыстанная женщина лет пятидесяти, мерно раскачиваясь из стороны в сторону, прижимала к себе лежащую на коленях девушку. На голове белыми пятнами зияют вырванные клоки. Заскорузлые волосы взбиты колтуном и закаменели от крови. Повернутая к дороге часть лица – сведена и застыла коричнево-черной коркой. Дочь, судя по судорожной, мертвой хватке в обрывки материнского платья, – жива, но выглядит трупом. На правой ноге, у самой ее щиколотки, повисло грязное матерчатое кольцо. Как-то неосознанно, по наитию, без осмысленного желания, я, содрогнувшись, вдруг понял, «что» это... Трусики!

Тут, ознобом по телу и жаром в лицо, доходит: это – Зеленские... Я их знаю! Ну конечно... Они! Оба – врачи. На земле наверняка Михаил Борисович. Прекрасный доктор, хирург полостник, без блата – не попасть. Она – известный детский ЛОР. На моей памяти их еще «ухо-горло-нос» называли. Кажется, какую-то свою клинику или кабинет имела. Уж и не вспомню сейчас. О муже только слышал, а вот Ольга Романовна до войны депутатствовала в областном Совете.

Уехали, называется, от войны – подальше... Все. Надо теперь говорить «были». Нет больше врачебной династии Зеленских.

Развернулся:

– Узнала? – Алена молчит... еще бы! – Еще раз спрашиваю, узнала? – иногда надо не орать, достаточно – понизить голос.

– Да...

Смысл – пытаться?! Как она может ее и не знать?! Сотни раз по своим медицинским делам пересекались. Сколько всего таких врачей на тот город?! И вообще, Алена-то при чем? Ей наверняка не меньше моего в душу досталось...

Развернулся плечами – пожал холодную руку. Она ответила легким добрым движением. Держись, девочка, скоро уже... Мамсик отпустила меня и прижалась к Глашке. Обе переживают пережитой кошмар. Как-то надо перешагнуть через этот кусок нашей жизни. Проглотить... Похоронить в себе.

Границу прошли за час с копейками. С милицейским эскортом, под завывания мигалок, проскочили до Ростова. На Лиховском мосту менты отдали кортежу честь. Я так и не понял – или перепутали с какой-то делегацией, или все фронтовые машины из Малороссии теперь «на караул» встречать положено. Может, лично на пацанов накатило: сами стоят – в броне, касках и с кастрированными АКСаи¹⁰⁶. Типа – в предчувствии...

К полудню получил заветный, еще пахнувший горячим ламинатом квадрат с широкой красной диагональю, перламутровыми голографическими гербами и собственным красным номером. «Красные» – это мы, малороссияне. «Синие» – дончаки. «Зеленые» – харьковчане. Такой пропуск на лобовом – дорогого стоит. Всего семь дней, правда, но зато – чего душе угодно на машине твори: залейся водярой, обвешайся оружием, навали полон салон нелегалов, взрывчатки в багажник и... катайся, дорогой товарищ, по трем приграничным областям сутки напролет в свое полное удовольствие – хоть жопой вперед по разделителю.

¹⁰⁶ АКSMY-74 – автомат Калашникова складной модифицированный укороченный калибра 5,45 мм.

Мне, правда, и нужно-то всего – без проблем и задрочек на бесчисленных постах – промотнуться в Богучар: сдать девчонок Мамсиковым родителям и за сутки успеть обратно. Вопрос, конечно, не в расстоянии – чего там ехать до той «Божьей чарки»: вместе с ростовскими петляниями, лениво ковыряя пальцем в носу по широкой М-04, – неполные четыре часа. Вопрос в моем возвращении... Представляю, как Алена разобидится, да только назад я уже не сдам...

В Ростове сел на холку Демычу; потом, придавив, взялся за Стаса. Ор стоял на весь горотдел – даже, хлюпая наспех накинутыми бронеками, прибежали менты «тревожной» группы, но в конце, окончательно посадив Валеркин мобильник, – договорились. Встречаемся с Демьяненко на Изваринской таможне завтра в двенадцать ноль-ноль. К этому времени Кравец решает вопрос с войсковым обеспечением и оперативным сопровождением. Дема и его волкодавы уходят под мою команду. Официально – охрана, негласно – сторожа, притормозить на всякий случай. Всем – неделя на зачистку района от мародеров и их крыш. Вопросы «наверху» решает Стас. Наше дело – встретиться на границе и присматривать за проведением спецоперации. Полномочия, как с выбриком, раздраженно выразился член Военсовета, – «ноу лимитэд».

Через триста пятьдесят километров пути наша рэнущка пересекла помпезную придорожную стелу с юрким зверьком на желто-зеленом фоне. Ну, здравствуй, кузница невест и родина сказочников – Петров град Богучар!

Предчувствуя неминуемый домашний скандал, нарисованный хорек, блестя пьяным глазом, ехидно показал мне алый язык. Привет, привет, родной! И я рад тебя видеть...

Войсковой группировкой оказался недоукомплектованный батальон буслевского полка под командованием майора Колодия. Оперативным сопровождением – три бывших омовца из ближайшего окружения Ярослава Узварко и один бывший гэбист из штаба Владимира Каргалина – командующего Южным фронтом, к которому относится Краснодонской район с соокраинами и всем приграничьем.

Официально спецоперацией «керував» Михаил Богданович. Правда, он откровенно побаивался толпы непонятно каких, но весьма приближенных к Военсовету рож и посему за руки нас не придерживал и, упрямо бурча под нос, выполнял все наши пожелания. Хлопцы Ярика осуществляли функции глаз и ушей, причем отлично, на все сто задачу отработали – совершенно конкретные ребята. В то, чем занимался каргалинский эмиссар, я так, честно сказать, до конца и не въехал, но свой участок общей координации, видать, делал исправно. Во всяком случае уважением пользовался огромным плюс сам вместе с остальными не чурался ни с БТР не слазить, ни АКМ из рук не выпускать.

С первых дней повального шмона тридцатикилометровая зона вдоль сектора отработки вздрогнула и замерла в немом ужасе. В придорожных поселках запылали особняки и богатые подворья. Езда на мотоциклах стала самоубийственным аттракционом смертников. Ублюдочное выражение лица – приговором. Полновесной свинцовой слезинкой отлились промысловикам кошмары беженских ночей. Все причастные к приграничному беспределу, невзирая на должности, возраст и пол, выхватывали по максимальному счету. Продажные мусора рядышком с рядовыми налетчиками снопами валились под стены складов награбленного. У сунувшихся под раздачу родственников и родителей трещали ребра и вмиг вылетали кровавые сопли. Приговор гопнику автоматом означал уничтожение всего хозяйства, имущества и скота. Дети платили быстрым сиротством, родители – неминуемой нищетой: расплатой за собственных выроdkов. Вот думайте теперь, кого вырастили! Круговая порука и поселковое кумовство сплошной родни не могло противостоять раздробленным пальцам и сточенным, по живому, зубам. Мародерство из лихого образа жизни и доходного бизнеса в одночасье превратилось в несмываемое проклятие и неминуемую расплату.

Начали, разумеется, с поселка Урало-Кавказ. Сяву не взяли, хотя и искали, как никого, – по слухам, ушел в окрестности Давыдо-Никольского, гнида. Ну, туда всей армией Республики соваться надо, не меньше, и то – после войны. Традиции, никуда не денешься: исторически – всесоюзная малина «откинувшихся», вышедших после отсидки на зоне урок. Банду его пошерстили минимум наполовину. Публично, для наглядности, уколошили «смотрящего» – из Сявыных родственничков бандюган. Хозяйство – сожгли, как и еще десятки в поселке. Скотину – вырезали. Под руку, не повезло то ли брату, то ли свату – такой же урод, весь синий от многочисленных ходок, лишь возрастом – вдвое старше. Сунулся в самый разгар с гунявыми терками и, разумеется, тут же получил прикладом в череп. Причем так выгреб, что к концу погрома богатой усадьбы врезал дуба. И – хер с ним! Одной околевшей пакостью больше...

Помню, еще в институте много спорили о роли Ивана Грозного. Юные моралисты-историки мантии судей примеряли. Попал тогда основательно: за попытку вякнуть в защиту «новгородского умирения» – чуть глаза не выдрали. Я-то, наивный, смотрел с точки зрения задач по «собираению страны» и централизации государственной власти. Оказалось же, «гуманизм – юбер аллес». Понятно, масштабы, накал да и эпохи – несопоставимы, но общее – налицо. Куда деваться от реального опыта? Вот жизнь наглядно подтверждает: иногда жестокость – единственное противоядие. Ведь, по сути, все дерьмо в мире – от безнаказанности. И коль нет страха перед воздаянием свыше, приходится порой кому-то из небрезгливых надевать забрызганный красным фартук и желтую резину на руки да идти в какашках копать. Бывает и такая работенка не из приятных...

На четвертый день «ракоставленья» раздался первый звончок моего персонального Рока – словно профзаболевание какое-то, честное слово... Некий пронырливый и, надо признать, не ссыкливый журналист одного известного московского рупора либеральной педерастии переслал по спутнику фоторепортаж, который, естественно, – как же иначе! – моментально растиражировали по всему миру. Святое дело – ценности общечеловеков под угрозой! В числе главных командоров средневековых извергов, кровавых мясников и профессиональных палачей впервые прозвучала скромная фамилия Кирилла Деркулова. Дебют, так сказать... Вэлком в мир культовых персонажей Украинской Зверофермы. Ничего, со временем пропечатают и в Нюрнбергской колоде – триумф карьеры малороссийского недочеловека. Целого трэфового короля удостоюсь. Из военных в короли один Буслаев попал, и тот червовым. За бешеные матюки по общей связи, не иначе... сердечко ты наше гламурненькое! Рядом поставили – будущего командарма и полевика... Говорю же – общечеловеки!

Особо продвинутых носителей гуманитарных идеалов впечатлил один из кадров – крупный план повешенного выблядка. Красивая фотография. Молодец, железножопый сталкер! Кроме портретного ракурса – правильный эстетический подход: такие вещи, по определению, должны быть черно-белые. Я ее видел... Завис в петле, красавчик: вываленный язык, порванная пасть и ровно срезанный «болгаркой», передний ряд зубов. Более того, точно помню, о ком речь: генетический двойник здрыснувшего Сявы – один в один недоносок!

Жаль, не сохранилась вырезка – я бы ее над кроватью повесил. Может, в Нюрнберге, при знакомстве со своим делом, разживусь?

* * *

– Занесло мне как-то во двор листок выборной, на мове их бычьей писанный. Мой кобелек цепной, Жучок, уж года три как нет дурка... так он вот нюхнул его разок – неделю слизью поблевал зеленой, поносом посрался кровавым да издох, бедолага. А ты говоришь – нормальный был палитицкий процесс, – хитро улыбаясь в прокуренные усы, заканчивает свой рассказ дядя Михась...

Наш камазистый водила, развалившись вместе с остальными на ребристом БМПэшки, откровенно подзуживает пытающегося на полном серьезе что-то доказать Кузнецова. Кинжалом непорочности пристроившийся меж ними Салам, исподволь зыря на горячо возражающего Антошу, явно из последних сил душит саркастическую улыбку. Сверху, с башни, мне назойливо маячит сеть широких шрамов через весь его бритый затылок да дурацкий обрывок нижней половины правого уха, вместе с мочкой зачем-то оставленный врачами, по кускам собиравшими в госпиталях его изрядно подряпанный «татарский башка». Жихарь, вытянув ноги вдоль брони, грызет травинку, тяжелым взглядом давит в сияющую небесную синь и до обычных, ничего у нас не значащих диспутов не опускается.

Сзади башни, на десантах, сгурьбились мои «мышата» – бывшее сутоганское пополнение. Отстояли ребятки свое в секторе Салимуллина с границами. Трое выживших во главе со старшим Лешкой Гридницким прибились ко мне и теперь, по преданности командиру, составляют конкуренцию старым афганцам. Молодые, мелкие, какие-то моторные, неуловимо подвижные, что ли. Похожи – как братья да и вроде все из одного шахтного поселка от вахрушевских окраин. Лица востренькие, прыщавые, словно из плохо промешанной ржаной муки с полбой, нездоровые... Точно – мышата. Но только на вид: дойдет до дела – гасите свет. Солдатских навыков, знаний – кот наплакал, зато упертой ярости, готовности зубами рвать – только успевай поводья придерживать. Вот точно такие, поди, в Отечественную, бросаясь со связками под танки, стальной вал «Барбароссы» остановили. Один в один! Забери разгрузку и оружие, помой, причеши – вылитые пэтэушники, а никакие не бойцы. Сейчас прижухли, сидят молча – слушают. Вообще – не из балакучих детишки.

Наша новенькая БМП-2 стоит на примыкающей к трассе многополосной объездной, меж Острой Могилой и Хрящеватым, у самого въезда в город. Вторую броню, в виде подарка, получили от Шурпалыча сразу после «зимнестояния». Хороший довесок к нашему БТРу.

Мимо нас, с Краснодонского конгломерата, идут пропыленные добровольческие отряды. «Добровольческие» – фича Кравца, не иначе. Очередная пропагандистская замануха. Все добровольцы ушли на фронт в первые месяцы войны. Кто осилил ровно год боев – от лета до лета, – сидят у меня на броне либо рядом с Гирманом – через дорогу от нас, на Прокопыном бэтээре. Да костяками подразделений в войсках и отрядах... Идущие в колоннах мимо нас – последние лихорадочные гребенки перед неминуемым штурмом Луганска. Как говорит Колодий: «Шо було»...

К августу фашики окончательно осознали себя застрявшей в чужой жопе шишкой. Точно по присказке: влезли хорошо, выходить – шершаво. После сутоганской бойни и потерь в длительной тягомотине прошедшей зимы и ЦУР, и их младоевропейские покровители, и даже легионеры с сичовиками – всем скопом – с удовольствием бы остановились, да вот только уже никак нельзя, отдача заморит. У нас наверху больше нет ни левых, ни правых, ни центристов – никого. Сплошной требующий победы монолит. Несмотря на скромный титул «секретаря», возглавивший после трагической гибели Скудельникова Военный Совет Кравец проводит жесткую линию тотальной войны – до последнего солдата, городка, пяди земли. Подобные установки при Бессмертных считались бы неким фантастическим, запредельным радикализмом и были бы просто невозможны. Ну да за год многое изменилось. Массированные БШУ по спальным районам, и ковровые зачистки сел бронетанковыми частями кардинально меняют восприятие действительности.

К лету доползли камрады до подступов к городу. Представляю, как у их политбомонда остатки волоски на высоколобковых черепушках шевелятся от предвкушения очередных разборок с избирателями по поводу потерь. Не бздеть, друзья! Городские руины – это вам не чисто поле. Повеселимся... Посемейному – полной мишпухой – три комбрига плюс Опанасенко и Военсовет в полном составе. Есть где разгуляться и нам, да и вам – счета свести. Бонусом

– ваши любимчики: Гирманы, Деркуловы, Воропаевы, прочие титулованные мировыми СМИ кандидаты на Нюрнбергский эшафот – все здесь собрались, напоследок оттянуться.

Мои – готовы, тут и сомневаться не в чем. Да вот сам я на каком-то изломе. Внешне вроде все нормально. В семье – тоже...

Малая поступила в Воронежский государственный университет, причем на бюджет... Ох, грызут меня смутные сомнения, что не иначе как Стас, будучи в Москве, в неформальной обстановке озвучил мою давнишнюю мысль о том, что ликвидировать Хохлостан – это Временное Государственное Недоразумение – можно и без военных потуг. Тут ведь как всегда в пиаре: «Хочешь достичь цели – стреляй в детей». И здесь: предоставьте любым окраинским абитуриентам высококачественное бесплатное образование, да в престижных вузах, да с хорошими стипендиями, да с последующим трудоустройством, да с внятной юридической миграционной политикой и приемлемым соцпакетом – и все! Выгоды гарантированного будущего своим детям тотально перевесят любые шаманские завывания с трибун и майданов. Ну, естественно, неплохо бы и фронтон подбелить – в виде привлекательности и уровня жизни самой России... Двадцать – тридцать лет, и от «нэзалэжных» идей останутся одни воспоминания, а «мова» станет академическим приколом любителей истории. Да и потом, зачем решать острые демографические проблемы за счет мусульман Кавказа и Средней Азии, если под боком миллионы оболваненных, затурканных русских – православных славян! Россия – богатая страна, вы можете себе это позволить... Вот где инвестиции державного уровня!

Глашка выбрала факультет журналистики. Дура... Лучше бы по стезе Мамсика пошла. Иногда, по свободе, треплется по телефону. Редко, правда... Пытаюсь себя ограничивать; не в смысле «отвыкать», а так – дистанцироваться, чтобы не расслабляло.

Условия ей нравятся. Блок малороссийских студентов на территории кампуса – под отдельной охраной. Кравец позаботился: в Ростове, где Кирьян поступил, – то же самое. По слухам, аналогичные правила в Белгороде и других столицах приграничных областей.

Фамилию менять не стала. Говорит, иногда спрашивают про отцовство, но не достают. Посоветовал ей на возможные задрочки начинать в ответ настырно грузить наследственными проблемами плода любви фронтового мясника и клинического патологоанатома. Она, смеясь, отвечает – «уже». Мол, рассказываю всем, что у меня папка питается сырым мясом, бреется штык-ножом и подтирается наждачной бумагой! Языкатая! Родственники, однако...

Алену сдернула в Ростов подруга. Светка организовала какой-то хитрый фонд с претенциозным названием «Матери Малороссии» и логотипом, разработанным не иначе бывшим дизайнером ателье похоронных услуг. Мотается теперь по миру – бабло на войну собирает. Мамсика же Стасова жена пристроила в областную клиническую больницу по специальности – «холодным» хирургом. Адрес получился – только старых коллег по «контре» смешить: бла-бла-бла, улица Благодатная, морг. Получатель – Деркулова.

Меня же, несмотря на все видимое благополучие, – колбасит. И ничего я с этим поделать не могу. Ну да то – длинная песня...

Политические споры на ребристоре брони затухли – становится жарко. Народ под тенью машины на травке растянулся. Прошное лето было просто убийственным – за сорок зашкаливало. Нынешнее же, со старта, вообще решило выжечь свихнувшийся в военном угаре край. Ну и правильно – давно пора... На планете от этих мандавошек – одни проблемы. Итог эволюции, блядь, – бандерлог законченный. Алена на сей счет шутит, дескать, вершина пищевой цепи не человек, а аскариды... Те – хоть беззлые. Мы же всю историю кромсаем друг друга, и краев привычному безумию не видно. Да и наши, славяне, ничем не лучше других баранов – от седой древности и по сей день: пока своим же, по-родственному, кровь пускаем – приходят татаро-монголы и на бубен последние шкуры спускают...

К полудню отдельные отряды и группы укрупняются до сплошной колонны. Проходит ополчение. Лица усталые, прожаренные. Молодые, старые – какие хочешь. Взгляды воткнуты в парящий маревом, плывущий под ногами асфальт. Одеты – кто во что горазд. Поголовно – старые АКМы. До сих пор не могу привыкнуть к идиотской нелепице: оружие, подсумки и амуниция поверх гражданских тряпок – пиджаков и запузыранных в коленях спортивных штанов со штрипками. Тяжелого стрелкового вооружения нет совсем. И правильно: вояки из них все равно что с говна – пуля. Ну да какие есть...

Рядом, на башне, сидит Леха Гридницкий – хвастается новым ножом. Подарок от Жихаря. У меня точно такой же. Юра еще по осени срубил пакет рессор с какой-то брошенной допотопной вольвы, и, разжившись толстым обрезком латунного прута, теперь, слямзив при случае бутылку самопального брандахлыста, – летит к своим алкашам в рембат. Всех, кого мог, одарил. Интересный у него ножичек получается. Простой, что школьная линейка, но при всей своей беспонтовости – совершенно конкретное, убойное пырялово. Внешне – обычная уркаганская финка, но если держать правильно – брюшком рукояти в пальцы, а спинкой в ладонь, то клинок оказывается развернут лезвием вверх. Взводный говорит, что в точности воспроизводит совершенно легендарный в годы Великой Отечественной нож разведчика. Сама идея этого ножа – логична до совершенства. В моей, очень немаленькой, лапе сидит как влитой. С проходом в ноги и вообще со сближением у меня, бывшего призера всесоюзных юниорских турниров по вольняшке, проблем никогда небыло. Скорость, правда, уже не та, но и я им не элиту бронекавалерии порю, а жратву в основном нарезаю да пробки на бутылках скovyрываю.

Лешка моего спокойствия не разделяет. Расщебетался на тему линий атак и превалирования колющей техники над режущей. Глаза полны живого восторга. Все никак не спрошу: сколько ему лет... На вид – двадцать с хвостиком. Понятно! Мастодонтом киваю, дую важные щеки и ощущаю себя быком из анекдота про «...переебем все стадо».

Гридня перешел на вечную тему: «заточить, шоб брило». Я в ответ весомо утверждаю, что главное – донести клинок до цели, а как он ее там раскромсает – дело уже десятое. Без малого шестнадцать сантиметров стали в подреберье или в глотке – мало никому не покажется.

В бесконечном потоке людских лиц, походя, мелькают знакомые черты; я продолжаю рассеянно слушать, но в голове уже незримой струной хлопнул пока не воспринимаемый разумом сигнал. Мне непонятно, что произошло, но сознание упрямо возвращается к мелькнувшему секунды назад до боли, до красной пелены знакомому профилю. И тут наконец-то щелкает выключатель...

– Тревога! Подъем, мать вашу! Тревога!!!

Алексей, округлив глаза, замолкает. Меня захлестывает горячая волна кипящего адреналина – каждую пылинку, бисеринку пота и забитую черным пору вижу на его лице ярко, выпукло, сфокусированно. Все микроны вместе, и каждый по отдельности...

Офицеры соображают быстро – Ильяс с Юркой уже на броне; Гирман вцепился в гарнитуру и через дорогу обжигает меня карим вниманием ждущего команды «Фас!» добермана. Через секунду бээмпэшка, ревя дизелем и, что подожженная, плюясь дымным выхлопом вверх, рвется по левой стороне трассы. БТР – по правой.

Не можем найти! Пока, поддерживая охотничий тонус, выкрикиваю судорожные, бесполезные делу команды, – шарю глазами по бесконечным кепкам, шляпам и засаленным бейсболкам. Мои гаврики, притормаживая от невнятной задачи, конвойной цепью идут по бокам. Неужели я его потерял. Нет! Это невозможно... Несправедливо! Так не может, не должно быть! Обязан найти...

Внезапно осеняет. Облапываю наскоро глазами своих вытянувшихся двумя параллельными стрелами пацанов, ору что оглашенный: «Стой!» – вскакиваю на башню и, за мгновение напивав себя искренней радостью внезапной встречи, извергаю над безразмерной колонной истошный вопль:

– Сява!!! Братан!!!

О чудо! В двадцати метрах по курсу в бредущей толпе на миг, словно завереть в реке, точкой, движение спотыкается, потом выравнивается и, как ни в чем не бывало, привычно течет дальше. Мгновения достаточно – с нескольких сторон раскинутой вокруг колонны облавы овчарками в отару сплошного человеческого потока врываются мои волкодавы.

Шум, гам, злые крики, хруст приклада в лицо. Монотонное движение прерывается и начинает разбухать гудящей толпой. С двух сторон наша броня разрезает людской холодец. Из середины месива заполошно взлетает крик: «Обочь, обочь бери!» – и, поперхнувшись ударом, сразу же звонко гаснет. Перед носом БМП остатки ополченцев стремительно рассасываются по сторонам, и я вижу Салимуллина, держащего за шкуру худого уродца с полузакрытым глазом и синими, от перстней, пальцами. Нюх не подвел бывшего угровского ментяру – Ильяс схомутал живой кошмар Краснодарского приграничья: урало-кавказского Сяву...

– Ну, что ты, скотоебина, язык в жопу засунул? Давай, ссука, открой хайло и отрыгни – хоть что-то... Напоследок! Еще разок твой базар гуммозный услышать: согреет, по жизни, что я такого живоглота приборкал!

Сяве не до разговоров... Пару раз схлопотав стволом меж лопаток, оглушен стремительным навалом. Весь прибитый, потерянный. Франтоватая белая пляжная кепочка послевоенного московского хулиганья на ухо съехала. Где он такую только надыбал? Их с семидесятых на улицах не видно... Очередной тяжелый Жихарев подзатыльник – и вовсе упала. Затоптали...

– Так что, гнида, – пасть откроешь или так всем назло и подохнешь, зубов не разжимая? – Повернул голову, обращаясь к стоящему возле Гирмана Ильясу: – Жихарев, а ну-ка добавь паскуде жизни...

«Взводный-раз» такие вещи – в лет хватает. Пока Салам, соображая «что бы это значило?», клонится вперед, Юра дергает рукой в сторону стоящего позади Сявы «мышонка» и тут же, мелькнув невесть откуда вынырнувшей саперной лопаткой, падает на полный присяд. Вместе с ним, гильотиной, на стоптанный кед правой ноги, рушится и стремительный пятиугольник. Сява, нагребая полную грудь, рвет в растяге побелевшие губы, выкатывает моментально опустевшие молочные глаза и, задыхаясь криком, валится на руки «мышатам». Полуотрубленный резиновый нос тапка на инстинктивно задранной ноге свешивается вниз, криво перегибается и роняет из сочащей красным прорехи три похожих на раскормленных опарыша пальца.

– Пидорасы всей страны знать кайло в лицо должны! – вдруг выдает Антоша. Мои архаровцы в голос хмыкают. Чем досадил этот отставной урка их командиру, они даже не догадываются... Да и, по-хорошему, не хотят знать. Раз спустил свою псарню, значит, знает – «за что». Заработал, видать, чувачок – на всю катушку...

– Ты не ссы! Мы тебя, еблан ушатый, в цинковый гандон мигом пристроим. Даже помучиться как следует не успеешь, тварь... Как те – помнишь?! Беженцы! Из кого ты души вынимал. Вспомнил теперь, падаль?!

В полуобморочном состоянии пойманный обводит округу ополоумевшим слепым взглядом. Наверняка нас видит, да только до сознания картинка вряд ли доходит. Не иначе Юра перестарался... а может, и притворяется урод.

Из движения по правую руку гремит начальственный окрик: – Что здесь происходит?!

Поворачиваюсь. Еще более запыленный, чем добровольцы, незнакомый мужик моих лет с зелеными звездами майора на замызанной полевой форме. В тридцати метрах за ним, у обочины, стоит джип неузнаваемой марки со срезанным автогеном верхом. Где-то я его видел, но где – не припомню.

– Мародера казним, а что?

– Отвечайте как положено! – рявкает металлом майор. – Встать! Представиться! Доложить по форме!

Красавец! Или – debil, из новеньких. У него два человека в машине... У меня – тридцать. В нынешнее время, под шумок, можно и под чужую раздачу попасть... Легко!

– Если кратко, майор, то пошел ты на хер! И быстро, пока я добрый! Хочешь разговаривать – выключи, к ебням собачьим, свое «рэ» и сам представься, а то мы штабных не дюже жалуем... – Повернулся к держащим Сяву «мышатам»: – Вы пока ордена у него снимайте... не-ча тут «ходками» понтоваться!

Пацаны вмиг загнули жертву раком, и замелькали саперные лопатки. На асфальт окровавленно брызнули бледные столбики с размытыми синими основаниями.

Наш суровый микрогенерал, до этого, видимо, ни разу не присутствовавший при экспресс-допросах, почти незаметно побледнел и, отдав честь, сменил тон:

– Начальник боевого планирования Лисичанской бригады майор Помясов...

Ни фиги себе! Зам самого Новохатьки – начштаба у Колидия... Почему я его не знаю?! Ладно... Немного подтянувшись, буркнул в ответ:

– Деркулов...

– Что происходит? – он даже бровью не повел. Какой парняга, а?! Умеют же иногда старшие товарищи лица не терять в любых обстоятельствах. Прибавил в ответ чуток тепла в голосе:

– Поймали старого знакомого. Год бегал. Главарь приграничных отморозков.

– Кирилл Аркадьевич. У нас сейчас другие...

– В курсе... – перебил я. – Но мы его забираем. Тема – закрыта. Да и по-любому, майор: на кой вам нужен боец без пальцев?

Дальше можно и не разговаривать. Он понимает, что решительно не в состоянии ничего предпринять; даже испугать меня – нечем: я для него абсолютный форс-мажор. Мне же этот товарищ – вообще побоку. Хоть здравствуй, хоть в рыло. Был бы не из людей Богданыча – уже бы по морде схло потал. Вон Салам рядом набылчился... этот этикетки разводить вообще не умеет.

– Предупреждаю сразу – я буду вынужден доложить о вашем самоуправстве вышестоящему командованию.

– Флаг в руки! – и развернувшись к своим, скомандовал: – Повесить суку! – достала вся эта ботва, столько слов на одного выблядка!

Далеко ходить не надо – с двух сторон посадка. Но и сухой ветки – слишком много для такой мрази. Прямо напротив нас – убитый короб когда-то синей будки, бывший пост ГАИ на городском въезде. Сварганить удавку из ржавого обрывка троса – минутное дело.

Приговоренный, поскуливая, зажимается: стремится и внутренне, и телом свернуться в клубок. Хуй-на-ны тебе, красавчик! Ты со своей кодлой ублюдочной – женщин на асфальте распиная – давал кому в себя уйти? Вот и хавай свое же дерьмо, тварь, – лови полной грудью и раззявленным хлебальником! Жаль, времени нет – повозиться с тобой как следует... да и пачкаться о тебя, недоношенный...

Поволокли «мышата» свою очумелую куклу к ее последнему пристанищу. Замыкают Жихарев и Гридницкий... Внезапно в моей голове срastaются две разнонаправленные линии...

– Стоять! Гридню, сюда, бегом.

Леха, словно катапультной подброшенный, взлетает на броню. Взгляд – изо рта слова вырывает: «Только маякни, командир, – что?!»

– Слышь, сынок, пойдика оттяпай все, что у придурка меж ног телепается. Западлю такому гнусу мужиком подыхать.

Пацан растянулся в зловещей улыбке и, ничего не ответив, спорхнул с башни. Через мгновение «мышата», замелькав ножами, срывают с Сявы штаны. Леха подходит к тому в упор, ухватывается за что-то левой рукой внизу, кивая на меня головой, шелестит во внезапно завыв-

шее, перекошенное от ужаса лицо и резко – на себя и вверх – рвет правой. Вой перекачивается в животный визг. Бьющееся в руках тело доволакивают до будки и всовывают в петлю.

Мерзко... Не из-за сегодняшнего живодерства: тут как раз – нормально...

Коль уж доведется мне в аду гореть, то не за Сяву, а за вот это – «сынок». Пацаны и так у меня – на всю балду подорванные, только успевай притормаживать. Так нет же, поди еще и попалачествуй... «Сынок»!

Из толстого троса удавка – никакая. Оно и к лучшему. Не выскочил из узла и – ладно. Сява умирал медленно и наверняка очень страшно. Минуты три, не иначе, тело крутилось выюном и, пачкая кровью бетон, пыталось просунуться вверх по отвесной стене. Порубленные пальцы упорно держались за никак не затягивающийся стальной ошейник. Булькающий хрип и сипение, наряду с брыканиями, выдавали мощный резерв воли к жизни. Наконец, издав низом протяжный булькающий звук, тело обвисло. На землю упала полужидкая куча. Потянуло.

– Испустил зловонный дух... – констатировал как никогда разговорчивый сегодня Антоша. Надо будет выяснить вечером, чего это он такой веселый. Узнаю про травку – глаз на жопу натяну!

– Жихарев! Давай, Юра, сюда... – когда взводный-один залез на броню, спросил: – У тебя там нигде случаем не завалилось заветной фляжки?

Икона моих волкодавов, как показалось, впервые за день широко улыбнулась и, прикусив высунутый краем кончик языка, подмигнула уже ныряющему в десант понятливому Гридничкому:

– Обижаешь, командир... Ща – сделаем!

Глава VI

Новобулаховка

Разжогин сегодня с самого утра сам не свой. Несколько раз перебил спокойный рассказ Деркулова, а потом и вовсе, зажав раздражение в кулак, выключил аппаратуру...

– Кирилл Аркадьевич, еще раз... Следствие не интересуется ваши политические воззрения и личные обоснования совершенным вами преступлениям. Пожалуйста, сухо и конкретно – исключительно по обозначенным темам.

Нагубнов, с интересом поглаживая на обоих, улыбается, но в ситуацию не вмешивается. Лишь чуть более сощурился, чем обычно.

– Одно от другого неотделимо, Анатолий Сергеевич. Для вас – преступления. Для меня – решение поставленных задач.

– Неправда! Вы ни разу, как свидетельствуют материалы дела, не получали прямого недвусмысленного приказа на все ваши геройства... – Разжогин выдержал неуволнимую паузу... – Международный Красный Крест считает перечисленные мною деяния преступлениями. События под населенным пунктом Новобулаховка – один из многих параграфов предъявленных вам обвинений. В связи с этим потрудитесь излагать по сути и не включая в фиксируемый материал ваших личных событийных оценок и присущей вам пропаганды украинофобии.

Деркулов как-то нехорошо улыбнулся и чуть наклонился к микрофону...

– Анатолий Сергеевич, я специально для вас попытаюсь найти понятный и юридически очень точный, образный ряд – чтоб позиции яснее стали.... Проблема в том, что у меня с вами базисы разнятся – до несводимого. Посему для полковника Разжогина война – это деловая утренняя прогулка образцового и, что важно, принципиально правильного по жизни красавца в чистеньком накрахмаленном берете, с циркуляром в зубах и пошаговой инструкцией в руке. Он бодро идет навстречу Победе, по писаному исполняет мудрые приказы и попутно спасает от врагов отчизну и сограждан. Утрированно, но примерно так. Для меня же война – это когда три дня не спавший, отупевший от голода, насквозь простуженный и хрипящий ублюдок в грязных и завшивевших, вонючих обметках выползает из ледяной ямы в промозглую зимнюю ночь и, спотыкаясь в грязи на обмороженных ногах, творит такие мерзости, что содрогаются небеса и у ближних кровь стынет; и лишь хрипом, свистом застуженных легких, грязным матом он, харкая кровью, выполняет свое предназначение и исполняет свой собственный, запомните, уважаемый, – собственный! и ничей более! – долг солдата. И при этом – не спасая ни себя, ни страну, ни мир. Вот это война, мать вашу! Понятно объяснил? И не надо меня грузить, блядь, всякой сопливой блевотиной о правилах боя, общечеловеческих ценностях и вселенском сострадании. Яволь?!

– Хорош, брэк! Закончили на сегодня! – Павел Андреевич, всем своим видом показывая, что пререканий не потерпит, гранитным обелиском поднялся со своего места.

Напарник, помедлив, осадил: потушил взор и перевел взгляд на свои папки. Лишь кирпичный румянец пятнами на щеках да стремительные движения, чуть быстрее обычного, выдавали бушующую внутри бурю.

Деркулов опустил глубже в стул, как бы чуть осел в себя самого и внимательно, словно перед рывком, отслеживал свертывание техники. Наверное, пожалел сейчас Анатолий Сергеевич, что с этим арестантом почему-то работают без наручников. От внезапно отяжелевшего взглядом, развалившегося в каких-то трех шагах напротив задержанного ощутимо исходила животная угроза.

Закончив недолгие сборы, полковник встал, одернул форму и, не прощаясь, вышел на улицу...

– Полегчало?

– Да пошел он, Павел Андреевич... Он мне в последние дни Ваню-базарного из моего детства чем-то напоминает... Был у нас такой деятель в городе. Рослый и быковатый дегенерат. Каждое утро, как на работу, приходил на центральный рынок, становился на главном въезде со стороны колхозных рядов и начинал разглагольствовать. Причем слышно его было даже возле кино-театра «Россия». К середине дня, гоняя кнутиком собачьи стаи, ходил по рядам и полоскал народу мозги. Как сейчас помню его вытертый и насквозь просаленный брезентовый фартук, натянутый, с ушами, беретик с пимпочкой на макушке, линялый до светлой синьки халат и кирзовые сапоги с обрезанными голенищами. К закрытию наедался в сисю и валился тушкой под первым попавшимся бетонным столом. Только храп стоял на всю Ивановскую да ниже копчика сияла голая задница с вечно сваливающимися штанами. Базарный люд на него никакого внимания не обращал, но, видать, исправно подкармливал, и «народный директор» годами неизменно командовал парадом. Вот и Разжогин – такой же: движений много, а с оргазмом – никак. Как у вас в конторе эти ходюльки пластмассовые только дорастают до таких чинов?

– Не в Толике дело, Кирилл Аркадьевич, а в тебе. Захотелось отвязаться?

– Да так, спортивную злость терять не хочется. Хоть на плюшевых зайчиках порезвиться.

– Он не плюшевый... И не зайчик вовсе. Получил бы приказ сломать – ты только крикнуть успел бы. Поверь! Нашел на ком тренироваться... – Нагубнов словно выпустил из себя часть воздуха, сжался немного – потерял чугунной мощи чуток. – Ты, кстати, каким спортом занимался кроме борьбы, ясен пень?

– Чем вольняшка-то не угодила?

– Уши дулей наизнанку вывернуты. За версту видать. В середине девяностых ваши, киевские, чуть пластырем не заклеивали свои мятые лопухи, чтоб под ментовский отстрел не попасть... Да и знаешь, когда два потных мужика друг по дружке ползают... – Полковник военной прокуратуры нехорошо улыбнулся и тут же, погасив сарказм, серьезно продолжил: – Так, чем еще занимался?

– Целевая стрельба из СВД по лицам мусульманской национальности...

Нагубнов даже завис на мгновение. Пытаясь собраться, на полном серьезе невпопад спросил:

– И как – успешно?

– Все еще жив, если вы заметили...

– Ха! – Павел Андреевич откинулся на своем стуле, с веселым интересом рассматривая собеседника. – Остряк... Хорошо, давай без подколов! Пока чайку заварю, расскажи, без протокола, что ты с докторами не поделил?

* * *

Вздрагивая на ухабах, «шестьдесят шестой», прорезая фарами снежную завереть двумя светящимися кругами в толстый зад, подгоняет наш БТР. Полет в сплошном потоке белых пушинок. Никак не могу привыкнуть к езде Гусланчика. Казалось бы, все нормально – отлично водит, аккуратно, но – не Педалик, как ни крути.

Жука отправил домой ровно на третий день после выхода из-под Родаково. Накидали пацаненку два плотных вещмешка жратвы. Собственноручно взял за кадык прижимистого Стомбура, в результате через «не могу» отслонявившего чуток зелени из общаковой пачки. Посадил за руль ГАЗона старшину и, прижав к себе в голос ревущего Виталю, отпустил парнишку с Богом – к сестренке с мамкой. Это невозможно объяснить, но я, непонятно откуда, совершенно точно знал, что теперь, получив такую прививку, он в этой войне – выживет.

Сейчас за баранкой Руслан Ярусов. Из новеньких – сутоганское подкрепление. Сам из Славяносербска. Незримый конкурс у дяди Михася паренек выиграл только потому, что сам

– выходец из учительской семьи. Наш камазист, слов нет, крут, прост и надежен, что дедова трехлинейка, но толковать с ним – надо гороха заранее объесться. С этим же нормально – умненький, вежливый, воспитанный, семечки на ходу, вертя руль зажатыми кулаками, не лузгает и даже самогонку не пьет. Только картавый, что Отец Нетленный, да водит как-то слишком уж правильно – иначе, чем мы привыкли, без филигранного Педаликова артистизма, что ли.

Рядом, у двери, посапывает Жихарь. Интересно, где его и как Судьба прививала... Из заклеенного скотчем стекла ему дует прямо в морду. На улице двадцать градусов, Юре – хоть бы хны! Натянул капюшон поглубже на свою шерстяную тубетейку (он ее гордо шапкой именует!) и дрыхнет, бычара, как ни в чем не бывало.

С нами только треть состава. Василя Степаныча с отрядом оставил на базе. Всего, на двух машинах, выдвинулось два десятка бойцов. Сегодня задача на скорость, как и все наши теперешние мероприятия...

После невиданного погрома под Сутоганом армии встали. Боевые действия, постоянно уворачиваясь от спецназеров, ведут одни полевики. Соровцы по уши зарылись в землю на освоенных рубежах. Цурюки носят белым хозяевам тапки. Сечевики, легионеры и прочие «охочевики» помогают суперменам душить партизанщину. Цивилизованное мировое сообщество задорно – и в хвост, и в гриву – через презервативы СМИ сношает Москву за помощь террористическому режиму малороссийских сепаратистов. Дипломаты – главным калибром – методично утюжат Белокаменную. Кремль пока держится. С-300 добрым зонтиком стоят под Антрацитом и периодически, как только переговоры заходят в тупик, возобновляют боевое дежурство.

Сегодня ночью, например, разок возобновили. Отряд тут же подняли по тревоге, и теперь нас ждут беспокойные гоцалки.

Под конец ночи, не ставя основной задачи, отправили в Лутугино – в штаб. От Врубовского, где мы пасемся второй месяц, изредка, блохами, покусывая блокпосты камрадов, до места назначения напрямки, ножками быстрее. Но это только промежуточный этап. Да и сама задача легко просчитывается. Раз сбит самолет, то нам надо либо поднять выживший экипаж, либо устроить засаду на месте падения, если пилотам не повезло. Сейчас – узнаем...

Подле заводской литейки, прямо на улице, уже встречает старый знакомый – Коля Воропаев. Мужик должен был получить полк пошедшего на повышение Колодия, но по результатам битвы под Сутоганом нашего Нельсона перевели под начало Генштаба – формировать рейдовые батальоны. Не иначе Шурпалыч придумал фашикам очередную нестандартную пакость. В таком случае Опанасенко, как всегда, поставил на нужного человека. Этот – сможет...

– Приветище, брат!

– Здорова, чемпион!

После родаковских событий хоть малахай собачий себе заводи – нимб скрывать! Уже, честно говоря, достало... Слишком назойливо всеобщее внимание – раз; а главное, твои близкие, те пацаны, с которыми до этого – по самую маковку в войну окунулся, извозюкался с головой, почему-то отгородились от тебя невидимым барьером – два. Геройство – тоже крест, как оказалось...

– Да ладно, не задирай! Что тут у вас?

Коля, задрав луженую глотку в снежную пасть неба, орет паровозным гудком:

– Слюсаренко!!! Слюсаренко, бес тебя дери! Быстро – сюда! Трассером!!! – увидев бегущего от машин пожилого дядьку, Воропаев разворачивает под фарой ГАЗона карту и направляет свой мегафон на меня: – Давай своих саперов за этим абортотом. Получишь четыре пэ-вэ-эмки¹⁰⁷. Быстро выдвигаешься вот сюда... – он тыкает кожей перчатки в точку на километ-

¹⁰⁷ ПВМ – семейство российских противовоздушных мин.

ровке. – Находишь место падения Фантомаса¹⁰⁸ и там же – мы тебя по связи скорректируем – катапультировавшегося пилота. Забираешь и волочешь его сюда через Успенку. Предупреждаю – летчика не пиздить! Серьезно!!! Минируешь зону крушения и кресло. Подрываешь разведконтейнер в случае, если уцелел. Всё в ритме румбы – с Алчевска уже вышла эвакуационная группа. Не пытайся устроить с ними пятнашки. Если они тебя перестреляют ближе Успенки – помочь не смогу.

– Нигде камрадов на подходах нельзя тормознуть?

– Пойдут через Штеровку. Попробуем чуток пощипать, но ничего не обещаю. Нет там у меня никого из серьезных, одни самооборонщики... И перебросить – неоткуда. Хорошо, ты рядышком оказался.

Да уж, все по честному – соотношение: элита младоевропейского спецназа и селяне с дробовиками. Надо же было разведчику упасть так далеко от боевых частей! Шлепнись у Белореченки – гавкнуть бы не успели.

– Может, мост в Никитовке рвануть?

– Давно, не дрейфь. Никаких понтов от этого. Час форы у тебя точно есть плюс-минус десять минут, и не больше. Давай, родимый! Дуй за новым орденом!!!

Вот сука...

Место падения самолета искать не пришлось. Еще на подъезде, с горы заметили горящие на краю лесочка обломки.

БТР прибавил хода и прямо по целине ломанул за мелькнувшими меж деревьями темными силуэтами. Пока мы подъехали – уже разобрались... Как обычно, по-нашенски.

– Вы откуда, военные?

Старший, вытирая разбитый нос тыльной стороной кулака, прогундосил:

– Булаховские мы... – позади испуганной воробыиной стайкой сгрудилось еще трое пацанят помладше. За спиной виднелся тяжелый мотоцикл и воткнутые в снег лопаты. Наши рассыпались цепью вокруг места крушения.

– И хрена какого вы тут забыли?

– Затолока послав огонь снегом закидать... как пшека нашли, а твои сразу – драться... Ружжо поломали. Я им гукаю: «Обождь, свои!» – а они – биться...

– Стоять! Какого пшека? Быстро!

– Ну, летчика, дийсно...

– Зашибитлз! – развернулся Жихарю: – Труба, грохнут нашу «куропатку»¹⁰⁹ – к бабке не ходи.

– Где он сейчас?... – Паренек молча мотнул головой в сторону притаившегося испуганной дворнягой в насквозь продуваемом междулесье крошечного поселка...

– Затолока – кто? Ваш главный?

– Ага! Командир! – В глазах блеснула гордость, чуть грудь не выпятил. Не иначе батя или кто-то из близкой родни... Скользнул взглядом по пятизарядной МЦшке¹¹⁰, кочергой переломанной пополам колесом нашего БТР.

– Тебя как звать-то, боец?

– Серега...

Кинул усевшемуся на башне Прокопенко:

– Прокоп! Там, возле НЗ, валяется бесхозный АКМ. Тащи его сюда: тезке своему пода-ришь! И заодно подсумок магазинов прихвати... – выжидая, закурил из знойной желтой пачки с далекими миражами оазисов и пирамид.

¹⁰⁸ Фантомас (*жарг.*) – истребитель F-16.

¹⁰⁹ Куропатка (*сленг.*) – пилот сбитого летательного аппарата.

¹¹⁰ МЦ-21 – ружье охотничье одноствольное самозарядное.

Пацан, не веря привалившему счастью, сжимал в руках тускло мерцавший под луной старенький автомат... У меня тоже первый раз личный в восемнадцать лет появился. Помню, на торжественном вручении оружия в роте от зажимаемого восторга чуть не кончил полтора раза... Снял с пуза одну эфку: – На, держи еще! Это тебе – за нос разбитый компенсация. Теперь слушай меня внимательно: сейчас – летишь мухой в поселок. Скажешь старшему, что сюда идет группа соровского спецназа. Кого найдут в селе – вырежут. Собирайтесь и двигайте всем миром в Червону Поляну. Мы останемся – задержим фашиков. Пацанят своих забирай вместе с мотоциклом. Одного, шарящего, – оставь: пусть покажет, где летчика нашли. Все понял? – Юноша просто светился от важности порученной ему миссии. Его свита (не многим младше – лет по шестнадцать в среднем), схватив свою порцию сияющего отблеска, замерла навтыяжку.

– Да... так точно!

– Отлично, боец! Повторить задание...

Пока он, безбожно мешая пополам русские и украинские слова, тараторил текст, я сообщал. Осложнение – более чем серьезное: никто и никогда по-хорошему пленного не отдаст. Тем паче – летчика! Лучше сразу – вешайся. Уж не говоря про национальную принадлежность: гражданин «Республика Полска» само по себе – смертный приговор...

– Все! Бегом, мужики, – время!

Денатуратыч и без команд свое дело знает. Выбрал подходящие заснеженные горы кустов с двух сторон пожарища, вместе с Бугаем и «мышатами» зачистил, как надо, площадки да на раскрываемых квадратах лопастей выставил две мины. Вторую пару противовертолетов поставит возле места посадки... Страшная штука. Сама засекает летательный аппарат, сама его ведет и при подходе на полторы сотни метров – взрывается, сбивая цель какой-то до конца так и не изученной хренью: то ли побочным эффектом кумулятивной струи, то ли направленным потоком плазмы. Дед говорит, что сами ученые с этим вопросом по сей день разбираются: просто используют эффект, а что это, точно не знают. Подобного устройства есть у нас и противотанковые мины – Передерий как раз такой «прожектор»¹¹¹ на вбитый в дерево у дороги костыль цепляет. Еще и противопехоток вокруг кинет. Как же Старый да без них?! Щаз!!!

– Слышь, Дед, быстрее заканчивай тут! Схватил пацаненка и – сюрпризить место посадки! Мы погнали за нашей курочкой луговой. Отделение Никольского и бэтээр – с тобой. Встречаемся в поселке. Двадцать минут тебе! Где Гирман? Боря! Своих – на борт, поехали! Дэн – связь с «Филином»!

Крошечный поселок встретил зловещими кумачовыми отблесками, промерзшей заброшенностью и показной мертвенностью. Половина домов лежит растянутыми ледяными муравейниками – последствия бомбежки старшей сестры – соседней Малониколаевки. Ни в чем не повинная Новобулаховка выхватила свое прицепом, за компанию. Поселок сам по себе давно уж даром никому не нужен. Когда, в девяносто восьмом, на металлолом порубили шахту Штеровскую, работы не стало окончательно. Так и вымирали потихоньку, пока с началом войны в села не ломанул вал городских беженцев – поближе к земле-кормилице и родным очагам. Города в одночасье стали слишком голодным и опасным местом. Теперь и здесь не отсидеться...

На небольшой площади вокруг прогорающего костра – мрачная молчаливая толпа. В темноте все как замершие черные кусты – ни одной яркой детали. Хотя нет – одна есть... полупрозрачным восковым столбом стоящий у самого кострища совершенно голый парень.

Подходим...

¹¹¹ «Прожектор» (сленг.) – противотанковая бортовая мина ТМ-83.

На земле блуждающими синими языками бьет жаром огромная куча углей. По бокам, выедавая глаза, неохотно горят огрызки бревен и толстых веток. Впереди всех, всем видом показывая – кто здесь главный, стоит рослый и квадратный мужик лет за шестьдесят с древним «сорок седьмым»¹¹² за широкой спиной. Возле него, важно прижимая к груди отполированный до хромированного блеска АКМ, наш новый знакомый с разбитым носом. Тут же – рядом, словно постаревшее фото похожий, старший брат.

– Командир группы оперативного резерва Деркулов.

Дядька перевел на меня неспешный взгляд и редким, тяжелым басом ответил:

– Мыколай Затолока... – подумав, с расстановкой, добавил должность: – Уже никто... – развернулся и опять погрузился взглядом в дышащие жаром головешки.

Содержательная беседа. Повел взглядом на летчика...

Невысокий. Худощавый. В целом хорошее правильное лицо. Неприятных эмоций не вызывает. Заломленные назад руки бугрят крепкие мышцы и выпирают лысую, чуть конопатую грудь. Сам бесцветный, как моль, – рыжеватые, очень короткие волосы; невидимые, светлые ресницы на подслеповатых невыразительных глазах. Ну и бледность у парня, разумеется, мертвецкая. Даже и без лютого мороза состояние – полный аут: для проведения очевидной параллели меж босыми ногами и пылающими углями не нужно становиться обладателем неохватного академического лба. Удивительно еще, что он вообще целый стоит; пяток ссадин да подрыпин с синяками – не считается. Обычно в таких случаях сразу возле места посадки на куски рвут. В прямом смысле. Буквально...

– Как вас по батюшке, командир?

– Че трэба, хлопэць?

Тяжелые глаза полны запредельной боли. И не дипломат. Придется – в лоб.

– Я послан командованием бригады, чтобы забрать пленного в штаб. Это – пилот истребителя-разведчика. Он – владеет важнейшей информацией. Его необходимо допросить. После я передам его вам для последующего суда.

– Як тэбэ звать?

Блядь! Ну чего ты, дядько, такой «упёртый»...

– Кирилл Аркадьевич.

– Так ось. Я тридцать годкив був начальником смены на трех шахтах. Институт закончив, колы ты ще пид стол ходыв. Два сына ось стоять. Поглянь! Доню, люба... – он внезапно искривился лицом... – Вмисти з онукамы... – из глаз, цепляя красные отблески, покатались круглые градины слез... словно кровью – плачет... – Усых... разом... – мужик, опустив голову и больше не сдерживаясь, бредя вслух, заплакал.

Сделав шаг вперед, я прижал к груди понуренную седую голову сотрясающего в рыдании, мгновенно состарившегося деда. Он, словно теленок, ощутив мамкин бок, прижался лбом к левому плечу, в аккурат меж подвешенным вниз рукоятью к кевларовой лямке ножом и оцетинившимся железными торцами магазинов краем лифчиком¹¹³.

Черная толпа молча изрыгала на нас невидимые волны яростного гнева. Мы – помеха, препятствие долгожданной мести. Они получили козлище, на котором – здесь и сейчас! – должны быть отпущены все беды войны. Немедленно! Скорее всех нас тут в клочья топорами порубят, чем кто-то посмеет воспрепятствовать торжеству справедливости. Всякая борьба – бесполезна. Летчик – обречен. Только жестокой силой решительной крови можно вырвать эту несчастную, бледную тень из неумолимых лап расплаты. Можно! Но я не стану стрелять в этих людей...

¹¹² АК-47 калибра 7,62 мм.

¹¹³ «Лифчик» (сленг.) – карманы для автоматных магазинов, элемент разгрузочного жилета.

Стоящие рядом сыновья, поправляя и дополняя друг друга, рассказывали, как в бомбежку погибла семья их сестры, как сломался отец, как сельчане хоронили убитых: всех вместе – закатывая в покрывала, скатерти и пододеяльники, в одном из снесенных взрывом погребов...

Я не слушал. Надо было очень быстро соображать. Еще пара минут неопределенности, и кто-то, не выдержав напряжения, влупит по нам картечью. Потом рубку не остановить. Оно мне надо – из-за одного пленного?!

– Слушайте все! Мы – согласны. Летчик – ваш!!! Нам только прямо сейчас – у вас на глазах – быстро его допросить... – Темная масса беззвучно выдохнула часть непрощающей злобы; похоже, мы в безопасности. – Далее! Через полчаса сюда придет бронетехника мазепанцев. Уходите! Ничего не берите! Налегке... Потом – вернетесь. Мы останемся – прикроем. Время пошло!!!

На окраине рычал Прокопын БТР. Подтянулись остальные пацаны. Дэн, по моему кивку, опять вызвал Воропаева.

Доложу что есть. Извините, товарищи! Так уж вышло. Мы – старались...

Кто и как собирался уходить из поселка – неясно. Кажется никто и никак. Народ застывшей тяжелой глыбой замер плотным кольцом. Никто не торопился бежать – ждали иного.

– Серега! Где его вещи?

Пацаненок кликнул брата:

– Дмытро?!

– А?... Та не было у него ничо. Тряпки – ось... – он указал в сторону, где уже рылся Леха. Мой «Королевский Мышонок» поднял глаза и отрицательно помотал головой.

– Оружие?

Юноша молча распахнул куртку. За поясом штанов темным пятном выглядывала рукоять компактного «Глока»¹¹⁴. Краем заметил, как Жихарь хищно блеснул мгновенно озабочившимся взглядом. Занялись пилотом.

– Але, военный? Слышишь меня?!

Стоявший невдалеке Кузнецов с ходу съязвил:

– Командир, попроси, – пусть «Марш сифилитиков»¹¹⁵ исполнит – давно не слышали.

Что-то главного снайпера разволокло... Никак поджилки трусятся заранее? Понимаю, самому муторно...

Обреченный затравленно шарил глазами по двум увешанным оружием фигурам боевиков. Мы, по всему, неожиданно оказались меж полными клубящегося ужаса пустыми глазами и полыхающим морозными волнами предвкушаемого кошмара раскидистым костром. Наконец, после очередного толчка в плечо, до него дошло...

– Не розумем...¹¹⁶ – он, поэтапно включаясь, окатил меня осмысленным взглядом: – Пшэпрашам!¹¹⁷ – нашел время для вежливости, неудобно ему!

– Блядь... Кто польский знает? – Понятно, мог бы и не спрашивать... – Имя? Как тебя зовут! Як тоби зваты?

– Бздышек Всесраньский!¹¹⁸ – вновь раздается сбоку.

¹¹⁴ Glock – семейство популярного с обеих сторон фронта австрийского автоматического пистолета.

¹¹⁵ «Марш сифилитиков» – презрительное наименование Гимна Польши, данное ему из-за издевательского толкования «сгнила» вместо «сгинула» в первых строках – «Jeszcze Polska nie zginęła» (Еще Польша не погибла). На территориях Конфедерации термин появился с началом боевых действий.

¹¹⁶ Nie rozumiem (польск.) – Не понимаю.

¹¹⁷ Przepraszam (польск.) – Извините.

¹¹⁸ Бздышек Всесраньский, Чмарек Пшехуйский и Дупка Рванэвська – герои телевизионного сериала-бурлеска команды КВН «Му-Му» (Малороссийский медицинский университет): очень популярной передачи Республиканского ТВ на первом

– Антоша, рот свой драный закрой! Понял?! Бегом, вместе с отделением, на свое место! И за секторами присматривать, а не дрочить! – Поодаль еще трое моих бойцов, подсвечивая себе фонариками, читали какие-то развешанные на старой вывеске поселкового магазина бумажки.

– Жихарь! Поди объясни щеглам, что познание – умножает скорбь...

Пленный заглядывал мне в глаза. Видимо, предельно обострившись на пороге неминуемой смерти сознанием он понимал, что я – его единственная соломинка. По его лицу ветерком пробежала незримая волна, и он, чуть подтянувшись, спросил:

– Speak in English?

Я беспомощно взглянул на вновь повернувшегося к нам взводного. А вдруг? Тот – скривился:

– Ни дую вообще ни разу... – и кинул в сторону бэтэра... – Денис! Иди сюда! Наш говорун по-английски ботает!

Дэн – не успел...

Стоявшие позади приговоренного две крепкие фигуры внезапно загибают его носом вниз и тащат вбок. Навстречу им, из темноты, выныривают еще три сливающихся с толпой тени. Последние несут старую кроватную сетку. Меня аж мурашками продрало по шкуре. Поляка, подняв, иксом растягивают в воздухе и мокрой половой тряпкой шлепают животом на ржавый панцирь. Летчик заторможенно молчит и даже не дергается. Кукла... В секунды запястья и щиколотки примотаны пучками алюминиевой проволоки к раме, а под лицо влезает мгновенно захрустевшая ломким льдом по-деревенски огромная, мокрая подушка. Одна из фигур невесть откуда взявшимися граблями быстро вытягивает пышущую адским жаром кучу – вдоль. Ни мгновения не раздумывая и ничего не говоря, немного провисающий помост поднимается и, ровно по середине вытянутого вала углей, опускается вниз.

Тело изгибается дугой, и на мои уши обрушивается вдавливающий барабанные перепонки в глубину черепа истошный визг. Секунду погода вверх взмывают серо-синие тошнотворные струи горелого человеческого мяса.

Толпа, качнувшись вперед, замороженно замирает. По всей длине импровизированного мангала, заходясь в каком-то кошачьем вое, корчится их собственный страх, боль и горе всей этой войны. Совершенно незаметно человеческая масса сливается в единый организм и разом поглощает, хоронит в себе всех нас. Мы становимся одним, единым целым. Уже нет никого – ни самой группы прикрытия, ни мрачного Юрки с куражливым Антошей, ни суетного Денатуратыча с задумчивым Гирманом. И командира их – тоже больше нет. Мы теперь – монолит. И имя ему – Зло. Абсолютное и бесчеловечное, лишенное даже призрачного намека на жалость и милосердие. Под ногами, внизу, на освященном кровью алтаре войны бьется очередная жертва нового заклания. И мы, растопырив зрачки и ноздри, жадно вдыхаем, замороженно впитываем в себя фимиам нового всеожжения. Не надо больше ничего доказывать, спорить и говорить – никто ни в чем не виноват: это мы, люди, всем миром, а не отдельными народами, нациями или государствами творим весь этот кошмар. Это мы, а не рисованные нетопыри с рожками и копытами – носители абсолютного зла. Это мы – творцы вселенского ужаса, а не низвергнутый на заре веков Князь. И мы в ответе за все сотворенное. И впоследствии выгребаем: каждый – по делам своим.

Сделав шаг назад, словно сбросил с себя морок. В окружающих глазах отражалось увиденное внутренним взором. Плывущие в предрассветной мгле тени вновь выплыли с боков и сняли с костра замолкнувшее тело. Три ведра ледяной воды привели несчастного в чувство. Перевернув спиной вниз, его вновь положили на угли. Все повторилось: нечеловеческий, задыхающийся в самом себе, рвущий бездонную глубину нескончаемой ночи крик и, словно под напряжением, конвульсивно скачущее в снопах искр обугленное тело.

– Довольно! Еб вашу мать! Хватит!!! – толпа, приходя в себя, вздрогнула. – Вас всех сейчас – рядом положат! Бегите! Бегите, блядь, отсюда, на хер!!! – И, для закрепления сказанного пропорол темень над головами длинной, залихватски закрученной в спираль очередью.

Подействовало...

– Сколько мы времени потеряли, Юр?

– Да хрен его знает. Гостей пока не видно.

Мы, прикрываясь от пронизывающего ветра, стоим у полуразрушенного здания. Под окоченевшими ногами метет сухой поземкой. Из снежных наметов обломками гнилых зубов торчат куски стеновых блоков. Силикатный кирпич посерел и покрылся черной плесенью. Из зева открытого полуподвала доносятся хриплые стоны – местные кинули туда полузажаренного летчика. Он еще жив. Помочь ему мне пока нечем – вокруг, в сумерках наступающего утра, мечутся серые тени. Братья Затолоки неподалеку уперлись лбами – о чем-то вполголоса спорят.

– Пацаны, вы какого здесь забыли? Бегом – отход своих прикрывать.

Старший, кажется Дима, подходит поближе:

– Мы – остаемся...

– На хер – оба! И – быстро!!! – скинув свой ствол, делаю угрожающий шаг вперед. Мне еще детей-смертников сегодня не хватало. Герои, епырс...

Поселковые, отскочив от моей разъяренной рожи, тем не менее явно намерены остаться. Гирман внезапно встает с корточек и растворяется в тени. Вскоре ребятишек грозно окликают из-за соседнего проулка, следом мы слышим звонкие оплеухи. Вынырнувший оттуда Боря глухо, сквозь горловину свитера, поясняет:

– Стуканул папане. Надеюсь – не зашибет...

Меня уже достал весь этот, как любит ляпнуть Колода, «цирк на дроте»...

– Глушак – накрути.

– Да я сей...

– Делай, что сказано! – Что за привычка грузить своей вечной готовностью...

Жихарев навернул на ствол ПББС¹¹⁹, перекинул магазин на малолетний и отдал мне свой АКМС.

Спускаюсь в полуподвал. Юра с Борей двумя фонарями светят сверху. В огромной куче обрывков старого рубероида и обломках порывевших от времени матрасов стекловаты выюном крутится за руки привязанный собачьей цепью к крюку от батареи сошедший с ума летчик. Пытаясь не фотографировать в сознании картинку, поднимаю автомат и, не особо целясь, всаживаю короткую очередь в основание черепа. В слепящей тишине колокольным боем грохочет лязг затвора. Тело вздрагивает, прогнувшись до мерзкого хруста, вытягивается и обмякает. Вот и всё – отмучился.

На выходе из мрачного провала в лицо обжигающей ледяной крошкой ударил морозный порыв облегчения. Вот теперь – попустило...

Встали в проеме у самого спуска – не так замечает. Закурили. Юра выволок из-за пазухи плоскую флягу. Булькнул ею два раза в воздухе и вопросительно взглянул на меня...

– Давай. По глотку.

– Помянем?

– Лады...

Выпили за убитого пилота... Гирман, перед тем как хлебнуть, отвернулся всем корпусом.

– Негоже так с солдатом. Пристрелили бы... ну, прибили на месте, что ли...

– То, командир, им не объяснить. Видел же, что с деревней сделали.

¹¹⁹ ПББС – прибор бесшумной и беспламенной стрельбы.

Предпочитающий помалкивать Гирман неожиданно выдает:

– Представляете: родители бланк получают. Потом цинкач привезут... Благополучная семья, Европа! Сынуля – на пендосской супершняге летать выучился, долларами зарплату получает, доплаты за боевые... и тут: хрясь – получите!

– Моим старикам один раз притарабанили весточку. По мне – живому... Жаль – не попалась потом эта лыстоноша...¹²⁰

Настолько необычно услышать о личной жизни Жихарева, что мы оба в голос спрашиваем: «Ну?»

– Да нечего рассказывать... Мы завязли в окрестностях Итум-Калы¹²¹. Не до писем. А тут один из бывших моих контрабасов¹²² заезжает домой. Рыдает. Ездит по ушам. Потом занимает двести баков и сваливает. Понимаешь – специально же приехал! Проездом как в Симферополь попадешь? Я бы сам столько дал козлине, лишь бы не пугал стариков. Пидор! Рассказал им, что тащил меня в вертолет. Умер я у него на руках, у гандона... – Юра потемнел лицом и налился мраком. – За две бумажки... полупокер конченный!

– Нашел?

– Та какой там, Борян. Ищи-свищи...

– Моя матушка тоже разок получила звоночек с неба. Почти. От одного намека за малым инфаркт не схватила...

Мужики выжидающе на меня смотрят и ждут продолжения...

– Похоже. Как и у тебя, Юра, только – ДРА и урочище Аргу... Мы весной восемьдесят четвертого ровно на три недели там загрузили. Тоже – не писал. А тут – Первомай на носу. Мы тогда на Коммунистической в Красном Луче жили. От нашего уголовного дома, вверх по улице, в ста пятидесяти метрах – горком партии, комсомола, горсовет и вся остальная лабудень в новенькой пятиэтажке в конце парка с фонтаном, вечнозасыхающими туями и непокрытой лысиной Ильича. Матушка утречком поливает себе ирисы – круглые грядки в покрашенных автомобильных покрышках по центру двора. Тут открывается калитка, и во двор вваливается серьезная до «уже не надо» толпа: военкоматовские военные, полковники менты, властные дяди в темных пиджаках и полосатых галстуках, тети с белыми пергидролевыми пирамидами над важными развесистыми подбородками... Ну представляете – весь этот провинциальный совдеповский зоопарк. Мама молча открывает рот, три раза хапает утеранный воздух и, побелев, садится задом в клумбу. Народ не втыкается и молча смотрит на перепуганную до смерти пожилую женщину. Потом у кого-то включается, и над делегацией проносится шорох: «Это – Деркулова, учительница из “десятой”. У нее сын – в Афганистане!» – солидные дядечки и тетечки, как-то стыдливо зажав раскормленные булки, начинают, пятясь и неуклюже разворачиваясь, топтаться на месте. Несколько баб бросаются помочь теряющей сознание матери. Остальные трусливо сбегают. Вот так – поздравили...

– Чего приходили-то?

– Ну как же... Возле дома – подмести. Флаг – повесить. Белье со двора – снять. Забор – покрасить. Мало ли предпраздничных мероприятий у жителя Главной Улицы. День международной солидарности трудящихся, забыл, что ли? Вот и пришли напомнить. Потрудились солидарно, всеми ветвями власти, так сказать – ударно тряхнули... Давай, Юра, еще по глоточку – за родителей!

На улице беготня. Уходят последние жители. Наши занимают позиции. Биться, как в Сталинграде, мы не намерены, но и не тормознуть камрадов, не напомнить ребятишкам, что мы еще живы, – тоже некрасиво.

¹²⁰ Лыстоноша (*укр.*) – почтальон.

¹²¹ Итум-Кала – райцентр в Чечне.

¹²² Контрабас (*жарг.*) – военнотрудовой контрактной службы.

Гирман, хапнув коньячку, надумал перекусить. Отошел от нас к дальнему провалу стены, поставил на кирпич консервированную кашу и малиновым пиротехническим огнем, ни разу не прожегши жесть, разогрел банку. Вытащив из кармана аккуратненький ножичек, неспешно выбрал нужное лезвие, отточенным движением – разумеется, не подставив пальцы под шипящую струю брызжущего жира – проколол дырочку и, так же размеренно, вскрыл цилиндр консервов до половины. «Гречка в соку молодого ягненка». Да-да! Мы – поверили! Барашек – мой одноклассник, не иначе... Надо будет подколоть Борю, узнать – кошерное ли? Ему небось хасидские ребя, когда выкупали из лагеря, мозги от души прополоскали... Ухватив жестянку за отогнутый край, парнишка уселся на корточки, достал из разгрузки старинную мельхиоровую ложку и, по-собачьи перекатывая рывками головы куски во рту, принялся есть. Кто бы мог представить, что отсутствие губ может превратить простейший процесс поедания банальной каши в номер прикладной эквилибристики. Вот у меня цирковая труппа подобралась: один в бане моется – в одиночку, другой – ест исподтишка...

Дэн машет с БТР – никак Нельсон на связи? Не успел как следует покаяться, тут за спиной, очень низко, словно предчувствие сердечного приступа, совсем негромко – ухнуло. Остатки полуразрушенной стены, похоронив под собой жертву вынужденной эвтаназии, кадрами старой кинохроники складываясь сами в себя, осели внутрь полуподвала.

– Какого хрена?! – Передерий škодливым бурсаком деловито насупил брови и сделал правильную рожу. Гирман с Антошей – морозятся. Юра, задрал бровь, мстительно лыбится. И все – ни при чем. – Совсем малохолмные?! Ну на хрена вы это сделали?!

– Да ладно, командир. Пес с ними. Пусть повозятся, носом пороют. Сейчас крупной заметет, хрен кого тут сыщешь. Передерий еще сюрпризов наставит...

– Юра! Мозги включите! Не найдут – пойдут за жителями или за нами... Думать надо!

– Та пусть прокатятся до Лутугино, тебе – жалко?!

– Блядь! Нэ злыть мэнэ, бо – покусаю! – Что тут рассказывать, сейчас сами все увидят... – Дед! Прыгнул на Гусланчика – езжайте мосток минировать. Ждешь нас там. Проконь! БТР – за промоину. Дэн – к «Корнету». Цель по команде. Антон – тоже. Все – на позиции... Бегом, мать вашу!

Через пятнадцать минут у изувеченного падением обломков лесочка хлопнул разрыв. Еще чуток погода – второй. Следом, через три с половиной минуты, на срезе холма нарисовалась КШМ и два «Тварды» по бокам. С двух сторон, охватывая поселок стальными клещами, задымили фланговые группы, – по две БМПэшки, четыре БТР и одному AMV со спаренной минометной установкой. Впереди и сзади каждый взвод подпирал по танку. Еще пять «крепостей» насчитал во фронтальной группе, вместе с «коробочкой» штаба и прикрывшей ее своим уродливым профилем «Лоарой». В восьмикратный бинокль я отчетливо вижу на командирской машине белого кондора с молниями в лапах на смазанном наискось красном прямоугольнике... Вот кто, оказывается, миссией руководит... «Громовцы»¹²³. Конкретнее волкодавов – во всем СОРе не сыскать.

С противоположной стороны – против вынырнувшей из лесочка армады – двадцать камикадзе Деркулова и старенький совдеповский БТР... Свадьбу заказывали? Не волнует – уплачено!!!

Ждать, пока замкнут кольцо, я не собираюсь. Съезжаю по насыпи вниз и начинаю сеанс активного сурдоперевода – радиосвязью мы в подобных случаях отродясь не пользовались.

Никольскому с пехотой – отход немедленно! Бегом к машинам, чтоб только пятки сверкали... Гирман со своей «чемоданной» командой – следом; ну хоть ты тресни – до самой

¹²³ GROM – оперативная группа мобильного реагирования польского контингента СОР. Элитный армейский спецназ, созданный по образцу отрядов «Дельта» США.

жопы! – не подойдут соровцы к поселку на дальность гранатометного выстрела, пока здесь хотя бы один кусок щебня размером больше кулака останется.

Теперь – наша артиллерия. Показываю Дэну на пальцах: «Миномет!» Он жестом уточняет: «Какой?» Да любой! Что ты спрашиваешь!!! Кивает: «Понял!»

Антону – второй. У дальнобойщиков со времен лисичанских боев сложилась устоявшаяся схема противодействия легкой бронетехнике. «Кончар» – не тяжелый граник и даже не противотанковое ружье времен Волоколамского шоссе: моща – не та. И пусть мегарульные, с синим ободком вокруг бордовой залупки бронебойные патроны – самый последний наворот, но даже они на внятных дистанциях, учитывая защищенность современных модульных бронетранспортеров, – не панацея. Посему никто в одиночку за «коробочками» не охотится.

Вот и сейчас – так же: как только дэновский дальномер послушно показал дистанцию «хрен промажешь» и, глуша всех вокруг, «Корнет» рванул за своей добычей, – Кузнецова гвардия, разом с трех стволов, тройным залпом зацокала по борту второго «подштанника». В нашей ситуации даже «Балалайка Домбровского»¹²⁴ не так опасна, чем эти спаренные ухалки.

Денис, подгоняя расчет, уже тащит пусковую установку с прицелом к Прокопу в машину – там еще два транспортно-пусковых контейнера осталось – весь наш главный калибр. Следом летят снайперы.

Кузнецов – ну как же без этого? – задерживается...

– Тормозишь, твердолобый!

– Да здесь я, здесь!

– Не мог лишний раз не приложиться, козлячья харя?! – Мы подскакиваем и больно бьемся задницами о летящую по бездорожью броню. – Сказал же по-русски: «три выстрела – отход». Антоша, ебтать, что непонятно?!

– Так на кураже, командир! Врезал еще пару. Пока – придымили...

От разворачивающегося противника нас пока скрывают края низины, куда БТР ныряет после первого же залпа «Корнета». Продумано заранее. Если бы не подходящий рельеф, то я бы вообще не ввязывался. Наверху, в поселке, буйствует огненная вакханалия. При всем урагане свинцово-огненного шторма – студеного воя мин не слышно. Неужто действительно уgomонили оба миномета? Как приплыл первый, Денискин, я сам видел. Значит, и Антоша не подрочить задержался.

Снесут Новобулаховку, как пить дать, – в пыль сотрут. Я ночью говорил людям: «Идите налегке, потом вернетесь»... Обманул. Некуда им теперь возвращаться. Да и незачем. Тоже мне – место для жизни... Срала-мазала-лепила! Ни природы, ни работы, ни жилья – уебок эпохи индустриализации.

Проскочили до полуразрушенного мосточка. В восьмистах метрах за рекой – лес. Взрослый. Уже не тот подлесок, что перед поселком. Дорога дугой уходит за второй выступ чащи в километре вперед и левее. Тут еще перебраться надо. Сухая Ольховатая только летом «сухая», да и берега противотанковым рвом изгорбились. По степи брод искать долго: нагонят – вякнуть не успеем. Времянкой, через разбитую переправу переброшены две двутавровые балки.

– Ярусов, что пялишься – пошел!

Гусланчик тронулся хорошо, да руль удержать не смог. Машина, накренившись и протяжно, словно мелом по стеклу, завизжав рамой о разъезжающиеся под колесами балки, с грузным хрустом рухнула в воду. Водила, успев открыть дверь, неуклюже ломая лед и по-девичьи жмурясь, грохнулся в воду.

– Пиздец «шестьдесят шестому»... – сухо подытожил Антоша.

– Вашу мать... – Ну что еще сказать моим абортам? – Вы, блядь, сдохнуть тут всей группой решили. Жихарь! Народ – на тот берег! Пошел-пошел-пошел!!! Передерий! Готовь радио-

¹²⁴ «Балалайка Домбровского» – одно из жаргонных названий боевой машины прикрытия танков «Лоара».

управляемую засаду – десять минут тебе на все. Край! Прокоп, давай по газоновым костям... Ты, мудака! Вылез, на хер, с речки, сука! Да не сюда, баран! На тот берег...

За полчаса снежной лежки ничего не изменилось. Камрады трясут безлюдную Новобулаховку. Нет-нет да и доносится до нас канонада – расстреливают подозрительные участки.

Ярусов бегом, чтоб не замерзнуть, умчался в Успенку. Если соровцы сунутся по нашим следам, а эти могут, – то по дороге первыми под раздачу попадут усыпанные палатками беженцев дачи. По связи предупредили, конечно, но и гонец не помешает. Тем паче он мне здесь, насквозь мокрый, даром не нужен.

Остальные бойцы сидят в восьмистах метрах позади нас на лесистом холме через впалый луг. Машина в овражке за ними. Здесь только засада: Денатуратыч с управляющим радио-устройством и тенью Бугаева с неподъемным ранцем, расчет Дениса с одним-единственным пузатеньким патрончиком в «Корнете», три «Кончара» группы снайперов Кузнецова, мы на пару с первым взводным да за компанию, на всякий случай, прихвативший «Таволгу» Гирман.

Зимних маскхалатов в бэтэере оказалось только пять штук – снайперам и Дэну с расчетом. Мы как-нибудь перетопчемся. Потерпим пока. Кранты Стомбуру, точно! Шесть недостающих, мурло, опять на что-то променял. Дай бог вернуться – отдам на растерзание Жихарю. Ох, схлопочешь ты, Женя, по толстой, наглой и бордовой пачке – без всяких любовных прелюдий!

Неужто пронесло? Похоже на то... А Воропаев – скотина! Что, не мог, урюк одноглазый, предупредить, что фашики бронекавалерийскую роту за пилотом выслали? Да еще и цвет соровского спецназа! И что ты ему скажешь?! Максимум – проставится... и сам все и выжрет, лосяра! Ладно, на его месте тоже умолчал бы, из вежливости.

Интересно, что за два разрыва, раздавшиеся до боя? Вроде спаренных хлопков не было...

– Передерий! Слышь, Дед... Ты, случаем, не понял: там подрыв был, вначале, или то они твои мины, что тетеревов, грохнули?

– Да, я-то, Кирилл Аркадьич, откуда ж знаю! Ты ж сам все слышал...

– С меня тот еще слушатель! Бананы б только с ушей повытаскивать...

Моя глухота уже никого не удивляет. Да и вреда от нее особого тоже нет.

– Расскажи, как тебя глушануло, командир? – неожиданно разворачивает ко мне свою тяжелую двустволку Жихарь.

– Все началось с того, брат, что меня в детстве конкретно изуродовали писатели-романтики...

– Это – как?

– Как-как... На всю жизнь, Юра... Навсегда!

* * *

Декабрь 1982 года. Огромный пыльный плац Термезского полигона. Стоит учебная дивизия – курсы молодого бойца перед отправкой в крайне демократическую и, ясный пень, республику – никак не меньше, Афганистан. Бескрайние коробки шинелей и пилоток на обожженных солнцем до ржанных корок оттопыренных курсантских ушах.

Два первых месяца после призыва благополучно канули в небытие. Позади – немало: первые безответные пиздюлины от познавших законы выживания старших товарищей с широкими лычками и, по умолчанию, имеющих право на все узкоглазых земляков с бескрайних югов Союза; дизентерийные, ошпаривающие жопу, зелено-желтые среднеазиатские поносы на бесконечной, перекрытой бревнами и досками траншее полевого туалета; падение внезапно побелевшим, вытянутым в напавшей вдруг зевоте ебалом – в песок, от тепловых и солнечных ударов; легкие пробежки во все еще стирающей ноги до мяса кирзе на смешные, для новобранцев, дистанции в каких-то сраных шесть километров по утреннему холодку – всего плюс тридцать, о чем тут разговаривать; и наконец-то, вершина познания этого всеохватывающего явля-

ния под священным и многогранным словом «армия»: четыре кусочка просвечивающего на свет хлеба в сутки, как питательный базис под полкотелка юшки с тремя гнилыми обрывками капусты, двумя позвонками с хвостом от консервированной в томате кильки и несколькими с трудом дрожащими на чуть теплой поверхности полупрозрачными пятнами якобы жира.

Только что закончился вечерний развод. Ночью – сдача зачета. Выпускной экзамен КМБ¹²⁵. Лысое Братство с чувством глубокого удовлетворения вместо обычного киносеанса уже прослушало занимательный полуторачасовой конкурс ритуального камлания замполитов. Победил начпо¹²⁶. Кто бы сомневался: шаман, однако!

Наша коробка у самого края плаца – первый батальон. Пехота. Первая рота – моя, родная, – гранатометчики. Вторая – пулеметчики. Третья – снайперы.

Третью видно сразу: у каждого четвертого на брови правого глаза – полукруглый поджигающий рубец. У каждого десятого – левого. Это – понятно... Войну начать на окраинах огромной страны, техники на миллиарды в топку кинуть – легко. Сто копеечных резиновых наглазников выдать на учебную часть или штатные в Туркестанском Краснознаменном¹²⁷ панамы вместо несуразных под сумасшедшим азиатским солнцем пилоток – напряг. Впрочем, о чем это я? Наглазники, панамы – подумаешь! Через две недели я приеду в 860-й отдельный мотострелковый полк. Пункт постоянной дислокации – район города Файзабад, провинция Бадахшан. Все горные долины, как назло, раскинулись в двух-трех километрах над уровнем моря. Господствующие высоты – до шести-семи тысяч метров. Стык Памира и Гиндукуша. Рядышком Гималаи. Резко континентальный климат. В горах сорок мороза – норма. Зимнее снаряжение: брезентовая плащ-палатка, армейский бушлат – тот самый ватник времен Первой и Второй мировой и байковые портянки под кирзовый сапог. Для любителей продвинутого экстрима – резиновый ОЗК¹²⁸, типоразмера: зеленый верх, белый низ. Всё... Какие там перьевики, спальники, горные вибраты и прочие навороты? О чем стоны?! Шерстяные носки и свитера – только в виде награбленных по кишлакам бакшишей!¹²⁹ Да и то – пока твой «вшивник» между операциями не найдут отцы-командиры. Попался – ищи новый! И это – в ведущей боевые действия среди высокогорья воинской части! Солдат у нас исконно – раб, зэк и скотина в одном лице. Безмозглое животное, обязанное преданно вылизывать свою бесценную родину за освященное завываниями жрецов почетное право положить на жертвенник ее очередного капища свое здоровье и саму жизнь. Вот поэтому, наверное, и Россия под большевиками рухнула, и Союз – под партийными иудами... Никак не въедем всем миром в простую истину, что нехрен человека с ружьем раком ставить.

Ну, это сейчас. Тогда, на полигоне, развесив еще здоровые уши, внимательно слушаем командира роты. Гвардии капитан Солебродов четок, быстр и конкретен.

– Значит, так, воины. Мы не можем провалить зачет. Не имеем морального права. Надеюсь, это понятно. Поэтому! За роту будут отстреливать лучшие стрелки. Четыре названные фамилии – шаг вперед...

Вторым по списку звучит Деркулов. Удивительно, что не первым... Нас обучают стрельбе из РПГ-7 с оптическим прицелом. Правда, наш граник в Афгане практически не используется – незаконные военизированные бандформирования на бронетехнике, как назло, не катаются, а создать осколочную гранату под существующий гранатомет – тямы еще лет десять не хватит. Это же вам не очередная орбитальная станция! Ну да кого это волнует... Стреляем мы, в среднем, на двести-триста метров. Как можно промазать по искореженной махине прослав-

¹²⁵ КМБ – курсы молодого бойца.

¹²⁶ Начпо (жарг.) – начальник политотдела воинской части в Советской армии.

¹²⁷ ТуркВО – Туркестанский военный округ.

¹²⁸ ОЗК – общевойсковой защитный костюм.

¹²⁹ От «бакшиш» (фарси) – подарок.

ленного отцами Т-34, я просто не представляю. Сам гранатомет по сложности занимает промежуточное положение между ломом обыкновенным и большой совковой лопатой. Ну и традиции, как без них... У меня, сына бывшего фронтовика, преподавателя ПТУ с полноценным кабинетом НВП¹³⁰, первая воздушка, голубая и недосягаемая мечта любого моего сверстника, появилась на период летних каникул годика в три. Я разговаривал менее четко, чем подходящей по калибру дробью стабильно дырявил на импровизированной мишени бежево-пластмассовых пупсиков моей белугой ревущей племянницы.

Солебродов смотрит на нас подобревшим взглядом кашалота:

– Любой может отказаться, это не просто – по восемьдесят выстрелов подряд. Уши отобьет, точно.

Мы, гордые избранники, презрительно кривим губы и снисходительно улыбаемся – раза три уже пострелять успели... волки! А ты тут, командир, со своими нюнями... Ведь уже рогом битвы прозвучало трепещущее в груди «надо». Да чхали мы на уши! Тоже еще – потеря...

Называют еще двоих солдат. Зачем нужны «подстрахуи», мы пока не догадываемся – стрелять-то должны попарно. За каждой назначенной тройкой закреплен свой сержант. За нашей – старшина Кабаля. То ли сван, то ли мингрел, я так и не понял, – ленивый и, в общем-то, безобидный переслуживший дембель. Помню, он постоянно выделял своим гортанным акцентом: «У нас, сэверной Грюзии... мой сэвер Грюзии... ми – на сэвере Грюзии...» – можно подумать, полконтинента она занимает, его «Грюзия».

Еще два-три часа и, получив оружие, выдвигаемся в пустыню.

Кромешная узбекская ночь. Небо затянуто смогом «афганца» – неповторимой смеси из мелкой дисперсии поднятой в воздух пыли, запаха ночной пустыни и предвкушения скорой отправки «за речку»¹³¹. Ни звездочки. Роль освещения выполняют фары командирского уазика – сбоку от построенной в три шеренги колонны – да два патронных цинка с налитой в них соляной и жирно чадящими тряпками, подсвечивающих снизу ломаный прямоугольник мишени номер шесть «Танк».

У края директрисы стоят приехавшие с часовым опозданием проверяющие. В ночной тишине плывут еще не сполна познанные и покуда не полюбившиеся, богатые терпкими оттенками пряные коньячные ароматы. Офицеры роты работают. Мы, овечьей отарой, пытаемся держать строй. Это – не просто. По любым выкрикиваемым Солебродовым фамилиям, даже бабайским¹³², мы, отобранные пары, поочередно гаркаем полной грудью «Я!!!» и, дождавшись команды: «Выйти из строя!», выскакиваем вперед. Легкая пробежка на позицию, подготовка гранат к стрельбе, изготовка, выстрел, смена номеров в паре – все под звонкие команды командиров взводов. Возвращаясь, снова расталкивая всех, лезем в глубину шеренг. Принимающие зачет офицеры рассеянно не замечают уловки.

После первых выстрелов мы уже ничего не слышим. Теперь нами – тычками и хлопком по спине, управляют сержанты. Команды понимаем по кивкам офицерских голов, благо процедура в три шага: «готовь-с, заряжай, огонь». Я, как и остальные «зачетчики», подготовился. Оба уха глубоко забиты ватой из специально скovyрнутого матраса; под откидной лопух шапки подложен обрывок поролона; тесемочки под бородой затянуты до красных полос на коже. Только все ухищрения – до одного места. При выстреле обложенную тоненькими деревяшечками стальную трубу реактивного противотанкового гранатомета седьмой модели надо прижимать к плечу той самой частью головы, где, как назло, в самом центре – твое ухо. При чем напротив, внутри граника, находится та самая половинка, которая перед выстрелом накру-

¹³⁰ НВП – начальная военная подготовка.

¹³¹ «За речку» – то есть за Амударью, в ДРА.

¹³² Бабай, бабаи, бабайский (*жарг.*) – оскорбительное обозначение военнослужащего – выходца из Средней Азии. Термин происходит от «баба» (*тирк.*) – старик.

чивается на гранату – обрубленный черенок стартового порохового заряда к выстрелу. Какие ватки, какие шапки и откиннутые шинельные воротники?! Смешно! Надо просто представить одноствольный дробовик слоновьего калибра в сорок миллиметров, заряжаемого тридцатисантиметровым патроном, из которого надо стрелять с плеча, упираясь ушной раковиной в казенник. Даже ассистируя второму номеру, стоя рядом, после одного-единственного выхлопа – на день глухнешь.

На десятом заходе (тридцать выстрелов – лично и столько же – вторым номером) я чувствую, что со мной что-то не так. Еще десять отстрелов, через характер – «я ведь солдат! Это мой долг! товарищи смотрят!» – и меня начинает тошнить. В прямом смысле слова: согнувшись пополам позади строя роты, рыгаю слюной и слизью из пустого, прилипшего к спине желудка. Еще пять заходов, и на шестом я теряю сознание прямо на позиции. Проверяющий полковник снисходительно говорит Солебродову.

– Как вы их учили, капитан? Неженки! Три выстрела сделать не в состоянии...

Меня, настучав по щекам и щедро взбрызнув из фляжек, отгаскивают за бетонную будку управления полигоном. Я – предпоследний. Только один паренек из Красноярска, уж не помню имени, достоял до конца, так и не вырубившись. Наша замена тоже финиша не осилила – под занавес рота отстреливала в самостоятельном порядке.

Сто восемь человек. Три выстрела на рыло. Итоговая оценка «хорошо». За все про все – всего четыре оглохших курсанта. День-два умеренной менструации из ушей, неделя полной глухоты, недоуменные пожатия плечами прячущего суетливые, по ватерлинию залитые спиртом, зенки фельдшера санчасти и... пятнадцатого декабря – массовая посадка выпуска на Мишестые¹³³.

«Доброе утро, Афган!» – закончили упражнение!

* * *

– В нашей части на директрису под РПГ ставят юных офицеров. Убавить зеленой борзости. Пока бригаду пропустит, отстоит стрельбы – его словно весь день в уши пялили.

– Тю, Грыгорыч! А я думал, вы тротилловые шашки им в каску, под жопу подкладываете... Юр, скажи! Как у вас в ВДВ зеленых «кадетов»¹³⁴ иницииируют?

Внезапно смешки перекрыл отдаленный шум техники.

– Вот блядь... Приготовиться!!! Боря – сползай, маякни Никольскому.

Пять минут, и на дороге показалась идущая к нам колонна: «Леля», три танка, две БМП и четыре БТР. Внутри еще и спецтуры полно – вон, бошки из десантов торчат.

С-сука! Ну что ты будешь делать... Чем я их тормозну? Противопехотками Передерия? Да, поставил Дед «озимые»! Цельных три штуки напихал в сугробы обочины – на большее оснащения не хватило. Неплохо... да вот только спецтуру надо еще как-то из брони выманить.

За мостом, под снегом дороги, еще три «восемьдесят девятые» бесконтактки – остатки сутоганской щедрости капитана Петренко. Старый и последние две штуки поставил бы, да я не дал – вообще голыми останемся. Не густо, одним словом... если обойдут – будем мокрыми кальсонами от них отмахиваться. Упрись, попробуй, в лысом предлесье под десятью мобильными артсистемами, не считая пулеметов и прочего говна. Эх, был бы тут, вокруг дороги, махонький полуразрушенный городской кварталчик, мы бы с этим взводом поиграли в кошки-мышки... «чемоданчик» у мартышки.

Ладно, сюда они не заедут – высоковат склон лесной окраины, но огнем просто сроят вершину вместе с нами. Ровно семьсот метров – что тут попадать! И увертливости мы лишены

¹³³ Ми-6 – тяжелый военный транспортный вертолет. Сленговое название в ОКСВА – «корова».

¹³⁴ «Кадет» (*жарг.*) – бытовавшее в солдатской среде периода афганской войны презрительное наименование офицера.

– по колено в снегу, по заросшему кустарником разнолесью особо горной козочкой не поскачешь... Но и в поселок пускать нельзя.

Жопа...

– Передать по цепи. Дэн – начинаешь. Ты – сигнал для всех. Удар по «Лоаре» – отход. Снайперы – разобрать три БТР. Каждому – по два выстрела в моторный отсек своей «коробочки». Сваливаете по отстрелу – немедленно. Передерий, подрыв сюрприза только по высадке десанта или по моей команде. Всем приготовиться!!!

Замерли... Мы, широко растянувшись чуть ли не на сотню метров, лежим достаточно далеко от края леса – голые ветви и подходящий наклон позволяют каждому выбрать чистый от препятствий тоннель в свой сектор дороги. Плюс чуть смещены от моста назад – под углом смотрим фашикам в зад. Когда камрады встанут у Ольховатой, то будут пялиться в заросли на двести метров левее нас. Там более логичная засадная точка. Вот пусть и высматривают, пока лупалки не повылазят.

Колонна встала. Броня, развернув пушки елочкой, тяжело уперлась исподлобьем башен в наш лес. Из бэтэра, пригибаясь и озираясь, перебежками, к мосту скользнули четыре фигурки. У двоих в руках палки миноискателей. Парни, вы прям как в вестерне: еще по длинной кобуре на ляжку, и вылитые ковбои, бля! Смелее! Все, что вы ищете, – позади вас!

Пока юркие коллеги Денатуратыча обследовали раздавленный Прокопом ГАЗон, головная «Тварына» чуток повела вперед длинным дулом и, мгновенно потонув в снежном облаке, оглушительно плюнула огромным желто-оранжевым шаром. В лесном склоне в трехстах метрах по курсу низко ухнул гром разрыва. Над лесом зарокотал оскорбленный гам воронья. Мазила!!! Ну на хрена, спрашивается, птичек беспокоить? Сразу видно – чужаки... У нас каждый бывший пионер с коротких синих штанишек заповедь помнит – про, мать ее, природу.

Выждав минуту, головной «Тварды», добавив двести метров дальше по курсу, перднул еще разок. Ну-ну... мистер Угадай-ка. После третьего выстрела танк докрутил ствол прямо и медленно поволок свою черепашую тушу вперед. За ним тронулись остальные машины. Пора начинать пятнашки...

– Дэн!!!

– Готов!

– Огонь!!!

За мгновения, пока «Корнет» долетает до приговоренной «Лели», Антошины хлопцы успевают по два раза приложиться к своим АМВшкам. Жаль, эффективность – не рассмотреть. «Громовцы» – ни разу не цюрюки – в первую же секунду после атаки открывают шквальный огонь. И точно как лупят, паразиты, – вжатой в снег морды не поднять!

Задом, раком, на карачках, гребя снег клешнями и увязая по яйца, рвем назад – отходим за спасительный склон. Даже Кузнецов ни мгновения не притормозил по обыкновению. За все про все уложились в неполные пять секунд, не считая отхода. Вовремя... Прямо за скатом, один за одним, словно глуша рыбу в озере, наши организмы встряхивают близкие разрывы тяжелых танковых орудий. Моя слышимость привычно садится до отметки «через ватный матрас». Тело вспоминает знакомые ощущения намеком на подташнивание и легкой, отстраненной потерянностью – привет из контуженной юности. Несколько снарядов рвется в кронах деревьев над головой. Сверху, забивая глаза и пугая ударами по спинам, сыплются деревянные ошметки, труха, обломки веток. Отметочку в блокнотик Судьбы: разик – повезло, никого осколками не покрошило. Бегом, махровые¹³⁵! Пока Фортуна не отвернулась!!! Мы, не озираясь, рвем по снегу к спасительному спуску вниз. Сзади, поддавая в жопу скорости, слышен гул приближающейся брони. Погоня?! Да что же вы, твари, такие упорные, а? Какие проблемы? Езжайте назад, мало вам, что ли, за сегодня?! Сейчас добавим...

¹³⁵ «Махровые» (сленг.) – то есть «махра»; распространенное в войсках Конфедерации обозначение пехоты.

– Передерий, подрывай! – Иван Григорьевич, быстро поколдовав со станцией, утвердительно кивает. Взрывов я не слышу. Ему виднее. – Давай сюда! Ко мне!!! – Пока подгребают моя последняя надежда, я приваливаюсь спиной к развесистому дубу и, открыв пасть толстолобиком в аквариуме супермаркета, жадно хапаю вдруг обедневший кислородом воздух... – Дед! Ставь «поминалки» по нашим следам.

Второй раз Леху Петренко помянул благодарно за день... Тебя бы, паря, сейчас сюда со всеми твоими прибабасами. Вот бы где встретили чувачков – со старта!

Передерию объяснять лишнего не надо. За минуту, пока я чуток отдышался, он по нашим следам, в редколесье перед спуском успел засунуть под снег штук пять своих «клякс». Причем не абы где, а в наиболее удобных для прохода местах. Красавец! Жихарь тормознул в пяти шагах от меня. Просто приклеенный... Гирман у самого обрыва – замыкает начавшую спуск засадную группу.

– Все! Все!!! Хватит! Пошел, Дед, пошел!!!

Слома голову, где съезжая на задах, где кубарем, – летим вниз. Над головой вдруг смолкает канонада. Это – плохо... Если сейчас польский спецназ вылетит на наши позиции – станет совсем туго. У нас все быстро, пока вниз съезжаем. По лужку еще шагов двести и в гору – два раза по столько же. Снегу – по самые помидорасы! Поди побегай...

Успели больше, чем боялся... На середине пути, в каких-то жалких двухстах метрах до позиции Борюсика, над головой весело зачвиркали латунные птички. Считай – местами поменялись. Только что мы их из засады расстреливали, теперь они – нас. Кранты! Приплыли...

– К бою!!! В цепь! Справа-слева, по одному... Отходим! Кузнецов – души их!

Кое-как, захлебываясь снегом, расползаемся и принимаемся оттапкиваться.

Стовбур, гандон, выживу – никогда не прощу тебе загнанные маскхалаты! Словно насосавшиеся вши на ослепительной простыне, мы распластались грязными пятнами по белоснежной равнине. Представляю картинку в голографических прицелах наших гостей. Да сверху вниз! Тир!!!

Сколько смог, забурился поглубже, нерпой накидывая на себя ластами сухой сыпучий снег, закопался и, придерживая kloчущее дыхание, осмысленно отдолбил короткими очередями по мерцающим меж кустов фиолетовым вспышкам один магазин. С подствольника не достать – далеко. И очень хорошо! Пшеки сюда тоже не со штурмовыми пукалками небось прискакали.

Разбавляя буханье Антошиных пацанов, над головой раскатисто рычит «Утес». Следом присоединяется закашлявшийся длинным стаккато АГС. «Громовцы» сдают назад. Ага, камандосы! Это вам не в Рубежное ночью вломиться... не положено таким суперменам с тяжелым вооружением таскаться, вы и так крутые перцы, дальше некуда. Золотые береты, мать вашу!

– Не драть! Отходим!!!

– Командир! Командир!

Что там еще за возня...

– Командир! Денатурат – ранен!

Пока, разрывая легкие, в один рывок догреб до оторвавшейся вперед группы, думал – сдохну. Дед, запрокинув в небо лицо с ошарашенными глазами, задыхаясь в кровавом кашле, утонул спиной в снегу. Вокруг него сбились толпой четыре, не считая меня, бойца. Мы – слишком хорошая цель...

– Не стоять! Разбежались! Бугай – носилки! Жихарь! Два промедола и вперед – выносите... Быстро, быстро, быстро!!! Антон! Да угомони ты этих сук наконец... Задрали!

Юра вбивает Передерию в бедро две ампулы обезболивающего и, просунув под него капроновые носилки, вместе с Бугаем они волокут раненого вверх. Навстречу летят волчата Гридницкого.

Вывались...

Спецназеров все же отогнали за кромку леса. Только их снайперы все еще постреливают одиночными. Тоже дальнобойщики – пули злыми шмелями над головами гудят. Судя по огню парными двойками, лупят с чешских «Фальконов»¹³⁶. Надо побыстрее за скат... Спускаемся к бэтэру. Впереди носилки. За вшитые в ткань обрезиненные ручки вцепилось шестеро рук. Дед мягко плывет как на катере – только мокрые хрипы выдают состояние.

На броне мои афганцы – Прокоп, Стародум и Чапа – встречаются. Глаза полнятся невысказанной виной. Расслабьтесь... Ваш поезд, братишки, давно ушел – эти гопаньки уже не для вас.

– Деда в машину?

– Подождите... – опустился на колено рядом. Передерий в сознании, но как-то сумеречно в глазах. Плывет наш Старый по реке забвения... В середине, на ладошку правее центра грудины, бронежилет вздыбился согнутой пополам пластиной. На пару с Юрой освободили место ранения. Это совсем не так просто, как кажется: броник не куртка, его не спустишь в два раза, а снимать, раздирая липучки, – только раненого мучить, да и осколки костей можно с места сдвинуть. По виду дыры – «двенадцать и семь»¹³⁷ Сквозное: бронепластина задника просто вырвана из кевлара. Пропитав насквозь сложенные подушки двух перевязочных пакетов, под спину натекло кровищи. Представляю, что пуля с легким сделала. Лопатка, как показалось, или частично вырвана, или раздроблена. На ощупь – не понять. Ребра тоже в труху, не иначе, а ну-ка – такой удар. Общая контузия, травматический шок, пневмоторакс, внутренняя кровопотеря. Да и не мальчик. Вилы...

– Григорьевич, слышишь меня?

Наш сапер повел по кругу заволоченным, очумелым глазом, двинулся что-то сказать или показать и опять мокро зашелся, выхаркивая алые хлопья.

– Держись, Дед! Держись, родной! Совсем чуток осталось. Сейчас – уже быстро... Сейчас поедем. Только не сдавайся – понял?! Не сдавайся! – Повернулся к своим: – Плотно перевязать. Весь чай, какой есть, греть и – поить. Юра, посмотри, что в аптечке... Сердечное, тонизирующее – ну, ты в курсе. Мягкие анальгетики, если есть... Быстро!

Гирман тем временем толкает в плечо и показывает головой в небо.

Ну что там еще?

– Воздух, командир...

Блядь, ну что за день! Даже я теперь слышу рокот приближающихся вертолетов. Не наши, понятно...

– Юра, Деда – в БТР. Всем – к бою! Антон – стволы на броню! Дэн – разворачивай расчет... Воздух!!!

Дэн не успел... Минуты не прошло, как из-за вершин вынырнуло два «головастика»¹³⁸ с красными крестами над коронованной петушней. Ни мгновения не задумываясь, по очереди, с обеих подвесных кассет окатили наш бэтэр десятком НУРСов¹³⁹ и, на закуску, щедро полили с пулеметов. Встречный огонь из КПВТ и «Кончаров» видимого результата не принес, но ни «карусель»¹⁴⁰ завернуть, ни на второй заход вырливать летчики не стали: развернувшись, пошли на колонну.

– Что за хрень, откуда? – Гирман с удивлением посмотрел на меня.

¹³⁶ Крупнокалиберная винтовка Falcon калибра 12,7 мм.

¹³⁷ Имеется в виду калибр пули.

¹³⁸ «Головастик» – многоцелевой вертолет Ми-8 советского производства. Сленг времен войны в Афганистане.

¹³⁹ НУРС – неуправляемые реактивные снаряды.

¹⁴⁰ «Карусель» – разновидность воздушного боя, когда вертолеты, вращаясь косым вертикальным колесом, раз за разом наносят огневые удары по наземным целям. Сленг времен войны в Афганистане.

– Окно им открыли, сто пудов... Видал – кресты? Санитары полей, в рот им ноги! Все – собрались! Посчитаться! Потери?!

Трое задеты осколками. Не в счет! У нас половина людей за сегодня такой царапней покоцана.

– На борт! Расчет «Корнета» – сверху... – Наклонился к раскрытому люку: – Прокоп! Наискось по лугу, вон к той прогалине!

Мигом пролетев километр – останавливаемся.

– Дэн! Машинку в зубы – за мной! Кузнецов! Давай сюда ствол!

– Я не...

– Молчать!!! Все остаются здесь. Винтовку – сюда! Рот закрыть! Выполнять!!!

– Ну почему, Аркадьич!

– По кочану! Мое сердце – не братская могила. Вот почему! Сидеть, ждать... Всё – закончили базар!

Повел бешеным взглядом на деловито тащившего второй «Кончар» Жихарева...

– Да я так, командир, только – поссать. Вдруг зацепят кого – помочь дотащить...

Молча повернулся и пошел к примеченной прогалине... За мной, увязая в снегу и пряча глаза от колючего студеного ветра, грузно обрушая сугробы, упорно шли четыре моих волкодава. Еще не вечер, камрады, сейчас – повоюем...

На дороге по-своему весело. «Леля», согревая сердце старого партизана, развернувшись наискось, полыхает праздничным пионерским салютом. Ее даже не тушат. Народ в основном возится с понуро повесившей нос ствола БМПэшкой на другой стороне Ольховатой. Что, красавица поджарая, до своей «бесконтактки» – доехала? А ты думала, тут тебе одни пиздахахоньки со старыми «калашами» будут? Угу... Щаз!!!

У остальных машин своей суеты хватает. БТРы уже вернулись – выгружаются. Поврежденных не видно – все на ходу. Плохо, значит, отстрелялась Антошина братва. Незачет... На носилках и просто на снегу – люди. Неслабо мы огрызнулись, однако. Видимо, ОЗМки хорошо по открытым десантам стальной крупой секанули. Над колонной завис «Ми-восьмой» – заходит на посадку. Второй уже садится на сигнальных дымах. Извините, пановэ. Взявшись за оружие, вы автоматически потеряли свою обеспеченную широкими красными крестами неприкосновенность, теперь – не обессудьте...

– Дэн. Цель – вертолет на земле. Не жди загрузки. Бей, как удобно... Юр, прицепом, по два раза второму в моторы, и отход.

– Усек, командир.

Сколько ни ожидаешь рвущего череп грохота «Корнета», все равно – всегда неожиданно. Сотрясая нутро, наполняя всего тупой болью, оглушает морозным набатом и звоном миллионов цикад. Никогда к этому вновь и вновь напоминающему о контузиях удару не привыкнуть.

Непроизвольно вздрогнув, я поправил прицел и один за одним, очень быстро, всадил три финика в горб зависшего над дорогой «головастика». Хоть и матерю безбожно, но понимаю моего Антошу: видя, что реально попадаешь, невозможно удержаться и не ширнуть разок другой лишку. Взводный-один тоже – попал. Вертолет качнуло и повело вбок.

Ракета «Корнета», ринувшись алой звездочкой за целью, ярко брызнув ослепительно-белым, взорвалась в центре машины. Висевший в метре над землей «восьмой», накренившись, дернулся в сторону, зацепил лопастями за землю и, утонув в белом мареве, с протяжным воем бешено завертелся волчком. В стороны жутковатыми осколками полетели обломки лопастей, фрагменты обшивки и куски человеческих тел. Просто мясо...

Второй в воздухе удержался, но за нами – не пошел.

Повезло... нам.

Долетели до Успенки. Дед плохой, но держится. На брошенной времянке блокпоста, нахохлившись, сидит землистосерый, промороженный до костного мозга Гусланчик. Ну что за детский сад?

– Ярусов! Какого хера ты тут делаешь?! – Толку теперь слушать этот клацающий зубами лепет... – В машину! Растереть, укутать, отпоить чемером!

Врезали со всех скоростей через Успенку – в Лутугино. Вроде успели...

Дед в госпитале. Пока жив. Гусланчик, придурашка, – теперь в другой палате. Дождался своих, называется. Мало того, что поморозился, так еще и жар ударил. Легкие у парнишки никуда не годные. Месяц как отлежался после пневмонии.

Подтянулся остальной отряд. Кобенька насадкой мечется, не знает за что хвататься. Зато Юра – знает: у скачущего козликом вокруг термосов с горячим Стомбура – половина хари лиловым наливаются. Мотнул головой взводному:

– Полечил?

– Говорит, маскхалаты Слюсаренко за ГСМ вымутил.

– Чего, на?! Мы по лимиту генштаба горячее получаем! Какое еще, к ебням собачьим, мутилово?! Эй ты, рожа, а ну иди сюда... Бегом, толстожопый!

Естественно! Как у нас да без говна обойдешься. Этот хитровыебанный хохол, начальник складов бригады, если не выдурит чего сверху – жрать, гнида, не станет: кусок в глотку не пролезет. Сколько уже было вокруг складов движняка, так нет же – Колодий какого-то хрена держит эту паскуду. Наверняка из куркульской солидарности...

– Прокоп, заводи шарманку! – У меня все клокочет внутри: Дед – на волоске висит, с Русланом – жопа, а тут этот жирный клоп со своим говномутством... – Поехали, Юр, прокачимся до складов.

На входе нам преграждает дорогу моложавое откормленное сурло с нулевым «калашом» сотой серии. Красавец! У нас на вооружении таких и в помине нет, а у складского отсосняка – есть. Юноша еще молод и умом незрел. Напрасно! Надо, надо знать героев в лицо и уж тем паче никогда не становиться у них на пути. Это глупо и для здоровья накладно. Слюсаренковец только успел открыть рот и выдавить из сытого нутра первые слипшиеся слоги, как у Жихаря срывает клапан: не говоря ни слова и, кажется, даже не глядя на часового, он одним незаметным движением ухватывает своей лапой его за лицо и глухо тюкает затылком о бетонный угол. Продолжая движение обмякшего тела, подхватывает падающий автомат и ударом ноги открывает обитую стальным листом дверь.

Немая гоголевская сцена. Невысокий, с погонами старшего прапорщика на франтоватом цигейковом полушубке, Слюсаренко колобком завис меж тремя угодливо тянувшими лыбы педерастичного вида шестерками. Нас он знает мельком и не вполне понимает, как эти два фронтowych придура посмели без звонка, приказа и даже без доклада часового! – внезапно очутиться в святая святых – его для всех запретной бригадной кладовочке.

– Шо трэба?!

– Не ори, погоду. Сейчас расскажем... – Я, облокотившись на стальной уголок перил и закуривая очередного детеныша измученной жарой верблюдицы, пытаюсь угадать, в какую извращенную форму выльется сейчас Юркина ярость...

Не угадал! Про себя, ставил бутылку – против двух, что Слюсаренко выхватит с носака промеж толстых ножек. Прогадал! Юра вцепился внезапно побелевшему кладовщику в душу, завалил кургузым тельцем на стол и, ухватив первый попавшийся под руку карандаш, в одно движение пропорол им насквозь мясистую ушную раковину Слюсаренки. Тот, завизжав легченнным кабанчиком, пытаюсь попутно лягнуться, сноровисто вздрогнул коротенькими ножками и, вырываясь, забился в визге, но за все свои старательные потуги заработал лишь оглушительную затрещину по всей толстой сопатке – плашмя.

Его вертухаи, благоразумно не вмешиваясь, стояли молча. Явно постарше, чем их внезапно прикемаривший на посту товарищ. Прапорщик мигом потерял былую резвость и, размазывая по лицу кровавую юшку, высоко, по-бабьи, заголосил.

Хороший задел для начала успешных переговоров... Совсем другое дело, а то – «Якого биса?!» Тоже мне, бесогон нашелся...

Жихарь тоже доволен походом. На обратном пути нагло всучил мне возвращенную пачку зимних маскхалатов, и идет – в штаны кончает: новенький «Винт»¹⁴¹ тискает.

Ночью умер Передерий. Утром – Ярусов.

Большой небритый и добрый начальник санчасти только сочувственно развел руками. Эвакуировать раненых в Луганск все равно не успели бы, а в полевом лазарете – много ли сделаешь? Обезболили хотя бы – и на том спасибо. Вскрывать тела я не разрешил – смысл?

Грохнул с пацанами со ствола по кругу бутылку коньяка да поехал в штаб...

Все согласования заняли не больше получаса. В семь утра выдвинулись колонной по направлению Лутугино – Красный Луч – Снежное. Дед при жизни всегда, чуть потеплев прищуренной сеточкой вокруг глаз, говорил не так, как принято, а «Снежное», с ударением на первом слоге. Ну понятно – город детства. Тебе, старый, все недосуг было смотаться – предлагал же, теперь сами привезем. Адрес нашли в документах. Неясно, кого из родни найдем – он никогда ничего о ней не рассказывал, но, по-любому, похороним на родине. Я бывал там, да и сам родился всего в четырнадцати километрах – ослепительно красивые места есть тут; еще не Донецкая Швейцария, но уже почти.

С Русланчиком – сложнее. Славяносербск занят соровцами и их верными цурками. Ко всему непонятно, кого искать. Говорил вроде, что родители эвакуировались. Значит, так тому и быть: вместе погибли, рядышком и ляжете.

Дорога стремная – пошли всем отрядом. Тут командосы фашиков уже столько людей захватили да машин побили, что и не считает никто. Мы у них отвязываемся по полной, они – у нас. На дворе – «Зимнестояние». Очередное «Борыспилськэ замырэння», как и любое другое, соблюдается лишь на бумаге. Тактический прием, не более.

Мои гаврики на броне и внутри БТР. Завернутые в плащ-палатки тела – на КамАЗе. Кобеньяка, Антоша и Гридня – со мной в Патроле. Жихарь поехал с Дедом. Причем остался в кузове. Вдвоем с Мыколой. Мальчишка совсем сломался, хоть и силищи, что в том однофамильце¹⁴², – все время плачет. Замкнулся. Просто никого не слышит.

За два часа дошли до Луча. Заехали минут на двадцать в штаб Каргалина. Место расположения – притча во всех языках – бывшее здание городского отдела КГБ у парка возле железнодорожной станции. Два раза их уже точно бомбили, одни подвалы остались, и все равно – ностальгия сильнее.

Владимир Геннадиевич в ситуацию вник и отправил с нами своего порученца. Словно в одной пробирке с Демиными проктологами в штатском их клонируют – до чего похожи. И этот – такой же: «Да. Нет. Все будет пучком». Господин Эффективная Функция. Как ему бабы дают – как резиновому дружку, что ли?

Еще один рывок и без приключений въехали в Снежное. Все посты при одном появлении обвешанного брониками штабного джипа стоят навтыжку.

Нам еще, как оказалось, надо ехать до поселка Десятая. По номеру шахты обозвали, не иначе. Прибыв, подняли на уши весь район. Из родни нашлась только младшая сестра. Мать умерла лет десять тому как. Отца никто не помнит. Пятидесятилетняя неопрятная тетка, выслушав скорбную весть, безуспешно попыталась выдавить слезу, потом махнула рукой и сказала:

¹⁴¹ «Винт» (сленг.) – ВСС «Винторез» (винтовка снайперская специальная) калибра 9 мм.

¹⁴² Бугай (укр.) – бык.

– Прожив нэпутьюво и помэр ни за шо...

Ни переубеждать, ни доказывать я ничего не стал. На вопрос о его семье она в ответ только презрительно скривилась:

– Та розишовся вин давно, кажецься. Я, хлопци, нэ знаю. Простить мэнэ, я пиду, у мэнэ забот повэн рот.

Поди, покажи семейные могилки и вали – кто держит...

Кладбище с поэтичным названием «Овсяное». Старая часть наглухо заросла. Еле прорубились к месту. Мать лежит рядом с дедами. Оградка кустами задавлена, как и проход со всех сторон. Свободного места нет. Ничего, разберемся...

– Что же ты, сестричка, Ивана коришь, а сама на материну могилку с похорон не захаживала, а?

Та отворачивает налитый злостью взгляд и, с трудом сдерживаясь, молчит. Представляю, как такая бабища в глаза может вцепиться, но не сейчас – понимает, не дура, тут этот номер не пройдет. Муж ее, убан небритый, выглянул разок в окно и спрятался в доме. Ссыкун! Даже на порог не вышел, чмо. Бык здоровый, моих лет примерно, – и не на фронте, а сидит у жены под юбкой, в толстые ляхи клещом вцепился.

– Чего мужик твой не в армии?

Видно, как сразу испугалась: задергались глазенки на сытой круглой репе.

– Та больный вин, ще диты, онуки... у нас – ртив повэн двир. Кормыты, ликуваты... – затараторила на своем уродливом суржики.

– Правильно, правильно – умирают пусть другие. Даже брат родной, герой и гордость Республики, за вас всех погибнув, и тот – слезинки не удосужился... Ничего, придут твои щиры хохлы, вспорют на ваших глазах твоим «онукам» брюшины, да навернув кишки на шею, утопят, как дрысливых котят в дворовом нужнике. Вот тогда вспомните, вечно заклопотанные вы наши, про общий долг и трижды проклянете свою «ридну хату край села»... – Она попыталась что-то возразить. – Иди, мать, иди... подобру-поздорову... пока я не сорвал на твоей хребтине все что накопело. Да! – крикнул я спешно засеменившей прочь фигурке. – Ребят моих покорми. Пожалуются на твое гостеприимство – вешайтесь всем своим гнусным выблядком!

– Зачем ты с ней так? – укоризненно начал было Кобеньяка.

– Василь Степаныч, дорогой, за могилками присмотри, а? С тротилом разберись – до вечера тут ковыряться, что ли?!

К концу дня в отрезанном с обеих сторон чужими захоронениями проходе, взрывая, долбя ломами и кирками окаменевшую глину, согреваясь костром и местным самогоном, вырубали две могилы. В разрушенных и брошенных домах нашли подходящие по размерам шкафы-пальчики.

Обмытый в санчасти Дед сурово лег в открытом дубовом корпусе – будем закапывать, сверху дверь филенчатую положим, чтобы землей – не на лицо... Голый пришел, в простыне и саване палатки – уходишь. Ведь наверняка, Старый, у тебя за столько лет службы – вся грудь в крестах. Ничего, на том свете твой труд и твою жертву оценят.

У небольшого Ярусова вообще получился сказочный гроб. Низ тела просунули в освобожденную от ящичков полость, а с середины корпуса оказалась дверца из светлого матового ореха с хитрым переливчатым стеклом. Пацаненка немного раскрыли от брезента, чтобы было видно лицо. У ног поставили кастрюльку с парящими, только что приготовленными хозяйкой котлетками. По утверждению Гридницкого, Руслан, мечась в смертном жару, просил у матери котлет. Вот – Леха вместо мамки сегодня у тебя, братишка...

Осталось дожидаться батюшку. За ним еще час назад Юрка поехал.

Привез из Красного Луча, ближе никто не согласился. Да и понятно – поди брось приход в такое время. Какие церкви уцелели – все крошечные, поселковые, а то и вовсе временки в домах.

Отца Александра, от греха подальше, привезли на бэтээре. Вова Стародумов прихватил из храма пачку свечей. Раздали всем, зажгли. Приехавший вместе со священником молодой парнишка с узнаваемыми признаками ДЦП надел на наших усопших погребальные венчики, а в руки каждому вложил по иконке Богородицы. Началось отпевание. Батюшка, спросив «где родня?» и получив утвердительный ответ, что наш отряд и есть самые близкие родственники «за веру и Отечество во брани живот свой положивших» мужиков, – честно отчитал службу на лютom морозе.

По устоявшемуся обычаю каждый кинул в гробы по жменьке патронов.

Рубанули прощальный салют со всех стволов.

Батюшке дали два короба сухпая и отвезли назад. Сестра так и не пришла.

Мать Григорьевича печально смотрела на всех нас с эмалированной фотографии на проржавевшем конусе со сваренным из арматуры крестиком наверху.

Все... Вот и попрощались.

Глава VII

Острая Могила

– Не знаю, Павел Андреевич, может, и личная обида примешивается... Наверняка есть и это. Но по-любому, согласитесь, – прав ведь! Здесь все такое – мелкое, приземленное, кугутское. Что культура, что всякие деятели, сам масштаб, абсолютно всё – слова, дела, люди. Помню, говорили моему отцу: «Уезжай на север, на Дальний Восток – ты везде карьеру сделаешь, только не здесь». Так и случилось. Просидел всю жизнь в одном ПТУ, лямок пять тащил – заместитель директора, парторг, история, эстетика, обществоведение – конкретно ради будущих штукатуров, плотников и сантехников убивался. УМЛ¹⁴³ при горкоме создал – десять лет его вел. Всех достижений – стопа почетных грамот типа «Лучший кабинет истории в системе профтехобразования УССР». Вы бы видели тот кабинет! Отец за последние десять лет помог с десятком, не меньше, кандидатских и докторских. Ему со всех раскопок Союза бакшиши тащили. Музей! Он же – не в дом, а на работу. Не куркуль, одним словом, полностью чуждый национальному менталитету человек. Не встраивался. Никак. Не украинец... Умер в пятьдесят с небольшим. Через год училище закрыли.

– Он у тебя, Деркулов, фронтовик – не ошибаюсь?

– Да. С сорок второго – вперед и с песней. Две войны, считая Маньчжурию.

– Где и кем воевал?

– Командир взвода минеров. С сорок четвертого – роты. Шестая гвардейская танковая армия. Бухарест, Будапешт, Вена, Прага. Потом Мукден. Капитан запаса. Ростовский государственный университет окончил на костылях. Впрочем, с инвалидностью до конца жизни ходил.

– Может, хватало ему?

– Не думаю... Последний инфаркт схлопотал, когда в родном горкоме в очередной раз прокатали с квартирой.

– И награды не помогли?

– Да какой там! Две Красные Звезды, «За-Бэ-Зэ»¹⁴⁴ и пачка за освобождение-взятие плюс юбилейного железа навалом. У меня – та же хрень. За Афган – одна «Отвага». Причем не там дали, а через год после возвращения. На хер она мне – потом?! Я же ее не надевал – ни разу! Зато когда приехал, помню, пришел в свой Дворец спорта. Мой тренер подошел, обнял, потом отвел борт шинели – и отвернулся со скривившейся мордой. Вот так... Не оправдал высокого доверия! Никогда не забуду – словно кипятком обдали. А ведь в нашем взводе каждый третий лег. Сам два раза умирал на госпитальной койке. И не заслужил даже теплого взгляда. Металлического кружочка на грудь вовремя не удостоился. Какая мерзость...

– Понимаю тебя, Кирилл Аркадьевич... – Нагубнов еще глубже осел в стул и уставился уплывшим вдаль взором в темный угол вагончика.

– Хотите историю, Павел Андреевич, как юного героя загребли в ментовку?

– ...?

– Прихожу в центральный гастроном. Сто пятьдесят метров от дома. Протягиваю деньги на бутылочку «Коктебеля». Мне в ответ: «Паспорт!» Я уже об этой херне слышал, поэтому вместо паспорта протягиваю удостоверение о праве на льготы – там тоже печать, фотография, все как положено. Мне в ответ: «Паспорт! Тут нет даты рождения». Я, все еще вежливо, уточняю: знают ли они, что это за корочки? Отвечают: «Знаем! Но – похуй... Или полный двадцать

¹⁴³ УМЛ – Университет марксизма-ленинизма.

¹⁴⁴ Медаль «За Боевые Заслуги».

один год, или иди в жопу, ветеран сраный». Вот так: умереть за Родину – можно, а бутылку взять, возвращение в семье отметить – нет.

– Позволял возраст?

– Да какой... Призвался через три недели после дня рождения. Ровно восемнадцать. Служил два года и семь месяцев. До заветной даты, считай, полгода еще коковать.

– Закон суров... – засмеялся полковник. – Ну, и дальше?

– Когда все, что должно быть сказано, прозвучало, то в хамские рожи вначале полетел поднос с пирожными безе, а следом – вырванная из фанеры прилавка дюралева конструкция с тремя прозрачными стеклянными конусами. Точно помню, что посередине, между яблочным и березовым, висел томатный сок. Последним в голову появившегося из мясного отдела азербона ушел стакан со слипшейся от воды солью.

– Как отмазался?

– Да никак! Афганец, член КПСС, сын известной в городе учительской семьи... Даже извинялись после.

– Характер у тебя еще тот, Деркулов, не отнять.

– Наследственный... Есть семейное предание, как папа маму в жены забирал...

– А ну, Деркулов, давай. Мой батя фронт тоже пузом пропахал... Сейчас, только тормозни чуток... – Нагубнов поднялся и разлил по стаканам остатки искрящегося старым янтарем душистого «Кизлярского» умиротворителя.

– Познакомились они в эвакуации. Отцову семью довели до Чувашии и поселили у хозяев в крошечном Цивильске. Там мал мала меньше – на головах сидят. Средней дочери – шестнадцать. Ему – семнадцать. Что и как меж ними происходило, фамильные хроники умалчивают. Только через пару месяцев он направляется на знаменитые курсы «Выстрел» и уже в январе сорок второго, с лейтенантскими кубиками в петлицах, в виде боевого крещения ловит свой первый осколок. Невеста, пережив похоронку своего так и не доехавшего до фронта, погибшего в разбомбленном эшелоне бати и схоронив сгоревшую за год мать, уезжает в сорок четвертом в Таганрог, где заочно поступает в педагогический. Понятно, что на протяжении войны жадно ловит чернильные, всю жизнь потом хранимые, залитые слезами треугольники. После Победы, уже в сорок шестом, отец, тогдашний комендант крошечного городка на Нейсе, франтоватым героем – на трофейном джипе, да с ординарцем, да со швейной машинкой Veritas в подарок – приезжает победителем за невестой. Встреча, объятия, поцелуи, слезы. Она ему объясняет, что, мол, подстанция, где она дежурит сутки через двое, режимное предприятие, она – мобилизована, и все прочие накладки военного положения. Отец, расперев грудь, в ответ, дескать: говно вопрос, сейчас все порешаем. Идет к директору, разговаривает пару минут, после чего в нескольких местах простреливает потолок, опускает рукоять «горбатого маузера»¹⁴⁵ промеж ушей ответственного товарища, после чего тот выбивает головой оконную раму и выпрыгивает в окно. В противоположное вылетает еще какой-то, не менее ответственный, «упал-намоченный».

– И высоко летели товарищи?

– Да нет, Павел Андреевич, третий этаж – что там прыгать... Перепуганную маму вместе с фибровым чемоданом кидают на заднее сиденье драндулетки союзников и весело везут в направлении славной Крындычевки, лет десять уже как переименованной в Красный Луч, – к родителям отца. На окраине Таганрога молодых вяжут и кидают в каталажку. Дело к трибуналу: дезертирство в военное время, самоуправство, тяжкие телесные и что там еще контора наваяла.

– Сорок шестой, говоришь, Деркулов? Могли и к стеночке...

– Могли... Приехало отцово начальство, приволокли настоящего многозвездного генерала, отдали джип, трофейное оружие, еще какие-то презенты. Отмазали, одним словом. Но

¹⁴⁵ «Горбатый маузер» – имеется в виду Mauser M 1914/34 калибра 7,65 мм. Сленг времен ВОВ.

папе такого залета не простили и с благодатной Германии отправили служить под Читу, где он, схватив еще пару обморожений и сдвинув засевшие в плече пули, как раз в год прощания с Иосиф Виссарионычем, был демобилизован по болезни. Даже «инвалида войны», к слову, не дали, хотя понятно, откуда у паралича ноги росли. Такая романтика, товарищ полковник.

– Да, были люди... давай, Деркулов, за отцов наших – стоя!

Подмораживало. Шебурша по крыше вагончика, слепой промозглый дождик сменился мокрой ледяной крупой. Два масляных радиатора и внутренний подогрев позволяли двум тяжеловесам не обращать внимания на шалости природы.

– То-то и оно, Павел Андреевич. Посмотришь вокруг, сличишь с прошлым, благо есть с чем сравнивать, и диву даешься, как все обмельчало, удешевилось. Понимаете, мы – жили в Стране и вдруг попали на задворки цивилизации. В государство второго сорта...

– Как ты сегодня сказал, Кирилл Аркадьевич: эра лилипутов? Похоже... Все рожденные в пятидесятые – семидесятые сюда угодили. Как принято обозначать у наших модных публицистов – «еще одно потерянное поколение».

– Да нет, товарищ полковник. Не просто эра лилипутов. Глубже... Даже не так... Намного хуже! Время обострившегося выбора: хочешь изменить что-то к лучшему – готовься к жертве, к кресту. Топай собственными ножками на персональную Голгофу. И теперь – только так. Альтернатива – вскрыв вены, тихо умри в подвале неотомщенной жертвой: без яиц и с порванным очком. Это не я придумал, это универсальный закон бытия. Так уж повелось на нашем шарике – все на заклятии держится. Только сейчас все сконцентрировалось до предела, и мы все попали на обычную стезю обреченных. Либо с гранатой под танк – героем, либо под нож мясника – бараном. Так что нет теперь никакой проблемы «потерянного поколения». Все, о чем мы говорим, – категории потерянной эпохи. Понимаете?! Эпохи мертворожденных!

* * *

Бешеная жара раскаляет машину до состояния «сiju в духовке». Не то что задница – даже бронежилет промок сквозь титано-победитовые пластины. Сколько ни заливай воды в пузо, все тут же выходит белыми хрустящими пластами на штанах, майке и разгрузке. Представляю, как от меня воняет. Кроссовки не иначе сами по себе – химико-бактериологическое оружие – вместо гранат можно использовать. Мы-то уже принюхались, не замечаем – неделю сидим на окраинах Луганска, встречаем колонны ополчения, блокируем смычку Краснодонской и Большой Объездной трасс. Наша зона ответственности – Острая Могила, но гоняют в преддверии неминуемого штурма Луганска, как мальчиков, по всему городу. Со дня на день – завертится мясорубка, а я еще границами как следует не затарился! Да и не помыться толком, не поспать, не подготовиться – то туда, то сюда: сделай, обеспечь, прикрой, смотайся. Вот где прочувствовал разницу: Воропаев – это тебе не Колодий. Тот хоть связей моих побаивается, даром что уже комбриг, а этот – черту на клык даст, не перекрестится. Еще и не напоишь лосяру: как заведется – сам не расслабляется и другим не дает.

Только вернулся из расположенного в развалинах аккумуляторного завода штаба группировки, как опять дергают. На этот раз какого-то хрена Ваня Погорелов, очкастый корректор из моей бывшей контрпропаганды, домахался до сомовцев из блокпоста аэропортовской трассы – найти меня по связи и попросить подъехать к госпиталю. Что там за движение, не представляю...

Ну приехал, дальше – что? Где тебя искать, Ванечка? Ау! Бывшая областная больница – не полевой лазаретишка... О! Увидел редакционный «Шеврон»¹⁴⁶ с огромными синими буквами PRESS. Подъезжаю напрямки по бывшему газону.

¹⁴⁶ Имеется в виду внедорожник Chevrolet Niva.

Возле открытой машины никого. Пороги задней правой двери, полы и весь диван залиты почерневшей кровью. На полу – обрывки заскорузлых тряпок. Вот блядь! Кого?!

Ждал минут пятнадцать – искать по больнице бесполезно. Это раньше было по отделениям – теперь одна огромная военная травматология. Девять этажей забиты, и раненых какого-то хрена до сих пор не эвакуируют. С другой стороны – куда их вывозить? Только в Россию, ближе – некуда.

Гридницкий увалился в тени и тупо вырубился. Намотался за эти дни пацаненок, что тот Шарик. Пусть поспит...

Наконец из центрального входа появляется долговязая нескладная фигура. Бежит вниз по лестнице, как цапля, – растопырками костлявых локтей, словно крыльями, справляться с несвойственными задачами телу помогает. Не дружил со спортом в свое время наш ботан, совсем не дружил.

Подлетает. Очки перекосились, сам растрепан, штаны перепачканы засохшими бордовыми пятнами, глаза дурные, шалые.

– Кирилл Аркадьевич, хорошо, что вы приехали...

– Слюной не брызгай, Вань... Что стряслось?

– Екатерина Романовна подорвалась...

Поднятый с поджопника Леха, протирая красные кроличьи глаза, долго не мог уяснить, зачем ему просыпаться и сторожить нашу закрытую машину.

Пока шли в отделение, выслушал сбивчивый рассказ о банальной невезухе. Остановились «по ветру». Отошла девка за угол полуразрушенного здания. Взрыв. Ноги нет. Вся в кровяще. Никого рядом. С Вани, водителя и еще одного журналиста толку – как от телевизоров в туалете. Еле успели довести.

Начальник реанимационного отделения с порога взревел матом, но потом вспомнил, как штопал меня под Александровском, и смиростивился: заставил снять амуницию, надеть халат, колпак и закрыть ноги. Полиэтиленовые одноразовые бахилы налазить на воловьих говноступы сорок пятого размера, естественно, отказались. Пришлось обуться в обыкновенные пакеты и замотать собранные гармошкой концы скотчем. Ваню, дабы не дергался, посадили в уголок – успокаиваться.

Пошел...

Катя, уткнувшись огромными кукольными глазами в засранный мухами потолок, лежала в углу под стеночкой. Местами влажная, пятнистая простыня закрывала ее от подбородка до бедер. В двух местах на груди она аккуратно бугрилась просвечивающими через тонкую ткань сосочками. Одной ноги не было чуть выше колена. Второй – чуть ниже. Левую руку ампутировали как раз посередине меж локтем и запястьем. Правая, с вогнанным в вену катетером, мертвой белой рыбой расслабленно лежала на краю сияющей никелем рычагов и домкратов кровати. В прозрачной колбе капельницы беззвучно отсчитывались мгновения надежды. Повязки, намокшие грязной бордово-желтой охрой, только подчеркивали отсутствие конечностей. Между ног, из-под простыни, тянулись за кровать какие-то трубки.

Медсестра услужливо забегаая вперед, поставила мне табурет. Сел, взял за руку:

– Катенька, слышишь меня, солнышко?

Она медленно повернула голову. Потерявшийся во времени взгляд неторопливо вернулся в действительность.

– Ты, Кирьянчик? Не ожидала... – Она прикрыла наполненные безысходностью глаза на отчетливо осязаемую паузу. – Все воюешь? – Слабая, обезволенная рука прохладным резиновым шлангом обмякла в моих лапах.

– Да так, Кать. Не без этого.

– Хорошо. Я, как видишь, свое отвоевала.

Все ушло в прошлое, потеряло всякое значение и цену. Передо мной лежала девочка, почти подросток – изувеченная по полной программе, изуродованный на всю жизнь несчастный ребенок. Лицо перекрутило, из глаз посыпались соленые градины. Я ничего не мог с собой поделать. Прижав ее руку к лицу, беззвучно плакал, как впервые жестоко наказанный Судьбой сопливый мальчишка. Господи, мне полтинник почти уже, сколько же еще проходить через все это?!

– Чего ты, перестань. Тебе нельзя.

– Катюш, прости, зайка. Прости...

– Так нечего прощать. Сама заработала. Знала – на что шла.

– Себя только не изводи, хорошо, солнце? Бороться сейчас надо. Выживать. Пойми! Начнешь себя жалеть – погибнешь.

– А зачем, Кирьян, зачем? Посмотри! – Она глянула вниз себя и вновь перевела на меня огромные, обрамленные темными кругами, горящие беспощадным пламенем сдерживаемой ярости глаза. – Жить такой?! Да я не хочу! Понимаешь?! Не из-за того, что стала калечью, а из-за того, что проиграла...

– Катя, успокойся. Меня сейчас выгонят на хер отсюда. Не поговорим.

– Поговорим. Не ссы, не выгонят. Я все еще – любимая шлюшка Президента. Или ты забыл? И хватит слезы лить! Нашел место...

Внутри нее бушевала свирепая битва, и только физическая слабость, само состояние – стоящего на грани тяжелораненого человека – позволяло по взгляду считывать происходящее внутри. И я здесь – всего лишь свидетель. Причем пристрастный – всей душой фанатично болеющий за команду «выжить». Взрослая рубка идет. Страшнее и опаснее схватки, чем с самим собой, – нет. Цена смешная – жизнь.

– Перестань, Кать, что ты такое говоришь...

– Да правду говорю... Мне сейчас – можно. И ведь знаешь, что это – так... Ты сейчас не из-за меня сердце рвешь, а за себя. За ненависть ко мне корчишься. Не протестуй, так и есть! Я вот что тебе скажу, Кирилл, раз уж ты оказался моим исповедником... Единственная ваша вина – это близорукость. Вы как меня звали, помнишь? Катя-трактор! Всегда смотрели на окровавленные гусеницы, которыми я вас переехала, а вот в кабину никто заглянуть не удосужился... – Она вдруг тепло, человечно улыбнулась спекшейся шоколадной коркой губ и закончила: – А там сидела девочка, желавшая лишь одного – вырваться из этого, в душу ебанного, старобельского быдла. От спившихся в ухнарь родаков, выроdkов братьев и конченной сестры. От вечно синих соседей и их измороженных слабоумием детей. Единственное, чего хотела эта маленькая принцесса, – съебаться от своего неминуемого будущего: от превращения в быка с пиздой, на которую даже фаллоимитатор не встанет. Ты знаешь другой путь, Кирилл, кроме как безжалостно сражаться за свою свободу? Правильно головой мотаешь – нет другого пути. Вот и всё – ничего личного. Подумаешь, не заметили... Не рви душу, мужик.

Сзади выросла тумба нашего доктора...

– Закругляемся. Время!

– Давай, зайка, держись!

– Ты тоже, Кирьянчик. Не бойся за меня. Я сильная, справлюсь... – Она вновь просветлела наполнившимися симпатией глазами: – Сам держись!

Врач, выйдя из блока интенсивной терапии, тут же попал под мой пресс. Оказалось, что подрыв, судя по осколкам, произошел на мощной «поминалке». Вторую ногу и руку спасти не удалось – их буквально изорвало в клочья кусками обуви и фрагментами костей наступившей на мину левой стопы. Удивительно, как она вообще выжила. Там весу-то – пятьдесят с копейками. Цыпленочек!

Как выяснилось, самое страшное даже не в самих повреждениях, а в том, что она сдавалась внутренне. Вернее, вообще отказывается жить: ее организм, одну за другой, отключает жизненные системы.

– Наширяйте ее антидепрессантами, наркотиками, снотворным – я, там, не знаю!

Врач снисходительно посмотрел на меня, как на настырного карапуза:

– Звонил секретарь Военсовета. Мы делаем все возможное...

В коридоре мелькнуло знакомое лицо одного из Деминых пацанов. На улице возле стоящей под парами микроколонны реанимобилей с российскими государственными номерами увидел еще пару ребятешек.

Понятно – Стас своих не бросает.

Машины, чуть ли не на ходу высаживая офицеров, сразу расползались по территории аккумуляторного завода. На улице никто не шарится – люди быстро спускаются в подвал штаба. Город долбят круглосуточно. Вот-вот стальные колонны Объединенных Сил затрещат гусеницами по щебню разбитых вдребезг улиц. Жара не падает – наоборот, еще чуть поднялась над сорокаградусной отметкой.

Началось заседание. Одну высокоточную авиабомбу – сюда, и битва для фашиков закончится сокрушительной победой. Все здесь, начиная от Кравца с командованием – Буслаевым и Опанасенко, и заканчивая воропаевскими поле виками.

Замысел операции лично мне непонятен. Какой смысл, спрашивается, в процессе обороны поэтапно отводить регулярные части и дробить фашиков силами полевых отрядов и полувоенным ополчением? Ведь это, по сути, – сдать город?! Сижу, прячу глаза, помалкиваю в тряпочку. Статус личного друга Верховного обязывает.

Последняя ювелирная выкладка еще более высохшего, словно в одну жилу спекшегося Шурпалыча. Матерный рокот напутственного слова Команданте. Рикошетиющие в бетоне подвала, ревущие ускоряющими подсрачниками команды Нельсона. Народ поехал по своим позициям...

Остались с Колодой. Ему у Буслаева напоследок что-нито – выклянчить, мне – со Стасом перетереть.

– Ну як, Батько, поколядуемо з хфашистами?

– Побачимо... Цэ у тэбэ – гуп-ца-ца, а у мэнэ – брыгада. Ты ж, панэ, як курка: зыв, сэрнув, пишов – а кому за усэ видповыдаты трэба? Чи – не так? – прищурился хитрый хохол.

– Да ладно, Батя, то ты Буслаеву будешь плакаться, мне – на кой. Нормально все будет. Асфальт на полтора метра вглубь кровью твоих «зэмячкив» пропитаем та свалим к границе... Делов-то?

Хлопнув вытянувшегося рожей Колоду по широченной спине, пошел к Демьяну в машину – под кондиционер. Посидели, остыл чуток, вижу – появилась «головка» Военсовета. Выполз навстречу. Субординация, как-никак, ведь армия жеть, а не очумевшие от страха неминуемого возмездия «бандытськи угруповання», как цурюкина пресса пишет.

– Здравия желаю, товарищ Верховный Главнокомандующий!

– Издеваешься, жопа?! – Обнялись. – Ты как, Кириллыч, насчет пообедать?

– Легко...

Через полчаса засели в уцелевшем кабачке под бывшим кукольным театром. Заведение – только для белых, то бишь для высшего командного состава. Слышал о нем многое, но попал впервые. Ничего так, словно в довоенные годы вернулся... Только блядей не видно да «милитари стайл» со всех сторон – с перегрузом.

Пока готовили, хлопбыстнули по рюмочке кофейку да переговорили с глазу на глаз в отдельном кабинете.

– Что с Катькой, Стас?

– В Ростове. Из кризиса – вывели. Состояние стабильно тяжелое, но жить будет – девяносто девять процентов.

– Как бы крышу у девки не сорвало...

– Все нормально будет. Когда протезирую в Германии – еще стрекозой поскачет. Ты ведь знаешь – там характера на троих хватит. Не сломается.

– Был у нее. Ушел просто в шоке. Жалко девку до слез.

– Я знаю, брат. Спасибо. Давай еще по рюмахе.

Перешли к теме сегодняшнего совещания.

– Понимаешь, Кириллыч, ты уперся рогом в термин «оборона» и поэтому не можешь въехать в установки Опанасенко. Не будет никакой обороны, к примеру, как в Лисичанске. Въезжаешь?! Все это – убедительные для стороннего наблюдателя декорации, нарисованные Александром Павловичем. Стоит задача: сдать город с максимальными разрушениями – раз. Сохранить боеспособные части Республики – два. Нанести противнику тяжелый урон в личном составе и технике – три. На закуску – неплохо бы проваландаться с этой якобы обороной дней семь-восемь.

– У-у-у... вот оно что... – я скривил тупоумное выражение лица... – Тоды ты, Стасище, забыл еще пару пунктов... – Я выдержал паузу, но на благожелательном лице друга не дрогнул ни один мускул. Дипломат, однако! Вырос, красавец. – Например, добиться впечатляющих потерь в своих небоеспособных частях в виде спешно сформированных и необстрелянных фольксдойче а-ля народное ополчение. Или дать возможность фашикам изысканно нашинковать раненых в так и не эвакуированном госпитале.

– Не накручивай себя, дружище! Раненых вывезем. Областную обязательно разнесут. Кто-то под огребалово попадет. Некуда деваться. Нет у нас другой такой больницы. Осветим событие – привлечем внимание мировой, так сказать, общественности к зверствам так называемых Объединенных Сил. Только ты, сучара, не передергивай: не мы подставляем. Мы лишь точно знаем, как именно будут развиваться события.

– Ладно, толку спорить... Зачем сдаем столицу Республики и самый удобный для обороны город?

Кравец наклонился ко мне, внимательно посмотрел в глаза и сказал:

– Ты был в Краснодоне? Видел новые части?

– Ну, видел... Два мотострелковых полка на старой технике, и что?

– Вот ты стал тормозить, брат... Не задумывался, почему русские нас, словно на резинке, то подтянут, то отпустят: поставили С300 – свернули, прислали саперов – забрали. Все время и со всем: с оружием, военспецами, техникой. Почему?

– Да не врубилась еще, что они – следующие.

– Почти правильно, Кирьян. Про – «следующие». Но не совсем... Задай себе вопрос: каков мобилизационный потенциал всех наших беженцев? И заодно, почему Эр-Фэ их держит в трех приграничных областях и внутрь страны впускает лишь детей и абитуриентов, да и то – по великому благу?

Ну ни хрена себе – тема у друга! Внимательно посмотрел Кравцу в глаза. Бесполезно! Не прочтешь ничего. Время студенческих терок безвозвратно ушло в прошлое. Передо мной сидел решительный и упорный в достижении поставленных целей, тотально заточенный на победу секретарь Военного Совета воюющей с половиной мира Республики Восточная Малороссия.

– Стас! Ты говоришь о вторжении?

– Какое «вторжение», дружище?! Возвращение людей, согнанных с родной земли! Да – на старой бронетехнике, да – с автоматами Калашникова в руках, да – озверевших от ненависти к окраинцам. Ну и что? Это – не агрессия одной независимой державы на территорию другого суверенного государства. Нет! Это – адекватный ответ народа на военное вмешательство извне

и на предательство части собственного населения. Льготные десять процентов от пяти миллионов – считай сам, это возможная численность армии. Правда, у нас за границей и народа побольше выйдет, и мобилизационная политика будет иной. Как и подход к формированию добровольцев и спецов. России тоже надо где-то свой пассионарный потенциал утилизировать? Начинаешь втыкаться, брат?

– Хух... Ну круто! Ты точно уверен, что россияне решатся на такой конкретный шаг?

– А куда им деваться?! С тысяча девятьсот девяносто первого как минимум окончательно стало ясно: русские будут воевать с украинцами. Априори! Вопрос лишь – «когда»? После поражения в холодной войне добивание правопреемницы СССР стало неминуемым. Ну, а столкнуть один народ лбами – святое дело. И горе побежденным. Ты же хорошо учил уроки Югославии. Знаешь ведь утвержденный Штатами сценарий!

– Знаю... Плюс раскол Европы на два лагеря. Тут – понятно. Даже не спорю. Но насколько Россия готова дать сдачи? Ей бы самой консолидироваться да с национальной идеей разобратся.

– Ты хоть не грузи! Какая, нах, национальная идея?! Кто владеет Евразией – владеет миром! Россия – ровно половина Европы и добрячий шмат Азии – в одном лице. Это – перекресток миров. Она и есть – ключ к мировому господству. Да как приятное дополнение к суперпрайзу еще и Хозяйка Медной горы. И будут ее рвать зубами, пока не разорвут на куски и не сожрут, если она, конечно, не опомнится и вновь не покажет всем «кузькину мать». Тут же – такая возможность чужими руками. Вот посмотришь на тон ооновских педрил, когда наши танки будут под Варшавой...

– Я не про государственных мужей. Кроме хохлогона¹⁴⁷, да и то когда народ началом войны нахлобучило, особых подвижек в деле всеобщего осознания проблематики национального спасения у русских как-то не наблюдается.

– Пиздатый аргумент! Я тебя не узнаю... Ау, родной!!! Цвет ты нашей журналистики... Когда и кто спрашивал народ?! Ну ты дал стране угля...

– Не заводись... С танками в Европе – не боитесь до ядерного холокоста доиграться?

– Дети хлопали в ладоши – папа в козыря попал!!! Кто это говорит? Гуманист Деркулов... Не смейся, брат! Пока туземцы в Европе, Азии, на Дальнем Востоке режут друг друга, то пусть хоть на корне изведут. Другое дело – оружие массового поражения. Экологию не тронь – святое.

– Ладно. Посмотрим...

– Ты не торопись, я тебя не на политинформацию пригласил!

– Что еще?

– Говорю прямо, без экивоков... Мне бы не хотелось, чтобы ты участвовал в этой затее. Я имею в виду – оборону Луганска.

– Как это?

– Понимаешь... Нужна твоя голова, а не руки. И не только мне – Республике. Официально говорю – можешь распустить отряд. Кого надо – эвакуируем. Хоть всех. Денежное довольствие на каждого выдам из личного фонда. Возвращайся. Задач – немерено. Например, нужно проработать тему «Знамени». Ну... – Станислав Львович щелкнул в воздухе пальцами. – «Иконы», «Борца». У нас героев – немерено. Только шлифануть да раскрутить. Ясно, о чем я?

– Да. Понимаю, Стас... Я попробую отправить ребят по домам. Но мои пацаны намерены насмерть биться. Они твоих пасьянсов не поймут и не примут. Если останется хоть одна гра-

¹⁴⁷ Хохлогон (*жарг.*) – спонтанно инициированная одним знаменитым блогером цепная реакция стихийного и массового увольнения граждан Украины на предприятиях Российской Федерации.

натометная пара – остаюсь и я. Ты меня знаешь и, надеюсь, переубедить не будешь. Для всех нас уже давно эта война – дело глубоко личное. Важнее всего на свете, даже собственной семьи.

– Ясно, Кирьян, чего уж тут. Только трезво посмотри на свой расклад, без двух лап.¹⁴⁸ Солдат на войне – расходный материал, после – отработанный. Республика уже не нуждается в подвиге твоих пацанов. Да и хочется, знаешь, хоть раз поступить не как государственный деятель, а как нормальный мужик. Помнишь, сколько мы с тобой перетерли на первых курсах за войну? Ну, и меркантильные интересы Республики, как без этого... Твои бойцы, точно – как ты их волкодавами кличешь – за каждым шлейф тянется. У каждого из пасти – выдранные с мясом гортани и трахеи свисают. Куда же их миру показывать, вот таких героев, с окровавленными мордами... Бывшие беженцы – другое дело – чистенькие чудо-богатыри. Никого не резали, не вешали с отрубленными пальцами на будках ГАИ, как некоторые... – Старый друг хитро прищурился. – Вернулись воины воздать захватчикам по заслугам. Суть агнцы, клыки отравившие... – он хлопнул меня по плечу... – Отправляй своих по домам. Хватит, брат. Повоевали...

– Ладно, Стас, посмотрим. А «знамя» я тебе нарисую, тут ты не сомневайся. Уже знаю – как...

Бахнули водочки, похлебали гражданской солянки; на столе хлебная выпечка, салатки, креветочки, нарезочка, шашлычок... Круто! Нам такое и не снилось. Стас не удержался, чтобы не подколоть:

– Видишь, какой ты жизни лишился со своей партизанщиной.
– Это не партизанщина, это комплексная программа эффективного сдерживания веса.
– Тю, Кириллыч... Попросил бы меня, я шикарную диету для похудения знаю: подвал-наручники-батарея.

На следующее утро построил своих пацанов.

– Давеча разговаривал не скажу с кем. Неважно... Тема следующая. В обороне участвуют только добровольцы. Точнее, даже не добровольцы, а смертники. Я – серьезно... Поэтому! Каждый, у кого есть хоть какие-то – любые! – причины отложить собственные похороны – валят домой. Деньги, эвакуационный коридор, пропуски и бакшиши на дорогу – под мои личные гарантии. Все будет, как положено и даже сверх того. Это – первое. Далее... Часть людей я отправляю на дембель лично – по собственному приказу – на свое усмотрение. Ни о каких базарах типа «струсили», «отказники» и прочего гамна – даже слышать не хочу. Это – не моя прихоть! Всем час на размышления. Можете считать, что официальное заявление о роспуске батальона Деркулова прозвучало. Вольно! Разойтись!!!

Замерший в недоумении, нестройный ряд полусотни родных рож сразу заволновался, загомонил на все лады. Жихарев, удивленно задрав верхнюю бровь, протяжно посмотрел на меня и отошел в сторонку... Пусть думает. Считается, что это полезно.

Избегая ненужных мне сейчас объяснений, сел на Патрол и укатил к Воропаеву – добирать остатки вооружения. За мной хвостиком увязался Гридницкий. Ну, этого гони не гони – без толку. Леха и один останется – пойдет на войну... не со мной, так с любым другим отрядом. Еще не отыграли в жопе пионерские зорьки.

Вернулся с задержкой, уже к обеду. Народ все еще колобродит. Построил...

– Итак... Кто остается в обороне – подошли сюда!

Остается большая половина. Блядь! Весь костяк. Ничего, сейчас разжижу...

– Кобеньяка – три шага вперед. Бугай – следом. Стовбур – вперед. Ты – тоже. И ты. Так... О! Прокоп – хватит с тебя трех дырок – быстро рядом с остальными... Я не спорю – я приказываю... Молчать всем!!! Антон – рот закрыл! Сейчас и ты пойдешь, умник, бля! Дядь Мих-

¹⁴⁸ «Без двух лап» – то есть без двух взяток, недобор – жаргон преферансистов.

ась, иди сюда. Не артачься, сказал! Вот так... Все, что ли? – Мужики, краснея и отводя глаза, выстроились третьим строем. Ну! Другое дело... – Жихарев! Бери остающихся. Разбирайте, что привез. Ночью продолжаем стройбатиться и нычкарить¹⁴⁹: сегодня – помогаем саперам и тарим привезенные граники по базам сектора. Остальные! В этой «Ниве»... – я указал рукой за плечо... – капитан Бурсаков! Звать – Андрей Петрович. По очереди: подходите, записываетесь, сообщаете ему пункт назначения – куда вам надо то бишь. Следом – получаете у него свой маршрут, пропуска и денежное пособие. Стовбур! Тупо подели кассу и раздай всем поровну. Только отъезжающим – нас не считать! Объявишь всем – сколько выходит на рыло. Я потом проверю, понял?! – Женя преданно и на всякий случай виновато кивнул... – Кобенька, иди сюда. Бугай – ко мне!

Когда подошли, отвел их чуток в сторону и, понизив голос, выложил напрямик:

– Василь Степаныч, забирай мой джип, мне он больше без надобности. И еще, прошу, возьми с собой Мыколу. Только тебе могу пацана доверить... Присмотри вместо Деда. У тебя под Осколом все равно такая орава, что, считай, целый строевой взвод. Один рот...

– Да о чем ты, Аркадьевич?! Все будет хорошо. За сына парнишка будет.

– Мыкола?

– Га?

– Та не гакай, дытынко... – шутя ткнул его кулаком в броник на пузе. – Ось Васылю Стэпановичу... Вин будэ тоби – шо батько. Вин – гарный, ты сам бачив, та пам'ятаешь. Бувай, здоров сынку! Хай тоби щастить... – обнял растроганного парнишку, потом своего седоусого подполковника. – Давайте собирайтесь, мужики, по светлу, пока... – Повернулся к притихшим остаткам отряда: – Леха, выгрузи шмотки из джипа, машина уезжает.

Тут третий раз за день в нагрудном кармане мелкой дрожью стыдливой женской радости забила мобилка. Бутылку ставлю – Алена... Так и есть. Ну кранты – пошла на характер, теперь будет набирать, пока я трубу не возьму. Отошел, сел в тень, под стеночку.

– Да, солнце...

– Можешь говорить?

– Угу. Что у тебя, Мамсик?

– Просто звоню. Как дела – узнать. Все нормально?

– Было бы иначе – ты б первая узнала...

– Типун тебе на язык!

– Уже...

– Я вернулась.

– Откуда!

– Папс, не тормози! Я к Малой в Воронеж ездила. И домой к своим заскочила.

– Да, точно. Прости! Как она?

– Хорошо. На каникулы обещает приехать. Такая взрослая... Ночевала в общежитии. Легли, чувствую – принюхивается ко мне. Спрашиваю: «Что – пропотела, да?» – а она мне отвечает: «Какая ты дурочка – от тебя мамкой пахнет!» А я чувствую – отошла от меня. Уже выросла, моя красавица...

– Хм...

– Просила тебе не говорить... У нее мальчик появился.

– Кто?

– Студент физмата. Зовут Илья. На два курса старше. Не нахвалится.

¹⁴⁹ «Стройбатиться и нычкарить» (сленг.) – термины подготовки к очаговой обороне. Производное от слов «строительный батальон» и «нычка» то есть «тайник». Здесь: строительство долговременных огневых точек; сооружение баррикад, закладка бойниц, соединение подвалов в связывающие опорные пункты, подземные ходы; пробитие межэтажных перекрытий для эвакуации снайперов, гранатометчиков и расчетов ПТУР; создание тайников и мини-складов оружия, боеприпасов, продовольствия и тому подобные подготовительные работы.

– Ботан?
– Что?
– Ничего... Они – уже?
– В смысле?
– В прямом! Что – спрашиваешь?!
– Не кричи на меня... Откуда я знаю!
– Извини! На себя злюсь. Скоро внуки пойдут, а я тут, как последний мудак, – весь в говне и паутине.
– Возвращайся...
– Не могу, солнышко. Прости...
– Передают, будут Город штурмовать.
– Пусть штурмуют. Я не в Луганске.
– Хочешь – я приеду?
– Нет!
– На день. В Краснодон и обратно...
– Даже не думай.
– Что у тебя, вообще?
– Мамсик, давай позже – у меня совещание идет.
Не дожидаясь ответа – отбил связь. Надо бы тебе, Аленушка, начать заранее свыкаться со статусом вдовы...

На восьмые сутки боев я почувствовал: еще немного, и просто сойду с ума.

Время тупо зависло. Голова – расплавленным оловом налита. Перед глазами постоянно оранжево-зеленые масляные завитушки в глицерине довоенного светильника. Если бы не проклятая техника, то и дням бы счет потерял. Месиво вокруг идет несусветное. Шаримся по всем топкам юго-восточной линии обороны. Воропаев, сучара одноглазая, кидает нас из одной сраки в другую. Причем исключительно туда, где жарят – во все дыры! Еще и ржет, гандон! Говорит: «Фаши, как слышат по связи твои позывные, так сразу срутся». То, что сами мы как из жопы достатые, – никого не вставляет!

Нам – везет. Не считая троих раненых, пока – тьфу-тьфу. Чапу только жалко; точно мой кандагарец без правой руки останется. Предпоследний, братишка... Рядом Борек Никольский сидит: он – последний. Вот и вся афганская гвардия. Старого и Прокопа, как ни упирались, а заранее отправил по домам.

Вот потому и уворачиваемся, что два десятка нас всего. Сейчас и того меньше. Какой с меня, в жопу, комбат, по-хорошему... Была бы сотня бойцов, – положил бы всех.

Сегодня, кажется, доигрались в везунчика – попали под раздачу. Если ничего не произойдет, соровцы нас точно здесь живьем под асфальт закатают. Объединенные силы бесятся, но пока сделать ничего не могут. Мы кротоми зарылись на линии гостиница «Турист» – автобаза УВД – Острая Могила и, из последних сил вцепившись обломками зубов в плавающий бетон подвалов и развалин бывшего ВАУШ¹⁵⁰, стоим с упорством защитников Брестской крепости у последних рубежей прикрытия трассы Краснодон – российская граница.

Видимо, исходя из умозаключения: «Деркулова больше обосрать уже невозможно!» – Нельсон, скотина, вдобавок повесил на меня заложников...

На дальних подступах, у коттеджей поселка Видное, его пластуны хапнули съемочную группу тбилисского ТВ с аккредитацией Объединенных сил. Водилу, из военных, грохнули на глазах у телевизионщиков – южной прыти наверняка поубавится. Что там Коля себе надумал,

¹⁵⁰ ВАУШ – Высшее авиационное училище штурманов.

не знаю, только решил он до поры придержать троих присмиривших генацвале у меня в группе. Ну и по закону подлости, со «здрасьте», напоролись несчастные телевизионщики на Жихаря...

Только по нам, с утраца, отработали установки залпового огня, гаубицы и еще непонятно какая хрень, только по подвалам, продираясь через завалы, вернулись на позиции, тут, пользуясь затишьем, примечается воропаевский порученец с этими тремя придурками, их камерами и прочей ТВ-рухлядью.

В это время на свет Божий выползает белый как лунь, пересыпанный цементно-алебастровой пылью, что тот мельник мукой, Жихарь. Молча кидает взгляд на прижухшую стайку телевизионщиков, отворачивает рожу, расстегивает мотню и ссыт себе в ладошку. Наполнив немалую лохань своей грабалки, всполаскивает запорошенную морду, дует снова, опять умывается и, с третьего омовения, прихватив, расчесывая пятерней, еще и темный ежик коротко стриженных волос, спрашивает:

– Что за носороги?

– Приказ командира корпуса. Задержанных до выяснения – под вашу охрану.

Моложавый майор, оттараторив текст, шустро развернулся и, кивнув своим бойцам, удовлетворенно потрусил в сторону перекрестка Гастелло и Южно-Радиальной. Миссия исполнена, теперь вы ебитесь...

Завели невольных гостей вниз. Стали беседовать. Я в этом цирке не участвовал – сидел, мультики снимал. Через пять минут договорились до бессмертного «малэнький, но гордый птычка». Вы, ребята, нюхнув либерастической демократии, совсем белены объелись, что ли? Нашли – где и с кем...

Юра, сверху вниз наклонив голову, словно ворона в мерзлую кость, заглянул в очи собеседника и выдал:

– А-а-а.... Вот оно, значит, как.... Ну, та-да – ноги в ру ки... возвращайтесь в свою маленькую, но гордую страну, дружно задирайте клювы в небо и дробите друг другу свои крошечные, но гордые писюны!

Те, с трудом переваривая оскорбление, заткнулись. Но – поздно... Загодя надо мозгами шевелить: взводный уже завелся.

– Как вы заебали со своим национализмом, падлы... Все – дружно! Вы – кавказеры черножопые, урюки Бабайстана, балтийские чухонцы, кишиневские мамалыжники, крымские зверьки, наши, окраинские пидоры мокрожопые... Все национально озабоченные подпевалы забугорья! Сколько еще от вас крови будет?! Сколько – еще?! Только нам одним ничего ни от кого не надо, кроме как умирать на ваших мелочных войнах. На всех кладбищах Союза – офицерские кости без имен и крестов. Зато потом, отвоевав, приезжаете толпой попсовых уродов – звезды голубого экрана, нахуй никому не нужные, – с чудовищным акцентом, коверкая слова, рассказываете вздох, как здорово рубить капусту в Москве, лапать наших баб и жрать водку, и при этом, шалавы, искренне и праведно, до корчей, ненавидите русских! Мы вас трогали, убьки? Звали сюда?! – Юра делает решительный шаг к самому рослому телевизионщику. – Я маму твою – ебал! Понял, чурек?

Тут неожиданно, совсем несвойственно для гортанно-гордого джигита, по-бабьи высоко, подорванно вскрикивает стоящий позади всех телеоператор и, держась за правую ягодицу, в один прыжок заскакивает в мгновенно сгрудившуюся, перепуганную воробынью стайку.

– Проба пера! – провозглашает вынырнувший с тыла Гридницкий. – Тоже хочу в журналисты... – в заведенной за ногу руке прячется закопченное на костерке лезвие ножа, бритвой наверх. Лицо побелевшее, узловатыми комками пошло. Плотнo сжатых, гипсовых губ не видно. Глазные яблоки слились цветом с белками. Следующий раз пыранет уже не по-детски и не в смуглую попку, а насквозь глотку распанахает – совсем не на полшишечки... Остальные пацаны тоже набычились. Ох, покромсают сейчас коллег...

– Откатали назад! Быстро!!! Отъебались от них, сказал! Заняться нечем?! Юра, остынь! Леха, ко мне... Ильяс! Задержанные – в твои расчеты. Под личную ответственность. Ну? Что я сказал?!

Вовремя! По улице Оборонной слышится лязг гусениц. Продолжаем концерт по заявкам международной общественности...

День десятый. Держимся на честном слове. Камрады выкатили все что есть и тупо лупят в подвалы руин масштабной предвоенной новостройки прямой наводкой. Хвала небу, что хотя бы добровольческой пехоты тут нет, одни крипаки. Но зато – какими толпами!

Минометчики Штейнберга свалили вчера с остатками уцелевшей батареи. Петя приказ на отход еще два дня назад дал, да вот уперлись мужики, на нас глядя. До последней мины стояли.

Мы шустрými землеройками курсируем по дымящимся развалинам да полузаваленным подвалам от одной заложной бетонными блоками и мешками с песком бойнице импровизированного ДОТа¹⁵¹ до другой. По уцелевшим пока крышам и верхним этажам гостиницы, когда-то жилой девятиэтажки и остовов так и не достроенного квартала «Новый город» мартышками скачут мои снайперы и «Корнетовцы».

Ильяс командует расчетами ПТУР: Максим Шкуратов с намертво прилепленной Кузнецовым погремухой «Малюта» вместе с Денисом Коваленко – превратили район Острой Могилы в кладбище соровской бронетехники. Переименовывать потом придется. Антошины «ухальщики» ведут свой счет. Тройка Гирмана бьет редко, но метко, хотя и оглушены конкретно, тяжелее всех, – от барабанных перепонки у пацанов, видимо, одно название осталось.

Мы приказ на отход получили два дня назад. Но отойти не можем физически. Полностью окружены. И Объединенные силы свалили бы с радостью, но тоже не могут – свои расклады. И мы и они – заложники этой бойни.

Напомнило чем-то афганскую юность. Подобное я в своей жизни уже проходил, правда в иной роли... В роли фашика.

* * *

Зарывшись в грязный снег носом, меж дувалами лежит Бродя. Из-под живота, смешавшись с раскисшей кизячной грязью, набежала добрячая лужа. Бушлат на поясице вздыблен пучком вылезшей белой ваты. Блестки красного внутри придают ей сходство с каким-то цветком – словно прощаясь, распустилась огромная коробочка пурпурно-белого хлопка на спине нашего пулеметчика. Последний букет в жизни длиной в девятнадцать лет. Через полгода после Бродиных похорон умрет не пережившая смерть сына мать. Отец сопьется и, по словам его витебских земляков, пропадет с концами на очередной непонятно какой шабашке.

Нам, правда, сейчас не об убитом пацане надо думать-горевать, а смотреть, как бы самим отсюда ноги унести. Вляпались, нечего сказать, – влезли по самое «не балуй». Ведь я же, дурака кусок, жопой чуял, что неспроста этот гребаный кишлачишко так затих, так прижух еще до нашего появления. Нет! Надо, надо доверять собственной чуйке!

Взводный тоже что-то уловил, но теперь уж точно – не расскажет. Пока жив, но это – последние потуги молодого здорового организма. Пуля, явно пять сорок пять, прошив голову насквозь и нашинковав мозги в форшмак, как-то умудрилась не задеть жизненно важные центры. По-любому не дотянуть мужику до вертушки. Не выжить. Да и смысл – выкарабкиваться?! Чтoб потом всю жизнь в коляске досиживать, прорастать овощем, рвя в клочья матеpино сердце? Она для этого его тутушкала, растила да в училище отправляла, чтобы любоваться, как он под себя ходит и слюни бульбами пускает? Да нет уж! Пусть лучше героем похоронит. Как

¹⁵¹ ДОТ – долговременная огневая точка.

икону, на уголок тумбочки – напротив выпускной фотографии – открытую коробочку «Боевого Красного Знамени» поставит пред глазами. Чтоб – всегда... Матушка после него еще лет десять протянет. Правда, почернеет вся, сожмется. Буду ездить к нему домой, потом... раз десять, наверное, навещу старушку. И каждый приезд – словно самого в могилу опускают.

Третий наш «попандопало» сидит у дальней клуни – судя по обилию катышек овечьего «гамна», овин. Бедро прошито насквозь, кость, как впоследствии выяснится, – в труху, нога – соплей болтается. Всю жизнь с третьей группой и инвалидной палочкой не расставаться Хмелику. Родина щедро отоварит героя за вовремя брошенную в окно эфку:¹⁵² боевую медаль даст и однокомнатную квартиру в спальнике Салтовки¹⁵³.

Это – потери. Приобретено же за них – негусто: круговая оборона в раскинувшейся в центре кишлака байской усадьбе. Можно возгордиться, что прорвались в середину духовских позиций, но сей факт как-то не особо вдохновляет, потому что теперь воины Аллаха звиздят нас, что тех проклятых исламом свиней, с трех сторон.

Начиналось все тихо и спокойно. Если бы не гаденькое предчувствие с утра, вообще – не операция, а бодрящая зимняя прогулка за свежей бараниной...

Вышли навстречу колонне. Доползли бронегруппой до точки Артынджилау¹⁵⁴. Встали. В преддверии скорого возвращения командование решило погонять духов. И правильно решило. Лучше загодя, пока налегке, чем после, когда машины на холке тяжелыми путами висят. Выскочили веером батальона в разных направлениях, затем спешили и пошли – один кишлак за другим. Особо на уши не ставили, правда, но страху нагнали, как положено, пока в очередном, насквозь провонявшем прокисшим айраном и дымом сушеного с соломой помета, безымянном кишлачишке нас не встретили...

Подразделение своими взводами вошло в селение с двух параллельных направлений. Первый взвод, прикрывая, сидел на хребте сверху. Кизячной лепешкой, прилепившийся к подъему хребта, кишлак напоминал сверху скорее отпечатанный в заснеженной грязи протектор, нежели место жизни людей.

Ротный, шедший левее вместе со вторым взводом, успел проскочить до мечети, когда дозорный Бродя вышиб ногой эту злополучную калитку. Из окна в глубине двора оглушительно рыгнуло оранжево-желтым, и, размашисто отшвырнув тяжелый ПК, наш пулеметчик, крутанувшись в воздухе, грузно рухнул лицом в снег. Время, словно замерев на неуловимое мгновение, позволило мне краем глаза заметить ныряющий назад в темноту проема нос тупорылого бугра¹⁵⁵.

С верхних окон полуторазэтажного дома ударило несколько «калашей». Взводный успел кинуть нас в боковой проход и опрокинулся на спину с дырой у среза волос. Если бы не граната Валерки Хмелько, то и остальные двенадцать бойцов третьего мотострелкового с хрустом бы вытянулись в замысловатых позах, встав окостенелыми, восковыми лицами в смешанный с кровью снег Бадахшана.

Не думаю, что духи, заблаговременно подготовив засаду, целенаправленно ждали прихода шурави. С восьмьдесят третьего массированными БШУ артиллерии и авиации мы отучили правоверных упираться в собственных поселках. Если бы они действительно нас ждали, то никогда уж не вспоминать мне то артынджилавское рубилово. Скорее всего, они просто не успели уйти, а когда заметили нашу броню – было поздно: первый взвод, оседлав возвышенности периметра, блокировал пути отступления.

¹⁵² Граната Ф-1.

¹⁵³ Салтовка – район в Харькове.

¹⁵⁴ Артынджилау – названная по близлежащему населенному пункту одна из опорных «точек» на дороге Файзабад – Кишим, жизненной магистрали в/ч п/п 89933, дислоцировавшейся в провинции Бадахшан.

¹⁵⁵ «Бур» (сленг.) – английская магазинная винтовка Lee-Enfield калибра 7,71 мм.

Схема обороны, на случай внезапного попадания, у бабаев, конечно же, была. Понятно, что цель любого наезда – хоть нашего шмона¹⁵⁶, хоть делегации от конкурирующей группировки – дом местного полевого командира тире духовного лидера общины. Вот они и подготовились. В угловых домах по краям треугольника создали укрепленные точки, а в самой усадьбе оставили, в виде приманки, крошечную засаду из двух человек. Теперь они вон где валяются: порубанные да посеченные Валеркиной гранатой смердят у входа.

Ротный ничем нам помочь не может. Ну хоть ляг в полный рост, технически невозможно пятнадцать бойцами взять штурмом сразу два укрепленных многоуровневых строения, откуда тебя крест-накрест рвут кинжальным огнем два десятка душариков. Мы сами, считая каждый патрон, скупно отгавкиваемся на любое проявление вражеской активности и в десятый раз, срывая глотки, пытаемся выяснить, сколько же и кому – еб вашу мать! – надо передать гранат. В остальное время из обрывочных воспоминаний детства, по кусочкам – словно мозаику, пыжимся собрать в башке хотя бы одну целую молитву. Нашим БМПэшкам на бугор не забраться и издали бить некуда – склон закрывает. Самая близкая к нам разведрота, как позже узнаем, сама в глубокой жопе за тридцать километров от нас. Остальные роты батальона доберутся сюда лишь к утру. Что духи умеют вытворять с пленными и телами убитых – видел каждый. Аут...

Правовверные, словно по коридорам, проскакивают сквозь дувалы из одной усадьбы в другую, внезапно переносят массированный огонь со второго взвода на нас. Как все логичное и действенное в этом мире до безобразия просто: надо лишь заблаговременно пробить в перегородках и стенах, скрещенных с сараями заборов, овальные дыры! Теперь нам кажется, что у них здесь не меньше полусотни штыков. Двое убитых и раненый – у меня да двое задетых – у ротного в первые минуты боя сломали нас морально. Мы уже не хотим побеждать, мы хотим уйти. Это – все, конец...

В норме солдат, конечно же, хочет выжить, но это – не крайняя задача. Основа основ – победить. Пусть даже – любой ценой. Если каждый выигрывает свой собственный бой, то армией, все вместе, мы побеждаем в сражении и в самой войне. Но только не здесь! Тут нет фронта, да и противника как такового – тоже нет. Он призрак, сгустившийся до огненного плевка клок темноты, который, ударив в живот жгущей болью, тут же опять растворяется в предраассветных сумерках. Да и не за что нам тут стоять насмерть – отцы-командиры так и не удосужились нам внятно объяснить, за что мы идем под афганскую газонокосилку. Единственно, за что можно упереться, – так это за Бродю, да за летеху нашего, на три года всего меня старше. За Виталю, подорвавшегося вместе с Мурмоном месяц назад, да за Тахира, снятого снайпером под Джармом... Вот за наших, за пацанов, мы вас, твари, теперь назло всему – даже слезам собственных матерей, – хрен отсюда подобру выпустим. И в самом кишлаке камня на камне не оставим. Что не сожжем – взорвем, сроем, в щепу порубим. Из домашней скотины – одних блох оставим. Даже хозяйский сортир – единственный туалет, который я видел в афганских кишлаках, и тот тремя четырехсотграммовыми тротильными шашками саперы чуть позже Байконуром в небо запустят.

Воины Аллаха тоже чуток успокоились. Начали они, не отнять, хорошо, да вот тоже – увязли. Прошелся по своим бойцам, переговорил с каждым. Ничего, тут никому не обломится на халяву: звезду Героя с неба рвать – не намерены, но и смиренно идти под топор – тоже никто не собирается. Гранаты есть, патронов тоже пока хватает. Молодых всех вниз, на последний рубеж, дедов на верхние уровни. Огонь – только одиночными...

Куда бы увалиться со своей снайперкой поглубже? Да хоть вот за этот угол – перед проломом в стене в дальнем конце коридора: побитой крысой заползти, высунуть длинный ствол и

¹⁵⁶ «Шмон» (*жарг.*) – повальный обыск населенного пункта. Одна из основных методик устрашения коренного населения в годы войны в Афганистане.

пасти любую пададь, рискнувшую проскочить перед окнами второго этажа дома муллы. Когда еще они повторно влепят сюда с РПГ?! Да и приметы – про два раза в одну дыру – опять же...

К ночи перестали бить из автоматов. Один эн-зэ¹⁵⁷ остался на случай штурма – по неполному магазину на брата. Нормально более-менее только на двух пулеметах, да и то лишь потому, что бабай высунуться не дают. На три снайперки – боеприпасов вагон, только толку нам от СВД, если духи на рывок решатся. Граников у нас, само собой, нет, хотя здесь они очень бы даже не помешали, и хрен с тем, что только кумулятивные гранаты стоят на вооружении. Подствольников маловато, да и ВОГи на счет. АГС остался на броне. Ну нам он бесплатно не нужен – лучше бы ножей родное командование подбросило: если дойдет до свалки, поплачем без них.

Эх, жаль, что не положен советскому срочнику боевой нож. И правильно, что не положен! Выдай ширялово, научи врагов кромсать – греха не оберешься: вернется с приобретенными навыками такой вот «резчик по чурбанам» на гражданку, что с ним дальше делать – зверинец для него строить всесоюзный, что ли?! Нет! Пусть лучше духи часть покромсают – наши бабы новых солдатиков нарожают... все одно великая космическая держава до самого своего падения так и не научилась гандоны делать.

Ротный все время на связи. Поддерживает залетчика сержанта, вдруг ставшего целым командиром взвода. После еще и к медали представит, решительно махнув на все бывшие грозные обещания.

В полночь правоверные разок прокололись: начав отход – шумнули. Выждали бы ближе к утру – ушли бы без потерь. Это нам – некуда, со всех сторон обложены, а у них же только редкий блок первого взвода да ротный со своими пацанами с одной стороны. Видимо, боялись подкрепления и не смогли высчитать время подхода основных сил. Пошли слишком рано – у нас еще оставалась пиротехника...

Первого косой пулеметной очередью с перепугу упорол Дьяченко. Второй – суперпризом и единственным оправданием за все случившееся – достается мне...

В мерцающем свете осветительных ракет с пятидесяти метров да в подсвеченную сетку четырехкратного ПСО¹⁵⁸перетянутая крест-накрест кожаными лентами патронташей убегающая вдоль улицы спина кажется огромным Андреевским флагом. Промahnуться невозможно и я с мстительным, тягучим наслаждением – с оттягом, всадил меж лопатками первый финик. Следом, боясь упустить везуху, добавил еще несколько – в неподвижно распростертую фигуру с косо подломленной под руку дубиноподобной винтовкой. Может, я сам себе все это придумал, но потом, совершенно честно и свято, уверовал на всю оставшуюся в то, что это – тот самый бур. Бродинский...

* * *

День двенадцатый. Мы толком-то уже и не сражаемся – тупо прячемся и редко-редко огрызаемся огнем. Наших вокруг практически никого не осталось – все уже отошли. Одни мы до сих пор никак выскочить не можем. Хорошо хотя бы, что раненых своих вынесли. До пункта сбора, поселка Николаевка, – всего двенадцать километров, до Вишневого Дола – вполовину меньше. И – никак! Меж нами и заветным пересохшим Луганчиком – вся мощь Объединенных сил.

Камрады просто посказились. Приволокли какой-то страшный, огромный, хуже танка бронированный бульдозер. Взорвали наш фундамент основной баррикады на Краснодонской трассе – служивший до начала штурма памятником героям Великой Отечественной Т-34.

¹⁵⁷ НЗ – неприкосновенный запас.

¹⁵⁸ ПСО – прицел снайперский оптический.

Невзирая на мины, сгребли все бетонные блоки наших загородей, а у меня, как назло, ни одного заряда на ПТУРы. Разок оставшийся в одиночестве Боря Яковлевич врезал по бульдозеру с «двадцать девятого», но граната «Вампира» лишь навывлет прожгла и так изрядно подрыпанную подрывами лопату.

Вообще, с обеспечением последнюю неделю совсем глухо. Из граников – один «двадцать седьмой». Крупнокалиберных осталось патронов двадцать. Боеприпасы на стрелковое – тоже на счет. Надо уходить. Если не сейчас, то ляжем без вариантов...

За последние дни погибло двое снайперов Кузнецова – из новеньких пацанята, практически не знал. Еще двоих «мышат» – с интервалом в ночь – изрядно посеколо осколками. Леха на пару с командиром остался куковать. Гирман тоже в одиночестве. Вчера отправили последнего бойца с дыркой в плечевом суставе. Ну, там норма – сам, своими ножками, скособочившись, ушел с последним медицинским караваном. Тяжело контузило Дэнова напарника. Теперь на два «Корнета» – ноль зарядов, два оператора-наводчика и один шерп. Остальные относительно целы. Оглушены, конечно, не раз и не два, царапины-подряпины у всех, но кого этим сейчас удивишь? Последний рубеж обороны: одиннадцать измученных, отупевших, измочаленных двухнедельными боями, практически безоружных призраков на бескрайних просторах серой пустыни с одинокими остовами бетонных ульев.

Добро пожаловать в преисподнюю, камрады, вы ведь этого хотели...

Соровцы, расчистив очередной проход, явно опять что-то затевают. Рассыпали веерной цепью снайперов в трехстах метрах и час уже урчат моторами. Выманивают, не иначе. В оптику видно, как разворачиваются бронетранспортеры. О! Танк появился!словно средневековый рыцарь, весь в квадратных чешуйках навесной брони, вперед, поводя стальным хоботом, опасно выползает «Чизет». Непропорционально хлипенький пулемет над люком башни зорко поглядывает на наши серые терриконы.

Иди, иди сюда, маленький. Мы тебя баиньки уложим...

– Никольский! Борюсь, хватай «Таволгу» и ползком к Саламу. Все – концентрируемся у столовки и, по сигналу, рывком на Вергунку. Передай Ильяссу, что на отстойники, как планировалось, не пойдем. Там уже фашики дробятся. Понял?!

– Усек, командир!

– Вперед! – Повернул голову к Антоше: – Ты какого хера здесь забыл?! Схватил винтовку и – следом... только магазинов пару оставь... Быстро! – Поискал глазами Жихаря. – Поддержишь спринтеров?

– Та не, командир. Илюха сам разберется. Там еще твои любимые телевизионщики... Не, мне туда нельзя. Да, Лех?

Гридницкий, выпасая в мой бинокль камрадов, ничего не ответив, лишь неопределенно передернул плечами.

Ну что ж – пора...

– Давай, Юр! Выходи на связь. Начинаем...

Начали. Но не мы...

Как прочувствовав или, скорее, заметив чье-то неосторожное движение, «Чизета» рубанула прямо в полуподвальный угол бывшего торгового центра. Следом туда же ударил пяток скорострельных пушек легкой брони. Через полминуты танк, контрольным заходом, упорол еще разок. Блядь! Прямо по позициям группы. Мне с края восьмого этажа башни отчетливо было видно, как поплыли бетонные плиты перекрытия подвала.

– Салимуллин ранен! Никольский... Черт возьми, ничего не слышу! – взводный-один, пылая мрачным пламенем обращенных в самого себя глаз, напряженно вслушивается в треск «148-й». Уже не до конспирации, судя по всему – пошла игра открытым текстом. – Да, Боря ранен. Малюта... Еби вас в рот! – переходит на крик старший лейтенант. – Что еще?! Понял... –

Он разворачивается ко мне. – Ильяс, Борек, Малюта. Есть контуженные. Заложников тоже накрыло, но там никто не смотрел... – Он выжидательно смотрит на меня.

Что мне ему приказать – умри, но вытащи? Есть другие варианты?

– Жихарь! Забирай Леху, станцию и вперед. Всех вывести. Если невозможно – бросай грузин. Наших, кого можно спасти, – надо вытаскивать. Надо, Юр... Вперед!

– Может, Гридню все ж тебе оставить?

– Он – не собака, брат. Выводи пацанов...

– Удачи, Кириллыч!

– И тебе, брат!

Поднял оставленный мне «Кончар»: два магазина – десять патронов. Негусто... Балансируя и перепрыгивая по блокам разрушенных лестничных пролетов, спустился на три этажа ниже. Прополз вдоль и очень аккуратно высунул нос в проем коридора. Следом, по кусочкам, за угол несущей стены выдвинул винтовку. Через восемь метров от меня в противоположной стене зияет проем, через который, еще через одну комнату, открывается угловатая дыра пробитой снарядом внешней стеновой плиты. Будем надеяться, что рваная из бетона арматура, торчащая сейчас во все стороны растопыренными паучьими пальцами кукольной ведьмы, не зацепит пулю. Ну не может же быть такая тотальная непруха!

Что происходит у наших – мне не видно. Связи тоже нет. Зато камрады совсем в жопе не ковыряются – вплотную подошли к остову центра. Впереди бульдозер. За его подряпанным ковшом гиппопотамом за березкой пытается спрятаться танк. С краев идут четыре бэтээра. Две БМП замыкают цепи по краям. Позади всех, по уму – как Чапай учил, – командирская штабная машина. Но это еще не самое страшное. Между и позади брони сгрудилось до роты мазепанцев. В мощный прицел видны жухло-желтые «вилы», вышитые на их шевронах. Камуфлированные рукава закатаны. Натовские каски низко натянуты на сурово насупленные шнопаки. Ну прям эсэсовцы, еб их мать, да и только! Давайте, падлы, отрабатывайте свои сребреники. Сейчас, как дойдет до дела, – парочку порву: никакой доктор, даже трижды «европейский», – не заштопает...

Внизу раздались заполошные крики. Повел длинным стволом. Из невидимого мне провала показалась рука с голубым миротворческим флагом и белыми буквами. Следом, с окровавленной головой, показался здоровячок телевизионщик. В сильную оптику видно, что у него, словно у актера театра кабуки, на совершенно белом лице горят губы с красными потеками. Сверху кармином сияют щедро окровавленные волосы. Грузин в полубессознательном состоянии: телепается всем корпусом, паралично размахивает окостенелой рукой с флагом, спотыкаясь и ударяя себя по ногам, тащит какой-то аппарат с тянущимся за ним на проводе микрофоном. На скособоленном голубом бронежилете, спереди и сзади, спасительная надпись PRESS. Следом из подвала выныривает второй. Тоже – рослая детина. Не понял – там же мелкие все...

Блядь!!! Жихарь, сучара, что ты творишь?!

Напялив на лоб голубую каску и журналистский броник, подталкивая телевизионщика в спину камерой, следом сутулится мой взводный. В правой руке по земле тащится огромный баул съемочной группы с неизменной белой надписью PRESS по яркому темно-голубому фону. Что за хрень?!

Из-за машин выскакивают несколько радостных харь. Ну, понятно, счастье-то какое привалило: героически, с боем, спасли, нет, даже не так – вырвали из окровавленных лап донбассярского зверя – съемочную группу дружественной республики. Медаль Конгресса отхватит кто-то из командоров, не иначе...

Присмотревшись, замечаю, что из прорехи баула свисает знакомая широкая лямка с наплечными подушками... Е!!! Это же бугаевский рюкзак – наследство Денатуратыча! Весь наш запас мин, сосредоточенных зарядов и взрывчатки... Блядь! Юра – не надо. Пожалуйста, брат! Нет! Нет!!! Щелкнув предохранителем, всаживаю разрывную в метре перед ногами.

Пофиг! Камрадская броня поднимает стволы. Сейчас глянут на дисплеи контрснайперских пеленгаторов и порвут, что грелку, мою позицию вместе с остатками пятого этажа.

Юра, не останавливаясь и не моргнув на мой сигнал, успевает дотолкать несчастного генацвале до «Чизеты»; подпернув всем корпусом, с размаху бросает сумку под танковую башню и... тонет в оглушительном черном разрыве.

В уши бьет рвущей череп тишиной. На месте танка, растягиваясь вширь, закрубило буро-пепельное, тут же закрывшее обзор до третьего этажа, тяжелое облако. Все замерло. В голове через мгновение вибрирующе взорвался миллионголосый хор черноморских цикад. Крипаки куда-то запропастились – смыло, видать, взрывной волной. Остальные машины поникли длинными носами. Что на месте танка и ближайшей к нему АМВешки – не видно.

Через пару минут, не меньше, открывается верхний люк стоящей позади всех КШМ. Оттуда вначале высовывается по грудь, а потом садится жопой на край брони молодой белесый офицер. Стягивает с головы шлемофон. Глаза ошарашенные, потерянные. Я тебя понимаю. Обождь... Сейчас они у тебя – не такие станут. Округлим щаз, до предела, зеночки подслеповатые...

Тщательно прицеливаюсь и всаживаю тяжелую бронебойно-зажигательную прямо в центр грудины. Угадай с трех раз, чучмек: поможет ли тебе пендосский броник?

Офицера, швырнув назад, крепко ударяет о раскрытый люк, и он, на резинке собственной шеи, по кругу мотнув мгновенно обессилевшей головой, зомбочкой валится набок. Рассматривать результаты я не стал – отскочив от угла, прометнулся в конец коридора, выскочил в бывшую подсобку с обрушенной стеной тыльной стороны здания и, на ходу выдернув из-за пояса брезентовые рукавицы, съехал вниз по тросу на кучу битого щебня.

Над головой, вырывая из стен бетонные слезы, загрохотали разрывы автоматических пушек...

Уже не важно – теперь хоть заподлицо срежьте башню. Мне одного взгляда сверху вниз хватило, чтобы увидеть уходящую меж развалин группу с тремя кевларовыми носилками на руках.

Перехватив тяжелый «Кончар», потрусил догонять.

Прощай, Луганск. Как я тебя, блядь, ненавижу...

Глава VIII

Великий Лог

– Подписывай, Деркулов. Ты же столько этого добивался... – Павел Андреевич, расслабленно следил за вычитывающим официальный бланк Деркуловым. Разжогин примерным школяром, сложив перед собой руки, терпеливо ждал результата.

Задержанный, внимательно прочтя бумагу, взял со стола шариковую ручку и поставил в нижнем левом углу размашистую подпись.

– В течение трех суток вы будете переданы официальным представителям Международного уголовного трибунала по военным преступлениям, геноциду и преступлениям против человечности для последующего этапирования в город Нюрнберг, Германия... – полковник встал, вложил бланк в файл и вопросительно посмотрел на Нагубнова.

– Спасибо, Анатолий Сергеевич.

Разжогин сухо кивнул шефу и, защелкнув запоры металлической папки, направился к двери.

– А поцеловать?

Полковник вкопано остановился и неторопливо развернул темные стволы на подследственного:

– Кирилл Аркадьевич, мое отношение к вам и к вашим похождениям вам известно. Прощайте... – полковник сухо кивнул и вышел на улицу.

– Вам не кажется, что я за время следствия весьма положительно повлиял на нашу Мисс Безупречность? В первые дни знакомства он бы желваками, как июньская черешня, покрылся до самой задницы.

Нагубнов только криво ухмыльнулся в ответ:

– Вот ты умеешь, Деркулов, вцепиться. Ну дался тебе наш Толя! Делает человек свою работу – пусть делает. Да, зануда и педант, что с того? И потом, тебе какой интерес с него? Все, дорогой, – отпрыгался на батуте! Может, ты еще с благодарностью его вспомнишь после знакомства с трибунальскими мордохватами...

– Понятно... Вы обратили внимание на то, что вчера он передал мне пакет документов для ознакомления?

– Да... – полковника явно не порадовал вопрос собеседника.

– Там был такой беленький конвертик... Знаете, что в нем было?

– ...? – Глаза полковника потяжелели еще больше.

– Лезвие.

– М-м-м.... Где оно?

– Да так... Потерялось в палатке... Где-то.

– Скажу тебе прямо, Деркулов. Есть у нас – как без этого! – люди, которые всерьез считают, что тебе лучше не ехать судиться. Я... – Он указал на свою широченную грудь толстым узловатым пальцем... – их мнения не разделяю. Тем более, кто поверит, что такая оторва, как ты, – вскрылся добровольно?! Вот и все, что я могу тебе сказать по этому поводу. Еще вопросы будут?

– Хорошо. Закрыли тему...

– Чай?

– Лучше коньяк, Павел Андреевич.

– Не боишься спиться? – вставая со своего прокурорского места, зарокотал он потеплевшим баском.

- Нет! – рассмеялся подследственный... – Наоборот! Вы знаете, почему мы, русские, такие умные?
- А ну?
- Да потому, что – бухаем! Мы – алхимики. Всем народом! Мы научились превращать водюру – в идеи, образы и мысли! Там, где любой оскотинивается, мы просветляемся!
- Неслабый спич... – Нагубнов плеснул по полстакана «Кизляра». – Как тут у вас говорят: «Будьмо»!
- Пусть окры будмуют... Ваше здоровье!!!
- И твое!
- Оценивая вкус, помолчали. Закурили...
- Павел Андреевич, можно вопрос напрямую. Только, если отвечать не захотите, голову морочить не надо. Я пойму...
- После такого вступления хочется вызвать охрану...
- Да ладно. По вам видно: на двоих таких, как я, здоровья хватит.
- Не обделен, твоя правда. Крепкие были родители.
- Угу! Из вас такой же работник прокуратуры, как из меня – балерина. Кто вы на самом деле, Павел Андреевич?
- У-у-у... куда тебя понесло...
- Ответите или нет?
- Как бы тебе сказать... глазастый ты наш. Ну... – Нагубнов, с нескрываемым интересом разглядывая арестанта, выдержал длинную паузу... – Скажем так – угадал...
- Штанишки, по жизни, не иначе с лампасиками. Как у друзей, помните?
- Есть и такое галифе в шкафчике, что уж тут увиливать. Государству – оно виднее! У него поди вон – голов сколько. Ценит...
- Так все же... Зачем спектакль?
- Какие ты вопросы неудобные задаешь, Деркулов. Не знаю, как тебе отвечать... Ты ведь педагогический заканчивал, так?
- Да...
- Ну дык! Отлично! Считай мы с тобой – коллеги. И давай сменим тему.
- Ага... Щаз! Самое интересное только начинается... Можно с «коллеги» – поподробнее?
- Ды ты просто оракул, Деркулов. Конечно же – нельзя!
- А все-таки?
- Любопытство – порок, дорогой. Иногда летальный.
- Да мне уже как-то...
- Ладно. Последняя попытка... Скажем, так. Возможно, что твое понимание психологии полевого командира совсем скоро поможет твоим же соратникам и всем остальным. М-м-м... – полковник пожевал губами... – заинтересованным сторонам.
- Да-да, я слышал... – задержанный скроил насмешливое выражение лица... – Поход на Варшаву, и «наши танки дойдут до Брюсселя».
- Ничего смешного. Партизанская война, как показывают последние десятилетия, – очень мощное средство борьбы. Надо лишь знать азы и нюансы современности... – Нагубнов наклонился над столом. – Понимаешь?
- В общем – да.
- Прекрасно. Ты сам-то как думаешь – не наступите на свои же грабли? У украинцев неплохие партизанские традиции?
- Если срастется и Кравец двинет войска, то он пойдет не народ покорять и не страну объединять. Он пойдет получить по векселю... И окры – заплатят. За все!

* * *

У палатки раскинутого меж поселком Великий Лог и мостом через Медвежью лагерь стоит Демин джип. Чуть дальше, на дороге, две БМП Стасовой охраны. Сам он, встряхивая мокрыми волосами, увлеченно обсасывает перья вяленой красноперки. Разговариваем не первый час; наливая под «Марусин поясок», добиваем третью двухлитровку светлого, но друг упорно не сдается...

– Вот ты, Кирьян, умеешь мозги полоскать. Дался тебе этот ублюдок?!

– Кто кому и куда давал, вопрос несущественный. Ты же, брат, дипломат у нас, политик, етать... Твоя профессия – договариваться. Вот и договорись со мной. Нормальная сделка: ты мне – Адамчика, я тебе – «знамя».

– Да, конечно... Нормальная! Одни разговоры... Ты даже не намекнул, что у тебя за проект.

– Не доверяешь профессионализму старого приятеля?

– При чем тут – доверяешь? Все поменялось за год. Кроме того, это вовсе не просто – достать Пшевлюцкого. Он, судя по всему, живет на два дома – курсирует меж Львовом и Краковом. И потом, представь, какой крик поднимется, если ты его грохнешь!

– Ты заплачь еще...

– Иди в жопу! Рано или поздно я тебе подарю эту суку – в ошейнике и на строгом поводке, только сейчас – не доебуйся!

– Я?! Да ни в коем случае! Просто сделку предлагал. Не хочешь – как знаешь, как лучше хотел...

– Вот ты упрямый, засранец! Больше поговорить не о чем? Прицепился! На кой тебе дался этот пиздострадалец? Что – самая актуальная тема на сегодня?!

– Ни в коем разе... Стас, не обижайся, но просто хочется подвести дебет-кредит большого куса жизни. – Я перевел взгляд на своих сидящих у бережка пацанов. – Посмотри, брат. Вон – восемь ребят. Все, что осталось от отряда. Еще столько же по госпиталям. Полсотни – в сердце лежат... Мне – просто?!

– Дружище! Я все понимаю... Кроме одного – зачем эта упертость?

– Извини, Стасище, это ты упираешься! Что тебе стоит – дать команду? Даже если сам не в силах, – то наверняка знаешь, кто может его достать. Отдай мне этот долг, и все – я навеки твоя.

– Я теперь понимаю, почему тебя ищут все спецслужбы мира...

Так и закончили, в общем-то – ничем. Окончательно не договорились. Стасово: «Я подумую...» – может означать все что угодно, от: «Лады, брат, уболтал!» – до традиционного: «Пошел в жопу, Кирьян»...

Через три дня приехал Демьяненко. Поел, искупался, попил пива и лишь часа через два отозвал меня в сторонку.

– Пойдем, потрындим в машине.

Сказал с выражением, понятно, что не про баб разговор намечается.

Лезть в раскаленную машину желания никакого.

– Гридницкий! Забирай мужиков и валите погуляйте. Смотайтесь, Саламу тормозок отбарабаньте. Никольского – проведите. И Антошу прихвати, хватит плескаться... – Когда мои отошли от палатки, развернулся к Деме: – Выкладывай, что у тебя?

Валера показал глазами: «Сейчас», сходил в «тойоту» и приволок оттуда большую желтую бандероль из толстой воценой бумаги.

– Кирилл, здесь – документы, деньги, билеты и, самое главное, инструкция. Ее прочти, запомни и верни. Прямо сейчас. Это не сложно...

Действительно. Два пароля, адреса и места встречи.

– Демыч! Уверен: из меня получится классный шпиён!

– Ничего смешного. Запоминай. Раз облажаешься – считай, закончили всю операцию. Второй попытки не будет. Лоханешься у поляков – можешь смело удавиться на носке. Никто спасать не станет. Это – понятно?

– Да-да... не грузи, не с дебилом общаешься.

– На всякий случай... Есть вещи, которые обязаны быть произнесены вслух. Следующее... Завтра за тобой приедет человек. Он будет сопровождать тебя через Россию и Белоруссию. Посадит на поезд до Кракова. На чем его миссия окончена. Если ты в указанное время не возвращаешься в Минск – мы о тебе забываем. Выкручивайся потом сам.

– Яволь...

– Если есть что из личного сохранить – давай сюда, прямо сейчас.

Я задумался... Действительно, а что у меня накоплено за год войны?

Несколько неотправленных Алене фотографий и чуток денег? Стальная десертная ложка во внутреннем кармашке разгрузки? Подаренный Ильясом трофейный пистолет, который всю войну провалялся по машинам? Автомат, броник, каска, очередные стоптанные ботинки? Кем-то презентованный тельник, который я ни разу не надевал и из принципа не надену? Что осталось у меня от этой войны, кроме шрамов и разорванного сердца?

Встал, полез в рюкзак...

– Держи, Дема... Это – Юрин подарок. Больше нечего хранить. Только я тебя попрошу – обязательно сбереги.

Валерка – понял... Внимательно посмотрел на склепанные из офицерского ремня и старой кобуры ножны, со знанием дела провел ладонью по дереву и латуни оковки рукояти и бережно положил нож за пазуху...

– Сохраню. Будь спок... Удачи тебе, Аркадьич. Отдай долг сердца. Оно того стоит.

* * *

На привокзальном табло Главного Краковского железнодорожного вокзала высветилось «пятнадцать пятьдесят пять». За окном кавярни¹⁵⁹ взад-вперед, тарахтя по плитке мостовой сумками на колесиках, торопятся люди. С самого детства ненавижу вокзалы. Всегда на них суетливо как-то. Нервно, сутолочно, бестолково... Видимо, от детских страхов отложилось: потеряться или быть украденным цыганами. Проклятый фрейдизм, всю жизнь испоганил.... Лишь вывеска на противоположной стенке угла основательностью контрастной надписи «pl. Kolejowy» внушает какое-то постоянство. Хотя... какое от нее может быть постоянство? Колея – это тоже дорога... До контакта еще пять минут. Сiju второй час. Хорошо, что есть зал «для паленных»¹⁶⁰ – а то бы не набегался на улицу.

Неудобно как-то сидеть с пустой чашкой. Требовательно поднимаю глаза... Местные половые хорошо знают и русский, и украинский, и еще, наверное, чертову уйму языков. В дороге ломал голову – думал, на каком говорить? Вдруг лоханусь и ляпну что-нибудь, вроде «остановки»¹⁶¹. Немой на оба полушария сопровождающий ответил на мой вопрос просто: «Не еби мозги. Говори по-русски. С минской пропиской это нормально».

Прав на все сто... Таможенник, лениво глянув в паспорт, шлепнул штамп, не задавая лишних вопросов. Сами поляки приветливы и улыбчивы. Все, с кем вступал в разговор, свободно изъясняются с ненавязчивым акцентом. Ни следа и ни намека на так разукрашенные в

¹⁵⁹ Kawiarnia (польск.) – кафе.

¹⁶⁰ Dla pal ą such (польск.) – для курящих.

¹⁶¹ Имеется в виду известный анекдот про «зупынку».

прессе исторические фобии и национальную ненависть. Как же теперь быть с демонизацией русских, а особенно их заплочных дел мастеров из Донбассярии? И что же вы, добросердечные паны, тогда у нас вытворяете? Или как обычно: народ и государство так до сих пор и не познакомились друг с дружкой: народ и партия опять – не едины?!

Подошел вежливый мальчик...

– Еще один чай, пожалуйста. И... – вспоминаю слово из вызубренного разговорника, на мгновение притормозив... – попельничку¹⁶², если можно.

Официант грациозным движением иллюзиониста выудил из-под передвижного столика чистую попельницу, ловко ими колдонул, накрыв полную – чистой и в одно движение, поменял их местами. Хорошая дрессура! Прямо как в довоенной ресторации... Хотя да – война-то у нас. Им что с того?

Без одной минуты четыре дверь раскрылась, и в невысокий зал заведения вошла проститутка. Спутать – сложно... Обтягивающие черные лосины, лаковые ботфорты до середины бедер, топик, с трудом закрывающий низ сисек, и легкая курточка в жанре «любимый трофей махараджи». На голове – нечто невообразимое.

Ни секунды не сомневаясь, дива уверенной походкой терминатора направилась прямо ко мне. Как ты не вовремя, деточка...

– Приветик! Закажи мне стопку водки, дорогой, кофе... – Не давая мне открыть рот, она, снимая куртку и основательно усаживаясь поудобнее, продолжала тарыхтеть: – И пачку красных «Голуаз»... Рассчитайся и – вали отсюда!

Я откровенно растерялся от такого напора.

– Чего смотришь? Тебя ждут... За этим углом, на стоянке. Белый бусик...

Положил на стол сто злотых, подцепил свой баул и молча, не прощаясь, вышел на улицу. Гуляй, красавочка, – на все...

Машин оказалось больше, чем можно было ожидать. Белых микроавтобусов стоит три штуки, если считать с «кенгуренком»¹⁶³. Женщина, кто ее знает? Поскольку у «транзита»¹⁶⁴ еще и голубая полоса, то его – не считаю. Распечатав вторую за день желтую пачку, двинул к всенародной вагине¹⁶⁵.

Угадал... Не дожидаясь стука в окно, дверь салона отъехала влево, и в тонированном нутре показалась наша – на всю голову – рожа. Какие тут пароли, тут кирпич нужен...

– Куда подвезти, земля?

– В Тамбов. На экскурсию.

– Заходи...

Внутри буса сидели трое – один в салоне, напротив меня, второй – подле водителя. Сразу, без промедления, тронулись.

– Здравствуйте, Кирилл Аркадьевич. Как доехали?

– Давайте без ритуалов...

– Давайте... Я – Степан. Старший группы. Впереди – Тихон. За рулем – Прохор.

– Вы прямо как из сказки... Три молодца из ларца... – перебил я.

Встречающий спокойно, не подав виду, проглотил и продолжил:

– Я... – он ткнул в себя большим пальцем правой руки... – команду акцией. Все, включая вас, беспрекословно мне подчиняются. Один самовольный вздох, и я везу вас назад к вокзалу. Все вопросы решаем сейчас, потом – без разговоров.

¹⁶² Popielniczka (польск.) – попельница.

¹⁶³ «Кенгуренок» – Renault Kangoo.

¹⁶⁴ Автомобиль Ford-Transit.

¹⁶⁵ Автомобиль Volkswagen.

Несмотря на люмпенское обличье, в мужике чувствовалась жесткая профессиональная хватка. Его подручные, даже не шелохнув головами, беззвучно плыли меж мелькающей рекламы впереди.

– Хорошо. Понял. Вопрос первый – когда? Вопрос второй – как? Вопрос третий – моя роль? Больше вопросов не имею.

– Очень хорошо! Первое – сегодня вечером. Второе – увидите. Третье – зритель.

Всем своим видом парень демонстрировал, что пререканий и споров не будет. Ну да ладно. Хоть так...

– Принято, командир. Можно на «ты».

Степан, удовлетворенно кивнув, развернулся к водителю:

– Прохор! На Фалата.

В последние годы жизни я научился ждать. Видимо, с возрастом приходит. Раньше мог пройтись пяток остановок, лишь бы не дожидаться своего троллейбуса. Сейчас как-то все во мне устаканилось. Мое окружение тоже, подобно кызылкумским карагачам, только ветками шелестит.

В машине накурено до дымовой завесы. Заклеенные темной пленкой окна плотно закрыты, и лишь люк в крыше доносит ветерок. Хорошо, что день пасмурный, а то бы спеклись.

Степан периодически перекидывается парой слов по мобиле. Собеседников, судя по темам, несколько, но разговоры явно связаны с сегодняшним движняком. Насколько я понял, пасут моего Адамчика.

К десяти вечера старший оживился:

– Везучий ты, Деркулов. Клиент решил сделать тебе дорогой подарок: к празднику Войска Польского – смыть своей голубой кровью твой позор...

Через пять минут, мигнув два раза в стекло задней двери, мимо нас проехала легковушка. Прохор, не дожидаясь команды, выкрутил руль и, переехав на соседнюю улицу, встал на стоянке напротив кафетерия. Вышли втроем. Быстро завернули за угол и выскочили во двор высотной многоэтажки. Да что же, пановэ, у вас тут так светло ночью – а электроэнергию экономить?!

– Не суетись, Аркадьевич. И не горбься! Тебя никто не узнает. Даже твой приятель. Вон он, кстати...

Сердце бумкнуло и предательски замерло. Впереди, с противоположной стороны, из тормознувшего посреди двора такси вылезал подтянутый товарищ средних лет. Джинсы, куртка, футболка, кроссовки. На глазах поблескивают стекла очков. В руке большой пакет. Нормальный с виду мужчина. Лица издали не разглядеть, но я все равно его не узнаю. Их там два десятка было в Червонопоповке. Репортеров! Знать бы заранее...

Мы быстрее – с форой метров в тридцать – зашли в неохраняемый подъезд. Тихон знал код замка. Кто бы сомневался! Встали у лифта. Мои сопровождающие еще с улицы, как-то незаметно и естественно, затарахтели на польском. Причем быстро так. Мои познания, конечно, на уровне плитуса, но тем не менее, насколько я понял, у них шел разговор о каких-то производственных непонятках с профсоюзами и оплатой труда. Типа два работяги с металлургического комбината на работе не натрынделись.

Когда за Адамчиком хлопнула входная дверь, один из наших нажал кнопку вызова лифта. На площадку поднялся Пшевлонецкий. Да что у меня с сердцем! Еще, чего доброго, он услышит, как оно колотится...

Это Адам, сто процентов! С ударением на первой букве... Фотографий видел с десятков. И в новостях... Аккуратные, стильные очки в изящной, тонкой оправе. Немного крючковатый нос. Гладко выбритые щеки с двумя глубокими складками у губ. Ухоженные волосы непонятного цвета. Вроде даже подкрашенные. Он, если я не путаю, раньше седоват был, а сейчас –

светлый шатен. Дорогим парфюмом ощутимо потянуло. Одет стильно и в тон. На вид преуспевающий, чуток молодящийся, уверенный в себе мужик лет так пятидесяти.

Скосив глаз, глянул в пакет: вино и, кажется, фрукты. Точно, яблоки. Сквозь полупрозрачный полиэтилен пятнятся рыжими дырами уголок сырной головы. Сверху, заваренный в пленку, супермаркетовский виноград. Гурман, твою мать...

Ну когда приедет этот конченный лифт?!

Приехал. Остановился. Словно дверь в операционную, распахнулись створки. Степан прерывает болтовню и поворачивается к Пшевлотькому:

– Ктурэ пентро для пана?¹⁶⁶

Тот, помедлив неуловимое мгновение, спокойно отвечает:

– Усмэ¹⁶⁷.

Старший группы, поворачиваясь боком, уступает дорогу:

– Проше бардзо!¹⁶⁸

Клиент шагает в сияющую зеркалами могилу. Тихон, двинувшись следом, вытаскивает из кармана небольшой цилиндр и несильно, но быстро, обогнув клиента рукой, тыкает черной, похожей на фонарик трубочкой в область солнечного сплетения. Журналиста мгновенно отшвыривает на боковую стенку. Тут же вибрирующе хрустит электрошокер Степана. Пшевлотький, закатив глаза за съехавшими набок очками, тряпичной куклой складывается по частям в углу лифтовой кабины. Я тупо стою у двери.

Упавшее было тело моментально подхватывают и сажают на задницу. Тихон кошкой выскакивает на площадку и, засунув руку за обшлаг, замирает. Степан расправляет Адамчику одежду, лезет к себе за пазуху, достает до боли знакомую эфку, вытаскивает чеку и надевает ее на указательный палец правой руки журналиста. Саму гранату, не отпуская чеки, зажимает Пшевлотькому в сложенную «ковшиком» левую кисть и вместе с рукой засовывает в боковой карман джинсовой куртки. Оборачивается, смотрит на меня, выпрямляется и сипящим шепотом, словно последнюю горячую новость, сообщает:

– Он левша! – Затем несильно стучает сидящего на полу по руке и, услышав резкий, характерный щелчок, делает шаг назад из лифтовой кабины, успев на прощание нажать кнопку двенадцатого этажа.

– Быстро, но без спешки! – Подхватив неожиданно крепкой рукой за локоть, он тянет меня на улицу.

Два раза просить не пришлось. Включив внутренний счетчик, я двинулся вслед за Тихоном.

На пятой секунде, уже у выхода двора, я встал...

– Что за хрень?!

Степан, зарывав на ходу, не останавливаясь, вновь подцепил меня своей стальной клешней...

– Не знал, что ты такая нетерпличка!

Выходя за угол, слышали глухой и низкий удар. Сели в машину, поехали...

Через три часа, успев покрыть сто десять километров трассы, запали в уютном баре курорта Закопане. Прохор и Тихон молча гоняли в бильярд. Мы со Степаном потягивали в углу пиво. Вяленой рыбы здесь не было, зато всяких соленых даров моря в пакетиках за дурные деньги – завались. Но по-любому, лучше, чем в полицейском участке. Старший группы читает мне лекцию по прикладному терроризму...

¹⁶⁶ Które piętro dla pana? (польск.) – Какой вам этаж?

¹⁶⁷ Ósme (польск.) – Восьмой.

¹⁶⁸ Proszę bardzo (польск.) – Пожалуйста, прошу.

– Если знаючи, с умом, покопаться в стандартном запале, то он сработает через десять секунд – тридцать метров, а это уровень десятого этажа, учитывая, что лифт после последнего ремонта ползает со скоростью три метра в секунду ровно. Рубишь, Кирилл? Чувак зашел в лифт, подумал, поставил пакет на пол, сел, вытащил чеку – на шестом этаже! – зажмурился и, сложившись пополам, прижал гранату к пузу. На десятом Ф-1 порвала его на куски. Лифт не останавливался – электроника подтвердит: вошел на первом – подорвался на десятом... Нет. На одиннадцатом! Остановок и попутчиков – не было.

– Понятно, Степаныч... Не пережила, краса и гордость независимой либерастической журналистики, нанесенной подонками москалями тяжелой душевной травмы.

– Нечего ржать – послушай, что ящик говорит... – Он указал подбородком на монотонно бубнящий над стойкой телевизор. Там и вправду все время мелькали портреты и хроника с Пшевлоцким. Несколько раз рядом с его фамилией прозвучало уже выученное мною «samobcstwo»¹⁶⁹. Это вы пока предполагаете, обвинений в убийстве пока больше. Посмотрим, что вы после многочисленных экспертиз запоете... Кранты: всей свободной и прогрессивной прессе на две недели – мозговая косточка.

– Степан. Долго готовились?

– Да нет. Неделю на все про все. Он-то публичный пацан, на виду все время... и без охраны! – неожиданно улыбнувшись, добавил он.

Странно... Я не чувствовал никакой радости, столь предвкушаемого мстительного удовлетворения. На моих глазах быстро и грамотно, не забрызгав манжет, замочили паскуду, ради которой я откровенно шантажировал президента Республики и крови которой жаждал год, и... ничего! Даже какие-то кошки соболезнавания на душе шкребут. Такой вежливый, чистенький, правильный дядечка. Радостно летел куда-то, и тут на тебе – гранату в брюхо. Может, к жене, детям торопился...

– Это его дом?

– Да нет. Он на постоянке во Львове обитает. Здесь по отелям обычно. На Фалата он снимает квартиру своему мальчику. Вот, решил навеститься по заведенному...

– Сын?

– Ты че, Кирилл? – Он удивленно посмотрел мне в глаза и, видимо увидев в них полное непонимание, вдруг захохотал на весь зал погребка. – Какой сын, братишка?! Говорю тебе – «мальчик», понимаешь?! Такой розовый: губки бантиком – жопка пуговицей. Твой Пшевлоцкий – альт. Причем альт известный...

– Альт???

– Вот ты даешь, Кирилл! Как ты поехал на операцию, ничего не зная о клиенте?!

– Не гони на меня... Он что – пидор?!

– Что за выражения, братишка?! Прямо как в кабаке, чес-слово! Нет такого слова в современном политкорректном мире. Так только неандерталец типа тебя может ляпнуть. Те, кого ты по-гомофобски привык обзывать педерастами, теперь – «альты», от уважительного к соотечественникам понятия «граждане альтернативного сексуального выбора»... – Мой новый приятель откровенно развлекался. – Вы все там, у себя в Республике, такие дремучие?

– Знаешь, Степа, или как там тебя на самом деле... Весь мир, наверное, именно такой лишь потому, что с некоторых пор вдруг стало принято фашистов называть патриотами, а пидорасов – альтами.

¹⁶⁹ Samobcstwo (польск.) – самоубийство.

* * *

Выползая из осточертевшего вагона в славном Ростове-на-Дону, я тепло попрощался с моим провожатым.

- Подвезти до пограничного перехода?
- Да нет, брат, спасибо... Еще хочу своих повидать.
- Удачи вам, Деркулов.
- Вам спасибо, Игорь.

Подождал, пока он сядет в такси.

Ну вот... Пора и мне долги отдавать.

Отошел в тень, вытащил телефон и набрал номер. На втором гудке ответил незнакомый женский голос:

- Слушаю?
- Неуловимый акцент выдавал в ней иностранку. Он что – жену сюда приволок?
- Добрый день.
- Добрый...
- Я могу услышать Душана Бреговича?
- Да-а... Кто вы?
- Его старый приятель из Малороссии. Меня зовут Кирилл Аркадьевич. Он – знает.
- Буквально через несколько секунд в трубе раздался знакомый прокуренный баритон.
- Это ты, Дракулич?
- Да, брат, привет!
- Привет! Откуда ты?
- Линия чистая?
- Душан на миг подвис...
- Не знаю...
- В двух шагах от твоего офиса. Надо встретиться. Только – никого не зови и никому ничего не сообщай. Особенно в редакцию. Понял?!
- Нет проблема! Где, скажи?
- Сам назначай! Лишь бы таксист нашел да никто нам не мешал.
- Помнишь, друг, где мы, ты последний раз когда был, говорили тут?
- Ух ты! Конспиратор, дери тебя за ногу!
- Да, конечно, Душан, годится. Время?
- Мне десять минут надо.
- Я успею раньше...

Он выглядел, как и прежде, – сухопарый, загорелый и откровенно заграничный мужик лет за тридцать с хвостиком. Белые парусиновые штаны, такая же вымятая белая джинса распахнутой рубашки. Беспонтовая майка и мокасины на босу ногу. У нас так только гламурные студенты ходят. Если бы не ломающий нос рваный шрам через всю морду – просто играющий зайчик с обложки.

Обнялись. Сели за угловой столик.

Под тенистым навесом пусто. Пульсирующую в мозжечке кислоту, по моей ненавязчивой просьбе, сменили на протяжный черный блюзняк. В высоких, покрытых стекающими струйками прозрачного бисера бокалах принесли ледяное пиво. Жизнь...

Душан запарился, видно впопыхах летел. На улице солнце в преддверии неминуемого осеннего поражения изливает последнюю ярость. В тенечке, под затянутым диким виноградом тентом терпимо. Сейчас еще охладимся литром-двумя внутрибрюшного – совсем хорошо станет...

- Ну как, Душан?
- Приятель поставил на стол уполовиненный «для старта» бокал...
- Лучше, чем ебаться!
- Ха! Запомнил...
- Как твои дела, Кирилл?
- Нормально, брат... Ты – как? Жену, смотрю, привез...
- Про какую ты по счету говоришь? – открыто улыбнулся серб.
- Ладно, Душан. Давай про дело.
- Давай!
- Ты здесь иностранных журналистов много знаешь?
- Все.
- Можешь незаметно организовать сходняк в указанном мною времени и месте так, чтобы в этот же день информация пошла по мировым СМИ?
- Могу собрать. Волна пойдет по информационному поводу смотря. Если.
- Повод нормальный, Душан, не волнуйся... Добровольная сдача Деркулова.
- Специальный корреспондент белградской «Политики» аккуратно поставил стакан на пробковый пяточок подставки и, подняв полные смятения карие глаза, спросил:
- Что ты говоришь?

День вошел в пик. Появилось еще несколько посетителей. Блюз, по многочисленным просьбам и так изнывающих от зноя трудящихся, сменили на нейтральный джаз. Учитывая цвет купюры, которую получил от меня бармен, можно надеяться, что зажигательной попсы и лагерного шансона сегодня в программе уже не намечается.

- С Душаном сложнее...
- Тебя казнят, друг.
- И правильно сделают. Так и надо! Причем дважды... Сначала – расстрелять, потом – повесить...
- Не понимаю!
- Просто. Смотри... Нам, Восточной Малороссии, нужен мученик... Икона! Не просто очередной разорванный под бомбежками или насмерть забитый в лагере для перемещенных, а жертва международного произвола. Масштаб, понимаешь? – Серб неудовлетворенно скривил изуродованное лицо. – Давай начистоту, Душан. Деркулов сейчас – прославленный полевой командир. Живая легенда Республики. И... объявленный в международный розыск, всемирно известный военный преступник. Палач и мясник. Имидж, как тебе известно, это – все. С обеих сторон фронта у меня слава – еще поискать. Казнив меня, они создадут икону. Знамя борьбы. И заметь, не только в Конфедерации, а везде, где ковровым налетом проехали национальные интересы Пендосии. Про Югославию, например, рассказывать?

- Спецкор мрачно улыбнулся:
- У нас многие сидят в Гааге. Слободан умер в тюрьме. И что? Он не икона. Его сколько до сих пор проклинаят?
- Все клянут?
- Нет. Не все, конечно...
- Он ответил за свои ошибки! У кого их нет? По полной программе ответил... Я же хочу – ответить за свои. Это – вторая причина...
- Ты солдат. Ты приказы выполнял. Ты не командовал!
- Командовал... До ста бойцов было в подчинении. Отдавал приказы и сам убивал... Да какая разница, брат! Не о том речь... Заповедь – кто отменял? На тот свет я поволоку обиды на

свидомитов?¹⁷⁰ – Внимательно слушающий серб раздраженно развел руками. – Пойми, Душан, каждый творит в своей жизни что пожелает, но и обязанности ответить за содеянное никто не снимал. Я хочу ответить... Конечно, и рассказать фашикам все, что у меня поднакопилось... Но и уплатить за свершенное – тоже.

– Ты странный всегда был и есть. Тебя трудно понимать. Посмотри. Люди живут. Радуются. Жены, дети, друзья. Почему твоя жизнь – кровь и война? Пройдет, кончится, как у нас, надо жить будет. Ты сам нашел свою войну. Сам на нее приехал. Сам продолжаешь. Сам хочешь погибнуть. Ты себя убиваешь! Не фаши. Ты!

– Все сложнее, Душан. Мир изменился. Мы вынуждены это признать. Полностью сменились жизненные приоритеты. У людей теперь новая вера, новое Евангелие: «Возьми от жизни всё»!

– Нет, Деркулов! Они устали от великих идей, забирающих миллионы их жизней! Они не хотят умирать за чужие теории. За чужие идеи! Какое дерьмо – умирать за чужие интересы! – На нас стали оборачиваться...

– Не кричи, а то съёмочную группу привезти не успеешь.

Мой приятель раздраженно допил бокал и жестом показал вертлявой официанточке: «Повторить!»

– Мир, к сожалению, сложнее, дружище Душан. Сказав «а», ты неминуемо вынужден сказать «бэ», потом «вэ» и – далее по списку, пока алфавит не кончится. Невозможно после буквы «а» подставить, например, «дабл-ю» или «зет». Так и в жизни... Сказав самому себе: «Беру от жизни всё!» – человек словно заключает сделку с Сатаной. Теперь он весь погружается в тварный мир и, понятно, вынужден отринуть от себя мир горний. Можно, конечно, попытаться совместить полезное с приятным, но тогда все происходит по пословице про «рыбку съесть». Лишь три пути ведут к соприкосновению с духовным: истинная вера, познание и творчество. Избравший наслаждения мира автоматически вынужден отринуть от себя все базовые составляющие религии, науки и культуры. Какой может быть пост, принятие святых таинств и упокоение в воцерковленной жизни у сражающегося за канонизированное на глянцевого страниц благополучие?! Все, что мешает успеху, – тормоз! От них надо отказаться! Срочно!!! И... на помойку летят – достоинство, благородство, справедливость. Вспомни их пословицу: «Зачем бедному гордость»? Да ладно... Ты видел когда-нибудь кормящихся у суки щенков?

Мой журналист перекосив брови, на миг, задумался:

– Конечно...

– Какой там самый крепкий, сильный и здоровый?

– ...?

– Тот, кто, всех расталкивая, по головам лезет к мамкиной титьке! Какой же еще!!! Что ты тормозишь, ей-богу! Никто ничего нового не придумал. В жизни – именно так. Если хочешь добиться благополучия, то вынужден идти по головам. Во вселенской церкви «Взять от жизни всё» – сумасшедшая конкуренция, однако...

– Да... Принесу вам не мир, но меч. Так кажется...

– Так. Все это было и раньше. Помнишь, как ранее, в идейные годы, клеймили мещанство и обывательскую психологию? Посмотри на хохлов и нынешние результаты их исконной жадности и фундаментального похуизма! Да что народ... Замечал, почему многие бабы к середине жизни превращаются в мутноглазых тупорылых коров?

– Что?

– Да просто! Вот она – девочка, ласточка... оглянуться не успел, а рядом тупой жирный пингвин. Но недоумение – это только когда глаза, например, любовью зашорены и ты продол-

¹⁷⁰ Свидомиты (*жарг.*) – оскорбительное наименование «свідоміх», получившее распространение на территориях Конфедерации с началом вооруженного конфликта.

жаешь в этой твари любить всю ту же невинную девчушку твоей молодости. На самом деле перечисленное мною – один и тот же процесс. Женщина, как робот, запрограммирована природой на материнство, на сохранение очага. Все остальное – побоку! Как только у нее появляется этот объект сохранения – тут же включается программа. И вот – але! барабанная дробь! и... волшебная метаморфоза – в мусорную корзину летят навязанные всей мировой культурой ограничения и условности, и перед нами предстает лишь самка, готовая за место в маршрутке для своего великовозрастного оболтуса вцепиться любому в zenки; или только потому, что ее дома, лежа на диване, ждет некормленный, воняющий потом, безмозглый импотент, – прущая без очереди, напролом, дурная бабища.

– Не все про таких...

– Понятно! Вот послушай... Помню, года за три до войны был со мной случай. Вот тогда – скальпелем по глазам – увидел истину. Наяву, как рентгеном, заглянул в самую суть проблемы... Поехали мы с одним приятелем-юристом деньги получить в банке. Его отделение находилось в торговом комплексе «Дом одежды». Советская! Ты должен помнить эту улицу. Три шага до «Перника» и «России». Центровее только площадь Героев Великой Отечественной войны, через одну остановку. Выходим из маршрутки. Замечаю присевшую на корточки в углу остановки девочку лет около двадцати. Сидит, дубленку запахнула, болтает по мобилке. Ну, мало ли их, говоруний, – скользнул взглядом да пошел. Единственное, из-за чего приметил, слишком уж низкая посадка. Сидишь так – ноги затекают. Выходим минут через пять. Адвокат – уезжает. Я жду свой «132-й» маршрут «А». Поворачиваю башку. Сидит на том же месте, но уже не триндит по телефону, а в сумке вошкается. Метров пять до нее. Вдруг боковым замечаю, что она вытаскивает влажные салфетки – достает по одной штуке и лезет ими сбоку стенки короба остановки – под жопу. Дубленка все закрывает, ничего не видно, но понятно ведь! Думал – обоссалась девка. Какой!!! Встает, заправляется и молча уходит. На земле куча желтой полужидкой дрисни. Понимаешь, брат?! Она просто села посрать – в центре города! Придавило девочку неожиданно. Для отвода глаз – болтала по телефону. Подтерлась, встала и пошла как ни в чем не бывало. Вот и все... Да и правильно, как они говорят: «Что естественно, то не безобразно». Про потрахаться среди бела дня или – за щеку – прям на площадке дискотеки я уже и не говорю – в порядке вещей... Плоды продвинутой цивилизации, так сказать. Брат – так все, везде и сразу! И одна икона – зеркало! Вот и все секреты, брат. Да и всегда так было...

– Больше стало, друг, сейчас.

– Да. Больше, Душан. Теперь на танковых гусеницах нам везут эту программу сразу для всех наших народов. Универсал-пикчерс-презентс-нах! «Бери от жизни всё» – это механизм порабощения нового века. Еще чуть-чуть, и штывки уже не понадобятся: как только в мобилники вмонтируют компьютер, телефон станет показывать кино и ТВ в реал-тайме да сравняется по цене с блоком сигарет – тогда обойдутся вообще без армий. К пиву, что даже и не пиво теперь, а какая-то сбивающая шары слабоалкоголка, уже всех приучили как к норме, даже детей. Проповедники всех мастей уже давно у нас стадами пасутся. Да и вообще... Нищая страна, в которой земными богами являются охмелевшие от вседозволенности чинуши и достигшие вершин потребительского рая мелкие лавочники, в то время как ведущие журналы областного масштаба прозябают в лучшем случае на триста баксов в месяц, – обречена по определению. Войны теперь ведут не полководцы – то хохлы поторопились, а те, кто на общественное мнение влияет. Недолго осталось ждать... Вэлком в эпоху модернизированного неокOLONиализма. Пендосы, на своем большом острове, по-прежнему рулят туземцами... И горе побежденным! Вот он – новый Рим...

– И ты решил теперь сдать? Вместо борьбы?!

– Нет, Душан! Нет!!! Я решил лишить их самой сути этой битвы. Главного приза – ради чего их кукловодами все и затеяно... Решил спасти свою бессмертную душу.

* * *

На безразмерной площади меж взлетно-посадочных полос международного аэропорта несколькими малыми группками стояли люди в военной форме. Среди них своей непохожестью, немонтируемостью в окружающую обстановку выделялся закованный в наручники средних лет мужчина в потрепанном солдатском бушлате. Короткий ежик припорошенных седой волос теребил влажный, ознобистый утренний ветерок. Он, не говоря ни слова, смотрел вдаль. Неподалеку выруливал сияющий полированным зеркалом брюха самолет.

Стоящий рядом офицер, с любопытством вглядываясь в арестованного, спросил:

– О чем вы сейчас думаете, Деркулов?

Мужчина перевел вернувшийся в действительность взгляд и спокойно ответил:

– О дверях милосердия, нам отверзаемых...

Второй, судя по погонам – старший по званию, спросил у напарника:

– Co on mówi?¹⁷¹

– Nie zrozumiałem. Bełkocze coś bez sensu¹⁷².

Ветер, заворачивая кольцами промозглую морось, теребил висящие неподалеку на флагштоке государственные флаги. На бетоне – бескрайние лужи. Ночью шел дождь.

Весна 2005 – лето 2007 г.

Город Луганск

¹⁷¹ Что он говорит? (польск.)

¹⁷² Я не понял. Городит что-то без смысла... (польск.)